

Проблемы истории России

**Новгородская Земля –
Урал – Западная Сибирь**

Часть 1

8

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.М. ГОРЬКОГО
КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ
ИП «ВУЗДИ»
ОХРАНИТЕЛЬНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1

Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии

Часть 1

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Екатеринбург
2009

*Сборник издается при финансовой поддержке
ООО ИИИ «Северная археология-1»*

**Ответственный редактор –
академик РАН В.Л.Янин**

Редакционная:

член корреспондент РАН А.В.Головнёв
доктор исторических наук Л.А.Редина
директор Б.Б.Свечинкина
(составитель и ответственная за выпуск)

Рецензенты:

член-корреспондент РАН Е.Н.Исаев
кандидат исторических наук Г.П.Вихарев

И 73 Поволжская Земля — Урал — Западная Сибирь: историко-культурное и духовное наследие. В 2-х частях. Ч. 1. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. — 296 с.

ISBN 978-5-7851-0718-2

Восьмой выпуск сборника научных трудов серии «Проблемы истории России» посвящен 30-летию ученого центра Уральского государственного университета им. А.М.Горького в составе Поволжской археологической экспедиции, которую возглавляет академик В.Л.Янин.

В сборник вошли статьи и материалы, характеризующие историческое пространство и культурное наследие Поволжской Земли и сопредельных с ней территорий. Особое внимание уделено весьма активному миграционному движению на северо-восток, в районы Урала и Западной Сибири, что привлекло за собой внедрение славяно-алтайской культуры в урало-сибирский культурный массив.

Изданию посвящено два научных работника, преподавателя вузов и студентов-гуманитариев.

ББК 63.3 (2)

© Индивидуальные авторы, 2009

© Банк культурной информации,
оформление, серия, 2009

Предисловие

Тридцать лет назад, в 1979 г. в составе Новгородской археологической экспедиции института МГУ, возглавляемой выдающимся российским историком и археологом В. Л. Яниным, появилась первая группа студентов-историков Уральского государственного университета. С тех пор и до сегодняшнего дня уралиты – неизменные участники этого крупнейшего и неисчерпаемого по своему научно-познавательному потенциалу проекта. Впрочем, модное нынче слово «проект» едва ли отражает суть феномена Новгородской экспедиции. Событие мирового культурного значения, комплексное исследование, длящееся без перерыва вот уже более 75 лет, Новгородская экспедиция – это не только первоклассные находки, блестящие «открытия», циклы фундаментальных трудов в области истории материального и духовного мира русского средневековья, древнерусского языка и международных контактов на огромных пространствах от Северо-Восточной Европы до Урала, Сиббири и евразийских степей, это еще и уникальная профессиональная и человеческая среда, бесценная школа общения поколений, связанных единым интересом и особой этикой отношений.

Для исторического факультета УрГУ Новгород – понятие культурное. Все, происшедшее за эти 30 лет полевые сезоны на новгородских раскопах, рождает настоящее братство – независимо от того, как складывались в дальнейшем судьбы уральских «новгородцев». Знаменитый институтский корпоративный дух, то единство индивидуальностей, которое так удивляет и восхищает гостей факультета своей естественностью и искренностью, зарождалось мощными экспедиционными традициями, среди которых Новгородской принадлежит одно из ведущих мест.

Уральское студенчество встало плечом к Новгороду не только любовью и преданностью, но и эффективными трудами. Без сменный

руководитель Новгородской археологической экспедиции с 1962 г. академик РАН В. Л. Янин недавно признал Уральский отряд самым результативным по совокупности многолетних итогов работ. Свидетельством тому — находки равных лет. Это и золотые украшения, и фрагменты старинных музыкальных инструментов, сделанные Л. Голубевой, О. Яковлевой, Р. Галиевым, и берестяные грамоты, обнаруженные И. Рязановой, Е. Мартышевой, А. Цыпичем, И. Мефодиевой, М. Цупак, М. Дыркиной, П. Кавериной. Участию в экспедиции стало для многих стимулом к самостоятельным научным исследованиям соответствующей направленности. На базе новгородского материала выпускниками исторического факультета Уральского государственного университета были защищены 4 кандидатских, 4 магистерских диссертации, 20 дипломных работ, написаны десятки научных статей, монография.

Восьмой выпуск сборника серии «Проблемы истории России», издаваемой кафедрой истории России Уральского государственного университета, посвящен 30-летию сотрудничества истфака УрГУ с Новгородской археологической экспедицией, Новгородским объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником и новгородским Центром древних музыкальных инструментов. Как разнообразно значение Новгорода в судьбе нашей страны, так разнообразны материалы, представленные в этом сборнике. Книгу (и раздел «Новгород и финно-угорский мир») по праву открывают статьи, принадлежавшие перу В. Л. Янина и Б. Б. Овчинниковой — инициатору и многолетнему руководителю Уральского отряда Новгородской экспедиции (статья написана в соавторстве с Ф. В. Трофимовым). В этих и других статьях раздела (Н. В. Хвоцинской, Л. В. Покрещенной, Д. Габора, О. В. Кардана, Т. М. Пономаревой, К. Ю. Красильниковой, А. В. Головиной) исследуются разнообразные аспекты взаимодействия Новгорода и новгородцев с финно-угорскими (и финно-угорскими) народами севера Евразии, отражение этих контактов в летописной и позднейшей историографической традициях, в памятниках материальной культуры, влиянии синтеза нордической и степной магистральных культур на формирование русского исторического процесса.

Богатые по содержанию и в совокупности многоплановые, дающие комплексное представление о материальной и духовной культуре средневековых новгородцев исследования С. В. Трояновского, Г. Е. Дубровила, О. С. Ковалевой, В. И. Поветкина, Е. А. Галина, Т. С. Матехиний, В. А. Маракулина, В. К. Синжа, В. И. Яршик объ-

двинены в разделе «Новгород в археологическом наследии». Памятники письменности и фольклора, рожденные в Новгороде, связанные с Новгородом и отражающие новгородское влияние в литературном процессе и антропонимии России нового времени, стали объектом изысканий И.В. Пьянкова, В.П. Степаненко, Т.Ю. Фоминой, М.Ю. Мельчаковой, А.В. Сазановой, Н.Л. Пятковой, В.И. Байдина, А.Г. Мосина и составили содержание раздела «Новгород в письменности и фольклоре». Давние связи Новгорода с северо-восточными территориями Евразии, приоритет новгородцев в культурно-хозяйственном освоении Урала и Сибири дали повод к размышлениям относительно характера и устойчивости новгородских традиций на востоке нашей страны, побудили к рассмотрению особенностей исторического развития бывших новгородских владений в доколониальную эпоху, когда они, как и сам Новгород, прочно вошли в состав Российского государства. Этим проблемам посвящены статьи И.В. Побережниковой, А.Л. Зыкова, О.В. Карлаша, М.А. Усолькиной, Н.Е. Бобковской, С.Г. Пархимовича, И.В. Балашова, Е.П. Зарваздина, П.Г. Давылова, Д.А. Редина, М.Ю. Баранова в разделе «Новгородские традиции на Урале и в Западной Сибири». Раздел «Архивы и музеи, охраняющие культурное наследие», открывающийся исследованием Б.Б. Овчинниковой об основателях уральской археологии, представляет богато иллюстрированные фотодокументами из фондов архива ИИМК РАН статьи Г.В. Длужневской и Л.А. Лавицкой об археологическом изучении и музеефикации объектов историко-культурного наследия Урала и Сибири на рубеже XIX–XX вв. и размышления С.В. Горшкова о современных перспективах развития историко-культурного потенциала Ханты-Мансийского автономного округа. Завершает сборник обзор В.В. Суловьевой, проанализировавшей итоги научного познания новгородской тематики в Уральском государственном университете за последние 30 лет.

В заключении хочется сказать, что настоящее издание является данью (добровольной и легкой!) любви и признательности Новгороду: Великому Новгороду — древнему центру России, Великому Новгороду сегодняшнему — доброму и домашнему гостеприимному, Новгороду — светлому и непреходящему воспоминанию студенческой юности.

Д. А. Редина

*В.Л. Янина,
г. Москва*

«ОТ ЖИЛЫ К ЧУДИНУ...»*

Троицкий раскоп получил своё имя от стоящей поблизости от него древней церкви Троицы на Рядятинке улице (соседней с Черницовой). Впервые эта церковь упоминается в летописи под 1165 годом, когда «поставиша церковь святая Троица Шетиничи». Последнее слово в разных списках летописи написано по-разному: «Шетиничи», «Шетеничь», и означает общество, то есть имя клана, построившего храм. В пожаре 1194 г. деревянная Троицкая церковь сгорела и неизвестно, когда была возобновлена. В 1224 году «бысть гром страшн майя в 20, на святого Фаллея: сгоре церкы святая Троица, а 2 человека мертва быста». В 1365 году Троицкую церковь построили каменной, с тех пор она неоднократно перестраивалась, но основу XIV века сохранила. В летописном сообщении 1365 г. имеется одна очень важная деталь: каменная церковь Троицы была «юторцами», то есть новгородцами, имеющими постоянные целенаправленные связи с вострой — народом, живущим на крайнем севере новгородских владений вплоть до северного Зуралья и Вайтача. Потомками югры являются современные ханты и манси. В некоторых летописных списках говорится, что Троицкая на Рядятинке церковь была построена «юторциною», когда в 1365 году «новгородци поидоша на Югры», то есть на доходы от югорской дани, что не меняет существа дела.

Очевидно, что построившие церковь «юторцы» были ее прихожанами, и работы на Троицком раскопе содержали надежный для

* Статья печатается по книге академика В.Л. Янина «Я послал тебе бересту». Издание 3-е, исправленное и дополненное новыми находками — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. Глава 30. «От Жилы к Чудину», с. 319-327.

нас шанс встретиться с ними. Так и оказалось. В 1984 году на усадьбе «Г» в западных стенах второй половины XIV века была найдена грамота № 622 — лист бересты, написанный с двух сторон, к сожалению, немного фрагментированный

«Приказо от Матфея ко Марку і ко Савне про непряное серебро... ге донаболоск. Да я ся дивлю, чему мне вестик от васо весту. Тако... моімо животомо зоблетеса... не хотите прислати. Діхо ли вамо добро ли, і о моімо животе, о Яколи вамо наболитися моімо приказомо болшимо. Цюжимо ли відболитися, оже вы тако дєете. Бюга ся бюте... блюдите Ни и Семёнове товаре... плетете».

Прочтём это послание в переводе А. А. Залкиняка.

«Наказ от Матфея Марку и Савне. О деньгах за шерпу (то есть за тюленью кожу)... дополнительно позаботься. Да я дивлюсь (то есть недоколен), (почему) мне вести от вас нет. Так-то вы о моём имуществе печетесь?... не хотите прислать. Плохо ли вам или хорошо, а о моём имуществе (и) о Яковлевом заботиться принадлежит вам — по моему большому наказу. Неужели чужим людям с нём заботиться, (раз) вы так поступаете? Бойтесь Бога, (слово) блюдите. И о Семёновом (товаре) вы тоже (вестей) не шлёте».

Матфей, Марк, Савна, Яков, Семён — явные складчики, компаньоны. Упомянутый в тексте «приказ большой» следует понимать как письменный документ о взаимных обязательствах этих компаньонов. Поскольку в центре упреков Матфея — деньги за тюленью кожу, очевидно также, что торговое складничество Матфея и его товарищей (ведь слово «товарищ» производно именно от такой ситуации, при которой группа лиц — «сотоварищей» связана заботами о совместных операциях с «товаром») ориентировалась на крайний север Новгородской земли, на побережье Ледовитого океана и его островов.

Но, может быть, этот документ случайно оказался на одной из усадеб Троицкого раскола? Мог ведь бросить его один из адресатов — Марк или Савна, — зайдя к знакомому, жившему на усадьбе «Г». В общем, так оно и было. Однако этот знакомый оказался ближайшим соседом Марка.

Еще в 1973 году на усадьбе «А» в конце первой половины — середины XIV века была обнаружена грамота № 501 — первая берестяная грамота Троицкого раскола, адресованная Марку:

«А токолопо от Некейфа ко Маруху Подборна поених по размери і мене еми, А яза тебе килонеким».

Очень трудный текст, в котором без напряжения читаются только начало и конец с их этикетными поклонами, но толкование совершенно содержащая спорно. Наиболее вероятно такой перевод средней части: «Возьмк подбор после размеривания; и мне тоже берми». Но слово «подбор» имеет не одно значение. Так называли и основание избы, и основу рыболовного кивода. Впрочем, для нас сейчас важно то, что это адресованное Марку письмо оказалось на соседней с грамотой № 622 усадьбе. Стратиграфические датировки (первая и вторая половины XIV века) не противоречат друг другу: если Марк жил около середины этого столетия, то немудрено двум полученным им грамотам оказаться по обе стороны такого рубежа. (Кстати, в 1995 году была найдена грамота № 754, адресованная тому самому Матфею, которому отослал Марку грамоту № 622.)

Самой важной в этой связи находкой оказалась грамота № 589, обнаруженная в напластовках середины 20-х — 50-х годов XIV века всё на той же усадьбе «А». На листе бересты мы прочли целое письмо, но его автор здесь же начал писать ещё одно — к другому адресату, который неаккуратно оторвал его, оставив на уцелевшем листе адресную формулу. Прочитаем сначала первое письмо:

«От Жилы к Чюдину. Дай Ондрею рубль. Не даш ли, что мне не доспее в рубле томъ нечи яти, то твоя».

Очень выразительный текст, отправленный к тому же по скандальному поводу: «От Жилы Чюдину. Дай Ондрею рубль. Если же не дашь, то сколько сраму ни заставит (Ондрей) меня принять из-за этого рубля — он твой (то есть весь этот срам будет твой)». Остатки Чюдина разбираемся с Ондреем и обратимся к уцелевшему началу второго письма:

«От Жилы к Саве. Дай... полтину...».

Слова Савлы, присутствия которого на усадьбе Троицкого раскопа, следовательно, отнюдь не случайны. В письмах грамоты № 589 мы не обнаружили ничего, связанного с северными делами, «выгородками» и тюркелями. Но попробуем установить положение и род занятий автора этих писем — Жилы. Этот человек был известен историкам и раньше из жалованной грамоты великого князя Ивана Даниловича Калиты, которой был и новгородским князем с 1327 по 1339 год. Вот полный текст этого документа:

«Се аз, князь великий Иван Данилович всея Руси, пожаловал осем сокольников печерских, хто ходит на Нечеру, Жилу с други. А се их имена: Жила, Оляша, Васялко, Степан, Каря, Федещь.

Острога, Бориско, Кулма, Дмитрок. Власни, Микитица Ивалов сын, Семеновъ. Кондрат, Чешко, Семеновъ, Григоръ, Степанецъ, Саянца. Не надобе им некоторая дань, ни во зарохте им не тягунти; и что у них третики и каймыты, хто стражет на готовых конех, а в куках, и тем не надобе некоторая дань, ни ко старжете им тягунти, ни бирчя их не инторгунят; не надоби им конь, ни индвода. Хто ли через мов грамоту что у них возмет, и аз, князь великий, кажини, занеже ми люди те надобны. А приказал семи их блюести Меркурью: а ты, Меркурен, по моей грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому».

Тот ли Семен («Семеновъ») и тот ли Савва («Савица») названы здесь в иберегтяной грамоте № 622, доказать невозможно, но связь Жилы с лядскими землями новгородского Северо-Востока очевидна, как очевидна эта связь у лиц, упомянутых в грамоте № 622.

Любопытно то обстоятельство, что ориентация усадеб Троицкого раскопа (или, по крайней мере, восточной части их) на связь с побережьем океана. Печерой и Северным Уралом прослеживается и в более раннее время — в конце XII века. Поход говорить об этом впервые дана найденная в 1977 году на устье «А» в слове второй половины XII — начала XIII века грамота № 548, утратившая левый край, то есть сколько-то начальных букв в каждой из ее четырех строк:

«(От) ... бѣга къ Моиславу и къ Миките. Цѣмоу, брате, ... (Бога не) бѣишися. А я нѣде, оужь у васъ есте тѣварь Олѣскы(нѣ)... А яо не едино бѣсть, Ярямиръ а инго моуже Я... А кравите имъ тѣваро, Бо а ся бѣиць» — «От ... бога Моиславу и Миките. Почему ты, брат, ... Бога не бѣишися? Я же знаю, что у васъ есте товар Олески (Олексис)... А я не одинъ бѣлъ, (когда выелъ это, бѣлъ еще) Ярямир и трое другихъ людей... Такъ оидѣте же (доставьте же) имъ товар, побойтесь Бога».

Летописцу известен новгородец Моислав именно того времени, к которому относится грамота № 548. В 1194 году во время трагического для новгородцев похода половецкой дружины Яря на Югру (то есть в уже упомянутую землю хантов и манси в низовьях Оби), когда восемьдесят ушедших участников кампании возвращались в Новгород, «убиша Сбышку Волосовича» Печенежца Завида и Моислава Пшюица сами путники, а дружини кунами ся откупивша: творяхуть бо я съвет дѣржаще на слово братью, а то Богъ пак судити».

Этому кровавому событию предшествовали такие обстоятельства. В 1193 году воевода Ядрей собрал рать в поход на югру. Рать взяла один «кожище» и пять недель осаждала югру и других. Осаждённые выслали к Ядрею парламентариев с «елытивными речамы»: «Копим серебро и соболей и иные узорочья, а вы не губите нас, своих смердов, и славя дани», тем временем собирая к себе новых защитников. Пригласив к себе воеводу, попа и иных «вячших мужей», югра их истекла, затем расправились таким же способом со следующими тридцатью новгородцами, потом еще с пятьюдесятью. Роковую роль сыграл изменник Савка, который указал югрежскому князю на необходимость убить Яковля Прокшивича: «аще, княже, не убиеши еще Яковля Прокшивица, а живого пустиши в Новыи град, то тому ти, княже, оцять пришесть вой семо, и землю твою пусту сътворит». Яковец был убит, но перед смертью сказал Савке: «Брате, судит ти Бог и святая Софья, аще еси подумал на кровь братьи своей; и станеша с нами пред Богом и отвешаша за кровь нашу». После этого остаток новгородцев шесть недель изнемогал от голода, а на обратном пути произвёл расправу над Сбышкой Волосовичем, Завидом Негочевичем и Моиславым Поповичем.

Относительно Завида Негочевича мне сказать больше нечего, а вот Сбышко Волосович для раскапываемого на Троицком раскопе комплекса усадеб, как будто, не посторонний человек. В 1982 году на мостовой Пробойной улице у усадьбы «А» в западных пределах 60-х — 70-х годов XII века были найдены обрывки грамоты № 604, сохранивший начало текста «От Петрока грамота ко Волослу. Изобид...». А еще в 1977 году на последней усадьбе «Г» в более позднем слое последней трети XII века обнаружена целая грамота № 550, написанная Петром и упоминающая Сбыслава: «+ Поклякянке от Петра к Аврамоу. Матеюки еси молиши, только мне смати скота, боде же за мене скота не поусты. А вьжники творятсе вьдавоше Сбыславоу четьри гривне, а послищны-хо коуно 15 гривко. А Ютиль съ мною боудеть. А дороганици ти шли вь городо» «Поклок от Петра Авраму. Матею ты скачал, (что именно) столько я должен собрать податей. Больше же ты мне денег не поручай. А вьжники (люди, живущие в «нежих», шатрак) утверждают, что они отдали Сбыславу четьри гривны; а поселищных денег (за аренду земли под поселение) 15 гривес. А Ютил (Юстиль?) со мною будет. Дороганичи же (жители деревни Дорогани) шли в город».

Теперь пора вспомнить несколько важных деталей. Во-первых, усадьба «А» во второй половине XII века принадлежала священнослужителям, а Моислав, письмо которому найдено именно на этой усадьбе, как это ясно из летописного рассказа, был «поповичем». Во-вторых, Гречка, как это следует из личностного расписка 1196 г., был Петровичем.

Слишком многое сошлось здесь в один тугой узел, чтобы обернуться простой случайностью!

Вернемся теперь к Моиславу. Именно о нём — адресате грамоты № 548 — упоминал в XIV веке новгородский архиепископ Василий Калика в своём знаменитом «Послании о земном рае»: «А то место святого рая находил Моислав новгородец и сын его Яков, и всех было их три зомы, и одна из них погибла, много блудив, а две их потом долго носило море ветром, и принесло их к высоким горам... А тех, брате, мужей и нынеча дети и внучата добры здоровы».

Можно, немного отступив от объективных сопоставлений, высказать в самой острожной форме несколько предположений. В 1194 году пожар Людина конца начался от «Самыкина двора на Ярышеве улице». Не тот ли это Савка, который, изменив новгородцам, отдал югорскому князю на вотую смерть Яковца Шрокшвича?

В 1984 году на усадьбе «Ж» в слоях второй половины XII века была найдена грамота № 627 — обрывок начала письма:

«... от Гюрега ко Якову. Оже еси забыле моего добродення, а прислати ти... хендаря [мера веса] соли, да же ти ти не люби, а...».

Спустя пять лет на усадьбе «О» из слоев первой половины XIII века извлечена целая грамота № 705, адресатом которой снова оказался Яков:

«+ Покланяние от Домажира ко Якову. Я по тебе слышоу цето ты моловише. Оце с тебе не годена, а попроведи ко мене сестроу. Азь быле лонн наделиле, а ныне быхо посолале. А ныне слышоу болсноу сестроу. Оце ю Богъ посмете, а пригоди соно ко мене со се знатебою. Оце побоуде сыно у мене, а я ся нмо потешоу и посолоу ю пляте во торидо. Паки ли не оуправнише тыю, а я тя передина святеи Богородице, ко нее же еси заходиле роте» — «Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. И в прошлом году её выдали (ты есё выдал ей часть имущества), а теперь я бы (эти имущество) послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если её

Бог приберет, то пришли сына ко мне с еѣ «зватьбой» (?), пусть он побудет у меня за сына и с ним утешусь, а потом отойди кти обрат-но в город. Если же ты не исполнишь этого, то я тебя предаю свя-той Богородице, верел которой ты приносила клятву».

Психологические характеристики адресатов и той, и другой грамоты сходны: человек, не помнящий добра, способный оскорб-лять неуместными и несвоевременными речами репутацию забл-евшей жены. Не один ли и тот же это Яков? И не Яков ли это Прокшинич? Тогда прошле трагедия 1194 г. предстанет перед нами в виде изначальной соседской ссоры на Ярышевой улице Людина конца.

В пользу такой версии, как будто, свидетельствует грамота № 664, найденная в 1985 году на усадьбе «З» в слое второй половины XII века:

«От Доброшъке къ Прокшше. Присъли ми тривъну, а Давыдъ ти ма не знавалъ, велеть зъяти у вежъникъ».

Как видим, это письмо адресовано Прокше, в котором возмож-но предполагать отца нашего эпонимичного Якова. Грамота № 664 входит в комплекс переписки Доброшки с другими лицами и этих лиц между собой. Этот комплекс включает семь берестяных гра-мот, которые по стратиграфическим показаниям датируются вто-рой половиной XII века, но по лингвистическим признакам тягот-туют скорее к середине этого столетия, что соответствует времени поколения отца Якова Прокшинича.

Добавлю к рассказанному, что Троицкий раскоп наглядно про-демонстрировал постоянство связей с далекими северными зем-лями не только текстами берестяных грамот. Впечатляющими на-ходками были здесь плоский камень с проваратанными изобра-жениями моржей, резная деревянная скульптура — голова чело-века с хлытами чертами представителя одной из северных народ-ностей, амулет, изображающий языческого божка. Отлитые в той же литейной форме амулеты неоднократно обнаруживались на крайнем севере, в том числе — в древнем языческом святилище на острове Вайгач.

*Б.Б. Олчипникова,
Ф.В. Трофимов
г. Екатеринбург*

«...ЧУДЬ, НАРОД, КОТОРЫЙ ОБИТАЛ ЗДЕСЬ ПРЕЖДЕ РУССКИХ»

В XVIII веке впервые была поставлена проблема о происхождении загадочного народа «чудь». Изучение сведений о нем началось с выяснения их этнической принадлежности. Отсутствие методологической базы, поработанных письменных источников, крупных коллекций археологического материала по исследуемой проблеме зачастую вынуждали первопроходцев делать чисто умозрительные заключения по этому вопросу. В конце XVIII в., исследователи XVIII в., такие как Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.В. Шлецер, М.В. Ломоносов, В.Н. Тасищев выдвигали различные, зачастую противоположные гипотезы происхождения и этнической принадлежности «чуди». Так, Г.Ф. Миллер в «Речи о происхождении народов Российского» сообщал, что «чудь» означает на русском языке «вообще первобытных жителей: ибо ежели вы на берегах Волги, Тибила, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрепление, могилу, древнее здание, спросите у жителей: кто соорудил их? То они вам ответят: Чуль, народ, который обитал здесь прежде русских».

По-разному решался этот вопрос в исторической науке и в XIX веке. Многозначность термина «чудь», с одной стороны упоминаемого в западноевропейских сочинениях и древнейших источниках русской истории, таких как первоначальная летопись, а с другой — сохранившегося в народных преданиях, позволяла в этот период множеством мнений. Одни утверждали, что «вытесненные финские обитатели русского севера суть прямые потомки древней «чули» (Н.М. Карамзин, М.А. Кастрен, С.М. Словцов и др.); другие скептически отвергали это положение, ссылаясь на его преждевременность при современном уровне сведений по антропологии

гих финнов выселенных и прежних (А. И. Шегрен) Третьяк, выделял в названиях «чудь» обобщенные всех финнов, «чуждых по происхождению и языку русским» (А. А. Шахматов и др.).

Прежде чем приступить к освещению вопроса, раскрывающего историческую судьбу нестепного народа под названием «чудь», хотелось бы определиться с соотношением этнонимов, встречающихся в источниках и определить их этимологию. В этом плане нас будет интересовать традиционное соотношение этнонимов «чудь» и «эсты», так как собственно «чудь», традиционно ассоциируется с именем г «эстами» (в узком понимании).

Этнонимы «чудь» и «эсты» употребляемые в средневековых письменных источниках начала II тыс. н.э. и в более позднее время, как доказано историческими исследованиями¹, относятся к предкам современных эстонцев — племенам восточно-прибалтийских финнов, обитавших на территории Восточной Прибалтики, на берегах Балтийского моря и Финского залива. Однако для более раннего времени такое тождество понятней совсем не было характерным. Слово «эст», «эстия», впрочем, как и «чудь» не самоназвание финно-угорских племен Восточной Прибалтики. Именно так называли последних их соседи, германцы и славяне² (латыши называют эстонцев *idulid*, по древней восточной земле Уганди; финны — *virolaiset*, по северной земле Вирумаа) Термин «эст» германского происхождения, в переводе означает «восточный». Этим понятием германцы обозначали негерманские племена (главным образом племена балтов³), заселявшие побережье Балтийского моря «к востоку от устья Вислы вплоть до Финского залива»⁴.

В I тыс. н.э. происходит постепенное сужение этого понятия, что было обусловлено рядом внешних факторов: в конце IV—V столетий в Европе, а, в частности, и в землях населенных славянскими племенами, произошли серьезные потрясения. С конца IV в. наблюдается серьезное изменение климатической ситуации в Центральной Европе, сильнее похолодание в V—VI веках, вызвавшее ряд сопутствующих природных катаклизмов, губительным образом отозвалось на хозяйственно-экономической отрасли славянских племен, базирующейся на лещенном земледелии⁵. Кроме того, на этот период выпадает опустошительное гуннское нашествие на территорию Юго-Восточной Европы. Все эти причины вызвали перемещение масс населения с обжитых мест на новые земли. Подобные сложные природно-географические, этнокультурные и миграционные процессы происходили в I тыс. н.э., слав-

ным образом «Незаконные переселения народов», приводили к изменению этнической карты Европы того времени, смещению племен различного этнического происхождения к культурных традиций. Для Восточной Прибалтики наиболее значительным был процесс отселения балтов славянами-переселенцами, которое в свою очередь привело к отселению прибалтийских финно-угров на более северные территории, примеры соответствующие границам современной Эстонии и части северо-западной «Новгородчины». Многоплеменная, «не менее пяти-семь веков»⁶ стабильная этнокультурная ситуация, характеризующаяся соседством балтских, финно-угорских и славянских племен⁷ была нарушена. Если раньше «балтийские народы у верховьев Днепра распространялись так далеко на восток, что образований ими клин лишь славян возможности войти в соседство с прибалтийско-финским племенем»⁸, то теперь становится очевидной активная инфильтрация славян в балтский этнокультурный массив⁹. В этих условиях происходит сразу несколько очень интересных явлений. С одной стороны — скандинавские племена начинают отождествлять с термином «эсты» именно племена восточноприбалтийских финнов, как своих ближайших соседей на востоке,¹⁰ с другой — остальные германские племена, по традиции, именуют «эстами» балтские племена (прусов, сембов и хуршей). Кроме того, в славянской среде возникает термин «чудь» как обозначение именно прибалтийских финно-угров. В дальнейшем с процессом накопления знаний название «эсты» все больше закреплялось за прибалтийскими финнами, в чем, несомненно, значительную роль сыграла скандинавская традиция, опираясь на географические сочинения. Все это достаточно наглядно иллюстрируется сообщениями письменных источников: Тацит, Кассиодор, Иордан, Эйхард, Вульфстан, Адам Бременский.

Чтобы понять, как менялось соотношение термина «эсты» и племенных группировок, которые под ним понимались, очень интересно сравнить свидетельства двух авторов — Иордана (VI в.) и Саксона Грамматика «Деяния датчан» (*Historia gentis danorum* — начало XIII в.) в своих сочинениях описывавших одни и те же события, а именно нападения Германариха во второй половине IV в. н.э. Германарих у Саксона выступает под именем Jarmericus и считается одним из правителей Дании в начале эпохи викингов. Нападение Германариха на датскую почву связано, видимо, с полюдством Саксоном ютов и готов¹¹. В обоих рассказах Германа-

рих подчинил в первую очередь германские племена (Иордан говорит о герулах, Саксон — о датчанах и шведах). Потом, по Иордану, Германирих заигрывает славян, а затем племя эстов, «которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана»¹². Саксон обо всем рассказывает подробно: Подчинил славян, Ярмерик «опустошил сембян, куршей и множество соседских племен». Славяне, воспользовавшись этим, встали, в связи с чем на обратной дороге Ярмерик расправился с ними еще раз. Интересно, что сам Саксон не мог связать эстов с сембанами и куршами, так как в его время под эстами понимались исключительно предки покрименных эстонцев. Следовательно, отождествление подчиненных Германирихом эстов с сембанами и куршами должно было быть довольно древней традицией.

Таким образом, понятие «эсты» на протяжении I тыс. н.э. постепенно сужается и конкретизируется, последовательно обозначая все меньшие племенные группы балтов и финно-угров, а в конце концов, только племена прибалтийских финнов — предков нынешних эстонцев. Если Тацит, Птолемей и Иордан называли «эстимами» различные племенные образования, включавшие как балтов, так и финно-угров, то известия Вульфстана описывают в основном пруссов, а Саксон Грамматик на место эстов ставил куршей и сембов. Заметим, скандинавские источники «эстами» называют летописную «чудь». Именное значение произошло, видимо в X в., что как представляется, связано с развитием скандинавской письменности, в которой под эстами славянин по-прежнему понимал только «чудь».

В отличие от понятия «эсты», этимология слова «чудь» не вполне ясна. Существует две точки зрения на проблему происхождения этого этнонима. Согласно одной из них, слово «чудь» берет начало в славянской языковой среде. Одним из первых такое мнение высказал В.И. Даль в своей словарной статье «Чудо»¹³. Этот этноним, зафиксированный в памятнике в латинизированной форме, подразумевает под собой племя или группу племен, которые произвели на славян-пришельцев вполне определенное впечатление, которое и зафиксировано в их названиях. Местные жители поносились славянам «чуждыми, пребичными, чуждыми»¹⁴. Однако, такая расчленовка этого термина не бесспорна. Ряд исследователей сомневается в славянском происхождении этого этнонима.¹⁵

Другие ученые выводят этимологию слова «чудь» из общегерманского *jud* через восточное *juda* (*народ*)¹⁶. В доказательство сло-

его утверждения они указывают на то, что, во первых, Иордан, мог ошибочно принять это слово за славянский этноним, и силу того, что «приведенные» этнические названия звучали несомненно чуждо для автора¹⁷, во-вторых, этноним «чудь» впоследствии упоминается только в древнерусских источниках и, в-третьих, нет достоверных данных о том, что этот этноним являлся самоназванием или признатом у соседних народов именем некогда существовавшего племени¹⁸.

До сих пор исследователи не могут прийти к определенному решению по этой проблеме. В частности, одни считают, что «все эти сближения и этимологии лишены доказательств»,¹⁹ другие, а таких ученых большинство, признают достоверность сведений Иордана об этнополитической ситуации в Северо-Восточной Европе в то время.

Таким образом, можно либо указать на появление этнонима «чудь» непосредственно со славянской миграцией, либо говорить о его принадлежности к германским языковым корням, но несомненным является тот факт, что этот термин с определенного времени (VI в. н.э.) бытовал в славянской языковой среде. Даже если этноним «чудь» не славянского происхождения, то вскоре в народном предании он начал отождествляться со словами ряда «чудной», «чужий», «судак» и т.д.²⁰, испытывая на себе их влияние²¹. Происходило это как в силу схожести звучания этих слов, так и адекватности смысла, который в них вкладывали праиндоевропейцы, в частности, как характеристика местного населения с их точки зрения. Такое явление, учитывая процессы, происходящие со славянами в то время, вполне закономерно: оно коренится в общем отношении древних народов к своим соседям, в близком ряде этнолингвистических стереотипов в их сознании²².

В дальнейшем, с расселением русских, данный этноним начинает существовать в двух «измерениях»: конкретно-историческом, в котором под ним подразумевается группа финно-угорских племен (в более узком значении — эстов); и легендарно-мифологическом, характерном для народного сознания. В последнем «чудь» обозначает некий загадочный исчезнувший народ, заделанный славянами, а также народами, с которыми славяне контактировали в процессе расселения, весьма своеобразными признаками:

— специфическими особенностями внешнего облика — мохнатостью, красной или черной кожей, белыми глазами, нестандартными размерами тела (карлики либо гиганты).

— странным поведением — самоубийством, самоотравление, саможжение²² и т.д. Согласно преданиям такое поведение было зафиксировано на огромной территории от Русского Севера до Алтая.

Очень ценными и плодотворными были поиски ученых, проведенные с позиций языкознания. Исследования в области сравнительного языкознания и общей истории парадигмы в исторической науке XIX века несколько гипотез о происхождении народов заселяющих Русский Север. Наиболее признанной была финская теория происхождения этих народов. Кроме того, определенной признания получила угорская (алтайская) теория происхождения финского племени, особенно хорошо разработанная в трудах известного финнолога М.А. Кастрена. В своей работе «Замечания о заполоцкой чуди»²⁴ автор отождествляя древних обитателей Русского Севера с биармами пришел к выводу об их корельских корнях²⁵. Занимаясь исследованием топонимического материала, другой авторитетный исследователь А.И. Шегрен пришел к ряду интересных выводов о происхождении некоторых чудских народов Русского Севера.²⁶

О чуди писал профессор Эйхвальд: «Чудские племена в России» и «О чудских колах»²⁷. Угорскую теорию происхождения ряда чудских народов развивал Д.Европеус. По его теории большинство древних населениям Русского Севера, а также средней Рюгии до Оки населяли угорские народы, к которым он причислял в частности летописную весь, мерю и мурому²⁸. Труды А.А. Шахматова была заложена фундаментальная основа изучения русского летописания, остающаяся таковой и в наши дни. Ученый тщательно проанализировал летописные сведения о чуди, внося ряд ценнейших замечаний о проблеме бытования этого этнонима на страницах русских летописей²⁹.

В XIX веке идет активное законспектирование и систематизация археологического материала. Исследование финно-угорского компонента в них получило отражение в работах Н.Е. Бранденбурга, В.Я. Толмачева, Теплоуховых³⁰, А.А. Спицына, Й.Р.Аспелина, А.Хакманна, А.М. Тальгрена, А.С. Уварова и др. Так исследования Н.Е. Бранденбурга стали новинкой в изучении археологических памятников именно Северо-Запада России. Его работы касались особенностей погребальной обрядности местного населения данного региона. Именно Н.Е. Бранденбургу принадлежит первая попытка разработки методики выявления этнических принадлеж-

шести раннесредневековых памятников этого региона. «Синтетический» метод исследователя заключался в выделении характерных признаков в серии погребальных памятников, широченной во времени и пространстве. Территориально-хронологические рамки данной серии должны были, при этом, соответствовать времени и месту расселения определяемого этника. Сведения же о последних предполагалось извлечь из письменных источников. Работа Н.Ф. Бранденбурга была, однако, практически не замечена исследователями и в историко-археологическом изучении региона наступил тридцатилетний период «слищанских интерпретаций», теоретико-методологическая ценность которых была чрезвычайно близка «синтетическому» методу.¹

Сборы А.А. Слищаня принесли к фиксации как достоверной фактологической базы археологических источников древнейшего периода истории Русь. Действительно, немалый вклад внес исследователь в проблему археологического изучения чудь. Но не следует забывать, что этому предшествовала кропотливая работа археологов на Урале, и основу «слищанского собрания» составили коллекции «чуждых образков»² (рис. 1) или «чуждых находок» (рис. 2) Теплоуховых, В.Я. Голмачева и др. Напомним, что в 80-е гг. XIX в. А.Е. Теплоухов начал научную обработку собранных им материалов, занимался изучением пришло и обитавших жителей в западных предгорьях Урала в бассейне р. Камы, пытаясь выяснить, к какой этнической группе принадлежит этот народ. В частности, он писал, что жителями высших узлов Пермской губернии — Соликамского, Оханского, отчасти Пермского и Кунсурского — «были, вероятно, финны, т.к. все притоки Камы носят финские названия. Финны и теперь живут в небольшой долине Яйвы в Соликамском уезде под названием пермяков. К северу и западу находятся другие родственные племена под названием зырян и вотьяков — в Вологодской и Вятской губерниях. Старинное исчезнувшее финское племя, которое прежде населяло вышеуказанные уезды, на Урале было известно под общим названием «Чудь».³ А.Е. Теплоухов отмечал, что племя не было вытеснено русскими при освоении края. Но его жилища, русские пришли сюда на уже поросшие лесом чудские городки (селища), которые тогда устраивала на высоких берегах реки, преимущественно на горных хребтах, между глубокими спускающимися долинами. В таких местах можно найти «горшечные черепки» и другие предметы. Одним из исследованных А.Е. Теплоуховым городков чудь является селище

близ с. Кудамкорское. Отсюда не раз приносили интересные вещи. Это и побудило его провести квалифицированные раскопки, в результате которых были найдены кости, орудия, а также различные медные, бронзовые, железные и каменные вещи. Находки свидетельствовали, что жители городища занимались скотоводством и земледелием. Стайкозарским раскопкам были подвержены Гавревское и Ильинское курганы. Имению их А.Е. Теплоухов исследовал наиболее полно. В работе, посвященной Гавревскому кургану, он идентифицирует такой вид памятника, как костяца, считая, что это остатки языческих жертвенных пиршеств. Для определения принадлежности кости были отправлены в Базель Рутимейеру, но заключение последнего, они являлись костями животных.

Систематически пополняя коллекцию отца, Ф.А. Теплоухов с 1892 г. начал обработку имеющихся материалов. Вскоре он смог выступить со своими предложениями относительно пермских древностей. В 1893 г. обращает на себя внимание это сообщением «Вещественные памятники каменного и бронзового века в западной части Пермской губернии», в котором Ф.А. Теплоухов выделяет в истории чуди три периода: костяца, каменный и бронзовый. В 1894 г. Ф.А. Теплоухов прочел публичную лекцию на археологической выставке в Перми, а также на заседаниях УОЛЕ в Екатеринбург по теме: «Пермь как чужд и ее культурная обстановка». К 1899 г. Ф.А. Теплоухов завершил большое исследование, оставшееся неопубликованным — «Период древнейших костяц». До настоящего времени это единственная работа, содержащая описание памятников типа «костяца» и всех найденных на них вещей. В ней Ф.А. Теплоухов разработал типологию для наиболее массовых категорий вещей: жертвенной керамики, каменных и железных наконечников стрел, бус и т.д. Кроме того, для каменных наконечников стрел Ф.А. Теплоухов дает статистическую таблицу — количественное распределение типов наконечников стрел по размерам. В этой работе Ф.А. Теплоухов определяет костяца как древнейшие жертвенные места прикамской чуди, расселяя их в западной половине Пермской губернии.

Основным и важным итогом работы Ф.А. Теплоухова и его отца Александра Ефимовича является коллекция «чуждских древностей», иногда называемая «коллекцией Теплоуховых». Экспонатами коллекции и печатными работами Ф.А. Теплоухова заинтересовалась Археологическая комиссия в Петербурге. Было решено ознакомиться с коллекцией Теплоуховых широким кругом

ученых России и для этого издать большой атлас «Древности пермской чуди по коллекции Теплоухвых». Ф. А. Теплоухов принадлежал большому работнику по подготовке атласа — отобрал характерные экспонаты, сделал несколько сотен рисунков. В 1902 г. атлас вышел в свет с предисловием А. А. Смирнова, получивший наименование «Древности камской чуди». ⁴ Именно эта работа А. А. Смирнова повлияла на многие построения последующих исследователей. Вообще, как известно, археологические материалы являются бесценным источником информации по истории и культуре финно-угорских народов и «чуди». Они наиболее полно характеризуют их материальную культуру, ее эволюцию, а также подверженность тем или иным культурным влияниям.

Судьбы чудских народов были различны: некоторые из них сохранили свое этническое своеобразие, сформировавшись позднее в соответствующие народности. Другие подверглись частичной ассимиляции, в результате которой сохранили свою самобытность лишь те группы финноязычного населения, которые оказались на окраине славянского расселения. Третьи, обитавшие на магистральных путях древнерусской колонизации, полностью исчезли с исторической арены средневековой истории, растворившись в среде формирующейся древнерусской народности.

Примечания

1. См. Коневский В.П. Чудь и славяне в контексте древнейшего периода русской истории. // Прикладное Новгород и Новгородской земли. 2001-2002 гг. в 2 ч. — Ч.1 — Великий Новгород, 2002, с. 3. Хвильцкая Н.Н. Славяне и финны на перепутье западе Древнерусского государства. Автореф. докт. дисс. наук. М., 2008.

2. Само это слово долгое время означало себя *paigauvas* (народ нашей земли), а имя *oszlaven* (жития) стало общепринятым в останком языке лишь с середины XIX в., в период формирования этноязычной нации, хотя употреблялось уже и в XVII-XVIII вв.

3. Пруссы, сембы, литовцы, латыши, куршцы. Ленин С.я. *Брада* Ф.А. Рисинская в области готто-славянских отношений. СПб. 1899, с. 249-251

4. См. Labrida G. *Zrodla, saga i legendy do najdawniejszych dziejow Polski* Warszawa 1960, S. 68

5. См. Савин В.В. Происхождение славян и местонахождение их пращуров // Очерки истории культуры славян. — М., 1996, с. 56-57; *Они и Славяне в раннем средневековье* — М., 1985, с. 209-216

6. Цит. по *Тяпкова В.П. Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд)* // Великий Новгород и истории Средневековой Европы. — М., 1999, прим. к с. 277-278

7. Финны, вероятно, обитали севернее-восточнее и южнее Балтийских нардов, а славяне — юго-восточнее и южнее Балтийцев. — см. *Каллер В.Н.* Балтийский элемент... С.277

8. Там же.

9. Это расселение вызвало целый ряд этнических конфликтов и привело к изменению племенных и этнических границ. — см. *Очерки истории Восточной Пруссии.* — Калининград, 2002.

10. Скандинавы обладали весьма специфическими представлениями об ориентации в пространстве. Об этом см. *Джаксон Т.Н.* Ориентационные приемы организации пространства в картине мира средневековой скандинавии // *Одиссей. Человек в истории.* 1994 год. — М., 1994. С.54-66; *Она же.* AUSTR I GÖRÖG... С.20-21

11. *Labuda G.* Zrodla, sagi i legedy... S. 124

12. *Саломея Свжа Далогия,* Память, 1931, т. 1, р. 232

13. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4 — СПб.: Дикант. 1996, С.612

14. Н.О.Клишевский пишет даже об ироничном отношении славян, почувствовавших себя грекокадитами, к «чужд», что и зафиксировано в издании. См. *Ключевский В.О.* Курс русской истории в 5 тт Т1 М., 1987 Лекция XVII

15. В частности Э.Ю. Полова утверждает, что «доказательства того, что слово чужд происходит от «чудо», «чуждо», «чужой» и т.д. — неубедительны». См. *Полова Э.Ю.* Этногимика Русского Севера. Дис...канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1999, С. 49

16. См. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. — М., 1973. С. 378; *Лейтнев А.Е.* Археология земли. Крестьянство Северо-Восточной Руси. // *Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья.* Выпуск 4. — РАН Институт Археологии, М., 1996. и др.

17. *Иордан Указ год.* С. 266. Примеч. Е.Ч. Скрижинской

18. См. *Алгва Р.А.* Об этнониме чужд (чухна, чухарь) // *Этнонимы.* М., 1970. С. 194-203. *Полов А.И.* Названия народов СССР. М., 1973, С. 68-72

19. *Потин А.И.* Названия народов СССР — Л., 1973, С. 71

20. *Потин А.И.* Этногимика Русского Севера С. 50

21. *Алгва Р.А.* Об этнониме чужд (чухна, чухарь) // *Этнонимы.* М., 1970, С. 198

22. В варварском обществе (в рассматриваемое время славяне находились на стадии общинно-родового строя) сфера общения между людьми была ограничена рамками своего племени и группы племен. Человек принадлежит к роду, семье, к общинно-родовому коллективу, обладающим определенными коллективными качествами. Человек — это только соплеменник. Люди из других племен, когда с ними приходилось встречаться, воспринимались как чуждая, враждебная сила, как разновидность чертей, демонов. Характерно, что этот стереотип длительное время сохраняется в народном сознании: веками жившие на соседних территориях финны, шведы и лопари полагали друг друга в том, что их соседи — злые колду

ны. Подходящая картина была и у славян, она была своеобразной реакцией племенного сознания на индигенатные окружения. Такое противопоставление одной этнической общности другой сбалансировало внутреннюю консолидацию ее членов, что в свою очередь было необходимо для выживания и сохранения этой общности. См. *Гуревич А.Я. Средневековый мир культуры безмилостивых большинства. // Избранные труды Т.2 – М.: СПб., 1999. С. 328, Ох же Древние германцы. // Избранные труды Т.1 – М., СПб., 1999. С. 40, Тихарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964, С.68, Петрухин В.И. Особенности славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX-XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1981г. – М.: Наука, 1983. С. 176 и др.*

23. См. Издания и легенды Урала – Свердловск, 1991; Микологические раскопки русского населения Восточной Сибири – Новокузнецк, 1987; Фоскитисова И.К. Локальные особенности преданий о чуди // Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы международной научной конференции Т.1 Филология. – Новокузнецк, 1995. и др.

24. Saxten M.A. Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Völker und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII Spb., 1802

25. *Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера.* – Екатеринбург, 2001. С.17

26. Sjogren Historisch – ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch – russischen Norden. St.-Peterzka, 1861.

27. *Эквельд в «Вестнике естественных наук» 1835 г. №№7-9 «Записки Императ. Русского Археологического Общества» т. IX, стр 269-270 по кн.: Дмитриев А. Пермская старина. Вып.1 Глава 6*

28. *Беронус Д. Кипрскому о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян //ЖМНП, 1868. Т.139*

29. *Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.* – СПб., 1906.

30. См. в настоящем сборнике ст. Обчинникова Б.Б. «Подлинники археологии Урала».

31. *Петрухин В.И. Классификация финн-Севенити Ингокхлия. // Средневековья Ладoga. Новые археологические исследования и открытия – Л., 1985*

32. *Теплоухов А.Е. О исторических жертвенных местах на Уральских горах. // Записки Уральского общества любителей естествознания 1880. Т.6 Вып.1. С.1-31*

33. Там же

34. *Обчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии: Теплоухов А.Е. // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург №6.1996. С.24.*

35. *Спицын А.А. Древности камской чуди. СПб. 1902.*

Н.В. Хвоцинская
г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА КОРЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЛЕТОПИСНОЙ ВОДИ

На северо-западной окраине Древней Руси русские летописи знают два финских племени — чудь и водь. Чудь упоминается уже в недатированной части «Повести временных лет», а водь, начиная с 1069 г. Рассказывая о событиях XIII в., летописец четко различает эти две этнические группы.

В новгородских и покровских летописях под чудью везде подразумеваются эсты. В настоящее время ясно, как и где сложилась средневековая материальная культура эстов. Начиная с середины I тыс. до н. э. прослеживается консолидация эстских племен на территории современной Эстонии, включая острова Сааремаа и Муху. В материальной культуре особенно ярко это проявилось в развитии своеобразных погребальных памятников — каменных мотильников (каменные курганы с ящиками, прямоугольные каменные гирляжи, камешные могильники без внутреннего строения), которые, видоизменяясь от середины I тыс. до н. э. к началу II тыс. н. э., сохранили преемственность единой культуры [1].

Вторым финским племенем, жившим восточнее эстов, была водь. Известный эстонский лингвист П.А. Ариста убедительно доказал, что водский язык является продолжением северо-эстонского диалекта эстонского языка [2]. Таким образом, северные эсты и водь были близкородственными народами, не имели языкового барьера и без труда принимали друг друга.

В отличие от территории эсов выявление древних памятников водь вызывало споры. Яркой «каменно-погребальной культуры» в окрестку н.р. Намы найти не удалось, хотя исследования

предполагали, что ранние волские древности, скорее всего, должны были быть похожи на ильменские. Именно эти подтолкнуло Н. К. Рериха интерпретировать в качестве таковых зафиксированные им в лесу в имении Извары непонятные каменные «выкладки». Такая их оценка стала переходить из работы в работу [3]. Принадлежный детальный анализ архивной документации раскопок Н. К. Рериха показал, что никакого отношения к археологии эти «каменные фигуры» не имеют. Они являются природными скоплениями камней без какой-либо структуры на слое лесной почвы. В них не было найдено ни костей, ни вещей [4].

Начиная с XIX в., исследователи, опираясь на сведения письменных источников и этнографические материалы, старались определить регион расселения восточных племен. Водь представлялась племенем, занимавшим огромную территорию от низовьев р. Луги на западе до р. Волхова на востоке. Так считали А. К. Лерберг и А. И. Шёттен [5], а Я. Старонский в водскую территорию включал даже районы южнее Ильмена [6]. Не трудно заметить, что за их суждениями стояли границы южной части Водской пятины Великого Новгорода, которые углом расходились от Новгорода к северу по р. Волхову, а к северо-западу по р. Луге вплоть до Финского залива. Само название «Водская пятина» дошло до исследователей, как свидетельство указание на район, заселенный восточными восточными племенами.

Отзвуками этих взглядов явились утверждения П. Н. Третьякова, неоднократно повторенные И. Я. Фрояновым, о расселении восточных племен по р. Луге. Согласно мнению последнего поход Ольги на Лугу был направлен на получение дани с иноязычного племени восточных племен [7].

В. В. Седов полагал, что «при расселении славян восточные или близкородственные им племена заселяли не только Ижорские земли, но и значительные пространства Северо-Запада, сконцентрированы в районе Чудского и Пекорского озер с юга, а на востоке, это вообразимые Ильменского и Волжского бассейнов, с лесью» [8]. Территорию Ижорского плато в зону расселения восточных племен включает и Е. А. Рябинин, замечая, что «ядро водской племенной территории, ретроспективно выделяемое по письменным материалам XV-XVI вв. (с пекторными киржакскими билин рудных истощений), охватывало в основном Ижорскую возвышенность».

Основным регионом расселения восточных племен большинство исследователей, считает Ижорское плато, начиная от ильменской интер-

претации ими многочисленных кургано-жальничных могильников XII-XIV вв. В последних одни видят памятники славянизированной воды [9], другие — памятники древнерусского населения с элементами водской культуры [10].

Однако на территории Ижорского плато нет никаких памятников, которые бы можно было связать с водским населением [тыс. л. н.]. На плато отсутствуют горючие эпохи раннего металла, сюда не проникло население культуры длинных курганов и сопок, нет сведений о случайных находках до рубежа XI-XII вв. — начала древнерусской колонизации. До этого времени постоянное население здесь просто отсутствовало. Позднее освоение плато связано с его физико-географическими особенностями. Оно возвышается на 150 м над уровнем моря, сложено из сидурийских известняков, покрытых валунными суглинками. Земли плодородные, но тяжелые для обработки и без высокого уровня агротехники их использовать невозможно. Ситуация усложнялась также отсутствием на плато воды. Поверхностные воды здесь быстро просачиваются вглубь, а поэтому на плато нет рек и ручьев. До сих пор воду добывают из артезианских скважин, а сохранившиеся старые колоды имеют глубину 15-22 м. Все это позволяет заключить, что до появления древнерусского населения, оставившего кургано-жальничные могильники, земли Ижорского плато пустовали [11]. Только на рубеже XI-XII вв. здесь появляется первое население, причем, по наблюдениям Ю.М. Лесмана к этому периоду могут быть отнесены только 9 могильников, что составляет не более 4 % от общего количества памятников [12].

Водское население издревле жило на компактной территории вдоль побережья Финского залива восточнее эства. Южная граница расселения воды проходила по краю Ижорской возвышенности. Это именно тот регион, где водь фиксируется по письменным и этнографическим источникам, а самое главное, что, по словам Ф. Туманского, сами вожани определяли этот район как землю своих предков [13].

Касаясь событий XIII в., связанных с борьбой Новгородского государства с Ливонским орденом, а также более поздней истории XV-XVI вв. в русские, и западноевропейские письменные источники достаточно определенно называют вожан среди жителей Шары, Ивангорода, Колорья и их окрестностей. По данным этнографов XIX в. водь (Vatjalaiset, Waddjalaiset) занимала достаточно компактную территорию от района Кумрык на востоке и далее

на запад в бассейны рек Сисы и Сумы и вплоть до низовьев р. Луя [14]. Кроме того, несомненно, водная населили проживало в Понаровье и на территории Северо-Восточной Эстонии. В средневековых источниках встречаются добавочные имена у крестьян из различных частей Эстонии, указывающие на их водную принадлежность [15].

Итак, можно очертить зону проживания воды от Понаровья, включая районы Северо-Восточной Эстонии (Алатагузе) до Колорья и его окрестностей. Центрами этнографического района, взятом водью были город-крепость Колорье и Котлы (старый приход Кистила). На середине XIX в. окрестностях Котлов и Колорья существовало 37 деревень, наделенных водью [16]. По данным этнографов в 70-ые гг. XX в. водские языком владели около двух десятков человек проживало в семи деревнях в окрестностях Кракяля и Котлов [17]. В настоящее время потомками воды себя считают жители трех деревень: Кракяля, Лужицы и Пески. Концентрация населения в этом небольшом районе не случайна. Как писал Ф. Туманский почти «в Котлах самые лучшие — плодороднейшие во всей губернии» [18]. Именно в пределах очерченного региона и были выявлены археологические памятники, которые можно связать с водью.

Важным открытием явилось обнаружение В.А. Рябиным на песчаных возвышенностях у деревень Великино и Валтовилы каменных могильников, первой половины I тыс. н. э. [19]. Данный тип памятников был выявлен случайно при раскопках широкой панцалью позднесредневековых грунтово-каменных кладбищ. Каменные кладки находились в их центре, а по характеру и структуре они были близки каменным могильникам Эстонии первой половины I тыс. н. э. В их основе лежат прямоугольные кладки, крайние камни крупнее, камни забутовки мельче (рис. 1). В Великино кальцинированные кости, как и в эстонских могильниках, рассыпаны между камней. Среди них найдена железная булава и коса-горбуша. В.А. Рябинин датирует Великино III-IV вв. н. э. Валтовилы, судя по характеру погребального инвентаря (значительный камень, втульчатый железный хлыт с ушком в верхней части, два железных и один бронзовый браслеты), датируются более ранним временем (I) в. н. э. Черепки штрихованной керамики из валтовилкино могильника позволили М.А. Юшковой реконструировать слабопрофилированный сосуд с ямочным орнаментом по членению, аналогичный эстонским.

Х. А. Минра указывал со ссылкой на П. П. Ефименко, что еще один каменный могильник находился в районе Нижнего Полужья [20]. В 2006 г. при случайных обстоятельствах в 15 км юго-западнее Колпоя у д. Удосылово на пахоте найдены пять арбалетовидных бронзовых фибул, головка полковообразной фибулы с пылечатой эмалью и четыре похожих на них булавки. Осмотр местности, предпринятый П. Е. Сорокиным, показал, что здесь на склоне возвышенности находятся остатки ещё одного каменного могильника [21]. Начиная со II в. н. э. арбалетовидные фибулы составляют значительную часть инвентаря в эстонских каменных могильниках с оградками [22], и они датируют могильник Удосылово первыми веками н. э. В 2008 г. М. А. Кушкова выявила каменный могильник в районе Кингисеппа у д. Кёретово. Теперь ясно, что при дальнейших целенаправленных поисках число памятников дорусского населения, несомненно, будет увеличиваться. Итак, по побережью Финского залива восточнее Нарвы в I тыс. н. э., судя по археологическим древностям жило близкое эстам прибалтийско-финское население — предки иди.

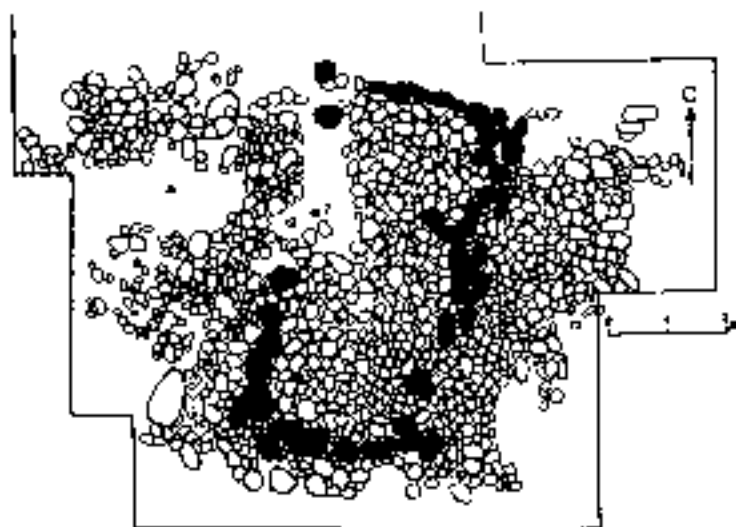

Рис. 1 Каменная ограда у д. Валговира
(по Е. А. Рябинову, изображение оградки Н. В. Хвощинской)

Здесь же Е.А. Рябиничам около шести деревень. Валговцы, Великино, Вердия, Россия, Понделово и Маття, были найдены в подлеске рядышевыми могильниками види, три из которых он исследовал (в Валговцах 100 погребений, в Великино — 46, в Вердия — 43). Это — захоронения по обряду ингумации, часто в неглубоких ямах, иногда выделенных на поверхности камнями, с длинной западной, реже восточной, ориентировкой погребенных. Судя по единообразному погребальному обряду и характеру погребального инвентаря, все три могильника были оставлены одной культурно-исторической группой населения [23].

Упомянутые могильники датируются от XII-XIII вв. до XVIII в. (большинство захоронений относится к XII-XIII — XVI вв.). В Валговцах и Великино наиболее древние погребения непосредственно примыкали к кладкам эпохи римского времени. В погребальном обряде прослеживаются архаические традиции каменных могильников (почти поверхностные погребения XII-XIII вв., ритуальная порча орудий труда). Специфичен железный этнографический убор. По сравнению с убором эстов в нем отсутствуют фибулы, ожерелья из бус, браслеты, крайне редко встречаются перстни. В более чем 70% инвентарных женских захоронений представлен набор нагрудных украшений, состоящий из одной или двух булавок и цепочки.

Большинство булавок сделано из железа путем ковки и поэтому формы их головок значительно проще (закончидные, пластинчатые, в виде закрученной спирали), чем головки булавок других прибалтийско-финских народов, которые изготавливались в чашеобразных формах. У воли булавки были популярны вплоть до XVI в., в то время как у остальных западнофинских племен они вышли из употребления в XIII в. К числу прибалтийско-финских элементов следует отнести широкое использование для оконтуривания деталей одежды небольших бронзовых спиралек и оловянных бляшек. Поскольку сами ткани не сохранились, то однозначно определить, что именно декорировалось бронзовыми и оловянными украшениями, не представляется возможным, и, скорее всего, это были передники, набедренники и юбки.

Но всецело важным, письменным и изобразительным источникам конца XVIII — XIX вв. нам хорошо известен этнографический подвидный железный костюм [24]. Он изменялся на протяжении столетий, а поэтому его сопоставление с более древним материальным известным по данным археологии, крайне сложно, но иногда

Рис. 2. Костюм женщины по Ф. А. Трифурту

возможно. В этой связи чрезвычайно важны особые детали и уборы, которые сохранились неизменно на протяжении длительного времени. К таким этноцифроческим элементам одежды восточных женщин относятся изрядные украшения из двух кусочков красной сукуна в форме сердца или прямоугольника. Одно, более широкое, — *малыца* (*malytsa*) — надевалось пониже, другое, более узкое, — *рыльцо* (*ryltsko*) — ближе к шее [25]. Эти украшения хорошо видны на гравюре нарвского мастера Ф. А. Трифурта 1785 г. (рис. 2) [26]. Только такие же изрядники были обнаружены Е. А. Рыбачиным в девяти женских погребениях XII–XV вв. Подобный элемент костюма имеет семантическое значение и не был известен ни у одного из прибалтийско-финских народов, кроме восточных.

Эти три шильоника дают нам представление об облике и особенностях культуры древней восточной Финляндии в ее наиболее «чистом» виде. Если учесть, что последние захоронения в них произведены в XVIII

и, являя, что эта группа населения смогла сохранить свою самостоятельность длительное время. Размещение вышле памятники вышле территориально лежат вне зоны распространения курганной культуры, носителем которой было древнерусское население. Прибрежные финские группировки жили в стороне и не подвергались прямой ассимиляции, хотя контакты с русскими, несомненно, были. Об этом свидетельствуют находки в погребениях штигловых перстней «петербургского типа», многобусинных височных колец и сережек в виде вопросительного знака. В отличие от эстонцев дожане, по крайней мере до XVI в., не были христианизированы и сохранили свои обычаи, обряды, а соответственно и одежду. Надо сказать, что вплоть до XIX в. подвергалась не столько русской ассимиляции, сколько акимизации со стороны других финских народов — прежде всего, приливших сюда с юго-запада групп ижоры и переселенных в вышлеский период — интерманландцев.

Вышле погребальные памятники локализируются в районе Котлов (старото прихода Кагтила) и Конорья — в месте этнографического проживания вышле. Подобные могильники не выявлены на более южных территориях. Во второй половине XI в. в Северо-Восточном Причудье, а на полстолетия позже, на Ижорском плато появляются курганы, которые в целом отражают процесс древнерусской колонизации. Несмотря на определенную финскую вуаль, основа погребального обряда и представленная в курганах материальная культура, имеют явно древнерусский характер. Отдельные финские элементы используются в этом уборе в соответствии с покроем древнерусской одежды в качестве декоративных элементов, и не играют той функциональной роли, которую они имели в костюме собственно прибалтийско-финской женщины.

Водь впервые вошла на страницы летописей под 1069 г., когда она вместе с полнским князем Всеволодом участвует в походе на Новгород [27]. Возможно, это не случайно. Дата похода поразительно совпадает с периодом появления первых курганов в Северо-Восточном Причудье. Очевидно, именно в это время древнерусская колонизация достигла коренных территорий расселения вышле, и новгородская администрация стала облагать ее различными даними и дарами. Эти выплаты естественным образом подтолкнуло вышлекое население на борьбу с Новгородом.

В настоящее время концепция заселения Северо-Запада вышле идет иначе, чем она представлялась в начале 1950-ых гг. В.В. Селюку, а затем поддерживалась Е.А. Рыбниковым. Попытку уличить

выявить крепкие земля, изредка заселенные индией узкой полосой тянувшиеся вдоль ложного берега Финского залива, где сохранились ее достоверные погребальные памятники, совершенно очевидны, что именно здесь под сформировалась как самостоятельная этнографическая общность и сохраняла свою культуру вплоть до XX в. Весь же массив курганов Седеро-Восточного Причудья и Ижорской плати появился в период древнерусской сельской колонизации второй половины XI — XII вв., а не как результат изменения обряда у местных финнов. Территория Водской пятинны Великого Новгорода, охватывающая пространства от Луги и Новгорода вплоть до Карелии на севере гораздо шире района коренного проживания собственно племени водь.

Примечания

1. Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu, 2007.
2. Aluste P. Vadja keele ja eesti muutetu suhetest // Sons korvale. Tallinn, 1965. Lk 107.
3. Селов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Нелжкоти Новгород (IX-XIV вв.) // С.А. Т. XVIII. 1953. С. 202-204; Селов В.В. Прибалтийские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 40; Третьяков П.Н. У истоков древнерусский народности. Л., 1970. С. 146-147; Лебедев Л.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л. 1977. С. 152-153.
4. Хошинская Н.В. К вопросу о древних захоронениях водь // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 43-48.
5. Лерберг А.Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 87-89; Spröger A. J. Ueber die finnische Bevölkerung der St. Petersburgischen Gouvernements und den Ursprung des Nomen Ljedenlands. St.-Petersburg, 1833.
6. Старовский Я. Племена Озерной области // Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова. Т. III. СПб., 1900. С. 103.
7. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 146-147; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социального экономического истории. СПб., 1974. С. 113; Фроянов И.Я. Млтежный Новгород. 1992. С. 128.
8. Селов В.В. Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 160.
9. Mörta H. Whilische Altertümer aus Estland // ESA. T. IV Helsinki, 1929. S. 272-283; Равдинкас В. И. Ижорский чотнальник в г. Краснотарлейке (б. Гатчина) // СГАИМК № 11-12. 1992. С. 28; Власкольская И. П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Кули-Восточной Прибалтики в свете данных сопременной науки // Финно-угры и славяне

не Л., 1979. С. 46-47; Литтл П.Х. О водн на территории Эстония // Известия АН Эстонской ССР. Т. 35. Общественные науки № 2. Таллин, 1986. С. 165; Литтл П.Х. Надземный эстонский элемент на территории Эстонии // Автореф дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 10-13.

10. Спичкин А.А. Курганы С. Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванова. МАН. Вып. 20. С.-Пб., 1896. С. 37, 40; Седов В.В. Этнический состав... С. 190-229; Седов В.В. Видь. С. 135-161; Рыбников Е.А. Финно-угорские племена... С. 53-60.

11. Комлятов В.А. О времени заселения Ижорского плато // Северная Русь и ее скелды в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 64-65.

12. Лесман Ю.М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее скелды в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 69.

13. Orík E. Vadjalastest ja ümbrustest XVII sajaldil lõpul. Tallinn, 1970. Lk 85.

14. Этнографический атлас Европейской России. Составил Петр Келлен. СПб. 1848. Два экземпляра рукописного паритета атласа хранятся в С. Петербурге. Один — в архиве Русского географического общества, второй — в Библиотеке Академии наук. Историческая справка, комментарии и цифровые данные к атласу были опубликованы позже (первое издание в 1851 г., второе — в 1853 г. на немецком языке — в 1867 г.). Келлен П.Н. Об этнографической карте Европейской России Петра Келлена, изданной Русским географическим обществом. СПб., 1851.

15. Мохта А. Указ. соч. С. 42; Литтл П.Х. О водн на территории Эстонии. С. 157.

16. Келлен П. Указ. соч. С. 143-146.

17. Шлыткин Н.В. О русских элементах в женской одежде водн // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 124, 125.

18. Orík E. Указ. соч. С. 85-86.

19. Рыбников Е.А. Об исследованиях средневековых могильников водн в Левангидской области // Известия АН Эстонской ССР. Вып. 36. Таллин, 1987. С. 408-411; Рыбников Е.А. К проблеме этноязыка водн // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финский народы. СПб., 1994. С. 23-29.

20. Mooga E. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Bd. II. Tartu, 1934. S. 16.

21. Сорокин П.Е., Шаров О.В. О находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской Земли. СПб. 2008. С. 171.

22. Сорокин П.Е., Шаров О.В. О находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской Земли. СПб. 2008. С. 171.

23. Рыбников Е.А. Финно-угорские племена... С. 32-61.

24. Орк Е. Указ. соч. С. 87, 103; Шлыгина Н.В. Архаические формы одежды юды и ихоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. 1986. С. 210-219.

25. Орк Е. Указ. соч. С. 91, 96, 101, 103; Шлыгина Н.В. Архаические формы одежды... С. 215.

26. Шлыгина Л.В. Указ. соч. С. 211. Рис. 80.

27. ИПЛ. С. 17.

Список сокращений

КСИА — Краткие сообщения Института археологии.

СА — Советская археология, М.

СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. М., Л.

Л. В. Похромская
г. Москва

ФИННО-УГОРСКИЙ КОМПОНЕНТ В НОВГОРОДСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (по археологическим данным) (1)

История славяно-финских взаимоотношений и включение финно-угорских элементов в состав Древнерусского государства — один из интереснейших и дискуссионных вопросов в отечественной историкографии, привлекавший внимание многих исследователей. В настоящее время большинство из них придерживается мнения о том, что сложение древнерусской культуры в зонах славяно-финского взаимодействия происходила на основе нескольких компонентов (2). Так, например, исследования северо-западных окраин Новгородской земли и, прежде всего, анализ инвентаря потребностей показал многокомпонентность культуры этого района в XI-XII вв., которая сохраняется и в последующее время. На этой территории выделяется три основных компонента: 1 - общедревнерусский, 2 - региональный и 3 - прибалтийско-финский (3). Те же тенденции прослеживаются и на северо-востоке Новгородской земли. Н. А. Махаров отмечает наличие в культуре восточного Прионья западно-финских, восточно-финских и славянских элементов (4). Севернее, на территории Заволочья, так же прослеживается смешение прибалтийско-финских и волжско-финских культурных традиций, а с XI — начала XII вв. отмечается славяно-русские влияния (5).

Расцвет финно-угорских культур, вошедших в состав Новгородской земли, относится к XII-XIV вв., т. е. к тому времени, когда эти племена все более прочно аннексировали под власть Новгорода.

Финские племена доплыли до него сохраняя политическую и территориальную автономию, местные обычаи, нравы и верования [6].

Огромное политическое, экономическое и культурное влияние Новгорода на все эти территории не исчерпывается ниже из исследований, а находки берестяных грамот подтверждают тесные и постоянные контакты Новгорода с подвластными ему землями. В культуре предков города, который был центром обширных земель с разнообразным населением, безусловно, должны найти отражение процессы славяно-финского взаимодействия. Однако проблема роли и значения финно-угорских элементов в новгородской культуре сохраняет свою дискуссионность.

В.Л. Яник и М.Х. Алешковский в статье «Происхождение Новгорода (к постановке проблемы)» [7] выдвинули гипотезу о происхождении Новгорода на основе трех различных поселков, а также о непосредственном участии словен новгородских, кривичей и финно-угров в процессе становления Новгорода. М.В. Сидина в монографии «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.)» [8], останавливается на некоторых проблемах, связанных с этническим составом населения города. Она приходит к выводу, что Новгород с момента возникновения был полностью кривичей, и уже с X века в состав населения города входили словене новгородские, кривичи и финно-угры Юго-Восточного Приладожья, что полностью соответствует летописным свидетельствам и подтверждает гипотезу В.Л. Яника и М.Х. Алешковского [9]. Д.И. Голубева и А.В. Варенов в статье, посвященной полым конькам-амулетам, привлекая новгородские материалы, отмечают, что наибольшее число коньков-амулетов найдено в Новгороде на Черевском конце, одном из вероятных поселков, на основе которых сложился Новгород. Картографирование коньков-амулетов в пределах Черевского раскола показало их распространение на тех участках, где сосредоточены другие элементы финно-угорской культуры, что, по мнению авторов статьи, является свидетельством финно-угорского происхождения Черевского конца [10]. Е.Н. Носов высказывал противоположную точку зрения, суть которой заключалась в том, что финно-угорское население не принимало участия в основании Новгорода и, таким образом, город изначально был моноэтничен [11].

В.Л. Яник и М.Х. Алешковский указывали на то, что выявленные этнические принадлежности украшений в городской среде практически непримемлемо в связи «с присущей городу и вызван-

ной движением моды нивелировкой» [12]. Этой же точки зрения придерживается Е. П. Пусов, подчеркивая интернационализм городской моды [13]. Тем не менее, наличие в Новгороде украшений финно-угорского происхождения, не отрицается никем из исследователей. Различие заключается только в подходе к их интерпретации. Как уже упоминалось выше, Е. Н. Нисен полностью отрицает этнические признаки у предметов, найденных в городе, однако, он считает, что новгородская средневековая культура «впитала элементы финской материальной культуры» и допускает возможность наличия в Новгороде небольшой группы финского населения [14]. В. А. Буров в статье «К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов» делает вывод о том, что по украшениям, найденным в Новгороде, нельзя определить этнический состав его населения, в связи с заимствованием многих типов украшений славянам у балтов и финно-угров. Поэтому основной чертой и новгородской городской культуры и древнерусской культуры Новгородской земли является ее «интернационализм» [15]. Иная точка зрения высказана в статье А. В. Варенова «Карельские древности в Новгороде (опыт топографирования)». В ней автор приходит к выводу о том, что карелы появились и проживали на трех курганах Новгорода и на Рюриковом городище. По мнению А. В. Варенова, топографирование карельских древностей показало, что вещевой материал может быть надежным источником по этнической истории Новгорода [16].

Существование диаметрально противоположных точек зрения на проблему присутствия и значения финно-угорского компонента в новгородской материальной культуре обусловлена двумя факторами. Во-первых, в Новгороде ни в домостроительстве, ни в керамике нет финно-угорских комплексов. Лингвистические исследования показали наличие в берестяных грамотах прибалтийско-финского языкового материала, в котором довольно многочисленную группу составили личные имена прибалтийско-финского происхождения. Однако прибалтийско-финский компонент не может считаться равноценным в новгородском диалекте, так как он составляет в основном лишь очень небольшой процент отдельных слов в берестяных грамотах [17].

Во-вторых, существенно различается оценка и интерпретация украшений финно-угорского облика, найденных в городском слое. Действительно, фрагментарность археологических источников не предполагает широких этноисторических ре-

конструкций. Однако, за долгие годы археологического исследования Новгорода, благодаря уникальной сохранности культурно-источных, приведенных работ в разных частях города, и так же крупномасштабным раскопкам на Неревском (Неревский раскоп) и Людином (Троицкий раскоп) концах, была собрана огромная коллекция археологических древностей, которая делает выборку украшений финно-угорского облика достаточно представительной.

Таким образом, единственным информативным источником в новгородском материале остаются ювелирные украшения, среди которых есть предметы финно-угорского происхождения, что, как уже было сказано выше, не отрицается никем из исследователей. Установление их происхождения и подбор аналогий позволили выделить в эту группу отдельные типы в следующих категориях украшений: височные кольца, фибулы, булавки, привески, браслеты, перстни и спиральки-проколки [18]. Всего было рассмотрено около 600 предметов из раскопок Неревского, Людина и Славянского концов средневекового Новгорода. Кроме того, коллекция финно-угорских украшений постоянно пополняется материалами еще не опубликованных археологических исследований последнего десятилетия. Следует так же отметить, что эта группа хронологически и топографически стабильна. То есть, предметы, связанные с кругом финно-угорских древностей, встречаются на протяжении всего археологически изученного хронологического периода (вторая половина X-XV в.) и известны на всех раскопках.

Наиболее распространенной группой украшений в раннем периоде новгородской истории (вторая половина X-XI вв.) были нагрудные украшения, прежде всего, лодкообразные фибулы (более 100 экз.) (рис. 1). Кроме того, к этому времени относятся находки прибалтийских булавок (с треугольной, крестовидными головками и с кольцом, продетым через шарообразную головку) (рис. 2:1, 2, 7). Фибулы и булавки широко использовались как балтскими, так и финно-угорскими народами. По своему происхождению эти нагрудные украшения можно связывать с кругом общеприбалтийских древностей, что вполне закономерно, так как некоторые типы украшений были заимствованы прибалтийско-финскими племенами у балтов [19]. В новгородских археологических материалах эти предметы встречаются как в самых ранних слоях, так и в самых поздних. Можно предположить, что заимствование в новгородский костюм булавок и лодкообразных фибул шло от прибалтийско-финских племен, а именно, от пле-

прибалтской традиции. Возможно, в X-XI вв. и фибулы, и булавы могли исполняться в Новгороде по прямому назначению — в качестве застежек верхней одежды. Однако, в дальнейшем, с появлением булавок новгородских типов (с головками сложных форм, стилизованными и трехлопастными толчками) (рис. 2.4-4), эти украшения становятся декоративным элементом. Подобное использование прибалтийско-финских застежек прослежено и в древнерусских могилах Северо-запада [20]. Видимо, в Новгороде, так же, как и на других древнерусских памятниках, в системе патрудных украшений нарушается принцип симметричности, свойственный финно-угорскому костюму. Таким же образом, как декоративный элемент, в Новгороде могли использоваться цепедержатели (11 экз.) (рис. 4), которые у прибалтийско-финских народов были конструктивным элементом костюма, являлись держателями цепей и крепились к фибулам или булавкам.

Развитие новгородского ремесла в XII в. и городских типов украшений приводит к сокращению финно-угорского компонента в новгородской культуре. Именно в это время предметы и технологии древнерусского ремесленного производства все более активно проникают в финно-угорские земли [21]. Примером применения древнерусских ремесленных приемов и складаний украшений финно-угорского происхождения в самом Новгороде могут служить булавки с головками сложных форм (рис. 2.5, 6), выполненные в технике ложной зерни и филиграны [22].

Расцвет финно-угорских культур, вошедших в состав Новгородской земли, относится к XII-XIV вв., т.е. к тому времени, когда эти племена все более прочно попадают под власть Новгорода [23]. В это время их местный узор получает законченное оформление. Так, в процессе расширения границ Северо-западной Руси в ее состав были включены прибалтийско-финские племена воль, корел и ижора, а области их расселения образовали особые "земли" в пределах новгородских владений [24]. Еще одно направление интересов Новгорода заключалось в освоении Заволочья [25]. До недавнего времени считалось, что освоение Заволочья погостами произошло стремительно, не ранее первой трети XII в. Это мнение основывалось на изучении Устава князя Святислава Ольговича о перкиной десятине 1137 г. Из него следует, что к моменту его выдачи система погостов была распространена на значительные территории в бассейнах Онеги, Северной Двины и Печеры. Однако новые новгородские находки (деревянные замки-щели

дры») свидетельствуют об освоении ряда дальних территорий уже в XI веке [26].

Развитие взаимоотношений Новгорода с этими племенами приводит к своеобразному славяно-финскому культурному синтезу и развитию своих форм украшений на этих территориях. Процесс взаимодействия Новгорода и этих племен находит отражение в новгородском археологическом материале и обуславливает количественный рост украшений финно-угорского происхождения в XIII-XIV вв. В основном это украшения широко распространенные у прибалтийско-финских племен. Среди них: подковообразные фибулы, разнообразные привески (Ф-образные, конусовидные, таласцевидные, «лапчатые» привески, привески-ножи и зооморфные). Количество застежек верхней одежды (фибулы и булавки) в это время значительно возрастает, в основном за счет распространения булавок новгородских типов (со стилизованными и трехлопастными головками). Можно предположить, что в это время булавки были более популярны в новгородском костюме, чем фибулы. Они не встречаются у финно-угорских племен, так как в их костюме продолжают использоваться традиционные формы булавок (с крестовидными головками), что позволяет предположить существенную разницу в костюме.

Наиболее многочисленную группу в этот период составляют зооморфные привески (69 экз.) (рис.3). Зооморфные привески широко распространены и на территории Древней Руси и у финно-угорских народов. Однако птицевидные привески, отражающие древнейшие космогонические представления финно-угорских народов [27], не получают широкого распространения в Новгороде. Культ коня известен и у финно-угров, и у балтов, и у славян. Синтез культурных традиций, вероятно, приводит к распространению в Новгороде коньковых привесок. Несомненно, что они изготавливались не только на экспорт, но широко использовались в новгородском костюме. Об этом свидетельствует тот факт, что амулеты этого типа распространены по всему Новгороду. Можно предположить, что существование этой группы украшений в Новгороде свидетельствует об устойчивости некоторых языческих воззрений в городской среде, которые при взаимодействии с языческим финно-угорским миром нашли свое отражение в использовании оберегов в виде коньковых амулетов. В данном случае происходит наложение славянской и финно-угорской мифологии, в связи с этим именно амулеты-коньки, а не птицы получили распростр-

ности в Новгороде. Традиция использования в новгородском костюме аниморфных украшений становится особенно популярной во второй половине XIII — первой половине XIV вв. и, скорее всего, возникает при культурном взаимодействии с финно-угорскими племенами Новгородской земли.

Таким образом, в Новгороде наряду с традиционными древнерусскими украшениями в городском костюме использовались украшения финно-угорского происхождения, что составило своеобразие новгородского городского убора и обусловило многокомпонентность новгородской культуры. Следует отметить, что в сложении новгородского убора присутствовала прибалтийский компонент, а на раннем этапе — общебалтский, что свидетельствует о взаимосвязи и взаимовлиянии разных культурных традиций. На этой основе проявляются некоторые специфические черты убора, присущие не только Новгороду и не распространяющиеся за его пределы. Например, использование в кудрях новгородских типов булавок. Однако уже в самых ранних изученных археологических слоях в Новгороде прилеживается та же культура, к процессу ее формирования выходит за рамки изучаемого отрезка времени. Таким образом, археологический материал X—XI вв. не может служить для подтверждения или опровержения гипотезы о возникновении Новгорода и этнических групп изначального населения.

Проявления многокомпонентности новгородской городской культуры в разные хронологические периоды зависят от разных факторов. В первом периоде (X—XI вв.) в новгородской культуре прослеживается общебалтский компонент, который во втором периоде (XII в.) в результате развития городских форм украшений практически исчезает. В третьем периоде (XIII—XIV вв.) многокомпонентность новгородской культуры проявляется в увеличении количества украшений финно-угорского происхождения и в развитии их форм (булажки, полые привески-копыки) [28].

Наибольшее разнообразие предметов финно-угорского облика прослеживается на бытовых усадьбах, владельцами которых были связаны с финно-уграми данническими взаимоотношениями, что в большинстве случаев подтверждается другими источниками, в том числе, берестяными грамотами. Так, например, найденные на усадьбе в Неревском раскопа берестяные грамоты свидетельствуют о том, что владелец усадьбы собирал дань в Заволжских землях. Грамота № 143 содержит одно слово: «Заволжское», по пред-

шпиженку Л.В. Черепнина это этикетка к документам о сборе заволоцкой дани. В берестяной грамоте № 52 упоминается река Кохшенга [29] и река Пуя, протекающая в той же местности — ее главный приток Ваги [30]. Новгородские погосты на Ваге и Сухоне известны с первой половины XII в. [31]. Вероятно, владельцами усадьбы с раннего периода новгородской истории собирали дань на северо-востоке Новгородской земли. Об этом свидетельствует находка в слоях XI в. деревянного замка-цилиндра с надписью «Емца гривны» [32]. Поэтому, можно предположить, что украшения финно-угорского происхождения, происходящие с этой усадьбы, могли попасть сюда из Заволоцких земель. Среди них: пластичатая привеска-уточка, которая известна в литературе как приладожская (тип I), но встречается и на северо-востоке Новгородской земли [33]; привеска-уточка с рельефным орнаментом V типа происходящая из северных областей Восточной Руси [34]; одним из районов распространения полых кольчужных амулетов с кольчатой привой (7 серия) является бассейн Северной Двины [35]. Возможно, с этими землями связаны и другие украшения финно-угорского происхождения, найденные на усадьбе В: узкопластинчатый перстень с орнаментом в виде косички, игольник с зрочным навершием, привеска-ножны и тралецневидная привеска. То есть, в данном случае решающую роль в определении происхождения украшения играет не основной район распространения предмета, а вероятные связи владельцев усадьбы.

Особый интерес представляет комплекс карельских украшений конца XII — начала XIII вв., происходящий с одной усадьбы Тришского раскопа [36], к которому относятся подковообразная фибула с орнаментом на дуге, карельская створчатообразная фибула, «Ф-образная» привеска и двуспиральный цепедержатель. Вероятно, эти предметы составляли единый убор, аналогия которому найдена в одном из карельских могильников [37]. Необычно большое количество украшений на усадьбе В, относящиеся к одному хронологическому периоду и наличие в этом комплексе карельского убора можно считать неординарным явлением для городских усадеб Новгорода. Возможно, и на других усадьбах удастся выявить комплекс украшений, но яркость и уникальность комплекса усадьбы В очевидна. Видимо, этот комплекс свидетельствует о каком-то одномоментном событии, которое указывает на деятельность владельца усадьбы в Карельских землях, и о его стремлении закрепить связи с каким-то из карельских родов (может быть, по-

средством женитьбы одного из своих сыновей к вассалов на представительнице этого рода). Ярд ли убор был пришеян только в качестве "сублимры", говоря ижего ни мне принадлежать корелко, шьявиншейя на этой усадьбе в начале XIII в. или в самом конце XII в.

Таким образом, анализ украшений финно-угорского происхождения, найденных в Новгороде, позволяет сделать вывод о том, что новгородская городская культура была изначально многокомпонентна, а ее сложение выходит за рамки изучаемого периода. Думаю, что в раннем периоде, в качестве компонента, можно выделить украшения четырех групп: славянские, общескандинавские, прибалтийско-финские и этнически неопределимые.

Развитие ремесла и сложение в XII в. городских типов украшений [38] приводит к «инвентаризации» многокомпонентности в городской культуре. Тем не менее, многокомпонентность новгородской культуры не утрачивается с течением времени. С XIII в. новгородская материальная культура приобретает новые черты, что обусловлено включением в состав городского убора некоторых типов украшений финно-угорского происхождения и связано с развитием взаимоотношений Новгорода с финно-угорскими племенами. Некоторые черты этого убора сближают его с убором северо-западных районов Новгородской земли. Здесь древнерусское население использовало финно-угорские элементы, но применяло их к собственному широким одежде и в качестве декоративного элемента [39]. Видимы в Новгороде, так же, как и на других древнерусских памятниках, в системе наружных украшений карушаются принцип симметричности, свойственный финно-угорскому костюму.

Появление на отдельных усадьбах ювелировки финно-угорских украшений, среди которых есть типичные, т.е. не характерные для Новгорода, на мой взгляд, является косвенным подтверждением того, что финно-угры могли жить на этих усадьбах.

Примечания

1. Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 06-01-40234а).
2. Хвощинская Н.В. Славяне и финны на Северо-западе Древнерусского государства. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 2006, с. 3.
3. Рябинин Е.А., Хвощинская Н.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на

- совершенном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 46.
4. Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М., 1990. С. 126-127.
5. Назаренко В.А., Овсянников С.В., Рябинин Е.А. Чудь заволочская // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 100.
6. Кирличников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 108.
7. Якин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1974. № 2. С. 39-61.
8. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.
9. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 180-181.
10. Толубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. 1978, № 2. С. 229.
11. Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 47-57.
12. Якин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1974. № 2. С. 42.
13. Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 53.
14. Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 54.
15. Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // СА. 1986, № 1. С. 34.
16. Наренин А.Б. Карельские древности в Новгороде (опыт типологизации) // Новгород и новгородская земля. Новгород, 1997. С. 102.
17. Хельмский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Якин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты из бересты (из раскопок 1977-1983 гг.). Киммерия и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951-1983 гг.) // М., 1986. С. 252-259.
18. Покровская Л.В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода. Систематизация, хронология, топография // Автореф. канд. дисс. М., 1998.
19. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 19.
20. Рябинин Е.А., Хошиженская Н.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 43.
21. Кирличников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 101-102; Рябинин Е.А., Хошиженская Н.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 41-47; Рябинин

- Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 114-130.
22. Покровская Л.В. Булавки с головками сложных форм // Новгород и Новгородская земля. Вып. 9 (Материалы научной конференции), Новгород, 1995. С.181-191.
23. Кириничиков А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-Финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI-XV вв. вып.11. М., 1990. С. 108.
24. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 114.
25. Янин В.Л., Колчин Г.А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 126.
26. Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. М., 2006. С. 66.
27. Рябинин Е.А. Археологический материал как источник для изучения финской религии // Финны в Европе VI-XV вв. М., 1990. С. 182-183, Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ Е1-60. Л., 1981. С. 55; Голубева Л.А., Нарцисс А.В. Шляхи коньки-амулета Древней Руси // С.А. 1978. № 2. С. 238.
28. Покровская Л.В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография // Автореф. канд. дисс. М., 1998.
29. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, с.14.
30. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977-1983 гг.). Комментарий и словосочинатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951-1983 гг.). М., 1986. С. 225.
31. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 94.
32. Янин В.Л. Археологический комментарий к «Русской правде» // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982. С. 138.
33. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ Е1-60. Л., 1981. С. 14-15.
34. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ Е1-60. Л., 1981. С. 18.
35. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ Е1-60. Л., 1981. С. 42.
36. Комплекс иллекригих украшений усадьбы В Троицком раскопе // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород, 2005. С. 120-132.
37. Кочужкина С.И. Археологические памятники корялы. Л., 1981. С. 90.
38. Селова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 182.
39. Рябинин Е.А., Хвоцинская Е.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. Часть II. М., 1990. С. 41-47.

*О.В.Курдова,
г. Нефтекамск,
Т.М.Нажомарева,
г. Екатеринбург*

СТОЯНКА КУДАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

Проблема связи северных (таежных и тундровых) районов Приуралья и Западной Сибири на археологическом материале сформулирована в литературе давно и для различных периодов, начиная с неолита и заканчивая средними веками [Жоскина Л.П., 1997; Морхов В.М., Чемякин Ю.П., 1991; Мурыгин А.М., 2004 и др.]. Относительно характера подобных связей, их направления и т.д. большое роль играет степень изученности территории и количества доступных источников. На сегодняшний день, хотя тундровые районы уже не являются пресловутым «белым пятном» по археологической карте, все же уровень их изученности очень низок, и, что важно, неравномерен для различных хронологических эпох. Если для средневекового времени имеется уже ряд выявленных, изученных раскопками и опубликованных комплексов, то находки периода раннего железного века остаются единичными. В этих условиях важны даже самые небольшие и фрагментарные свидетельства.

Летом 2006 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология-1» под руководством Г.Л. Визгалова в ходе обследования, предвидящегося в северо-западной части Приуралья (юго-востока района Ямало-Ненецкого автономного округа (Тюменская обл.) в зоне строительства магистрального газопровода «Бованенково – Ухта», был выявлен комплекс археологических памятников близ оз. Кымалы [Визгалов Г.Л., 2006]. Комплекс, включающий пять стоянок (Ку

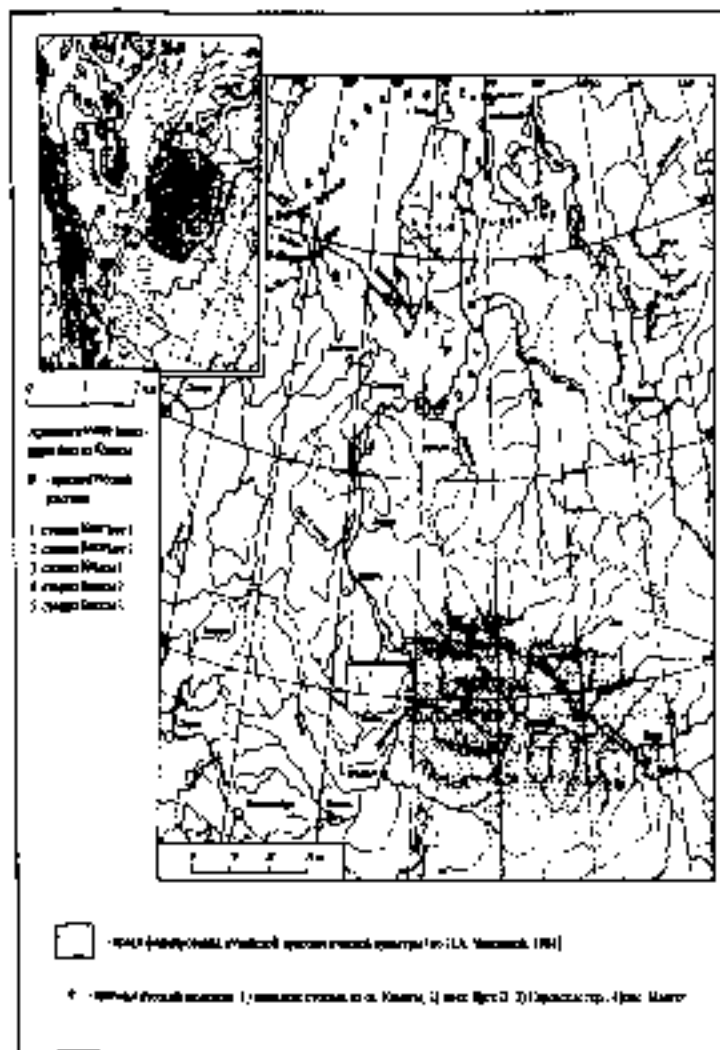
маты 1, 2, 3. Коматысь 1, 2). был исследован раскопками в течение двух летних сезонов — летом 2007 и 2008 с экспедицией под общим руководством О.В. Кардаша [Пархимович С.Ю., 2007; Кардаш О.В., 2007; Петрова Е.Н., 2007; Чибиряк В.Д., 2007; Кардаш О.В., 2008].

В итоге, в раскопках, общая площадь которых составила 1747 кв. м., было выкопано 34 ямы, вернее всего, маркирующих остатки наземных карельских построек типа ярагг или чумов. На основании полученных коллекций (с общим количеством предметов — 4871), а также данных радиоуглеродного анализа, стоянка Коматы 1 была отнесена к энеолитическому времени (кон. IV — нач. III тыс. до н.э.), а материалы стоянки Коматы 2, 3. Коматысь 1, 2, в основной массе предметов, получили широкую датировку: средние века (VI-VII — X-XI вв.) — новое, новейшее время (XVIII — XX вв.).

В коллекции, полученной при раскопках стоянки Коматысь 2, выше всемерно привлекли фрагменты одного из керамических сосудов, имеющего значительные отличия орнамента от всех остальных [Чибиряк В.Д., 2007, с. 30 - 31; рис. 92]. Охарактеризуем, в первую очередь, условия их нахождения и приедем описание.

В южной части раскопа в уч. Ш-О/72-75 был обнаружен очаг № 6, который фиксировался как линия бурого суглинка с углистыми прослойками и золистыми пятнами округлой формы (размеры 1,2 x 1,0 м, мощность слоя — 0,17 м). В очажном слое и около него были найдены скопления фрагментов керамических сосудов. В том числе, приблизительно в 1 м к СВ от очага находилось 9 фрагментов, относящихся к одному керамическому сосуду: 4 фрагмента венчика и 5 фрагментов стенок (сосуд № 10, уч. Ш/75). Фрагменты придонной части и дна отсутствуют (рис. 2-1).

Сосуд реконструируется как горшок, горловина открытая, переход от верхней части тулова к нижней представляет собой довольно четкий перегиб. Диаметр устья — 28 — 30 см. Венчик утолщен — 0,9 см, толщина стенок составляет 0,5 — 0,6 см. Орнамент расположен в верхней части сосуда и спускается ниже перегиба, т.е. занимает более половины внешней поверхности сосуда. Срез венчика утолщен наклонными штрихами гребенчатого штампа; под венчиком расположен поясок конических вдавлений. Узор представляет собой горизонтально расположенные полосы, прорисованные гребенчатым штампом, а также выделенные отливками вертикально поставленного гребенчатого штампа (из двух уголка и уголки).

Чис. 1 Карта. Расположение комплекса памятников близ озера Комати (Приуральский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ) Археологический памятник культуры курьевской археологической культуры (по: Чиндига Л.А. 1984)

Судя по форме и орнаменту, этот сосуд может быть датирован ранним железным веком. В. Н. Чернецов считал трехлепестковый штамп одним из основных индикаторов керамики пост-устьеволуевского времени – выделенного им архаического типа (II – III в. н.э.) [Чернецов В. Н., 1957, с. 160]. По классификации Л. А. Чиндиной сосуд можно отнести к 7 типу, время существования которого определяется саровским этапом кулайской культуры [Чиндина Л. А., 1984, с. 90 - 91].

Прямые аналогии обнаруженному при раскопках стоянки Коматысь 2 сосуду есть, например, на поселении Малгет, расположенном в Среднем Приобье [Чиндина Л. А., 1984, с. 249, рис. 43-3] (рис. 2-2). Следует обратить внимание на несомненное западно-сибирское происхождение орнаментальной традиции, в которой выполнен сосуд со стоянки Коматысь 2. На сегодняшний день это единственная находка подобного рода в Большеземельской тундре, относящаяся к раннему железному веку и типологически идентичная кулайским материалам, основной ареал распространения которых локализован в Среднем Приобье. Следует также заметить, что в комплексе у оз. Коматы другие фрагменты керамики, откопавшихся к раннему железному веку, нет.

В тундровой зоне Арктического Севера Западной Сибири (по крайней мере, судя по опубликованным данным) находка керамического сосуда, типологически подобного посуде кулайской археологической культуры, до настоящего времени была известна всего одна. Сделана она на местонахождении Ярте II, расположенном в нижнем течении р. Юрибой [Брусницына А. Г., Ощелков К. А., 2000, с. 85. С. 108, рис. 29-5]. Там были обнаружены три фрагмента от одного керамического сосуда (рис. 2-3). Сосуд слабо профилированный, венчик скошен внутрь и имеет «карнизик» с внутренней стороны сосуда, ниже края венчика нанесен похлок язычковых вдавлений. Орнамент верхней части сосуда состоит из сочетания горизонтальных рядов волнистых линий, сформированных гребенчатым штампом, и разделительными зонами, выполненными отжесками вертикально поставленного гребенчатого штампа. Этот штамп отдельно характеризуется диагональным расчленением зубьев. Судя по орнаментальной композиции, этот сосуд, также датированый саровским этапом кулайской культуры, имеет большую серию аналогий, в том числе в материалах саровского городища и поселенки Малгет [Чиндина Л. А., 1984, с. 250, рис. 44]. Следует заметить, что другие находки фрагментов керамических сосудов

из комплекса памятников при р. Юрибей, описанные А.Г. Брусницинкой и К.А. Ощепковым к раннему железному веку; типологически не соотносятся с орнаментацией сосудов кулайской культуры.

В настоящее время в Нижнем Приобье не известно памятников кулайской культуры, идентичных памятникам центрального ареала, локализуясь в Среднем Приобье. Памятники раннего железного века Нижнего Приобья в разное время имели разное культурное определение. Кратко отметим лишь основные моменты. В.Н. Чернецов, а затем В.И. Мошинская, выделяли эти памятники в отдельную группу, усть-индуйская культура и следующий за ней яральнический этап [Чернецов В.Н., 1953; 1957; Мошинская В.И., 1953]. В обобщающей работе Л.А. Чиндина включила все нижнеобские памятники в границы кулайской культуры, а также обозначила как саровскую яральническую и усть-индуйскую керамику [Чиндина Л.А., 1984, с. 167].

В настоящее время нижнеобские памятники раннего железного века, если и включаются в ареал кулайских древностей, то в более

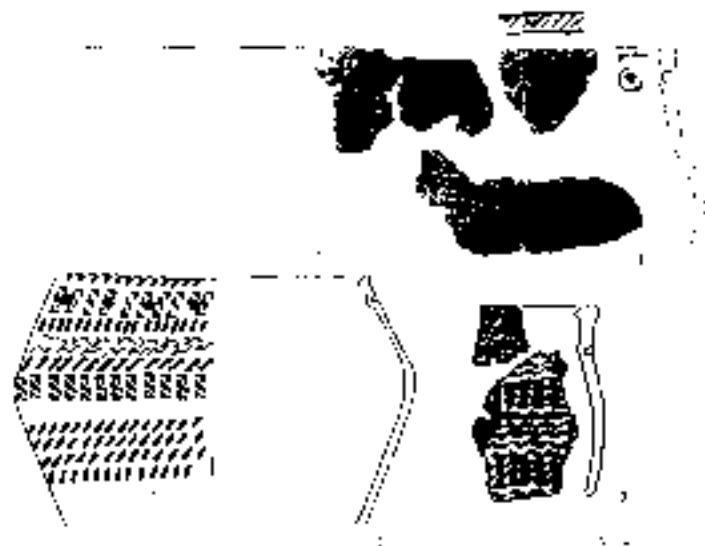

Рис. 2. Керамические сосуды: 1) Станция Каматысе; 2) пос. Маллет (по: Чиндина Л.А., 1984); 3) мест. Ярте II (по: Брусницинка А.Г., Ощепков К.А., 2000)

ширких рамках общности, а не единой археологической культуры. Исследователями была признана культурная общность памятников первой половины раннего железного века, которые были обозначены как перел-ребкинский тип [Чемякин Ю.П., Морозов В.М., 1991, с. 101 – 102; Морозов, Дубовцева, 2008, с. 353]. Ю.П. Чемякин подчеркивает что синдейские и ярсалинские материалы следует рассматривать в рамках кулайской общности [Чемякин Ю.П., 1995, с. 203]. В.М. Морозов на поселении Перегребное 2 выделяет комплекс керамики раннего железного века, где присутствуют фрагменты сосудов ярсалинского (3 группа по Мошкиной) и усть-подуевского типа. Аналогией этим комплексам он считает кулайскую керамику Среднего Приобья [Морозов В.М., 1993, с. 211 – 212].

Таким образом, тема, касающаяся культурной идентификации памятников раннего железного века в Нижнем Приобье, в настоящее время является дискуссионной. Важным препятствием для однозначных выводов является малое количество известных материалов. Мы не ставим задачу решать эту проблему, заметим лишь, что дискуссия обостряется из-за наличия элементов культурных отличий между средне- и нижнеобскими памятниками кулайского времени. Следует лишь отметить, что в Нижнем Приобье, в настоящее время, не известно археологических памятников, по архитектуре строений и керамической культуре абсолютно аналогичных кулайским поселениям и городищам Среднего и Верхнего Приобья.

Сейчас собственный ареал памятников кулайского типа локализуется в Среднем – Сургутском и Нарымском Приобье. Л.А. Циндига считала исконной территорией кулайской культуры Нарымское Приобье, где в основе формирования классического кулайского типа лежат васюганские древности [Циндига Л.А., 1984]. В работах Ю.П. Чемякина показано, что кулайская культура в Сургутском Приобье формируется на основе взаимодействия белоярской и калыкинской культур. Он также признает азиатской для кулайской культуры территории, близлежащую Л.А. Циндикой, и высказывает мысль о том, что к западу от сургутского Приобья кулайская культура могла сформироваться на местной основе [Чемякин Ю.П., 2008, с. 90 – 98]. Северная граница ареала определяется нечетко, являясь малой изученности территорий, но, если следовать вдоль Оби, то, судя по известным данным, первые некулайские памятники относятся к близлежащему распространённому охоту пос. Перегребное

Следует отметить, что мы придерживаемся мнения, согласно которому керамика, в отличие, в частности, от изделий из металла, может маркировать именно передвижения населения. В то время как металлические вещи — наконечники, ножи и т.п. без типологически идеогичной керамики мы не можем интерпретировать как факты непосредственного присутствия населения, т.к. они могут перемещаться в качестве товаров или военных трофеев. Исследователи отмечали особую роль украшенной керамической посуды в традиционных обществах. Есть такие замечания и для кулайской культуры. Л.В. Панкратова, опираясь на материалы этнографических исследований, на основании изучения комплекса керамики Саровского городища предполагает, что его обитатели могли обмениваться украшенными частями различного керамического сосуда внутри городища, для символического установления связей между представителями каких-либо групп в пределах ритуала; также исследователь упоминает об аналогичных наблюдениях, произведенных на Усть-Киндинском городище [Панкратова Л.В., 2008, с. 295]. Вероятно, украшенные фрагменты посуды могли быть использованы как своего рода пограничные знаки, маркирующие принадлежность территорий. Именно этот смысл, вероятно, могут нести единичные фрагменты украшенной посуды, обнаруженные в иной культурной среде, или вне какого-либо синхронного культурного контекста.

Возвращаясь к материалам столбов Коматысь 2 и Ярте II, можно отметить, что означенные памятники, содержащие фрагменты типологически кулайских сосудов, и удаленные от основного ареала кулайской культуры, локализованного в Среднем Приобье, позволяют в некотором смысле очертить северную границу распространения, но проникновения носителей Кулайской культуры в тундровую зону Арктического Севера Западной Сибири и Приуралья в позднекулайское саровское время. Можно предполагать, что в предшествующий период существовали какие-либо препятствия для передвижений подобного рода, вероятно, таким препятствием могло быть население Нижнего Приобья. Следует также учитывать признаваемое исследователями, наличие определенного уровня политической организации у населения кулайской культуры в саровский период [Чиданка Л.А., 1984, с. 165, 170]. И, наконец, можно предположить, что подобные стоянки являются результатом разведочных походов, которые население кулайской культуры предпринимало с целью оценки ресурсов солдере...

ных территорий; единичные фрагменты орнаментированной керамики могут маркировать границы их передвижений. Как показывают матрицы исследований, такие находы в период раннего железного века в Ямало-Ненецком автономном округе.

Примечания:

1. Бруничева А.Г. Ощепков К.А. Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2006.

2. Вилгалова Г.П. Отчет о НИИ. Полевые исследования в рамках охраняемых археологических районов (разведок) в зоне строительства магистрального газопровода «Бованенково – Ухта» по территории Ямало-Ненецкого автономного округа на участке км 0 – км 288. Нефтеюганск, 2006.

3. Кардаш О.В. Отчет о НИИ. Аэрофотосъемка разломок стенок Коматы 2 и Коматы 3 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково – Ухта» в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.

4. Кардаш О.В. Отчет о НИИ. Проведение полевых исследований по дварийным разломам археологических памятников на трассе объекта «Линейная часть, 1 линия Участок км 186,7 – 526,7» системы магистральных газопроводов «Бованенково – Ухта» в пределах Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа (в границах км 284 – км 287) летом 2008 г. Нефтеюганск, 2008.

5. Кисинская Л.Л. Пополкаменный век хозяйства и образ жизни населения по обе стороны Урала // Уральский исторический вестник. Вып. 4. Екатеринбург, 1997.

6. Морозов В.М. Памятники археологии у пос. Перетребное на Оби // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.

7. Морозов В.М., Дубовцева Е.Н. Керамический комплекс эпохи раннего железного века городища Перетребное VI // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Аграф Пресс, 2008.

8. Морихов В.М., Чемякин Ю.П. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европийским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики: тез. докл. Междунар. симпозиума (Сыктывкар, 16-18 мая 1991 г.) – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО АН СССР, 1991.

9. Мошинская В.И. Керамика усть-индуйкинской культуры // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35.

10. Мурыгин А.М. Западная сибирская этнокультурный компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал происхождения или миграционного обитания // Числовые береговые чтения. Екатеринбург, 2004.

11. Панкратова Л.В. Обменные отношения в кулайском обществе (по материалам керимичского комплекса Саровского городища) // Время и культура в археологических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во АгрИФ-Пресс, 2008.

12. Пархимович С.Ю. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянки Коматыс 1 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково – Ухта» в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.

13. Петрова Е.И. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянки Коматыс 1 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково – Ухта» в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.

14. Целякин Ю.П. Еще раз об усть-лодуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995.

15. Чмжикин Ю.П. Барсала Тора: очерки археологии Сургутского Приобья Древность. Сургут - Омск, 2008.

16. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35.

17. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М., 1957. № 58.

18. Чибиряк В.Э. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянки Коматыс 2 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково – Ухта» в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.

19. Чибриков Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984.

*О.В. Кардаш,
К.Ю. Красильников,
г. Нефтекамск*

МАЛОГАБАРИТНАЯ ЖИЛАЯ ПОСТРОЙКА КУДАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам исследований селища Атыпельурий 12)

Летом 2008 г. комплексной научно-исследовательской экспедицией ООО «НПО «Северная археология-1», под общим руководством О.В. Кардаша, проводились аварийные археологические исследования селища Атыпельурий 12, расположенного в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Памятник был поврежден в 2001–2002 гг. при обустройстве разведочной буровой Р-113 на территории Средне-Угутского месторождения нефти, разрабатываемого ООО «РН Юганскнефтегаз». Селище было выявлено в 2007 г. разведочной группой под руководством О.В. Кардаша, о чем был уведомлен непосредственный виновник ООО «РН Юганскнефтегаз», который в 2008 г. профинансировал противоаварийные работы [Кардаш О.В., 2009]. В результате этих исследований были изучены остатки нескольких сооружений, среди которых одна жилищная постройка значительно отличалась своими малогабаритными размерами. Поскольку ранее подобные строения не попадали в научный оборот, мы сочли необходимым опубликовать её и дать первоначальный анализ.

Селище Атыпельурий 12 находится в Сургутском р-не Ханты-Мансийского АО-Югра, в 10,2 км к ЮЗ от пос. Угут, в 2,9 км к ЮВ от современных хорт Когончюкских летних (рис. 1). Памятник входит в состав комплекса объектов культурного наследия «Когончюкские», в составе которого на данный момент выявлены также

[26 объектов археологии и 14 объектов этнографии] Карлаш С.В., 2009].

Памятник расположен на правом берегу р. Волгойой Юган. Селище расположено в 0,8 км к югу от старинной оз. Атыпельдурый на правом берегу старицы, акватория которой смыкается со старицей Атыпельдурый. Остатки строения селища занимают возвышенную часть берегового вала и его подножия. Селище Атыпельдурый 12 состоит из 9 видимых на поверхности объектов.

Объект № 1 — прямоугольная впадина размером 4х6 м, глубиной 0,5 м, с обваловкой шириной 1,5-2 м. Объект № 2 — округлая впадина диаметром 3 м, глубиной 0,3 м, с обваловкой шириной 1-1,5 м. Объект № 3 — квадратная впадина размером 5х5 м, глубиной 0,3 м, с обваловкой шириной 2-2,5 м. Объект № 4 — квадратная впадина размером 3х3 м, с обваловкой шириной 2-2,5 м. Объект № 5 — впадина овальной формы размером 1,5х2,0 м, с обваловкой шириной 1,5-2 м. Объект № 6 — квадратная впадина размером 7х7 м без обваловки. Объект № 7 — прямоугольная впадина размером 5х6 м, с обваловкой шириной 2-2,5 м. Объект № 8 — прямоугольная впадина размером 2,0х3,0 м, с обваловкой шириной 1,5-2,0 м. Объект № 9 фиксировался на поверхности как овальная впадина наполовину разрушенная трассой и засыпанная валом. Размер оставшейся части впадины составляет 2х3 м, обваловка фиксировалась с юго-западной стороны, где ее ширина составляла не менее 1,5 м.

Из 9 впадин памятника 6 объектов примыкали к трассе и частично повреждены ею. Это жилищные впадины № 1 — 5, 9. Был принят решение о раскопках двух наиболее поврежденных объектов № 5 и 9, а также участков территории, примыкавших к трассе, что позволило бы получить необходимую информацию для объективного научного описания памятника.

На территории селища Атыпельдурый 12 был выполнен раскоп общей площадью 530 кв. м. Территория раскопа была разбита на 3 сектора для удобства исследования и описания. Сектор 1 включал объект № 5, сектор 2 включал участок селища, поврежденный трассой, где располагались группы небольших ям, и сектор 3 включал объект № 9. Квадраты раскопа 1 с севера на юг были пронумерованы арабскими цифрами «100-133», по горизонтали с запада на восток обозначены буквами русского алфавита «Г-А».

Первоначально объект № 5, находившийся в северной части раскопа 1 на уч. Д-М/101-109, воспринимался как хозяйственный

яма или яма-ловушка. Первые очертания постройки появились уже после снятия 5 см слоя. На уч. Д-М/102-108 хорошо проявились границы валлообразной насыпи. На уровне первой фиксации на глубине — 0,89 — 1,10 м границы обваловки и котлована жилища хорошо фиксировались на фоне беловатой подрыла. В плане проявлялось центральное углубление подпрямоугольной формы, окруженное валлообразной насыпью. Ориентация объекта по сторонам света была направлена по оси юго-запад — северо-восток. Общие габаритные размеры обваловки по паружлому контуру составляли 5 x 7 м. Ширина обваловки была 1,5 — 2 м, размеры центрального пространства шалкины составляли 2,5 x 3,2 м.

Далее производилась разборка слоя обваловки до уровня второй фиксации на глубине 1,18 — 1,20 м. На этом уровне очертания котлована локализовались на участке Ж-Л/103-107. В плане котлован имел форму прямоугольника (трапеции) размерами 3,2 x 2,5 м. Очертания котлована хорошо фиксировались на фоне материка. На этом же уровне были выявлены первые очертания центрального очага № 1 на уч. З-И/105-106 (рис. 2).

Ниже, на уровне -1,23 м проявились еще более четкие очертания границ котлована жилища и центрального очага № 1. Размеры котлована на уровне два сократились до 2,7 x 2,4 м. В разрезах (А-А', Г-Г'), за счет углубленного очага, котлован принимает чашеобразную форму с ровным полом и наклонными стенками. В целом, на разных участках для жилища глубина котлована не превышала 20 см от уровня погребенного подзола. Заполнение котлована состояло из слоя серо-желтого песка с примесью мелкого угля (рис. 3).

В центре постройки зафиксирован очаг № 1, который располагался на уч. З-И/105-106 (рис. 4). На уровне -1,34 м очаг фиксировался в центральной части котлована в виде овальной чашы серо-коричневой суспензии с включениями угольков и мелкой кальцинированной кисти, вытянутой по оси север-юг. Размер его на этом уровне составил 1,1 x 0,7 м. На уровне -1,65 м зафиксирована нижняя часть очага, углубленная ниже уровня пола. Очаг значительно сократился в размерах, но сохранил овальную форму. Судя по стратиграфическому разрезу А-А', мощность очажного слоя максимально составляла 15-18 см. (рис. 4). Очаг был расположен на полу котлована постройки в небольшом углублении. В заполнении очага было найдено несколько мелких фрагментов керамических сосудов.

Непосредственно около постройки № 5 было высажено 4 ямы (ямы №№ 1-4).

Яма 1 расположена на уч. Д-Е/104-105, примыкала вплотную с северо-запада к наружной границе обваловки. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на уровне $-1,01 - 1,13$ м от условного нуля. На этой глубине яма имела в плане прямоугольную форму с нечеткими границами, она была вытянута с юго-запада на северо-восток, длинной стороной почти примыкала к границе обваловки. На горизонте $1,22 - 1,27$ м проведена вторая фиксация, на которой четко виден контур ямы. Форма ямы в плане прямоугольная, размеры $- 1,5 \times 0,7$ м. На уровне третьей фиксации $- 1,30 - 1,34$ м зафиксирована придонная часть ямы. Заполнение ямы не является однородным, это серо-желтый песок с углистыми прожилками и включениями. Судя по разрезу дно ямы уплощенное, стенки — наклонные.

Яма 2 расположена на уч. И/101 около внешней границы обваловки жилища с северо-запада. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на уровне $-0,92$ м. На этой глубине яма имела в плане округлую форму. На горизонте $- 1,26 - 1,27$ м форма ямы в плане овальная, её размер $1,0 \times 0,7$ м. На глубине $1,38$ м в плане имела аморфную форму. Заполнение ямы — серый оподзоленный песок с включениями угля. В заполнении ямы на уч. И/101, уровень $- 1,18$ м найдены фрагменты керамических сосудов №1, 2. В разрезе яма имела форму конуса, с наклонными стенками.

Яма 3 расположена на уч. К-И/103-104 около северо-восточной внешней границы обваловки. Первые очертания ямы фиксировались на глубине $0,89$ м. На этом уровне под слоем серо-желтого песка обваловки проявились два округлых пятна с многоцветным заполнением размерами от $0,5$ до $0,7$ м. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на уровне $-1,20$ м. На этой глубине яма имела аморфную форму и была вытянута с юго-запада на северо-восток. Размер ямы $2,4 \times 0,8$ м. На уровне $-1,25$ м размер ямы уменьшился до $1,5 \times 0,7$ м, форма стала более аморфная. Заполнение ямы серо-желтый перемешанный многоцветный песок с углистыми прожилками. В заполнении найдено несколько фрагментов керамических сосудов на уровне $-1,11$ м и $-1,20$ м. Судя по разрезу стенки углубления наклонные, дно плоское. Вероятно, яма 3 представляла собой яму от вывернутого с корнем дерева, частично разрушившего внешнюю яму постройки № 5.

Яма 4 расположена на уч. Л-М/105-108, примыкала с ЮВ к внешней границе обваловки. Первые очертания ямы зафиксиро-

длина урвана — 0,95—1,06 м. В плане представляла аморфную пятно сложной формы размером до 2,0 м. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на урване - 1,20 м. На этой глубине яма имеет в плане левальную форму, Ю сторона ямы разрушена перемещением слосм, образовавшимся от вывернутого с корнем дерева. Размер ямы 1,1x0,5 м. На горизонте — 1,26—1,28 м контур ямы в плане имел аморфную Г-образную форму, размер 1,7x0,3 м. Глубина ямы составляла 40-45 см от урваня первой фиксации -0,95 м. Судя по профилю яма имела прямые стенки, дно иривное. Заполнение ямы состояло из серо-белого песка с вкраплениями угли и желто-коричневого песка.

Таким образом, в секторе I были исследованы остатки наземной постройки со слабоуглубленной центральной частью — небольшим котлованом подпрямоугольной формы размером 3,0 x 2,5 м и глубиной 0,1 — 0,15 м. Судя по всему, ими 1-4 являлись внешние относительно объекта 5. В центре постройки зафиксирован очаг аморфной формы размером 0,6 x 1,1 м, который был сооружен в небольшом углублении в котловане постройки. В восточном углу постройки удалось зафиксировать одну столбовую ямку, что позволяет предположить, что конструкция постройки была каркасно-столбовая. Следует подчеркнуть особую значимость этого раскопанного жилища, поскольку, на сегодняшний день, это самый маленький жилищ постройки из известных для данной культуры и периода.

В пространстве самой постройки и внешних ямах, связанных с её строительством, обнаружены фрагменты керамических сосудов, прихваченные фигурным штампом в форме «уточки» и «волны», характерных для посуды кулайской археологической культуры (рис. 5).

Фрагменты сосуда № 1 найдены во внешней яме № 2 постройки № 5, квадраты И/101-102, урвень -1,18 м (рис. 5 А). Характер залетания фрагментов сосудов № 1 и № 2, располагавшихся с противоположных сторон, свидетельствует о том, что сосуды не были целыми и на стоянке оставлены частично в виде нескольких хрупких кусков.

Сосуд реконструируется как горшок с открытой горловиной диаметром 12-13 см, со слабо выраженной шейкой. Тулово округлое, слегка раздутое, диаметром около 16-17 см. Высота сосуда достоверно не реконструируется, вероятно, до 15 см. Толщина стенок 0,3 — 0,4 см. Край венчика плоский, скошен наружу, верхняя поверхность украшена оттисками фигурного штампа «уточка».

поставленными вертикально. Орнамент верхней части сосуда не должен горизонтальными зонами и занимает не более половины высоты горшка. На внешней стороне венчика нанесен узорчатый пояс с фигурным штампом («уточки»), затем пояс с волнистыми вдавлениями, ниже него расположены два ряда оттисков, выполненных фигурным штампом («уточки»), затем зона, состоящая из трех рядов этого штампа, выполненных горизонтально в виде волны. Завершают узор два ряда вертикальных штампов («уточки»), далее тулово без орнамента переходит в округлое дно.

Фрагменты сосуда № 2 найдены также по внешней яме № 2 квадрат И/102, уровень - 1,18 м (рис. 5 Б). Обнаружены только дни фрагмента венчика с орнаментом.

Сосуд реконструируется как горшок с открытой горловиной диаметром 20-25 см и слабо выраженной шейкой. Высота сосуда достоверно не реконструируется. Толщина стенок сосуда 0,4—0,6 см. Край венчика плоский, скошен внутрь, поверхность украшена оттисками фигурного штампа. По наружному краю венчика идет полоса оттисков фигурного штампа («уточки»), поставленного вертикально. Ниже расположен пояс «жемчужин», под которым четыре горизонтальных ряда, вышнейший вертикально поставленным фигурным штампом («уточки»).

Фрагменты сосуда № 3 найдены в заполнении постройки № 5 квадраты И/103, К/105, уровень - 1,14—1,41 м (рис. 5 В).

Сосуд реконструируется как горшок с открытой горловиной диаметром 20-25 см. Высота сосуда достоверно не реконструируется. Толщина стенок в верхней части 0,6—0,7 см. Край венчика скошен внутрь и украшен оттисками волнистого штампа, поставленными вертикально, такой же полосой орнамента украшен и наружный край сосуда. Ниже расположен пояс волнистых вдавлений, выполненных довольно неровно. Далее две горизонтальных полосы вертикально поставленного волнистого штампа.

Фрагмент сосуда № 4 найден в заполнении постройки № 5 квадрат З/106, уровень 1,21 м (рис. 5 Г).

Сосуд реконструируется как малая мисочка с открытой горловиной диаметром 8—10 см. Высота сосуда 5—7 см. Толщина стенок в верхней части 0,4—0,5 см. Край венчика украшен оттисками волнистого штампа, расположенными горизонтально. Между оттисками чередуются «жемчужинки». Ниже расположен пояс оттисков волнистого штампа. Далее две горизонтальных полосы вертикально поставленного волнистого штампа. Затем

дает композицию поясок волнистого горизонтального штампа. Тулдово без орнамента.

Форма и орнаментальные композиции сосудов позволяют определить культуру-хронологическую принадлежность постройки № 5 как памятника раннего железного века кулайской археологической культуры и предварительно датировать в пределах IV и до н. э. - IV в. н. э. [Чемякин, Карачаров, 2002. С. 51-60; Чемякин, 2008. С. 78-93, 179-188, 191, рис. 73-82, 85].

В настоящее время наиболее полными обобщающими исследованиями кулайской культуры являются публикации Л.А. Чиндиной и Ю.И. Чемякина. В этих работах достаточно подробно охарактеризованы памятники кулайской культуры, расположенные на территории как Нарынского, так и Сургутского Приобья [Чиндина, 1984; Чемякин, 2008]. Тем не менее, в типологии опубликованных построек этой эпохи малогабаритные жилища строения с размером помещения менее 4 х 5 м отсутствуют [Чиндина, 1984. С. 15-23, 44-55, 209-211, рис. 4-6; Чемякин, 2008. С. 79-81, 175-178, рис. 69-72]. Возможно, это связано с тем, что маленькие площади не привлекали внимания археологов как полноценный объект исследования.

Скорее всего и наше внимание к таким объектам не было бы таким пристальным, если бы за последнее десятилетие при раскопках средневекового Надымского городка не обнаружили большую серию малогабаритных жилых построек, связанных остяцким населением Сибири [Кардаш, 2003; 2005; 2009. С. 37-78]. В Надымском городище жилища постройки остяцких кварталов были четырехстенными и имели средние размеры, в плане, от 2,0х2,0 до 2,5х2,5 м. (рис. 6 В). Лишь в одном случае зафиксировано жилое строение с минимальными размерами: 1,2х1,4 м (постройка № 1) [Кардаш, 2009. С. 37-78].

В связи с тем, что в условиях Крайнего Севера Западной Сибири остатки деревянных элементов строений сохраняются очень хорошо, то материалам исследования одной из малогабаритных остяцких построек Надымского городка была выполнена архитектурная реконструкция на период середины XVII в. Стенки дощатероссы этой реконструкции нам представляется очень высокой. Это позволило рассмотреть очень много конструктивных подробностей жилища того времени на примере постройки № 7 Надымского городка (рис. 6: А, Б, В).

Технология малогабаритных остяцких жилищ середины XVII в. включала сооружение каркаса, состоявшего из дощатой (или брус-

венчатой) рамы — основания (фундамента), к которому примыкали вертикальные элементы (стойки), соединенные на уровне кровли периметром второй рамы из жердей. Верхние части стоек могли выступать за пределы кровли и исполняться в балочной-ригельной конструкции общего перекрытия жилого комплекса (рис. 6 А, Б). Возведение стен постройки состояло в вертикальной укладке набора досок по наружному периметру каркаса. Нижние концы стеновых досок, примыкавшие к наружному периметру фундамента, фиксировали, вкопав в грунт на глубину 0,2-0,3 м и дополнительно укрепили завалками. Верхние концы стеновых досок опирались на вторую жердевую раму, укрепленную на стойках и 1,5-2,0 м над землей. Против смещения досок стен, очевидно, дополнительно фиксировались три поперек жердей, так или иначе закрепленные, не исключено, что при этом использовались в качестве удерживающих. Конструкции стены лицевого фасада выполнены из горизонтально уложенных досок, удерживаемых снаружи за счет длинных стоек-колыев (рис. 6 А). Строение перекрывали берестяной крышей. Каркас перекрытия, состоявший, вероятно, из системы жердей и венок, опирался на периметр стен. Поверх него укладывали специально обработанные и сшитые между собой листы бересты. Отверстие для дымоудаления оставлялось в зависимости от типа и места размещения очага. Жилые постройки имели открытый центральный очаг в деревянной раме размером 50x50 см. (рис. 6 Б). Общая высота строения, очевидно, не превышала высоту фасада, а скорее всего, была немного меньше. Каждая постройка имела дверной проем размерами от 40x60 см до 60x80 см (рис. 6 А). Пороги врезались в бревно или брус основания лицевого фасада. Отверстия дверей — беспороговые, на деревянной втулке, внутрь жилища. Дверные полотна — из двух досок толщиной от 2 до 6 см, сплоченных «в обвязку» на шпонках [Кардаш, 2009. С. 37-78].

Дома аналогичной конструкции описаны и в этнографической литературе в категории наземных сезонных (промысловых) построек пирамидообразного типа (усеченной пирамиды) и причисляются к традиционным жилищам шорцев (рис. 6 Г), проживавших в таких верхних реках Обь в предгорьях Западных Саян: [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 136-137. Таб. II. 7-9].

В шорских жилищах плане прямоугольника устраивались четыре стойки с ридилками на концах. На них клали четыре жерди, две продольные и две поперечные, образующие прямоуголь-

нок. К ним с четырех сторон наклонно приставляли длинные кругляки, горбыли или доски, образующие стены. Верхние концы боковых кругляков или досок образовывали узкое продольное отверстие, служащее для выхода дыма. Наклонные стены служили как бы заслонами, защищающими от ветра. На передней поперечной стене оставляли входное отверстие, которое закрывали легко отодвигающимися досками. Иногда эти доски заменяли приставной дощатой дверью от старой юрты. На боковые горизонтальные жерди (по середине) клали поперечную жердь, к которой подвешивали крышку для котелка или чайника, висящего над очагом. Верхние концы жердей к доскам стен не выступают высоко за верхние горизонтальные жерди. Крышу делали из досок и жердей с отверстием для выхода дыма, сверху ее заделали кусочками бересты [Историко-этнографический Атлас Сибири, 1961. С. 136-137. Табл. II: 7-9].

В заключение отметим, что при аварийных исследованиях жилища Атыкпелтурий 12 был изучен археологический объект — остатки малогабаритной жилой постройки, не только дополняющей типологию жилищ кулайской культуры, но и позволяющей сделать ряд выводов и предположений о генезисе данного типа жилищ на территории всей Восточной Сибири. Сейчас мы можем говорить о том, что малогабаритные жилища постройки коренного населения Северно-Западной Сибири имеют более чем двухтысячелетнюю историю. Не исключено, что представители кулайской археологической культуры, так или иначе, повлияли на формирование средневековой и, соответственно, современной культуры остяков — современных ханты. Тем же менее, отметим, что для более определенных выводов накоплено еще мало фактического материала и полнотенный анализ как приведенных в статье материалов, так и аналогичных, еще впереди.

Примечание:

1. Историко-этнографический атлас Сибири 1961. Под ред. М.Г. Держина, Л.П. Подольова. М.-Л. Изд-во АН СССР. 498 с.
2. Кардаш О.В. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений 16-19 вв.) // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культуры народов Сибири и сопредельных территорий Сибири» — Тюмень, 2003. — С. 88-90.
3. Кардаш О.В. Комплексное изучение Надамского городища. Итоги исследований 1998-2003 годов / Научный вестник. Вып. № 4 (35) //

Обзоры: История, культура, современность. — Салехард. Изд-во Крайный Север. 2005. — С. 31–35.

4. Кардаш О. В., Культура абригеновго населения бассейна реки Надым конца XVI — первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Падымского городка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук Санкт-Петербург, 2004.

5. Кардаш О. В. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки селища Атылелурий 12 на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2008 г. Нефтеюганск 2009. 182 с.

6. Кардаш О. В. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI — первой трети XVIII вв. — Екатеринбург: Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. — 320 с. в печати.

7. Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционной землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург. Изд-во «Томск». С. 5-65.

8. Чемякин Ю. П. Бархона (презентация очерки археологии Сургутского Приобья, Древность — Сургут-Омск: ОАО «Омский дом печати, 2008. 224 с., 99 рис.

9. Чиндига Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск. Изд-во Томск. ун-та. 1984. 254 с.

*Габор Дьёни,
г. Будапешт*

ОБРАЗ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В РОССИИ В ВЕНГЕРСКОЙ УРАЛИСТИКЕ

*«История России есть
история страны, которая
превосходит её».*

*В.О. Ключевский
Курс русской истории*

Не считая трёх независимых финно-угорских государств, большинство народов уральской языковой семьи живет на территории правопреемницы СССР - Российской Федерации, в этой многонациональной и многоконфессиональной стране. К ним принадлежат следующие этносы: вепсы, карелы, ижоры, мордвы, марийцы, удмурты, коми, пермяки, обско-угорские и самодийские народы, частично финны («ингерманландцы»), эсты («народ сету»¹). Большая часть названных народов живет в «своих» республиках или автономных округах Российской Федерации², однако они составляют меньшинство даже в «своих» субъектах федерации (а часть финно-угров оказалась вне границ автономных республик или не имеет своих территориальных единиц). Общая доля народов уральской языковой семьи составляет 2-3% от всего населения России.

Культурные взаимосвязи народов уральской языковой семьи с русским народом имеют глубокие исторические корни. Вместе с «железницей русских» («цивилизацией страны») многие из финно-угров приняли восточное христианство еще в средние века (как, например, вепсы, коми). Некоторые предположения финно-угор-

ких народов играли значительную роль в истории Руси, Рядски: например, Стефан Пермский, создавший пермскую азбуку³, или патриарх Никон, проводивший религиозные реформы в XVII веке, который был по происхождению муромлянином. На Севере России финно-угры принимали участие в этногенезе русских (о чем свидетельствуют финно-угорские элементы в северных русских наречиях)⁴. Неслучайно, поэтому, что в исследованиях венгерских ученых, касающихся истории и судьбы уральских народов, применяется и образ самой России.

В СССР отношение русских с уральскими народами интерпретировалось позитивно, подчеркивалась их общая историческая судьба, и, прежде всего, позитивная роль российского (советского) государства в истории финно-угорских народов (Д. В. Губрих)⁵. В советской науке с 1930-х годов стало принято считать, что индоевропейские народы не только «добровольно присоединились» к российскому государству, но что это «добровольное присоединение» к российскому государству оказывало исключительно позитивное влияние на развитие, в том числе и уральских народов⁶.

Венгерские интерпретации взаимоотношений народов уральской языковой семьи с русскими изменялись в зависимости от текущей политической, идеологической ситуации. В советский период, после того, как Россия была преобразована в федеративное государство, состоящее из этнических республик, было принято подчеркивать позитивные явления советской национальной политики в отношении национальных меньшинств. В Венгрии такие мнения встречались и до 1945 г.. Так, в фундаментальной работе венгерской уралистики — книге Миклоша Жирян «Наше финно-угорское родство» (1937 г.) дается абсолютно положительная оценка советской национальной политики (при этом она противопоставляется утратительской политикой царизма). «Судя по описаниям, в последние годы произошел удивительный поворот: Русское правительство, проводя образовательную реформу на территории всей советской республики, школы строят и на вогульской земле, выпускает вогульских учителей, надает вогульские учебники», — писал этот выдающийся венгерский ученый в 1937 г. (конечно, не зная о том, что в СССР в это время приволился Большой Террор)⁷. В научно-популярной книге Э. Трочани (1935 г.) также отмечалась позитивная роль советской национальной политики в отношении уральских народов⁸. Поэтому можно говорить, что в 1945 г. не произошло кардинального изменения в венгерской ур-

дистике относительно оценки советской национальной политики в отношении народов уральской языковой семьи⁹.

Но после распада СССР произошел настоящий переворот в интерпретациях венгерской уралистики об отношениях русских с народами уральской языковой семьи. В это время началась «коррекция» прежних представлений о советской национальной политике и роли русских в истории финно-угорских народов¹⁰. Открылась возможность говорить о ранее неподнимаемых проблемах: о депортации вжор, о трагической судьбе западных финно-угров (карелов, вепсов), о репрессиях против представителей интеллигенции национальных меньшинств во время Большого Террора и т.д. Сегодня в венгерской уралистике принято считать, что советское прошлое было трагедией для народов уральской языковой семьи. В некоторых случаях, особенно в отношении западных финно-угров, с этим мнением нельзя спорить (например, по поводу вжор или карелов)¹¹. Так что действительно есть примеры, когда советское прошлое представлялось настоящей трагедией для малых народов.

Вместе с тем в последнее время в венгерской уралистике появились интерпретации, которые описывают историю уральских народов, *резко противопоставляя их русским*. В этих интерпретациях проливная и сегодняшняя роль русских в истории и жизни народов уральской языковой семьи изображена крайне негативно. Такая точка зрения сильно культивируется в Эстонии (отражением чего является скандал, устроенный эстонской делегацией на Финно-Угорском Конгрессе в Хайггы-Магсийске в 2008 г.), где целая государственная политика строится на депрессии праз русхпязычного населения. В Венгрии также взгляды, резко противопоставление русских финно-угорским народам, пожалуй, частично имеют другие корни, нежели в Эстонии — этой бывшей советской республике.

До первых, после 1990 г. в нашей стране появились фантастические теории о происхождении венгров. Сторонники таких дилетантских взглядов считают, что венгры представляют собой древнейший народ Евразии, что они происходят или от шумер, или от этрусков, или от кельтов, а некоторые считают, без всяких на то документальных, что и гунны, и авары были мадьярами. Тем не менее подобные взгляды регулярно появляются и политически ангажированных СМИ. Такие взгляды уже на первый взгляд противоречат друг другу; единственное общее в них — это отрицание

факта финно-угорского происхождения венгерского языка. Стронтинки таких взглядов считают, что финно-угорская теория — это лишь «эпигор» с целью унизения венгров. Конечно, им мешает тот факт, что родство венгерского языка с остальными уральскими языками было хорошо известно уже в раннем новом времени и в Европе, и в России¹². По представленным сторонников дилетантских взглядов, ученые, которые занимаются уралитикой, «предатели», «заговорщики», «шпионы». И, к сожалению, это не маргинальное явление¹³. Какая ситуация! Ведь исследователи народов уральской языковой семьи посвятили всю свою жизнь науке, исследованию родственных с ними народов. Понятно, что после этого начинается национальная компенсация, идеальным объектом которой является Россия.

Венгерских, поскольку Соединенной Силы большевистским государством, то крайне редко предоставлялась возможность проводить исследования «на поле». Несколько десятилетий тому назад настоящим открытием были встречи с живыми представителями финно-угорских народов¹⁴. Поэтому финно-угорские народы представляли собой некие экзотические латки, язык которых был хорошо исследован, однако, быт и жизнь их остались мало известными.

В Центральной Европе в идеологическом смысле характерен этнический национализм. Мы часто сталкиваемся с тем, что события российской истории описываются в духе этнического национализма. В некоторых случаях это является обоснованным (например, когда речь идет о депортации крымских татар, чеченцев, месхетинцев и т.д.). Однако, в других случаях такая интерпретация является весьма спорной, например, когда голод на Украине 1932–1933 гг. интерпретируется как систематическое уничтожение украинского народа, несмотря на то, что голод в этот время был не только на Украине и что не только украинцы погибли в этой страшной катастрофе (или можно сказать — преступлениях)¹⁵.

Такая глубоко этническая интерпретация российской истории отмечается и в некоторых венгерских работах. До второй половины XIX в. в Российской империи (как и во всей Восточной Европе) важнейшую роль играла реализация идентичности (в российской государственной политике лишь с 60-х годов XIX в. при либеральном царе Александре II начиналась политика насильственной русификации)¹⁶. При описании истории России, которую, конечно, В. О. Ключевскому, можно воспринимать как «колони-

цию». на наш взгляд, «пожестливо взаимоотношений русских с нерусскими народами, вернее: будет говорить о христианизации, чем о русификации: марийцы и умуурты были вынуждены бежать на восток не потому, что они были финно-уграми, а потому, что они были язычниками (либо они сами участвовали в восточных экспедициях русских)¹⁷. С другой стороны, после церковного раскола центральная власть преследовала и репрессировала старообрядцев, хотя они были в большинстве этнически русскими.

Современный национализм — это исторически сложившееся явление. И в России, и других странах СНГ только сейчас формируются современные национальные идентичности (этот процесс в последнее время особенно заметен на Украине). А традиционная идентичность в России представляет собой скорее территориальное («государственное») понятие, чем этническое. Для центрально-европейского национализма важнейшую роль играет единство этнического ядра, независимо от того, где живут представители данной нации. А русский (российский) национализм имеет скорее территориальный характер, чем этнический (и этим объясняется тот факт, что Москва практически не обращает внимания на лишение прав русскоязычного населения в Прибалтике). Даже сейчас еще популярной лозунг русских националистов «Россия для русских» исходит из территориального понятия (страны), нежели этнического ядра русского народа.

Потому не всегда обоснованно в духе этнического национализма объяснять события российской истории. Слабо развитый этнический национализм характерен и для народов уральской языковой семьи, что отмечается в венгерской уралоистике. Венгерские ученые уже неоднократно подчеркивали, что уральские народы пока «недостаточно» зрелы в этническом смысле¹⁸. Поэтому наша задача, как полагают они — сеять семена современности этнического национализма среди народов уральской языковой семьи. Инициатором этих стремлений является Эстония¹⁹.

Крайний этнический подход наблюдается и в венгерской уралоистике. Наши ученые часто упоминают, что в 1937 г. во время Большого Террора были репрессированы представители формирующейся национальнейшей интеллигенции финно-угорских народов. И это бесспорно соответствует действительности. Однако, в 1937 г. репрессировались представители фактически любой национальнейшей (в том числе и русской) интеллигенции. Как писал знаменитый русский финноист Н. С. Трубецкой, характеризуя суть боль-

шевнистской национальной политики, «та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ — эта Россия отошла в историческое прошлое... в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником — совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербайджанские и т.д. националисты»²⁰.

В венгерских интерпретациях советское прошлое характеризуется негативно, советские люди отождествляются чуть ли не с абсолютным злом («советский человек, это никуда не принадлежащий, бездомный, необразованный, неграмотный, бессовестный человек»)²¹. Советское прошлое описывается как эксплуатация финно-угорских народов со стороны русских, как «колониальный статус» финно-угорских территорий, как «деэтнизация» народов уральской языковой семьи и превращение финно-угорских территорий в концлагеря²².

На наш взгляд, неверно интерпретировать советское прошлое как «колониальную политику» в том смысле, как это понимается в откошкин «третьего мира»: для классических колоний были характерны бедность и эксплуатация коренных жителей. Однако, в России самый богатый край страны — это земли Западная Сибирь, где живут и наши самые близкие родственники по языку. Мы категорически не согласны и с тем мнением, согласно которому советское прошлое характеризуется как «деэтнизация» народов, поскольку именно благодаря большевнистской этнической политике финно-угорские народы (и большинство народов Российской империи) оказались на совершенно новом этапе национального развития²³.

Двойной стандарт наблюдается при описании истории. Суть этого заключается в том, что по-разному оцениваются одни и те же события в зависимости от того, кто совершил их. Например, во время Второй мировой войны финны (с помощью немцев) депортировали ижор, кинерманландцев, и тем не менее в литературе мы читаем, что это была «эвакуация». Значит, если финны депортируют целые народы, то это считается «эвакуацией»²⁴.

В 2006 г. вышла в свет книга профессора И. Пууста «С языком умирает нация», посвященная народам уральской языковой семьи живущим в РФ. В книге И. Пууста представлены множество данных, таблиц, которые позволяют читателю сделать объективные выводы. Основным тезисом автора является то, что народы ураль-

ский языковой семьи находятся в опасности (и) этим свидетельствует и название книги), и эта опасность исходит именно от русских. В книге дана суубо этническая интерпретация истории России: утский считает, что основной целью российского государства является насильственная русификация народов России²⁵.

Автор ссылается на принудимую административную реформу, в результате которой — после соответствующего референдума — были ликвидированы два субъекта федерации: Коми-Иермидский автономный округ (2005 г.) и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (2006 г.)²⁶. На первый взгляд событиям можно дать этническую интерпретацию. Но если вспомнить, что планировалось слияние города Москвы и Московской области, а также объединение города Санкт-Петербурга с Ленинградской областью, чего не произошло, видимо, из-за смены власти, то тогда этническая интерпретация упразднения субъектов федерации значительно ослабляется. После 2000 г. в России началась централизация власти («вертикаль власти»). Скорее всего этим объясняется упразднение, или планы по упразднению субъектов федерации.

По мнению Я. Цустан, в российской государственности практически все подчиняется цели русификации, этнической гомогенизации страны — даже построение железных дорог (по его мнению, русские построили железные дороги в Карелии с целью ассимиляции коренных жителей)²⁷. Он описывает российскую историю в духе этнического национализма экстернства московского (русийского) государства как непрерывную борьбу русских с нерусскими народами. В этом контексте русские являются доминантами, русские — это такая разрушительная, чуть ли не демоническая сила²⁸. Автор, характеризуя российскую политику в отношении народов уральской языковой семьи, употребляет термин *Endlösung*²⁹.

Профессор считает, что даже позитивные явления российской национальной политики являются своеобразными «трюками»: перевод Библии на карельский язык, или печатание книги на марийском языке — это средства русификации; поддержка национальных ассамблей со стороны государства — это не что иное, как «шутёмкигская деревня», которую, конечно, могут заметить только те, которые знают «истинное лицо российского государства»³⁰.

А что касается родственных народов, то Я. Цустан отмечает, что у них, видимо, отсутствует современный национализм³¹. Отсут-

стии национализма воспринимается как «эпический реализм», «депрессия»³². А вместо того, чтобы *понимать и узнавать* их менталитет и мироощущение, предлагается — по образцу этнически экзотизировать к ним даже национализм³³.

Книга профессора Цуестя богата таблицами, которые предназначены подчеркнуть объективность его книги. Так, он справедливо отмечает, что с 1989 по 2002 г. существенно сократилась общая численность народов уральской языковой семьи: с 3 122 900 человек до 2 693 503 человека (несмотря на то, что численность отдельных народов, особенно таких зауральских народов, как *исенцы, обские угры*, возросла в 1990-х гг.), то есть с 2,1 % на 1,85 % от всего населения Российской Федерации (не считая эстонцев, финнов и венгров)³⁴.

Бесспорным фактом является и то, что в 90-х годах численность финно-угорских народов сокращалась. Если обратиться к данным переписей населения о численности уральских народов (не считая венгров и финнов), то перед нами предстанет следующая картина³⁵.

	1897	1926	1949	1989	2002
Численность народов (не считая уральской языковой семьи в Эстонии) России	2 499 400	2 252 922	2 983 900	3 123 200	2 693 503
Их доля	2,7 % (вместе с эстонцами)	2,4 % (без Казахского и Кыргызской автономий)	1,25 % 2,5 %	1,5 % 2,1 %	1,1 % 1,85 %

Ради справедливости стоит отметить, что в 1990-х гг. существенно сокращалась и численность русских в России, как в целом населения Российской Федерации (с 147 022 тыс. человек до 145 166 тыс. человек). В результате демографической катастрофы, вошедшей в 1990-х гг. и до сих пор ежегодно сокращается население России на несколько сотен тыс. человек. Следующая таблица показывает численность и долю русских в России³⁶:

	1897	1926	1949	1989	2002
Численность русских в Российской Федерации		72 675 481 (без Кавказской и Киргизской автономий)	97 843 579	119 866 000	115 889 107
Доля		78 %	+ 34,6 % 83 %	+ 22,5 % 81,5 %	- 3,4 % 79,8 %

Россия уникальна и в том смысле, что это единственная страна на постсоветском пространстве, где после 1991 г. доля «мусульманской» сократилась²⁷.

Доля титульной нации в странах постсоветского пространства		
	1989 г.	
Россия	81,5 %	79,8 % (2002 г.)
Украина	72,72 %	77,8 % (2001 г.)
Белоруссия	77,8 %	81,22 % (1999 г.)
Казахстан	39,7 %	53,4 % (1999 г.)
Грузия	70 %	83,7 % (2003 г.) ²⁸
Азербайджан	82,7 %	90,6 % (1999 г.)
Латвия	79,5 %	83,4 % (2001)
Молдавия	68,4 %	75,8 % (2004) ²⁹
Литва	52 %	57,6 % (2000)
Таджикистан	62,3 %	70,9 % (2000)
Армения	93,3 %	97,9 % (2001)
Туркменистан	72 %	81 % (1995)
Эстония	61,5 %	67,9 % (2000)

Ожидается, что во всех странах постсоветского пространства (кроме России) с 1991 г. началась этническая гомогенизация. На демографические процессы оказывает большое влияние религиозная принадлежность. Так, в России сокращается численность и доля православного населения (независимо от этноса), и растет численность мусульманского населения.

Теперь рассмотрим финно-угорские республики. К сожалению, в книге Я. Пустая только в отношении Мордовии и Республики Марий Эл есть сравнительные данные, которые позволяют читателям сделать объективные выводы³⁰. Но если мы обратимся к прямым источникам, то увидим, что за исключением северных областей (Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ, где выходящая индигенная мигрирующая-

нии и где в целом наблюдается рост, и том числе растет численность коренных народов), в финно-угорских республиках численность русского населения снизилась. Однако этническое соотношение практически осталось неизменным⁴¹:

Карелия	1989 - 790 150 человек		2002 - 716 281 человек	
карелы	78 928	10 %	65 651	9,1 %
русские	581 571	73,6 %	348 941	76,6 %

Республика Коми	1989 - 1 250 847 человек		2002 - 1 018 674 человека	
коми	291 542	23,3 %	256 461	25,1 %
русские	721 780	57,7 %	607 021	59,6 %

Республика Эстония	1989 - 749 332 человека		2002 - 727 979 человек	
эстонцы	324 349	43,2 %	312 178	42,8 %
русские	355 973	47,5 %	345 613	47,5 %

Мордовия	1989 - 963 304 человека		2002 - 888 766 человека	
мордва	313 420	32,4 %	283 861	31,9 %
русские	586	60,8 %	540 717	60,8 %
	147			

Удмуртия	1989 - 1 605 663 человека		2002 - 1 570 316 человек	
удмурты	496 322	30,9 %	460 584	29,9 %
русские	945 216	58,8 %	944 106	60,1 %

Примеры разных стран показывают, что, к сожалению, численность национальных меньшинств (кроме мусульман) постоянно снижается. Например, в Финляндии, несмотря на то, что в этой стране проводится образцовая национальная политика в отношении наименьшинств, особенно шведов, численность последних постоянно сокращается. Так, в 1985 г. их численность составляла 299 тыс. человек, т.е. 6,1 % населения страны, а в 1999 г. — 292 тыс. человек, т.е. 5,7 % населения. Особенно заметно сокращение шведского населения в столице Финляндии — Хельсинки: этот город еще в конце XIX в. был этнически шведским. В 1965 г. более 40 тыс. шведов жили в Хельсинки, т.е. они составляли 12,1 % населения города, а в 1985 г. остались только 43 тыс. шведов, т.е. 8,1 %

населения столицы⁴². Разве в Финляндию идет массовый приток населения? Разве в Финляндию идет массовый отток населения?

В Румынии в 1990-х годах существенно снижались численность венгерского населения, с 1 620 тыс. до 1 443 тыс. человек, хотя Румыния сегодня является демократическим государством, где правительство поддерживает учреждения венгерского меньшинства (но крайней мере, в Трансильвании)⁴³.

Что касается народов уральской языковой семьи, действительно, есть исторические трагедии и негативные демографические тенденции (особенно у западных финно-угров). Будущее родственных народов зависит, прежде всего, от них самих. Примеры показывают, что малочисленные народы могут сохранить свою культуру только вместе с традиционным бытом: численность венгров в последнее время увеличилась. Что связано с сохранением и развитием традиционного для венгров хозяйства — оленеводства⁴⁴.

А наша задача, на мой взгляд, заключается не в том, чтобы экспортировать наши идеи к этим народам, а, прежде всего, в том, чтобы понимать их. Помогать им не «извне», а «изнутри».

Примечания

¹ Эстония не признает православных епископов самостоятельным народом. Восточных православных епископов признают католиками. В России самостоятельность народа епископа признается. По данным переписи 2002 г. в России проживает 197 епископов, большинство их, 172 человека, в Псковской области (в основном в Печорском районе). Александр Ю.В., Макаков А.Г. Народ епископа: между Русской и Эстонией М., 2005.

² «Финно-угорские» территории являются административными единицами в Российской Федерации. Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Югра-Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

³ Святитель Стефан Пермский СПб., 1995.

⁴ Востриков О.В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990; Матвеев А.К. Субстратная топонимия русского Севера. Екатеринбург, 2004.

⁵ Дубров Д.В. Сплетение финноугорского и финно-угорского языков // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Солетское финноугорское население. С. 24-32.

⁶ Székely K. M. Oroszország északon: a finnugor nyelvcsalád és a finnugor nyelvcsalád // Nyelvnyomok. Bp. 2000. 121-178., 127. *Ильин М.В.* О просессии и о финноугорском языке // Вопросы истории (ВИ) 1951.

⁷ Zsigai Miklós. Finnugor rokonságunk 1964 {1937} 178-180

⁸ *Focsanyi Zoltan*. Гэзек nyomadja. 1935. 275-276

⁹ *Хайду И.* Уральские языки и народы. М., 1985.

¹⁰ См. Приложение к новому изданию работы М. Жиряя, написателю: *Лаброн Занцок: Zoltz Gabay. Utolso // Zsira Miklos*. Ор. сг.

¹¹ *Натальская В.В.* Введенье в историческую уральскую. Ижевск. 1997 С. 16-22

¹² *Мекляхий М.* Трактат о двух Сарматях. М. Л., 1936. С. 69, 79-83. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 163.

¹³ *Hedei Katalin.* Ostörtörténelk kérdése. Нр. 1998. 9-11.

¹⁴ *Domokos Peter* A finnugor kongresszusok története es szerepe // *Magyar Nyelvtudomány* 2006. № 1. 50.

¹⁵ *Иванский И.А.* Годол 1932-1933 годов: кто виноват? // *Судьбы русского крестьянства*. М., 1906. С. 333-363.

¹⁶ *Джиги В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царя на (XIX в.) // *ВИ*. 1995. № 9. С. 130-142.

¹⁷ *Пустая С.* Урал и марийцы. Екатеринбург, 2004 С. 29

¹⁸ *Szj Eniko* Az oroszorszag finnugor lepek történelme es jelenlegi helyzete // *Finnugor kalauz*. Нр. 1998. 37; *Pusztaj Janos* Nyelvevel hal a nemzet. Вр. 2006. 117.

¹⁹ «Отстаивание интересов финно-угорских народов России (да и других народов Сибири и Дальнего Востока, находящихся в критическом положении) является не просто кашик правом эстонцев и европейцев — но и нашей прямой обязанностью». Выступление премьер-министра Эстонии Юлиана Парта на Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Таллине 19 августа 2004 г. http://kongress.ugri.info/nis/cac/344/en/386/article_id-246

²⁰ *Трубачевский И.С.* Ожесточенный национализм // *Русская идея*. М. 2004 С. 373-374.

²¹ *Szj Eniko*. Ор. сг. 42.

²² *Ibid.* 39.

²³ Против «колониального дискурса» российской истории см.: *Вид В. Верт* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местной населенности и их взаимозависимость // *Русская нигерия в зарубежной историографии*. 2005.

²⁴ *Натальская В.В.* Урал. соч. С. 18-19; *Beregi Doru.* Az inkeri-finnok története // *A finnugorok vilaga*. Др-М. 1996. 50-61; *Beregi Andras* A vidék története // *A finnugorok vilaga*. 1996. 71-73

²⁵ *Pusztaj Janos.* Nyelvevel hal a nemzet. Вр. 2006. 21, 26.

²⁶ *Ibid.* 15-21.

²⁷ *Ibid.* 35.

²⁸ «Малообразованные русские являются шовинистами». *Пустая С.* Я. Пустая. *Pusztaj Janos*. Ор. сг. 195

²⁹ *Ibid.* 22.

³⁰ *Ibid.* 35, 37, 153

⁴⁰ Ibid. 19, 117. «К сожалению, представители финно-угорских народов в свободное время концертируют поют русские песни вместо своих песен». 195.

⁴¹ Ibid. 245, 248.

⁴² Ibid. 270.

⁴³ Ibid. 45. Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). М., 1991. С. 34-77; www.peteris2002.ru

⁴⁴ Общий свод по империи данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905 II Т 2 19; Всероссийская перепись 1926 г. Т. IX. ГОД ИЗДАНИЯ???. С. 34-40; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 300. Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). М., 1991; www.peteris2002.ru

⁴⁵ Общий свод по империи данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905 II Т 2 19; Всероссийская перепись 1926 г. Т. IX. С. 34-40; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 300. Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). М., 1991; www.peteris2002.ru

⁴⁶ Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.) М., 1991 С. 78-141. Относительно демографических стран см. следующие ссылки. www.peteris2002.ru; <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php>; <http://demoscope.ru/weekly/2003/097/analit01.php>; <http://demoscope.ru/weekly/033/evro02.php>; <http://www.languages-study.com/demography/kazakhstan.html>; <http://demoscope.ru/weekly/033/evro01.php>; <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/analit01.php>; <http://demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php>; <http://www.languages-study.com/demography/armenia.html>; <http://demoscope.ru/weekly/037/evro04.php>; <http://www.languages-study.com/demography/turkmen.html>; <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/>

⁴⁷ Без Абхазии и Южной Осетии

⁴⁸ Без Приднестровской Республики.

⁴⁹ *Решты явиш*. Стр с. 50-52.

⁵⁰ Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). С. 34-48; [Электрон. ресурс] Режим доступа: www.peteris2002.ru

⁵¹ *Orantavaestolaskenta Helsingissa vuonna 1965*. Helsinki/Helsingfors, 1966; *Vaestolaskenta 1965 V Helsinki/Helsingfors*, 1968.

⁵² [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.kia.hu/konnytar/skelely/erf12002.htm>.

⁵³ *Добро Дичи А.В. Кочевники тундры: мифы и их фольклор*. Екатеринбург, 2004. С. 91-94.

НОВГОРОД В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ НАЗРАДИИ

*С.В. Громяновский
г. Великий Новгород*

ВЕЛИКИЙ МОСТ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Изучение средневекового Новгорода ярко выделяется на общевропейском фоне взаимодополняющим сочетанием исторических и археологических источников. Если бы не начатые в 1932 году масштабные раскопки, историки до сих пор пребывали бы в полном неведении относительно общих принципов организации городской жизни и деятельности городских магистратов в этом городе, обладавшем республиканскими чертами управления уже в XII веке.

Возникший в исключительно неблагоприятных условиях переувлажнённой Ильменской низменности, разделённый быстрой и незамерзающей рекой, Новгород не смог бы развиваться в мощный политический организм, если бы его жители с самого начала не озаботились устройством городской инфраструктуры. Уже в середине X века в городе возникает регулярное мощение деревянных улиц, в XI-XIII вв. появляются первые общегородские дренажные системы, в XIV веке город создаёт по периметру своей территории мощную оборонительную и гидротехническую систему вала и рва Окольного города. Все эти мероприятия и сами сооружения (улицы, дренажи, стены и валы) создавали повседневный фон республиканской жизни, продлевали бытовые и политические конфликты, стимулировали развитие местного самоуправления и республиканских институтов.

Любая история начинается с географии. Не исключение в этом смысле и история Новгородской республики, многие черты которой с самого начала были обусловлены природным расположением

ем города и особенностями климата, с самого начала городской истории влияющими на внутреннюю мобилизацию горожан и только в ситуациях политических конфликтов, но и через ливнем различных стихий.

Волхов — единственная река, которая вытекает из озера Ильмень, хотя впадает в него около сотни больших и малых рек. Почти вся территория Прильменья представляет собой плоскую равнину, находящуюся на отметках 20–60 м над уровнем Балтийского моря. Особенностью этой территории, обусловленной историей формирования и климатом, является её чрезвычайная увлажнённость, в частности, значительное преобладание осадков над испарениями. Волхов является молодой рекой, хотя русло реки приурочено к древней дочетвертичной долине. В зимний период Волхов на участке исторического центра Великого Новгорода замерзает только при температуре воздуха ниже -15° , в остальном температурном диапазоне река от истока до впадной линии Окольного вала остается свободной ото льда. Максимальный подъем уровня воды в реке в паводок, начинающийся в апреле, может составлять 8 метров. Половодье растягивается на период с апреля по июль, вследствие малого уклона русла реки и влияния огромного бассейна озера Ильмень.

Частым явлением на Волхове является движение реки вспять, которое зафиксированы летописями в 1063, 1162, 1176, 1325, 1373, 1376, 1415 и 1525 гг., и продолжалось до недавнего времени, несмотря на появление в 1922 году Волховской ГЭС, осуществляющей регулируемый сброс воды.

Особенности гидрорежима делала Волхов исключительно неудобным для мостостроения. Традиционный для Древней Руси наливной мост оказывался под угрозой срыва сильным течением иль льдом, а зимняя переправа по льду просто невозможна. Новгородские летописи содержат многочисленные сообщения о катастрофических последствиях наводнений для моста: «Бысть вода велика в Волхове, яко же не бысть бывала никли же, [...] и снеге великого моста 10 городехъ» (1338 г.); «Того же лета иде лед гилень изь озера, и вышлече изь великаго мосту 14 городю» (1406 г.); «бысть вода велика [...] и снеге великаго мост» (1421); «вылози ледом ноць мержею у великого мосту 7 городехъ» (1436).

Столь сложные природные условия оказали решающее значение при выборе новгородцами конструктивной стратегии моста. Для того, чтобы иметь надежное и непрерывное сообщение меж-

ду частями города им пришлось озаботиться сооружением много-селовного моста, причём уже на ранней стадии существования города.

Древнейшее достоверное упоминание моста в Новгороде относится к 1133 г. В последующем мост упоминается регулярно, в основном, в связи с его ремонтами и поновлениями после наводнений или пожаров. Название «Великий» появляется лишь в 1320-х годах: «Тон же осени бысть вода велика въ Вылхове; пойма окызо смера сени и по Волхову. Тогда померзъшую смеру и стонники 3 дни, и въздре угъ негръ, натылаивъ, вънесе все въ Вылхово, и въздре 5 городань великаго моста, и принесе къ Питбе родъ сыгъзи Николю 8 городань въ июль, а 9-ю рожнесе, месяца декабря въ 8 день, на святого Паталия»⁴.

О конструкциях мостов через Выхов периода новгородской независимости (X-XV вв.) известно крайне мало, как и в целом о древнерусском мостостроении. Исследователи обычно отмечают, что строительство мостов на Руси началось в глубокой древности, а их конструкции напоминали простейшие «лавы» — перекинутые через узкий проток 2-3 ряда бревён, опирающихся на сваи. Остатки подобных конструкций были обнаружены при раскопках в Москве у древнего ручья Чертогоря; сохранились они до недавнего времени и на Русском Севере⁵.

О стационарных мостах, к которым относят и новгородский Великий мост, в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, что в основе их устройства находились срубные «городни», забитые землей и камнями. В основу этого мнения, по всей видимости, легло употребление в древнерусских источниках термина «городня» как для обозначения мостовых опор, так и для срубных конструкций, использовавшихся в Древней Руси при строительстве крепостных укреплений. Конструкция крепостной городней была детально изучена при раскопках древних стен Новгородского Кремля. Действительно, это были дубовые четырёхгольковые срубы, заключённые культурным слоем и состыкованные в длину стены⁶.

Среди немногих аналогий новгородскому мосту упоминаются остатки срубной городни XVI века, также обнаруженной в Москве. Треугольная в плане конструкция этой городни была образована острым пропилею течения реки Пеглишной, а основание к одному из башен Московского Кремля. Сруб был закреплён вертикальными врытыми у нижнего венда сваями. Автор публикации отметил

что подобная конструкция, найденная из берегу, вряд ли использовалась на глубоком месте⁷. Кроме того, в исследованиях по истории дреггерусских мостостроения принято широко использовать аналогию мостов на срубных быках, сохранившихся до 1960—1970-х годов на северных русских реках⁸. Исходя из северных аналогий за Волховским мостом в Новгороде, несмотря на отсутствие каких-либо физических свидетельств, прочно закрепилась репутация моста рижского типа⁹.

В то же время, судя по издававшимся еще в начале XX века пособиям по деревянному мостостроению конструктивное устройство мостовых опор выбиралось в зависимости от характера грунта реки. В одном из таких пособий указывается, что *ряжские опоры (быки)* применяются «при скалистом и при весьма слабом грунте, не допускающем забивки свай». Конструкция *свайных опор (быков)* состоит «из забитых в грунт свай и элементов, приводящих сваи в жесткую и устойчивую систему. В России это наиболее употребительный тип быков»¹⁰.

Ответ на вопрос о времени появления древнейшего моста Новгорода, а также его локализации, связан с более широкой проблемой возникновения и становления городской инфраструктуры. При рассмотрении вопроса о локализации моста нам придётся иметь дело не с установлением однажды выбранного места его нахождения, а с изучением динамики его перемещения, о чём прямо говорят летописные сообщения: «...делаши мостъ вьсь чересь Волховъ, на стороне ветхаци, новъ мьстъ» (1144 г.)⁹; «...томъ же лето делаши мостъ новъ чересь Волхово по сторону ветхаци» (1188 г.)¹⁰.

На Торговой стороне значение центральной магистрали принадлежало Славной улице, в основе которой лежала древняя дорога, соединявшая Городище с княжеским двором на территории города (т. е. Ярославов двор). Большинство других улиц пересекало её под разными углами, устремляясь к берегу Волхова, где находились торговые ряды и пристани. Всё это очень напоминает купеческие поселения в разных уголках Балтийского региона.

Из реконструкции уличной сети, созданных на основе многолетних раскопок, очевидно, что уже на начальном этапе истории периода деградации стержневых улочек магистралей были река, а главное место в структуре городских коммуникаций занимает мост через Волхов. Без постоянного моста полноценная жизнь города на берегах почти замерзавшей реки была бы невозможна.

Попытки реконструкции трассы древнейшего моста, основанные на исторических сведениях, предпринимались неоднократно, но успешными их назвать нельзя. К сожалению, мы до сих пор не располагаем надёжными топографическим привязками местоположения бертовых окончатей моста ни на Сакбийской, ни на Торговой стороне.

Мост — важнейшее звено в системе городских коммуникации должен был не только связать берега Волхова, но и установить чёткий контакт между важнейшими объектами городской жизни. На левом берегу Волхова к числу таких объектов относился *детиниц* (городская цитадель), внутри которого находился главный городской собор Святой Софии и епископский двор¹¹. К северу и югу от *детиница* находились два крупных района города — Неревский и Людям концы.

На противоположном берегу Волхова находился Тург — общегородской рынок, тянувшийся широкой прибрежной полосой. Локализация древнейшей территории грядущей ограда до конца не прояснена, но уже в XII веке её местоположение очевидно и надёжно очерчивается каменными храмами, построенными нов-

Дубок начала XVIII века.

«Великий Новгород древняя столица Российская»

городскими князьями. Планировочная структура общегородского рынка изучена слабо. Даже в 1930–1940-х гг. здесь проводились большие археологические раскопки. Но полученный в них материал был весьма ограничен и не позволяет уточнить расположение различных торговых рядов на плане города.¹² Подобному исследованию, при описании территории рынка, в основном оперируют документами XVI–XVII вв.¹³ По общему мнению, осевой линией рынка был Великий (Пробойный) Сурожский ряд, являвшийся продолжением Славной улицы и выходящий на Великий мост. Остальные ряды, число которых уже в XVI веке достигало 43-х, расходились от Великого ряда сложной паутиной, сформированной под воздействием исходного рельефа территории.¹⁴

Таким образом, линия древнейшего моста замыкается между окончанием Великого ряда на Торговой стороне и входом на территорию городской крепости (детинца), на Софийской стороне. Но если положение Великого ряда можно считать неизменным (для противоположной точки зрения нет никаких оснований), то местоположение крепостных ворот детинца явно изменялось с течением времени. Полученные в ходе зимних работ 2006 г. первые датированные образцы древесины средневекового периода позволяют предполагать, что в XIII–XIV веках мост находился примерно на этом же месте. Некоторые соображения могут быть высказаны в отношении общей конфигурации моста. Его тупоугольное очертание, отражённое на рисунках и планах XVI–XVIII вв., возможно, не является первоначальным, а скорее, следствием изменений топографии Софийской стороны: расширения территории детинца и смещения входа в крепость. Это предположение на уровне графической реконструкции уже высказывалось и ранее («Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1995»). Наши материалы добавляют некоторые археологические аргументы в пользу этой гипотезы, поскольку распределение археологического материала вокруг опоры, находящейся на границе южной части кремля, и пилоры, следующей в направлении Причистинской башни, то есть вконец монументально извая, как и стены отличавой я. Культурное отложение на «ширильном» участке моста практически не содержит керамики ранее XVI века, и количество артефактов эпохи Новгородской независимости здесь также незначительно.

Существующие археологические реконструкции уличной сети и планировки средневекового Новгорода в целом также не противоречат подобной гипотезе. Для Софийской стороны и Прусская,

и Чудовицкая улицы с одинаковой вероятностью могли выходить на Великий мост. Более того, полученные в результате исследований результаты позволяют расширить круг вопросов для дальнейших исследований. Исходя из местоположения найденной опоры моста XIV века, при дальнейших раскопках открывается возможность доказать или опровергнуть предположение о существовании «прямых» моста в XII–XIII вв.

В изучении вопроса об изменениях местоположения моста существенное значение могут иметь косвенные указания исторических и археологических источников на общий характер градостроительных изменений (планировки и застройки города). Мост как важнейший элемент планировочной структуры города был одним из самых «чувствительных» индикаторов градостроительных изменений, причем, не только в XVIII–XIX веке, но и на ранних этапах истории Новгорода. Показательной в этом отношении является ситуация 1330-х гг., о которой пойдет речь ниже: в этот период центральная часть Новгорода переживает коренные изменения (перестройка укреплений кремля в каменье, изменение внутренней планировки дистрикта, возведение наружной линии укреплений города и др.). Не случайным в этой связи является и сообщение летописи о трех последовательных обновлениях Великого моста в 1336, 1337, 1340 гг.

Даже при отсутствии прямых указаний на строительство моста или его ремонт следует обратить особое внимание на признаки возможных перемен в планировке прибрежной ситуации и в целом в центральной части города. Явно очевидно, что наиболее тесно изменения в расположении и конструктивном устройстве должны быть связаны с Детинцем и Торгом, которые являлись планировочными доминантами Софийской и Торговой сторон соответственно.

Можно сказать, что в эпоху независимого Новгорода Великий мост выступает индикатором социально-политических перемен, влекущих за собой неизбежное перераспределение контроля над городским коммунальным хозяйством как с точки зрения организации и финансирования местных работ, так и с позиций внимания к этому современников, в первую очередь, хронистов¹⁵.

Содержание одного из центральных документов по истории Великого моста – «Устава о мостех» – посвящено последовательности и «жонам ответственности» улично-мостового мощения в отдельных частях города, которые имели статус общегородских или публич¹⁶

Прорисъ сартыи
Васильевыхъ вратъ 1336 г.

ных территорий: часть городской площади (Летинец) за исключением епископского двора, Великий мост, Торг и иностранные торговые фактории, а также береговые пристани на Торговой стороне. По мнению В.Л. Янина, главная цель «Устава» — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. На это, как будто, указывает в начальной части Устава источник финансирования работ: по мощению — оплату должны производить т. н. «осмениками», сборщиками торговой пошлины¹⁶.

В тексте Устава последовательно упоминаются территории, прилегающие к Великому мосту с обеих сторон Волхова, а также указываются территориальные городские структуры (уличанские общины, пригородные волости и т. д.) и институты городского управления (дядыха, софьяме, тысяцкий, посадник), ответственные за организацию этого мощения.

В отношении возможной ответственности городских магистратов за мощение самого Великого моста мнения исследователей разделились. В.Л. Янин считает что «выборная между софьями и тысяцким, вряд ли можно сомневаться в обязанности именно тысяцкого организовать сооружение и ремонт моста через Волхов»¹⁷. Существует, однако, и прямо противоположная точка зрения. Она принадлежит В.А. Бурину, утверждающему на основании

в летописях указаний на роль тысяцкого в деле строительства и ремонта Великого моста. По его мнению, мощение мостовых прилётов закономерно находилось в руках владыки и софьян. «Если под «софьянами» понимать вышки владычских «инновитков» (включая заместников владыки), которые заведовали Домом Святой Софии»¹⁸.

Наиболее важным и одновременно показательным периодом для изучения влияния местостроительства на градостроительные изменения является XIV век. По замечанию В.Л. Янина и этот период времени «борьба вокруг посадничества постоянно прижимает форму борьбы Торговой и Софийской сторон»¹⁹. Ярким индикатором политического соперничества в это время является одновременные вечевые собрания на обоих берегах Волхова²⁰.

Сакральное значение Великого моста подчёркивается строительством на нём (в части, примыкающей к Софийской стороне) часовни «Чудного креста». Еще в 1930-х годах здесь находился резной липовый крест высотой 2,4 м. Написан на нём указывала, что крест поставлен в 1548 году «повелением раба божья Петра Невежина на мосту». Новгородские предания связывали его водружение со строительством Софийского собора (1045-1050 гг.)²¹. Во время восстания 1418 году новгородскому архиепископу Симеону пришлось брать этот крест в свои руки, чтобы остановить городское восстание, возникшее из столкновения простолужника Степанко с боярином Божицым.

Документы XVI века прямо указывают на активную торговлю продолжавшуюся на Великом мосту несмотря ни на что. В частности, в купчей 1591 г. говорится о продаже 1/3 лавки в Лекарном ряду, при этом указывается, что «стоит та моя треть лавкишка в Лекарном ряду на Волховском мосту, идучи с Софийской стороны на Торговую сторону по правне стороны»²². Ещё одним важным признаком сохраняющейся интеграции Великого моста в торговое пространство города, является его систематическое упоминание в качестве ориентира для локализации торговых лавок. Купчая того же 1591 г. на лавку в Шпанном ряду сообщает: «А стоит та моя лавка от Иванка Предтечи идучи к Большому мосту в Шпанном ряду по правой стороне подле Федоровы лавки пирожниковы, а по другую сторону подле Максимовы лавки точильниковы»²³. За этими описаниями просматривается более древний реалии республиканского периода, когда на мосту также существо-

валя активная торговля, что подтверждается и материалами подводных археологических работ (см. ниже).

Подробное описание Великого моста в новгородское время содержится в сохранившихся даточных книгах последней трети XVI века. Перечисление лавок и их владельцев даёт яркую картину активной хозяйственной жизни на мосту, в том числе, содержит информацию о предпочтениях в торговле на мосту. Упоминаются лавки, содержащие торговлю в которых обозначены характеристичной владельца (в терминологии документа): дестыри, лукваники, горшечники или гончары, серебряники, свечники, укусники, темяяники, воскобойники, замочники, судоплаты, квасники²⁴. Характер торговли во многих лавках не указан, что, вероятно, связано с широким ассортиментом продававшихся в них товаров. При этом владельцам лавок даны развёрнутые характеристики, позволяющие установить их социальный статус: например, Федька Семёвля – сторож Дьячей избы, Мишук Нос – садовник Государева двора, Ивановский попомарь и др.

Помимо торговых заведений Лавочная книга 1583 г. также упоминает устройства приставей для судов (насадон) на первых четырех городках со стороны Детинца: «Против каменной города на Волхове на мосту 4 городки снетских насаджиков и свиноретцких Васьки Тимофеева Малого, да Иванка Омельяновича Хобира, да Иванка Нестерова сына мясника с Новинки, да Богдана Иванова сына перевозника, да Тимофия Григорьева сына извозника с Черницыны улицы и всех снетцких и свиноретцких насаджиков, в оброк 3 рубли».

Мост под бурными водами

Великий мост средневекового Новгорода долгое время оставался вне пристального внимания исследователей, поскольку скудая документальная база его истории рассылена по различным категориям источников, а археологи не проявляли решимости в изучении его остатков на дне Волхова. Поэтому работы двух последних лет (2005–2006 гг.) можно считать серьезным прорывом в изучении одного из важнейших объектов городской топографии Великого Новгорода. Комплексность этого изучения была обеспечена межведущим характером исследовательского проекта и привлечением максимально возможного круга источников. Подводные археологические исследования на дне реки Волхов были нацелены на

2005 г. и продолжены в 2006 г. в целях выявления археологизированных остатков Великого моста и следов хозяйственной деятельности средневекового периода на речной акватории.

Исследовательская программа работ финансируется международным фондом ИИТАС в рамках реализации проекта «Мосты как *les rivières* и их значение в реформировании местного самоуправления в Западной и Восточной Европе». Наиболее важной частью проекта стали подводные работы, которые проводились в 2 этапа: июль-август 2005 г. (предварительные инженерно-геологические и дистанционные исследования) и февраль-март 2006 г. (подводно-археологические работы). Одновременно на 1-м этапе работ проводилось сопоставление имеющейся историко-архивной информации, в том числе планов моста XVIII-XIX вв. с результатами дистанционного зондирования Волховского дна на участке между Новгородским кремлем и Торгом.

Перед началом подводно-археологических исследований важнейших остатков деревянных конструкций Великого моста было установлено, что дно реки в зоне ливка не должно быть покрыто большим слоем ила. Этот вывод, сделанный на основе анализа инженерно-геологических материалов, значительно облегчил постановку задачи подводно-археологических исследований и упростил их методическую и техническую сторону.

Наличие в распоряжении исследователей перед началом археологических работ детального чертежа 1808 г., во многом повторявшего конструкции его предшественников, существенно облегчало задачу выявления на дне Волхова мостовых опор. В то же время, различные природные и исторические катаклизмы (наводнения, непрерывное мостостроительство с XII до XX вв., военные разрушения, прокладка по дну инженерных коммуникаций) позволяли высказать и скептические оценки в отношении перспектив подводных поисков мостовых конструкций. Поэтому, прежде чем приступить к археологическим работам на дне, был проведен цикл дистанционных исследований с использованием различных технических средств.

В результате было получено гидроакустическое изображение — сонограмма дна реки Волхов на исследуемом участке. При детальном изучении полученного изображения поверхности дна на изучаемом участке выяснилось, что дно реки пересекают две «структуры» техногенного происхождения, которые в целом занимают около 2 гектаров.

Результаты уже первых погружений водолазов показали, что реки в местах отсутствия мостовых конструкций (ближе к границам) песками средней плотности и плотными. Мощность этих песков составляет около 1,4 м. Пески подстилаются зернистыми суглинками мощностью около 0,5-1,2 м. Все археологические находки приурочены к слою песков. Нижележащие суглинки археологических объектов содержат в незначительном количестве или не содержат вовсе. С точки зрения археологических работ это означало, что поверхность суглинков можно было принять за археологический материк (subsoil), с поверхности которого началась строительная и хозяйственная активность людей, связанная с историей Великого моста.

При отсутствии ясного представления о конструкции моста до начала археологических работ на дне Волхова можно было сделать несколько предположений. Летописные миниатюры и иконографические изображения Великого моста (XIV-XVII вв.), при их несомненной условности, позволяют предположить два варианта опорных конструкций моста: срубный и свайный. Выход моста являлся небольшим, как что указывает целый ряд сообщений в источниках. В рассказе о «чуде архиепископа Иоанна» говорится, что новгородцы посадили его на шют «жизвесивше» с Великого моста²⁵. Второй эпизод относится уже к XVI веку и сохранился в составе Псковской первой летописи: «Того же лета в Новгороде была вода велика, потопила монастыри многие и дворы многие, а воду черпали с мосту с Волховского колпаки»²⁶.

Прежде чем перейти к описанию полученных в результате раскопок материалов, необходимо отметить, что исследованиям Волховского дна на предмет обнаружения остатков средневековых гидротехнических сооружений никогда ранее не предпринимались, также как отсутствовала какая-либо практика подводных археологических работ в Великом Новгороде в целом.

Участок подводных раскопок пришёлся на центральную часть русла реки Волхов. Ширина реки в месте работ составляет около 200 м и изменяется в зависимости от уровня воды. За период работ глубина погружения менялась от 8 до 4 метров, скорость течения от 1,5 до 0,7 м/с, видимость от 0 до 0,7 м. В столь сложных гидрологических условиях подводные археологические исследования в России ранее не проводились.

Первые три этапа (четвертый период, июль -- август 2015 г.) проводятся при очень низком уровне речной воды и быстрым темпе-

нии, поэтому в основном они сводились к реконструируемым мероприятиям — выявлению свайных опор без применения техники маркирования деревянных конструкций, сбору изданных материала.

Перерывы между этапами работ использовались для анализа полученных результатов, изучения условий работы в разные гидрологические периоды, корректировки методики исследования. Собственно раскопочные работы были начаты только в феврале 2006 г.. Всего за зимний период работ гидромонитором («водной лопатой») было «промыто» три шурфа общей площадью 51 м.

На начальной стадии работ в результате комплекса геофизических и подводно-технических работ были обнаружены остатки опорных конструкций мостов XIV и XVIII вв., датированных естественнонаучными методами. В ходе собственно подводных исследований была собрана значительная коллекция артефактов (более 450 предметов из железа, цветных металлов, кости, кожи, стекла, камня), датируемых в диапазоне XII–XIX вв.

Для датировки обнаруженных конструкций дендрохронологическими и радиоуглеродными методами в ходе археологических исследований 2005–2006 гг. с деталей различных деревянных конструкций на дне р. Волхов был сделан 21 спил. Спилы исследовались в лаборатории дендрохронологии Новгородского археологического центра.

Как показала первичная обработка древесных спилов¹⁴, три образца действительно являются дубовыми (*Quercus sp.*), 18 принадлежат деревьям хвойных пород — сосне (*Pinus silvestris*) — 11 экз. и ели (*Picea abies*) — 4 экз. Возраст образцов колеблется от 29 до 172 лет. Большая их часть имеет достаточное количество годичных колец для убедительной синхронизации с эталонными моделями новгородских дендрохронологических шкал. Сохранность внешних колец, определяющих датировку образцов, в большинстве случаев удовлетворительная.

В результате проведенного дендрохронологического анализа выполненного с использованием компьютерных программ DENDRO и CATRAS, датировку получили семь образцов образцов. Датированные образцы относятся к двум различным хронологическим периодам. Ряд крупных свай поздней группы обнаруживает убедительное сходство с эталонными образцами поздней части новгородской дендрохронологической шкалы (XVIII–XX вв.). В качестве эталонов использовались как живые деревья, так и датированные

оружья XIX-XX веков из Новгорода и Старой Руссы. Для сравнения привлекались и другие материалы, в частности, шкала юго-восточной Финляндии. Датированные образцы составляют хронологически компактную группу: часть свай с сохранившимися высшими кольцами датируются 1782 г., одна — не ранее 1781 г., ещё одна — не ранее 1778 г. На основании полученных датировок группы двойных свай, исследованных на дне Волхова, известна к последней четверти XVIII века (не ранее 1782 г.).

Датировку получили также два спиля с деталей двух одинаковых конструкций из плах (пластин), соединённых с помощью вырубков и крупных нагелей. Плаха из первой конструкции датирована 1286 годом, ещё одна плаха второй конструкции — 1354 г. Принадлежность образцов эпохе Средневековья не вызывает сомнений: сходство с эталонной хронологией Новгорода характеризуется достаточно высокими коэффициентами.

Таким образом, помимо конструкций XVIII века, в изучаемой выборке представлены две разновременные средневековые конструкции 1280-х и 1350-х гг.

Значительно меньшая коллекция дубовых свай небольшого размера в количестве 3-х штук была собрана для радиоуглеродного датирования. Образцы дуба — спиля, выделенные в нижней части шурфов 2006 г., обнаруживают существенное сходство тенденций роста годовичных колец с образцами дубовых конструкций XIV века из культурных напластований Новгорода (материалы Никитинского, Посольского, Троицкого раскопок), что ещё до проведения радиоуглеродного анализа позволяло предполагать, что дубовые сваи также относятся к периоду Средневековья.

В результате радиоуглеродного датирования дубовых образцов в лаборатории Института истории материальной культуры РАН (С.-Пб.) выделены два наиболее вероятных хронологических интервала, в которые могли существовать дубовые сваи:

1 интервал — 1285 — 1300 гг.

2 интервал — 1365-1385 гг.

Оба интервала разновелики. Комбинированная дата, т. е. календарный интервал с 98% вероятностями неопределённости — 1270 — 1390 гг.

На основании обнаруженных конструкций и их датировки впервые можно достаточно уверенно говорить о свайном характере мостовых конструкций XIV века, и, вероятно, средневековых мостов в целом. Выбор свайной конструкции наглядно иллюстри-

использованным как в точке зрения гидротехнической реки и характере донных сложенных, так и исходя из традиционной практики мостостроительства в России. По всей видимости, дубовые сваи забивались в грунт на глубину не более 1 метра. Способ скрепления свай между собой хорошо известен и был распространён в мостостроении еще в начале XX века. Для придания жесткости свайной конструкции необходимо «сращивать» сваяи между собой с помощью пересекающихся связями из досок (пластик). Именно такие пластины с гнёздами и анкерами для скрепления под различными углами и были обнаружены поверх дубовых свай. Важно отметить, что обнаруженные в ходе раскопок дубовые сваяи XIV в. завалены камнями, а зачистены суглинком, а уже затем завалены слоем с керамикой XVI-XVII вв. Из этого следует, что камнями на засыпка верхних ярусов опор в это время отсутствовали, что, вероятно, и сказывалось на устойчивости всей конструкции.

Выявленные дубовые сваи не только маркируют место нахождения одной из опор моста XIV века и характеризуют конструкцию моста, но и вселяют надежду на результативность дальнейшего поиска мостовых конструкций предшествующего периода. Обломки пластины (плах) соединяющихся дубовыми нагелями, две из которых датированы 1286 г. и 1354 г. позволяют осторожно предполагать локализацию более ранних опор несколько выше по течению.

Благодаря первым археологическим исследованиям остатков моста, проведённым в 2005-2006 гг., теперь можно с уверенностью говорить о доступности мостовых конструкций для широкого изучения, в том числе датировки естественнонаучными методами. Обнаруженная в ходе подводных раскопок коллекция индивидуальных находок (свыше 450 единиц) и массового материала (монеты, костяные останки etc.) представляет собой достаточно большой объем информации для характеристики «жизни на мосту». Находки печатей и западноевропейских пломб при комплексном подходе к анализу позволяют поймать «в фокус» исторический реалии деятельности городских магистратов по ремонту и содержанию моста.

Несмотря на общую скудость письменных известий по истории Великого моста, некоторые исторические обстоятельства «жизни» в средневековом Новгороде стали доступны благодаря целому ряду находок в раскопках 2005-2006 гг. Прежде чем перейти к описанию находок, заметю, что результаты подводных раско-

доватий убеждают в том, что археологизация средневековых предположений на дне Волхова, то есть ожидание предметов и приданных отложений, не носило стихийного характера, а, в основном, подчинялось некоторым закономерностям. Выявление всего набора этих накопимостей является делом будущего, но о наличии некоторых из них можно говорить вполне определённо уже после начального этапа работ.

В одном из раскопов на дне Волхова была обнаружена свиццовая выгравированная печать, точнее, её половинка. Эта находка относится к категории именных печатей новгородских тысяцких, количество которых весьма невелико: всего известно 38 печатей, происходящих от 25 пар матриц. Волховская печать принадлежит 1-й группе таких печатей, признаками которой является нанесение на одну сторону печати имени (без отчества) тысяцкого; на обратной стороне помещается изображение святого. Все известные печати этой группы (5 экз.) принадлежали новгородским тысяцким XIV века.

Известный ранее экземпляр (№ 595а по Своду актов печатей Древней Руси) происходит из раскопок 1995 г. на Андреевском раскопе в Новгороде²⁴. Эта свиццовая была сохранена целиком, её размеры — 26-27 мм, на лицевой стороне хорошо читались надписи: «ПЕЧАТЬ АВРАМОВА ТЫСЯЦЬСКОГО». На обороте изображен святой всадник с кольцом, подпись к которому сообщает, что это Святой Авраам. В отклонении персональной принадлежности «печати Аврама» публикаторы первой находки сообщают: «Источники знают двух тысяцких Аврамов. Один был деятелем 20-х годов XIV в., другой Аврам Олферьевич — упоминается под 1340, 1343, 1348 и 1350 гг. Не исключено, правда, что это одно лицо»²⁵.

Таким образом, печать со дна Волхова также принадлежала тысяцкому Авраму и является вторым экземпляром печати этого типа²⁶. Из сравнения отскоков на обеих печатях (в первую очередь, очертаний букв), следует, что они выполнены разными матрицами. Характер излома обычен для выгравированных свиццовых печатей — чаще всего они ломались по линии сквозного канала, через который пропускался шнур, скреплявший опечатываемый документ. Наглядный образец устройства буцлы до ее «опечатывания» даёт ещё одна находка (т. е. заготовка печати) из раскопок на дне Волхова.

Находка печати тысяцкого Аврама является несомненным удачей археологов, существенно влияющей на общую картину рекон-

татов подводных исследований. Во-первых, обнаружение печати магистрата, занимавшего должность тысяцкого в 1320–1340-х гг. рядом с мостовыми конструкциями, отсылающими (статистически естественным образом) к XIII–XIV векам, является убедительной перекрёстной датировкой.

Как раз в XIV веке, к которому относится находка нашей печати, происходит резкая перемена в основной принадлежности тысяцких. Если в XIII веке они избирались из среды так называемого «сотенного», то есть неприклевещеного населения города, то уже в XIV веке тысяцкие кажутся только из числа новгородских бояр, что свидетельствует о повышении престижа должности тысяцкого и постепенном сращивании городских «сотен» с боярскими кланами. Немалую роль в процессе боярского поглощения «сотен», по мнению В.Л. Янина, сыграло церковное строительство бояр, поскольку в состав приходов вновь воздвигнутых храмов входило как население боярских усадеб, так и жители городских «сотен»³¹. Таким же «общим» объектом содержания в городском масштабе для представителей боярского и «сотенного» являлся, вне сомнения, и Великий мост.

Из текста «Устава о мостех» следует, что тысяцкий отвечал за состояние одного из участков центральной части Новгорода. Исследователи сходятся в том, что этот участок продолжался от Великого моста до церкви Иоанна на Олоках, являвшейся центром крупнейшей торговой корпорации новгородских «вошников» и также местом торгового суда. Таким образом, место находки печати Авраама находится если не прямо в зоне юрисдикции тысяцкого, то в непосредственной близости от неё. Можно представить гипотетическую ситуацию, при которой документ, скреплённый печатью тысяцкого, был «распечатан» его адресатом прямо на Великом мосту. Разломанная при этом половая печать должна была соскользнуть со шнура и вполне могла провалиться в воду между досками мостового настила.

Персональная принадлежность печати вносит некоторые нюансы в историко-археологический контекст находки будды в районе Великого моста. Независимо от того, действовали ли в Новгороде в 1320-х по 1340-е гг. два тысяцких Авраама или один, этот период времени отмечен в истории Новгорода всплеском градостроительной деятельности, о котором говорилось выше. Как уже отмечалось выше, кардинальные перемены в градостроительстве Новгорода начинаются с грандиозной перестройки архиепископом Василием

Каликой (1331-1351) укреплений Детинца, ставшей этапом пере-
планировки всей центральной части Софийской стирны. Под 1336
г. летопись сообщает о строительстве южной стены, что выглядит
логическим продолжением этой цепочки строительных акций²².

Уместно привести слова Василия Калики из его известного
поучения, вошедшего в текст Новгородской первой летописи под
заголовком «Послание архиепископа новгородского Василия к
владыке тверскому Федору»²³. В нём он поучает тверского влады-
ку правильному толкованию «мысленного рая», говоря при этом:
«Самовидец есмь сему, брате: егда Христос иде в Иерусалим ко
страсти волюво и затвори своими руками врата грашная, и до сего
дни не отворимы суть»²⁴. Эта фраза помогает понять логику по-
следовательности строительных работ 1330-х гг.: сначала владыка
строит каменные стены общегородской крепости (детинца), затем
отгораживает внутри всё сектор своего «владычного двора», офор-
мляет проход в него со стороны Большого моста храмом Яхиа и
Иерусалим, а на обращенный к тому же храму и мосту портал Со-
фийского собора навешивает новые медно-золоченые ворота, при-
чём именно с южной стороны — от линии южного моста. Нового
храма и южной ограды Владычного двора.

Находка печати тысяцкого Аврама потянула за собой ниточку
«расследования» событий 1320-1340-х гг., как это часто бывает в
археологии, явно находящейся в родстве с детективным жанром.
Одним из наиболее любопытных исторических сюжетов этого пе-
риода, имеющего прямое отношение к республиканскому устрой-
ству Новгорода и, в том числе, к активным символам этого уст-
ройства, является набор изображений на медно-золочёных воротах
Софийского собора, получивших со времён название Васи-
льенских по имени самого Василия Калики.

Сразу отметим, что ворота представляют собой уникальный
исторический источник, поскольку содержащиеся на них изобра-
жения наполнены глубоким символическим смыслом. В этом от-
ражена фигура самого Василия, который явно был увлечён нека-
ноническими сюжетами православия и сам являлся автором «по-
станья о земном рае», которое можно причислить к древнерусским
апокрифам. Именно во времена Калики в Поле пророк зарождался
и начинает распространяться на Русь первый «истинный» динжи-
нир, известный под названием «стригольничества».

Среди достаточно традиционных изображений сцен из Ветхо-
го и Нового заветов на правой стирке Васильевских ворот сохра-

пилась сцена под названием «Китоврас, забросышавший царя Соломона на край света». Смысл этой сцены достаточно прозрачен в борьбе кентавра, символикарующего патрона «людчича», с его «братом» царём Соломоном, первый одерживает верх, забросит мудрейшего из царей за край света, где его затем обрели мудрецы и вернули на трон. Содержание этики антиквифа, известного и в древнерусской литературе, являет собой яркий пример монархосахины — то есть борьбы с княжеской тиранией⁶. Для Новгорода, вступившего в эти годы в ожесточённые конфликты исковскими и московскими князьями, сюжет с Китоврасом выглядит более чем актуальным.

В то же время, изображения кентавров практически с момента основания сопровождают новгородцев в их быту. Среди известных изображений можно упомянуть и резные колонны из несгоревшейся деревянной церкви XI века, раскопанной в 1950-х гг. и лебедьшние фрагменты древних паникади-люстр Софийского собора, и даже деревянные резные фигурки, украшавшие интерьеры жилищ новгородцев. По мнению искусствоведов, столь близкое знакомство с миром античных мифических существ, в которой кентавры занимают одно из ведущих мест, значительно расширяет наши представления о степени знакомства населения Древней Руси с литературным наследием и мифологией Древней Греции⁸.

Примечания

- 1 Новгородская первая летопись. М., 2000. С. 348-349, 309, 413, 419.
- 2 Новгородская первая летопись. С. 67.
- 3 Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства Древней Руси // Средневековая Русь. М., 1976. С. 32.
- 4 Трояновский С.В. Новгородский летописец в X-XV вв. по археологическим данным. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2001. С. 16-17.
- 5 Там же. С. 32-33.
- 6 Иванова-Васи Л.И. Деревянные мечты русского севера XVIII-XV вв. Диск ... канд. Архитектуры. М., МАРХИ. 1988.
- 7 Иванова-Васи Л.И., Хархордин О.В. Новгород как республика — миф или реальность // Византизм и славянская культура. 4(30). 2003. С. 203.
- 8 Патов Г.О., Рабцевич П.П., Симынский К.К. Деревянные мечты. Киев, 1915. С. 5.
- 9 Новгородская первая летопись. С. 27.
- 10 Там же. С. 39.

11. Petrov M., Trojanovsky S. Man and The Fortress: Ways For Co-Existence In Medieval Russia // Castella Maris Baltici V. Rindkubing, 2002. P. 137-142/

12. Рыбанца Е.А. Торговая средневекового Новгорода Великий Новгород. 2001. С. 290-292.

13. См. например, Семенов А.И. Топографил новгородского Торга в 1583 году // ИИО. Вып. 1. Л. 1936 С. 23-40 и планка); Он же. Древняя топография грядней части Торговой стороны Новгорода // ИИО. Вып. 30 Новгород. 1961. С. 137-159.; Прыштей А.П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков. 1957. С.95-102; Андреев В.Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // ИИО. № 2(12). Л., 1984. С. 114-127; Сорокин А.Н. К топографии древнейшего Торга // ИИОИИИ. Вып. 2 Новгород. 1989 С. 45-48; Еусавов В.Н. К топографии северной части древнего новгородского Торга // Там же. С. 48-53; Варенцов В.А., Кожалецко Е.М. В составе Московского государства. СПб., 1999. С. 61-62.

14. Петухина Л.И. «Икона Преподобца Петратияше дворе, а ныне живёт на Олоках» (о связи микротипологии Новгорода с древним рельефом) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 187-193.

15. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в отношении городских укреплений. Если в 1044 и 1116 годах летописец сообщает о строительстве «нового города» князьми, то уже в 1169, 1220 и 1262 годах строительми городских укреплений называются новгородцы. С 1302 году инициатива по-строению новых укреплений явно переходит в руки архиепископа: «Здажи владыка Феодист град каменн Новгородску» (1302 г.) Привила этому переходу, возможно, связана с реформированием политических институтов города и шквением т. н. «владычных наместников», обеспечивавших реализацию власти владыки, как высшего лица в иерархии управления Новгородской республикой.

16. Янин В.Л. Устав князя Ярослава о мостех // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 108.

17. Янин В.Л. Устав князя Ярослава о мостех // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 105.

18. Буров В.А. О местоположении княжесей сотни в Новгороде // Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 88.

19. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 263

20. 1332 г.: «И Ондифор с Матфеем созвоши веце у святы Софии а Федор с Одрешко дружи с конюшиса на Ярославши дворе». Новгородская первая летопись. С. 356

21. Муравьев М.В. Новгород Великий. Л., 1927. С. 30-31.

22. Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001. С. 183.

23. Там же. С. 191.

24. Лазарские книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930 С. 9-10, 129-131.

25. Литература Древней Руси. С. 229

26. Псковские летописи. Пинч. М., Л., 1941. С. 111.

27. Обработка образцов и их дендрохронологическая датировка выполнена научным сотрудником Новгородского Центра по организации археологических исследований О.А. Таракановой.

28. Янин В.Л., Гайдуков И.С. Актонные печати Древней Руси X-XV вв. М., 1998. С. 90, 195.

29. Там же.

30. Выражаю глубокую признательность академику РАН В.Л. Янину за первоначальную атрибуцию печати.

31. Там же.

32. Новгородская первая летопись. С. 347.

33. Новгородская первая летопись. С. 422-427.

34. Там же, с. 425.

35. Анзкрифы Древней Руси. СПб., 2006. С. 51-52.

36. Чернецов А.В. К изучению символики Пологородских врат 1336 г. // Краткие сообщения института археологии. № 144. М., 1975. С. 43-46.

*Г.Е. Дубровин,
г. Москва*

ФОРМИРОВАНИЕ ПЛОТНИЦКОГО КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Средневековый Новгород являлся своеобразной федерацией самоуправляющихся городских районов — конци¹. Общеизвестно, что в Новгороде изначально было лишь три т.н. «старых» конца (Перевский, Лядин и Сливенский), к которым позднее присоединились еще два — Плотницкий и Загородский. «Старые» концы выросли из догородских родовых поселков, потомки старейшины которых впоследствии составили основу новгородского боярства². Что же касается новых концов, то и характер образования их, ясно отличающийся от «старых», и время вхождения в городскую федерацию, являются предметом обсуждения.

Процесс формирования новых новгородских концов следует рассматривать на основании комплексного анализа археологических данных и информации о социально-политических процессах, происходивших в Новгородской республике. При этом необходимо принимать во внимание специфический состав населения этих районов города.

Археологические данные свидетельствуют о том, что во 2 ой половине XIII в. после длительной стабилизации границы города на Торговой стороне до Плотницкому (Федоровскому) ручью меняются, и территории к северу от него начинают активно осваиваться³. Трудно однозначно ответить на вопрос, что послужило причиной освоения новых земель: демографический взрыв в самом Новгороде или появление большого числа переселенцев из новгородской округи и других русских княжеств, однако, как бы там ни было, если говорить о формировании Плотницкого конца, то, по-видимо-

му былинное (а может быть и реальный) значение имел процесс заселения этих «северных территорий» Торговой стороной.

Если следовать версии М.Н.Тихомирнова-С.Н.Орлова о том, что Плотницкий и Федоровский ручьи тождественны, а топоним «Плотники» отнесением в первую очередь к мостам к северу с указанием водной преграды⁴, то не исключено, что особая роль в формировании Плотницкого конца принадлежит не названному жителям районам поблизости от его границ со Славно, где более столет прожизило вятичское население⁵, а вновь освоенным территориям за Плотницким (Федоровским) ручьем. Видимо, в процессе образования этого «молодого» поморского конца могли особенно активно проявить себя новые поселения, среди которых, вероятно, уже тогда были предстанлены и прусские бояре.

60-е — 70-е гг. XIII в. датируются на Андреевском раскопе самые ранние ярусы мостовых Плотницкой Пробойной и Малецкой улиц, а также остатки наиболее ранней застройки на прилегающих к ним усадьбах. По мнению авторов публикации материалов раскопа, улицным трассам здесь предшествовала транзитная дорога⁶. Видно, конечно, изначально это была древняя дорога, идущая от Славно к Антониеву монастырю.

Весьма показательны, что, во-первых, самые ранние ярусы улицных мостовых имеют здесь уже традиционную для городских улиц конструкцию (три продольные лаги и уложенные на них поперечные плахи), а, во-вторых, улицыные мостовые появляются заметно раньше регулярной усадебной застройки⁷. Все это может свидетельствовать об организованном освоении последовавшей территории и, что особенно важно, о городском характере этого освоения (т.е. о включении ее сразу в городскую черту). Показательны также сравнительно невысокий имущественно-социальный уровень первопоселенцев⁸.

Следует отметить, что земли к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья заселялись отнюдь не равномерно. Так, для характерных первоначального периода застройки (10–20 гг. XIV в.) Никитинского раскопа (располагавшегося в 300 м к юго-западу от Андреевского), характерны очень невыразительные остатки отдельных примечных жилых сооружений, никак не связанных с ориентированной на трассы Никитиний и Маницкий улиц регулярной усадебной застройкой, появившейся здесь только в середине XIV в., по-видимому, одновременно с первыми улицными мостовыми на этом участке⁹.

Правда, здесь надо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, местность, захлестнутая на Плотницком раскопе, была плохо приспособлена для жизни. Археологические данные и информация по палеорельефу свидетельствуют о том, что здесь была низина, литологически подтапливаемая во время паводков. Во-вторых, судя по наличию в предметериковых напластованиях раскола (при отсутствии каких-либо следов застройки) вещевого материала, который может датироваться в пределах XIII в., т.е. в том числе и домонгольским временем, не исключено, что рядом с территорией раскопа (предположительно к востоку от него, где наблюдалось повышение палеорельефа) находился какой-то относительно ранний поселенческий объект, например, поселок дотородского типа, может быть аналог тем, которые предположительно располагались около Михалицкого и Антонова монастырей¹⁰.

Характерно, что вскоре после первых мостовых Пробойной и Молотковской улиц, зафиксированных на Андрииском раскопе, появляется первое регулярное замощение традиционного городского типа и на исследованной на Федоровском раскопе Коржевой улице, расположенной на южном берегу Плотницкого (Федоровского) ручья (нач. 80-х гг. XIII в.)¹¹.

Таким образом, археологические источники свидетельствуют о том, что с 60-х — 70-х гг. (?) XIII в. начинается регулярное городское освоение местности к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья, а к 80-м гг. и улицы в районе бывшей северной границы города (Коржева) получают, наконец, стандартное городское замощение¹².

Все это можно рассматривать как доказательство того, что, по мере освоения земель к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья, к 80-м гг. XIII в. складываются предпосылки для проведения централизованных мероприятий по благоустройству территории в т.ч. и к югу от ручья, т.е. проводятся единые организационные линии¹³, которые, по-видимому, могла осуществлять община для всей этой местности административка, т.е. администрация нового Плотницкого конца, который, в принципе, мог сформироваться уже в 80-е гг. XIII в. (эту дату можно считать самой ранней из возможных¹⁴).

В результате появления во второй половине XIII в. поселенческой массы к северу от Плотницкого ручья на Торговой стороне складывается новая ситуация, когда «старому» Славенскому концу проткнутость является временной и лишь по планировке

по числу жителей плоскообразный «вискончанский противоберег», включивший в себя как население, традиционно проживавшее на территории к югу от Славна до Плотницкого (Федоровского) ручья, так и новых поселенцев, обосновавшихся за ручьем.

Среди жителей будущего Плотницкого кольца, по-видимому, было много некоренных новгородцев¹⁵, в т.ч. и выходцев из княжеского окружения, подчиненных непосредственно князю, вероятно, в рамках упомянутой в «Уставе князя Ярослава о мостех» Князей сотни¹⁶. Это население было в какой-то степени противопоставлено жителям «старых» концов, наделенных определенными правами в рамках городской федерации (например, правом избирать из своей боярской среды посадника), которых вискончанское население было лишено. Похожая картина складывалась и на Софийской стороне, где вискончанское население было сосредоточено на месте будущего Загородского конца. По-видимому, противостоявшие «старых» концов с Плотницким и Загородским «вискончанскими посадками» и явилось одной из предпосылок для образования на месте фиктивных новых княжеских единиц.

Основная масса вискончанского населения северной части Торговой стороны, входившего до формирования Плотницкого кольца в Княжью сотню, по характерному для XIII—XIV (?) вв. бинарному социальному делению новгородцев на «лучших» («больших», «пачиших», «старейших») и «меньших» («молодых», «присую чадь»), безусловно, должна быть отнесена к «меньшим»¹⁷.

Первые признаки такого разделения предстают в летописной статье за 1216 г., когда князь Ярослав Всеволодович в Торжке назвал «старейшие мужи... новгородьстии, и молодые избиромы»¹⁸.

В 1228 г. против архиепископа Арсения и других городских властей поднимает «присую чадь»¹⁹. Последний термин, безусловно, близок к «меньшим»²⁰.

Бинарное социальное деление жителей города особенно наглядно проявилось в летописных статьях, повествующих об острых конфликтах новгородцев с Александром Невским в 50-е гг. XIII в.²¹

Так, в 1255 г. после изгнания наместника Александра — его сына Василия — и попытки посадить на новгородском столе князя Ярослава Ярославича, сопротивление подданному с карательной экспедицией на Новгород Александру Ярославичу сосредоточилось на Торговой стороне. Во главе этого сопротивления стояли посадник — прусский бюрич Окаяня Феофилактович — и тысяцкий Кле-

(Климект). Характерно, что против великого князя выступили «меньшие», в то время как сосредоточившиеся на Софийской стороне «вятские» во главе с прусским же боярином Михалкой Степановичем наоборот поддерживали Александра и, более того, собирались удирить на «меньших» со стороны Юрьева монастыря. Кончилось противостояние тем, что посадник Ованья был смещен и на его место поставлен Михалко Степанович, а князю Александру Ярославичу возвращен новгородский стол²⁰.

Здесь следует обратить внимание на следующие факты.

А) Четкое размежевание позиций «меньших» и «вятских», сопровождающееся сосредоточением противоборствующих сторон на различных сторонах Новгорода.

Б) Концентрация «меньших» на Торговой стороне, где находился самый значительный в Новгороде «внекончанский приход» — на месте будущего Плотницкого конца.

В) Позиция прусского посадника Ованьи Феофилактовича, ставшего вместе с тысяцким во главе «меньших» против «вятских», т.е. против бояр «старых» концов и Прусской улицы²¹. С одной стороны, это можно объяснить личной враждой Ованьи к Александру Ярославичу, а с другой — существовавшими, по-видимому, уже тогда, т.е. в 50-е гг. XIII в., связями какой-то части прусского боярства, к которому посадник принадлежал, с внекончанским населением северной части Торговой стороны, в дальнейшем преобразованной в Плотницкий конец, заметную часть боярства которого в будущем составили выходцы с Прусской улицы, в частности, потомки самого Ованьи.

Еще один конфликт, продемонстрировавший социальное расделение населения Новгорода, произошел в 1259 г. После того, как поддерживаемые сыном Александра Невского Василием новгородцы в 1257 г. единодушно отказали татарским послам подтвердить перемирие («вятских» по десятины, тамги»²²), в 1259 г. татарские послы вновь прибыли в Новгород вместе с князем Александром Ярославичем. Началась смута, причем против «числа» выступила чернь, а татарских послан Александр поручил охранять сыну славянского посадника Михаила Федоровича и «детям боярским». Дело чуть было не дошло до открытого столкновения с «вятскими», которые требовали «яти меньшею по числу». На сей раз «меньшие» — противники татарского «числа» сосредоточивались у св. Софии. Невыкрая за спячку и зевне «меньших», Новгород все-таки в конечном итоге был перемигив татарами под данью²³.

Как видим, здесь представлен еще один пример консолидации «меньших», т.е. в данном случае преимущественно малоизученных (что следует из летописного текста) и, по-видимому, в значительной своей части внекончанского населения. Сопределение «меньших» на этот раз у св. Софии объясняется чисто тактическими соображениями — близостью Торговой стороны к Горюхищу, где находились князь Александр с дружиной и татарские послы, а, кроме того, охранявшие татар пограничные «дети боярские».

Вновь чернь²⁶ выступает единым фронтом, что свидетельствует о том, что в 50-е гг. XIII в. «меньшие» обладали возможностью организованных действий. Это можно рассматривать как одну из предпосылок для консолидированного движения «меньших» «внекончанского посада» Торговой стороны в направлении формирования на своей территории нового (Плотницкого) конца как равноправного члена городской федерации со всеми вытекающими отсюда последствиями, в т.ч. и правом избрания его представителей на посадничество.

Таким образом, во второй половине XIII в. «меньшие», в частности, население «внекончанского посада» Торговой стороны, проявляют определенные признаки организованности, позволявшие в этой части новгородцев выступить единой политической силой. Данное обстоятельство способствовало дальнейшему естественному продвижению в сторону оформления и конституирования вышедшей в социальных конфликтах XIII в. консолидации, что и выразилось в конечном итоге в формировании новых Плотницкого и Загородского концов.

Безусловно, должна была оказать влияние на процесс образования новых концов и реформа новгородской сотенной системы, выразившаяся, в частности, в выходе из нее «лучших», т.е. бояр.

По мнению В.Л. Янина и М.Х. Алешковского, сотенное деление для Новгорода является вторичным: в городе прослеживается существование двух административно-территориальных систем — одна из которых — деление города на концы и улицы — укоренилась в историческую топографию Новгорода и неким образом подчинена боярскому управлению. Другая, сотенная, совпадает с обычной организацией княжеского управления в других древнерусских городах. Десять новгородских сотен возглавлялись тысяцким, который представлял купцов, черных и жилых людей. Сотенное деление не представляло организованное население. Боярские концы в небоярские сотни располагались в городе чересполосно²⁷.

К.Г. Алексеев отмечал, что городские сотни, составлявшие в совокупности «тысячу», в Новгороде (как и в других древнерусских городах XII — XIV вв.) были территориальным объединением рядовых горожан, сочетавших занятия земледелием с ремесленно-торговой деятельностью, «старейшие» (бюргеры), вначале входившие наравне с «молодыми» в сотни, затем вышли из них, что можно расценивать как свидетельство приобретения «старейшими» определенных политических и правовых признаков. По мнению исследователя, выделение социальной верхушки из обычного сотенного деления свободного населения наблюдалось на Руси повсеместно, свидетельством чему являются жалованные грамоты князей²⁴. Однако, сформулировав тезис о выходе «старейших» из сотен в Новгороде, К.Г. Алексеев не ответил на вопрос, когда же это могло произойти.

На оставленный вопрос попытался ответить В.А. Буоров. Он предположил, что выход «старейших» из сотен произошел между 1189 (нижняя возможная дата договора Новгорода с Зотским берегом, где все новгородцы названы просто «мужами» без разделения на сословные разряды) и 60-ми гг. XIII в., когда в договорах грамотах с князьями начинают упоминаться «все старейшие и все меньшие» (т.е. официально подтверждается бинарное сословное деление). Далее исследователь считал возможным удревнить верхнюю дату этого промежутка времени до 1191 г., т.е. до первого упоминания республиканского тысяцкого Миронга и появления печатей подгородного тысяцкого. Таким образом, время разделения новгородцев на «старейших» и «мелких» и выхода «старейших» из состава сотен по В.А. Буорову может быть отнесено к 1189 — 1191 гг.²⁵

Однако датировка, предложенная В.А. Буоровым, вызывает сомнения. В договорной грамоте Новгорода с Зотским берегом, послужившей исследователю основой для нижней даты, упоминается тысяцкий Якош²⁶, который может быть отождествлен со вторым республиканским тысяцким Якуном Намзевичем, избранным уже после Миронга²⁷. Это обстоятельство противоречит построениям В.А. Буорова, поскольку им за основу был взят тезис о том, что появление республиканского тысяцкого можно считать индикатором сформировавшегося сословного разделения и бюрократии. Но ведь текст именно этой грамоты был использован исследователем для доказательства того, что в момент ее составления указанное разделение еще не произошло, т.к. здесь все новгородцы

без различий выкапывали «мужами». К этому следует прибавить убедительно доказанное Е.А.Рыбнича утверждение, что данная грамота должна датироваться 1191—1192 гг.²² Таким образом, можно поставить под сомнение не только датировку, предложенную В.А. Буруновым, но также и его основной тезис о том, что появление республиканского тысяцкого означало сословное разделение новгородцев и выход из плена «старейших» (бояр).

Можно согласиться с тем, что разделение новгородцев на «старейших» и «мелких», выход «старейших» из сотен и появление первых республиканских тысяцких связаны между собой. Другое дело — одновременность указанных процессов. Они были, безусловно, взаимосвязаны, но не обязательно одновременны. Как было показано выше, при первых новгородских тысяцких сословно-разделенке как будто бы еще не произошло.

Что же касается выхода «старейших» (бояр) из сотен, то письменные источники, скорее, свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в первой трети XIII в. в сотни по-прежнему входило все население Новгорода.

Так, в статье Новгородской первой летописи за 1229 г., сообщающей о разгроме славянского полюдника Водовика и его соратников (в частности, боярина Семена Борисовича), говорится о том, что «...добытьи Семеновъ и Водовиковъ по стомъ розделиша...»²³ Судя по всему, эта акция была общегородской и, очевидно, проводилась по приговору веча. В таком случае в дележе имущества («добытка») Семена и Водовика должны были участвовать все новгородцы, что, по-видимому, и нашло свое отражение в формуле «по стомъ розделиша». Если предположить, что «старейшие» (т.е. бояре) тогда уже не входили в состав сотен, то получится, что они были устранены от дележа имущества опальных славянских бояр, что вряд ли может быть как-то обосновано.

В качестве аналогичным событиям можно привести случившийся в 1209 г. разгром Миронкинчей. Тогда «...добытьи розделиша по зубу по 3 гривни по всему городу, и на шитьи...»²⁴. Судя по всему, характер дележа имущества в обоих случаях был один и тот же, т.е. формулы «по всему городу» и «по стомъ» надо понимать как тождественные.

Таким образом, можно предположить, что в 1229 г. сотенная система еще охватывала все население Новгорода.

В «Церковном уставе князя Всеволода», который, в частности, свидетельствует о передаче третью суда и контроля над мерью...

от князя к городу, и статье 15 гнирились в дележе имущества карушителей «Устава». «...а животь его на трое: треть живота с(вя)тѣи Софии, а другаа треть с(ва)т(о)моу Ивагоу, а третьяа треть сочскимъ и Новотороуду»³⁵. Как видим, в данной статье соотнесены представляли все каменники Новгорода. Это подтверждает и статья 23: «А та вся дѣла приказяхъ святѣи Софии и всемоу Новотороуду, мѡнѣи мѡужамъ и 10-ти сочскимъ»³⁶.

В связи с этим большое значение имеет датировка «Устава» и, в частности, статей 15 и 23.

С.В. Юшков предположил, что памятник является подлиннейшей компиляцией, составленной из разнообразных источников, в том числе и подлинного документа времен Всеволода Гавриила Мстиславича, а также «Устава Владимира» в третьей редакции третьей четверти XIII в. При этом исследователь выделил из текста «Устава» три фрагмента, на которых влияние «Устава Владимира» сказались в наименьшей степени и которые могли восходить к аутентичной грамоте князя Всеволода. Сюда вошли, в том числе, и статьи 15 и 23³⁷.

Позже инициатор А.А. Экмина, документ представляет собой фальсификат конца XIV в.³⁸

М.Н. Тихомиров считал, что в основе «Устава» лежит подлинник 30-х гг. XII в., а более поздние переделки не являются существенными³⁹.

В.Л. Янин выдвинул гипотезу о том, что источник «Устава» связан не с Всеволодом Гавриилом, а с Всеволодом Петром Мстиславичем (Гориславичем), т.е. конституирование торгового суда были предприняты в конце I-й четверти XIII в., а затем в конце XII в. была осуществлена компиляция первоначального «Устава» с «Уставом Владимира»⁴⁰.

Я.Н. Щалов рассматривал «Устав» как фальсификат кон. XIII в.⁴¹

Позднее к этому документу обращался Б.Н. Флоря, который предположил, что установление о торговом суде в «Уставе» относится к 70-м — 80-м гг. XII в., а издателем акта является Всеволод Большое Гнездо, не княживший в Новгороде, но фактически правивший им через своих ставленников⁴².

И, наконец, исследование памятника провёл А.А. Гинзбург, который, в основном соглашаясь с выводами Б.Н. Флоры, выделил три этапа формирования текста «Устава»: первый — до 1136 г., второй (по Б.Н. Флоры) — 70-х — 80-х гг. XII в., и третий — кон. XIII — XIV вв.⁴³

Таким образом, большинство исследователей сходятся на том, что в основе «Устава», окончательный текст которого сложился к концу XIII – началу XIV вв., лежит какой-то более ранний документ, датированный от 30-х гг. XII в. (С. Н. Юшков, М. Н. Тихомиров, А. А. Гиппиус) до 70-х – 80-х гг. XII в. (Б. Н. Флоря) – конец 1-й четверти XIII в. (В. Л. Янин). То есть, представленный в «Уставе» статус ситенной системы, охватывающей все население Новгорода, отражает ситуацию XII или даже 1-й четверти XIII вв. Последняя дата весьма показательна своей близостью к событиям 1229 г., как будто бы свидетельствующим о том же состоянии новгородских сотен (см. выше).

Самым ранним правовым документом, в котором нашла отражение реформа сотенной системы Новгорода, можно считать «Рукописание князя Всеволода», где возглавляющий торговый суд тысяцкий фигурирует как представитель только жилых и черных людей⁴⁴, а отнюдь не всего населения Новгорода, как раньше сотские.

Относительно датировки «Рукописания» (как и в случае с «Уставом») существуют различные точки зрения.

А. А. Янин считал «Рукописание» фальсификатом кон. XIV в., связанным с антимосковской реформой новгородского суда⁴⁵.

М. Н. Тихомиров здесь так же, как и в «Уставе», видел лежащий в основе документ 30-х гг. XII в., подвергшийся затем позднейшим переделкам⁴⁶.

В. Л. Янин предложил датировать окончательный вариант «Рукописания» рубежом XIII/XIV вв., причем основой для такой датировки, наряду с прочим, послужила денежная терминология памятника. Связывая «Рукописание» с «Церковным уставом Всеволода», исследователь полагал, что оба документа могли быть составлены в окончательном виде в кон. XIII – на рубеже XIII/XIV вв., причем «Устав» был первичен и послужил основой для «Рукописания», в котором первоначальная идея об организации торгового суда была приведена в соответствие с действительным устройством этого института на рубеже XIII/XIV вв.⁴⁷ Позднее В. Л. Янин отмечая, что «Рукописание» «в действительности переплетает порядок, сложившийся в Новгороде не ранее 2-й трети XIII в.»⁴⁸.

С последним положением трудно не согласиться, поскольку, например, в немецком проекте мирного торгового договора с Новгородом 1268 г. прямо говорится о функционирующем в Новг.

де торговом суде во главе с тысяцким и купеческим старостой⁶⁰, что вполне соответствует тексту «Рускописания»⁶¹.

В то же время в приквете договорной грамоты Изяслора с тверским князем Ярославом Ярославичем, датированной по В.Л. Янину 1264 г., впервые появляется в дальнейшем традиционная формула «от посадника..., и от тысяцкии..., и отъ всѣхъ Новагородѣ, и отъ вѣхъ старѣншихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ...»⁶², которую можно рассматривать как прямое свидетельство официального юридического закрепленного раздельного представительства «старѣншихъ» (посадник) и «меньшихъ» (тысяцкий), т.е. реформы сотенной системы. Об этом же, судя по всему, говорят и рассмотренные выше летописные статьи с описанием новгородских «смут» 30-х гг. XIII в. с ярко выраженным противостоянием «старейшихъ» («вятишихъ») и «меньшихъ»⁶³.

Таким образом, можно говорить о том, что реформа новгородской сотенной системы, выражавшаяся в выводе из сотен «лучших», т.е. бояр, может быть отнесена к 30-м – 50-м гг. XIII в.

Официальное конституирование боярства – высшего сословия новгородского общества — (а именно этот процесс отражен в выводе бояр из сотенной системы), привнесла определенное правовое ущемление всего остального свободного населения Новгорода. И если на территории «старых» концов, где княжеское и сотенное население проживало чересполосно (по В.Л. Янину и Х.М. Адриановскому)⁶⁴, моменты противостояния могли сглаживаться влиятельным местным боярством, та же ситуация привела к усилению противостояния входившего в Княжью сотню населения «внекончанских посадов» Торговой и Софийской сторон со «старыми» князьями к еще большей степени консолидации населения этих «посадов». Будучи ущемленными в правовом отношении, жители будущих «молодых» концов могли уравняться в правах с населением «старых» концов только создав свои собственные княжеские единицы, которые бы вошли на равноправной основе в городскую федерацию Полигорода. Как видим, реформа сотенной системы создала для этого дополнительные предпосылки.

Основываясь на вышесказанном, попытаемся оценить ситуацию, сложившуюся в Новгороде к концу 2-й половины XIII в.

С одной стороны, к этому времени уже сформировались предпосылки для образования новых концов:

1. Начавшаяся во 2-й половине XIII в. изъятие земель к северу от Плогинского (Федоровского) ручья привела к тому, что на

Торговой стороне образуются значительный по размерам и населению «внекончанский посад», включивший в себя обе части будущего Плотницкого конца — к югу и северу от ручья. Аналогичный, но меньший «посад» существовал в это время на территории Загородья на Софийской стороне. Наличие двух значительных внекончанских образований на Торговой и Софийской сторонах вошло в прогностиче- ские традиционной «треккичанинской» схемы городской федерации. Выходом из сложившейся ситуации было образование новых концов (Плотницкого и Загородского) и преобразование Новгородской федерации в «пятикончанскую».

2. Население «внекончанских посадов», основная масса которого по бинарному сословному делению того времени может быть отнесена к «меньшим» («молодым»), на протяжении 2-й половины XIII в. проявляет определенные признаки организованности, позволившей этой части новгородцев в ряде случаев выступать единой политической силой. Данное обстоятельство можно рассматривать как предпосылку для дальнейшего естественного продвижения в сторону оформления зрелой в социальных конфликтах XIII в. консолидации, что и привело в конечном итоге к появлению новых кончанских образований.

3. Окончательное официальное конституирование боярства отраженное в реформе сотенной системы Новгорода 30-х — 50-х гг. XIII в., выразившейся в выходе бояр из сотен, обусловило усиление противостояния внекончанского населения, входившего в Княжью общину со «старыми» концами и еще большей степени его консолидации. Жители будущих Плотницкого и Загородского концов могли уравниваться в правах с выходцами «старых» концов, только создав свои собственные кончанские единицы, которые вошли бы на равноправной основе в городскую федерацию Новгорода.

В то же время, в кон. XIII в. наблюдается коренные преобразования республиканского управления Новгородом, причем некоторые из них несут в себе признаки существования новых кончанских единиц.

Именно тогда завершается общая реорганизация государственной власти, суть которой сводится к тому, что при сохранении великокняжеского суверенитета над Новгородом из ведения княжеского аппарата изымаются в пользу республиканского судопроизводства наиболее важные вопросы, связанные с земельной и прочей собственностью также торговою, т.е. наряду со сметным судом князя и посадни-

теперь функционируют суд тысяцкого и прибирско-анжий (тадач-ный суд), причем в компетенцию последнего входят и гражданские дела, связанные с имущественными отношениями. В.Л. Янин справедливо отмечал, что с момента такого ограничения княжеской власти Новгородские князья постепенно прибрели к фактическому республиканскому устройству вместо джовельства, сложившемуся в XII в.⁵⁴

Тогда же, по-видимому, городская княжеская резиденция — Ярославов двор — переходит от великого князя под юрисдикцию Новгорода, а вместе с тем, и Княжая сотня, вероятно, утрачивает свой статус⁵⁵.

Создание республиканской государственности сопровождалось организацией новых форм государственной власти, образованием новых органов и целой разветвленной системы государственного аппарата.

В частности, произошли коренные изменения в новгородском посадничестве. Около 1291 г. был учрежден годичный срок исполнения посадничьей должности⁵⁶ и одновременно с этим правящая элита организует государственный боярский совет («совет господ»), состоящий из пожизненных представителей от всех новгородских концов. Из этих представителей избирается очередной посадник. Если ранее пожизненным было само посадничество, то теперь, когда посадничество стало срочным, пожизненным становится представительство от конца⁵⁷. В.Л. Янин показал, что в конце XIII в. боярский совет состоял из четырех (пяти?)⁵⁸ членов. Этот факт можно рассматривать как свидетельство существования уже к то время двух новых концов. При этом исследователь особо отмечал, что Загородский конец был искусственным образованием, намеренно сформированным прусским боярством около 1291 г. как раз тогда, когда возник вопрос о представительстве в государственной элите (боярском совете)⁵⁹.

Если наш взгляд к этому же времени, т.е. к кон. XIII в., можно отнести и формирование Плотичского княжества, а среди причин реформы новгородского посадничества видеть в том числе и появление на политической арене новых кончанских образований. Так, по-видимому, одной из причин упреждения кончанского представительства и введения годичного срока исполнения должности посадника стала необходимость увеличения динамики и замещения указанной магистратуры, что формально⁶⁰ создавало большие возможности для занятия высших должностей боярами разных, в том числе и новых, концов. Здесь же и кончанское представительство

ство в элитном боярском совете, включающее делегатов и старших и юных членов обновленной городской федерации.

Таким образом, можно говорить о том, что в киев. XIII в. кроме крепинных преобразований республиканского правления Новгорода, произошла также и реорганизация новгородской городской федерации, превратившейся из «трехколязничской» в «пятыколязничскую» за счет появления двух новых территориально-административных единиц — Плотницкого и Загородского концов.

Примечания

1 Следует подчеркнуть условность используемого здесь, и далее до отклонения к Новгороду термина «федерация», поскольку Новгородская республика, строго говоря, отвечала далеко не всем признакам федеративного государства. В частности, принципиальный вопрос о соотношении власти центра и мест, об общей компетенции города и самоуправляющихся единиц здесь четко решен не был (См. также теория государства и права. Т.1 М.1998. С.181-182; Мартышин О.В. Вплывный Новгород. О политическо-политический строй и право феодальной республики. М.1991. С.246-247).

2 Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. №2.

3 Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги // Новгородские археологические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А.В.Арциховского. II. 2004. С.225-227.

4 Тихомяров М.Н. Древнерусские города. М.1956. С.382; Орлов С.И. К топографии новгородских городских концов // СА. 1965. №2. С.92-96; Дубровин Г.Е. К вопросу о Федоровском ручье в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 17. II. 2003.

5 Здесь имеется в виду территория между северной границей Солвешенского конца (Ильина улица) и Плотницким (Федоровским) ручьем. Судя по археологическим данным, она начала осваиваться в первое десятилетие XI в., и к нач. XII в. центральную часть от ручья было основательно застроено (Харкисев А.С. Раскопки южной части Плотницкого конца // Археологические исследования Новгорода. М.1978; Ермиловский Г.А. Археологические наблюдения в Новгороде в 1969—1974 гг. // Там же; Воронова М.А. Раскопки древней улицы Рогатницы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции. Вып.2. II.1989; Торошова Е.В., Тарабардина О.А. К вопросу о топографии Плотницкого конца в Новгороде // Проблемы Новгорода и Новгородской земли. II. 1997; Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федоровский раскоп в Новгороде ...).

6 Степанов А.М., Соловьев Д.И., Тихонов П.И., Андреевский И.И. Раскоп в Новгороде (стратиграфия, хронология и характеристика устья

ний (постройки) // Новгородские археологические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А.В.Арциховского. Н. 2011. С. 288, 290-291.
7. Там же С. 289. Рис. 2. С. 290, 293

8. Там же С.293

9. Мостовая Никитиной к Магидыной улиц. К сожалению, оказались за территорией раскопа.

10. Дубровин Г.Е., Кляшля А.В., Федорук П.С. Работы на Никитинском раскопе в 2011 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып.19 Н 2005. С. 23-25.

См. Новгородские летописи С.198-200, а также Житие св. Антония Римлянина // Библиотека литературы древней Руси. Т.13. СПб. 2005 (поселок Волховский).

11. Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федицинский раскоп в Новгороде... С. 227-229.

12. Эта территория была заселена уже в кон. XI – нач XII вв., а регулярным мостовым Коржевой улицы предшествовало продольное нарезка возобновлявшееся через уличное каменное прохождение по этой трассе грунтовой дороги (Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федицинский раскоп в Новгороде... С. 227).

13. Ср. «Тот же лета мостыша мость новъ отъ Лубянихъ во весь конецъ Плотницкой» (ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. Новгородская четвертая летопись. М. 2000. С.446. 1470 /6978/ г.).

14. Критика известной гипотезы о существовании Плотницкого конца еще в XII в. представлена в работе: Дубровин Г.Е. «Исследования: характеристики исторических событий и время формирования Плотницкого конца Новгорода» (в печати).

15. Разумеется, здесь жили и выходцы из «старых» новгородских концов, в том числе, вероятно, и отдельные представители боярских родов Прусской улицы, которые, поселившись к северу от Плотницкого ручья (где на Никитинском раскопе была обнаружена усадьба Есифа Захарьича Носа и/или его сына Василия Есифовича Носа) (Дубровин Г.Е. Комплекс берестяных грамот Никитинского раскопа в Новгороде // Новгородская археология /в печати/), в дальнейшем сталили ядром элитной боярской элиты

16. Дренинские княжеские уставы XI—XV вв. М.1976 (далее – ДКУ) С. 149, 150,152; Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М.1994. С. 86, 89-92, 94-95.

17. В соответствии с летописными источниками «лучшие» могут быть эти железные с боярами (НПЛ С.81-82). См. ниже

Возможное присутствие среди вькончанского населения Торговой стороны отдельным прусских бояр не могло принципиально изменить общую ситуацию т.к. до образования Плотницкого конца долготечные амбаны этих бояр, сохранявших те же связи с Прусской улицей (где у них, судя по более поздним данным / ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. С. 340 НПЛ. С. 162, «остались усадьбы»), вряд ли могли базироваться на поддержке пока еще удельных в правовом отношении будущих плотничан.

18. НПЛ. С.55.

19 Там же. С.67, 272.

20 Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгородца и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской земледельческой общины) // Исторические записки. №103.М.1979. С.247-248.

21. В активном материале бинарное социальное разделение новгородцев начинает проявляться несколько позднее. Так, «старейшие» впервые появляются в 1264 г. (договор с князем Ярославом Ярославичем / Грамоты Великого Новгорода и Пскова М.-Л. 1949 / далее ГВННП / № 1, С.9), и 1266 г. впервые фигурируют «старейшие» и «меньшие» (пржект догвору с князем Ярославом Ярославичем / ГВННП. №2, С.10, В.Л.Янин этот документ, как и предыдущий, относит к 1264 году: Янин В.Л. Новгородские акты XII – XV вв. М.1991. С.142-146/). Такое социальное деление новгородцев прослеживается в активном материале до 1317(8) г. (договор с князем Михаилом Ярославичем / ГВННП. №9, С.19/) и еще раз проявляется как своеобразный рефлекс в проекте договора с князем Михаилом Александровичем (1371 г. / ГВННП. № 15. С. 29). После этого с 1372 г. в актах появляются бояре и житыи (грамота послан Юрию и Якиму / ГВННП №17, С. 32-33/), с 1448 (1454) г. – бояре, житыи и купцы (жалованная грамота Трипце-Сергиеву монастырю / ГВННП. № 95, С.150 В.Л.Янин датирует этот документ 1450 годом: Янин В.Л. Новгородские акты... С. 323-324/), а с 1461 г. – бояре, житыи, купцы и черные люди (ГВННП №21, С.35: датировка по Янин В.Л. Новгородские акты... С.183-184) Последняя формула сохраняется до падения новгородской независимости. Следует отметить, что архаичный термин «молодшие» фигурирует наряду с боярами и житыими в некоторых статьях Новгородской Судной грамоты (Ст. 1, 6, 10) (Российское законодательство X – XX вв. Т.1. Законодательство древней Руси. М.1984. С.304-305).

22. НИЛ. С.80-81, 307-308.

23. Характерно, что лидеры противоборствующих группировок никогда не были антагонистами. Примером здесь служит преемственное наследование Олчаньей попыткой расправы «черных людей» над главой «вятишского» родственником прусским боярином и будущим посадником Михалкой Степановичем: «братъ, аже того убиете, убитье мене переже» (НПЛ. С.81)

24. НИЛ. С.82, 309.

25 Там же. С. 82-83, 310-311

26 Кстати, в описании событий 50 х гг. XIII в. впервые появляется термин «черные люди», которые отождествляются с «меньшими». Здесь же «вятише» прямо отождествляются с боярами (НПЛ. С.81-82, 307-311). Необходимо еще раз подчеркнуть, что значительную часть «меньших» («черных») в этих событиях, безусловно, составляли жители «внешних» чашек посадок Софийской и Юрьевской сторон.

27. Янин В.Л. Очерки земледельческого историкоэкономического бытия Новгородца. М.1977. С.22/ Он же: Новгородские посадники. М. 2003. С.158; Аleshkovskiy M.X. Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV вв. СА. 1974 №3. С.108-109.

28. Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова...С.254.

29. Буров В.А. Очерки истории и археологии... С.164.
30. ГВННП. №28. С.55.
31. Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых документах Новгородца // ИС. 3(13). Л. 1989. С.43. В Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиншпус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С.173; Бассальго Л.А. Новгородские тыщяцкие. Часть 1. // Новгородский исторический сборник 11(24). СПб.2008. С.36–37.
32. Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых документах Новгородца. С.43–48.
33. НИЛ. С.70.
34. Там же. С.51.
35. ДКУ. С.156.
36. Там же. С.157.
37. Юшкова С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949. С.216–221. Он же: Устав князя Всеволода // Сирафим Владимирович Юшков (Труды выдающихся юристов) М. 1989. С.356, 364.
38. Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академик В.Л. Громуко ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М. 1952. С.130.
39. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С.114–117.
40. Янин В.Л. Новгородские посадники. С.134–135.
41. Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М.1972. С.172–173.
42. Флоря В.Н. Клаузенки Церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время. Сборник статей к 60-летию Л.В.Милова. М. 1999.
43. Гиншпус А.А. К истории текста церковного устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции Вып.17. Н. 2003.С.170.
44. ДКУ. С.161, 164 (статья 5).
45. Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. С.138.
46. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С.114–117.
47. Янин В.Л. Новгородские посадники. С.127.
48. Янин В.Л. Уставы княжеские // Великий Новгород. Энциклопедический словарь. СПб.2007. С.466.
49. Бассальго Л.А. Новгородские тыщяцкие. Приложение 1. С.62. Новгородский проект этого документа, датированный 1209 г., также сообщает о торговом суде тыщяцкого (ГВННП. №31. С.60).
50. ДКУ. С.161 (ст.5)
51. ГВННП. №2. С.10. Янин В.Л. Новгородские акты... С.142–146.
52. Летописные сообщения о событиях 1216 и 1228 гг. с терминами «старейшие», «молодые», «простая чадь» (НИЛ. С.57, 67) как будто бы могут свидетельствовать о более ранней дате «состенной реформы», однако, поскольку об обратном говорит статья 1229 г. (НИЛ. С.70) (см. выш.), то можно предположить, что для первой трети XIII в. была все еще характерна отменная КГ А.А. Алексеевым для XII в. неопределенность в со-

бирательность социальной терминологии (Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода к Пскова... С. 246), еще же подкрепленной юридическим.

53. Здесь отражена ситуация после реформы ситейной системы.

54. Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 245-250.

55. Янин В. Л., Тейдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X - XV вв. Т. II. М. 1998. С. 109. В частности, одним из доказательств утраты княжеского контроля над Ярославовым двором служит перковное строительство жителей Пльгорода на его территории. Самым ранним примером здесь может служить постройка в 1307 г. на Княжем дворе женой Якимя Столбовича каменного храма Святых Отцов (НПЛ. С. 333).

56. Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 241.

57. Там же. С. 243.

58. Нежным для этого периода является представительство в совете разгнанный в 1286-87 гг. славянского боярства (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 252-253).

59. Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 243-244.

60. Именно формально, т. к. впервые представитель Плотичского князя, Михаил Лавшница, избирается на посадничество лишь в 1310 г. (НПЛ. С. 92).

*О.С. Ковалёва,
г. Екатеринбург*

ОТ ДЕТИНЦА К КРЕМЛЮ: ПЛАНИРОВОЧНОЕ РАЗВИТИЕ В НОВГОРОДЕ И ПСКОВЕ

Великий Новгород и Псков — одни из самых древних Кремлей России. Традиции, которые обусловили их становление и последующее развитие, восходят ко времени формирования русских городов.¹ Самым главным и определяющим фактором, оказавшим влияние на развития этих городов, послужило их географическое местоположение.

Новгородская и Псковская земли расположены на Северо-западе России. Это исторически сложившийся особый регион. В древнерусских текстах до XV века он именуется «Верхней Русью», в противоположность «Низовской» Русь. Реки Северо-запада относятся к бассейну Балтийского моря (а не Черного и Каспийского), что в понимании средневекового князя или москвича было «Верхом». Таким образом, «отдельность», «самость» новгородских и псковских земель ясно осознавалась современниками. Жила псковско-новгородской суверенности четко определялась бассейнами рек Лашожского озера и реки Великой.²

Местоположение первоначальных поселений Новгорода и Пскова на стыке важных путей, ведущих на Балтику и прибалтийских стран и Средиземноморье («из варяг и греков») и через Польшу на Восток, способствовало раннему интенсивному экономическому развитию региона и стало главной причиной возникновения здесь городов. Новый этап был отмечен строительством центрального укрепленного ядра — Детинца, где был размещен главный городской набор. Таким образом, Новгород и Псков по-

лучили четко выраженные монументальные центры, объединившие округу.

Необходимо отметить, что территории первых Детинцев Новгорода и Пскова были значительной частью современных Кремлей, так как в процессе роста города увеличивалась и площадь Детинца.

Первое упоминание в летописях непосредственно об укреплениях в Новгороде относится к 1044 г.: «Ходит Ярослав на Литву; а на весну же Володимир заложи Новгород и сделал его». На следующий день ученые пришли к выводу, что первый Детинец занимал северо-западную часть современного укрепления в районе Владычного двора.³ «Наиболее крупным элементом древней рельефи новгородского Кремля являлся холм под Софийским собором...»⁴ «Доминирующая над ближайшей округой возвышенность («Софийский холм») более всего подходила для культовых объектов. Таким образом, в числе различных факторов, повлиявших на выбор места строительства городского кафедрального собора, были особенности древнего рельефа. Возведение Софийского собора повлияло на статус и дальнейшую историю прилегающей территории».⁵

От насечных укреплений до наших дней ничего не сохранилось, но раскопками были вскрыты внутрикальные конструкции основы которых составляли «городни» — мощные деревянные срубы. Суммируя данные всех предыдущих раскопок, С.В. Трояновский смоделировал округлую планировку древней крепости, центром которой был Софийский собор.

Округлая форма укреплений Детинца находит многочисленные аналоги не только в древнерусском материале, но и более широких географических границах. По мнению Н.А. Раппопорта широкое распространение этот тип планировки крепостей получает в XII—XIII вв.⁷

Для строительства выбирали самые защищенные возвышенные места. Псковский Кремль занимает Формой, он напоминает сильно вытянутый треугольник в направлении север-юг, северный угол которого возвышается на 15 м.

Древний Псковский Детинец размещался на месте городища (заселено с первой половины I тыс. л. э.)⁸, это выгодное в оборонительном отношении положение на узком высоком скалистом мысу, образующимся при впадении реки Пскова в Великую. Место его укреплений с каждой стороны пока точно не установлено.⁹

так как вследствие перестроек, связанных с укреплением крепости, были уничтожены древнейшие стены. С флангов, с северо-запада и северо-востока, Псков имел естественные рубежи защиты — реки Великую и Пскову. Только по аналогии с другими древнерусскими городами мы можем представить себе первоначальные укрепления Пскова. Крепостная стена представляла в те времена конструкцию из заостренных сверху тяжелых дубовых бревен, плотно подогнанных друг к другу и закрепленных в организованном для прочности и удобства обороны земляном валу.⁹

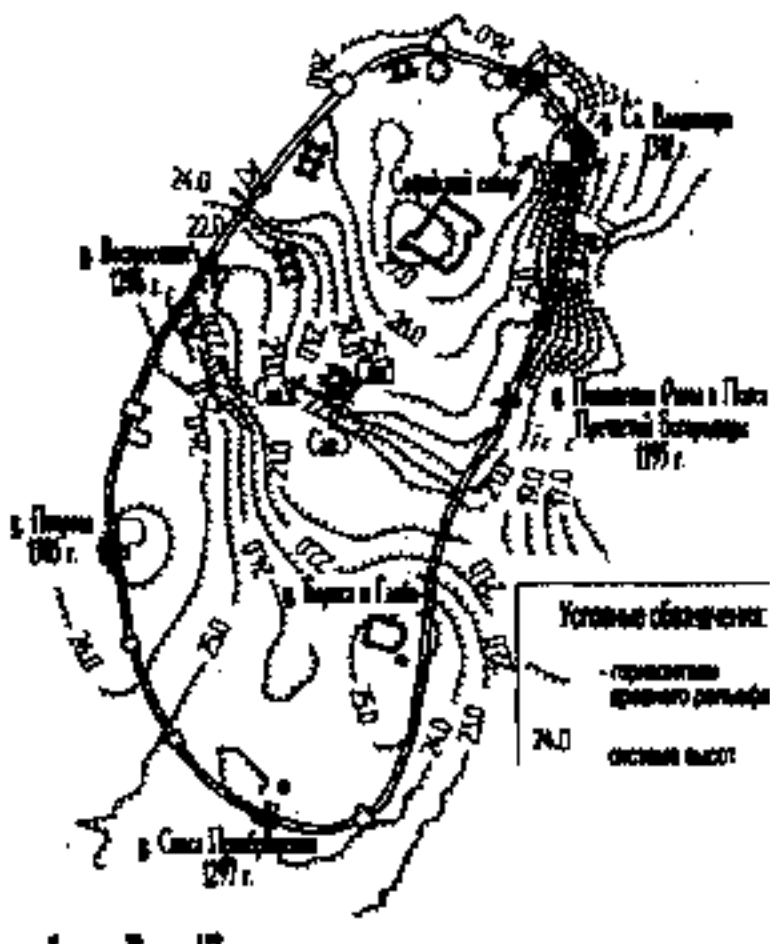
В Псковском и Новгородском Детинцах, как и в других древнерусских городах, собиралось вече. Князь здесь жить не мог: по до установления вечевой республики он принимал участие в строительстве.

Постепенно, взявшись в международную торговлю, Новгород и Псков создали крепкий экономический фундамент, который способствовал дальнейшему росту городской территории. Вследствие этого были увеличены и площади их Детинцев: к Новгородскому Детинцу присоединили территорию Кремля, а к Псковскому — так называемый охабень.

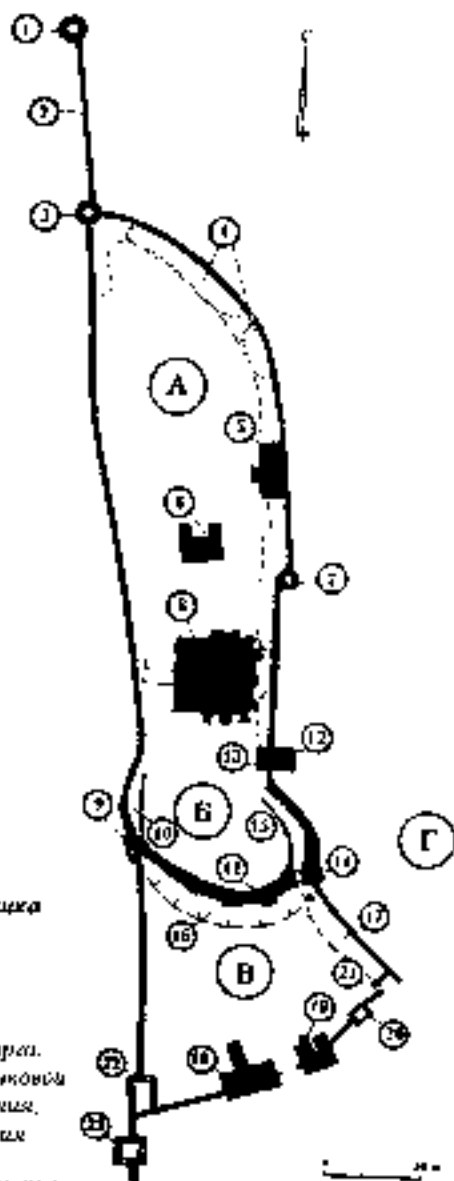
Подробнее эту проблему разрабатывали М.Х. Аleshинский (для Псковского Детинца) и А.Н. Кирпичников (для Новгородского Детинца).

А.Н. Кирпичников считает, что «По смыслу... термин *кром* почти отдельное, внешнее, что совпадает с использованием этого слова в внешней лексике для обозначения расширившегося централизованного укрепления»¹⁰ В качестве доказательства гипотезы А.Н. Кирпичников приводит данные летописи: «В 1113 г. «погоре... городъ кромъный» в Новгороде.¹¹ ... По смыслу летописного сообщения «город кромъный» был наружным по отношению к другому оборонительному объекту. И таковой действительно существовал. Под 1097 г. в Новгородской первой летописи впервые отмечен детинец, что как раз предполагает двучленность имевшихся укреплений, состоявших из ядра-детинца и «сосредоточенного с ним наружного «кромного города».¹²

Сходно с Новгородом происходило формирование территориального ядра — Детинца Пскова «Наряду со строительством стен перед городом к концу XIII — началу XIV вв. встал еще одна важная проблема: увеличить площадь веча. С ростом населения вечевая площадь в детинце стала тесной и не могла вместить всех жителей, именных црени участвовать в вече».¹³ Около 1337 г. де-

Реконструированный С. В. Троицким план рельефа Новгорода с крепей и обозначением контуров древнего Днипродна (в местах обнаружения «жиродел»). По Троицкому С. В. «О некоторых результатах раскопок в Новгороде с крепей» // «Новгород и Новгородская земля. История и археология» № 12, 1998

Объекты и микропланировка

Псковского кремля

А — Кремль; Б — Вечевая

(«Собрания») площадь;

В — Дикмантин город;

Г — территория Чубового парка.

По С. В. Блазотому, Е. В. Сурьинниковой

«Археологические исследования,

раскопки и реставрация

Псковского кремля» //

«Кремль Рязани». — М., 2003. С. 294

тиннец и южной стороны был усилен дополнительной стеной персями и охабнем, представлявшим отдельную защищенную часть крепости, расположенную между южной стеной детинца (хлы не сохранилась) и персями.¹⁴ На славянском языке слово «перск» обозначали грудь мужчины или коня.¹⁵ Старое русское слово «охабень» означало неукрепленное предместье, часть города, не защищенную стенами.¹⁶ «Того же лета После сооружения персей Троицкий собор оказался в центре».

Детинец и охабень вместе, начиная с конца XIV в., стали именоваться Кромом. Для летописца эта территория всегда была кабы двучленной. В 1502 г. немцы «много поущками были на город на Кром, а детинца Бог сублюде».¹⁷ «Детинец здесь не равнозначен крому, являясь его отдельной частью. ... Таким образом, подводит итог А. Н. Кирилчииков, — термины «кромский», «кром-применительно к укреплениям Новгорода и Пскова предполагают наличие каких-то особых, внутренних, центральных военно-инженерных сооружений. Эти понятия использовались, начиная с XII в. и могли повлечь за собой кристаллизацию общерусского термина «кремль», обозначавшего уже целостное защищенное ядро города, а не составляющие части».¹⁸

В дальнейшем развитии городского пространства «инициативу» играли политические процессы, произошедшие в XIII–XIV вв., подоплека которых служила реформа институтов управления городом.

Большие изменения произошли во второй половине XIII века на Крому. Псковское вече, наконец взявшее в свои руки верхнюю власть в Псковской земле, сделало Детинец центром вечевого управления, местом вершения важнейших государственных дел и связанных с ними обрядов. Вблизи Троицкого собора помещались сени, где заседал псковский правительственный совет, были канцелярия и архив веча, велось летописание, хранились государственная казна, печати, грамоты, государственные договоры и копии частных документов. В соборе совершались посвящения на княжество псковских князей. На Персах стояла «колокольница» звонница, называвшаяся Пароменискук. Большой колокол Девяницы служил для сбора веча, а малый, установленный на «столбе», приглашал бояр на совет.

Воляковенские в Пскове второй линии укреплений. Дмитрий Грозный в М. Х. Алешковский относил к периоду между 1371 и 1373 гг.: «Вероятнее всего, эта стена была сооружена в 1371».

(в XV – XVII веках перестраивалась)». ¹⁸ Присоединенная территория представляла часть городского посада у подножия Исковского Кремля. Она была очищена от застройки «посажан», превращена в административный центр города, отделенный от «всальной» территории Пскова каменными крепостными стенами. Новые укрепления смыкались с укреплениями Крома. Защищенная каменными стенами часть Пскова значительно увеличилась. Стена стала называться Довмонтовой лишь после 1383 г. и сохранила это название до наших дней. Что же касается термина «Довмонтов город», то возник он сравнительно недавно – в XIX в. Площадь Довмонтова города не превышала 1,5 га, но отличалась чрезвычайно плотной застройкой. «Небывалое количество церквей на маленьком пространстве Довмонтова города, единственное в своем роде на Руси... объясняется особенностями городской истории». ¹⁹ Опадаясь вражеских нападений, посадчане строили свои церкви поблизости от Детиницы, на территории принадлежащей всему Пскову и надежно защищенной. ²⁰ Довмонтов город, стал в XIV в. своеобразным культовым центром Пскова, где при церквях находились и кладбища. Кроме церквей и кладбищ при них обнаружена небольшая палатка – хранилище псковских печатей XIV – XV вв. Здесь же имелась «поповская изба», служившая для собраний всего псковского духовенства.

В Великом Новгороде значительную часть территории Детиницы занимала резиденция епископа – Владычный двор, который постоянно застраивался многочисленными церковными, жилыми и хозяйственными постройками.

Усиление новгородской бюрократии привело к масштабным строительным работам в Детинице Великого Новгорода. Площадь городского ядра увеличилась в два раза и достигла современных размеров. К Детинице был присоединен так называемый Окладник (территория бывшего Лводина конца) с Борисоглебской церковью. Это время возвышения культа Святых Бориса и Глеба. В строительстве было заинтересовано боярство Неревского и Лводина концов. Детиница стал единым укрепленным центром на стыке трех концов Софийской стороны. На присоединенной территории в дальнейшем сосредоточились административные строения. Таким образом, усилив Детиница был разделен на две половины: на одной половине был архиепископ, на другой – бюрократы. ²¹ По периметру стен Детиница в просадных башнях возводятся надвратные храмы, подчеркиваяющие сакральность, святость латной терри-

тории. Постепенно деревянные стены заменились на каменные. Проект строительства был поистине грандиозным: он требовал огромных финансовых вливаний, людских ресурсов, знаний инженерной науки от проектировщиков, и мог осуществиться только при консолидации боярства и архиепископа. И то же время, осуществленный замысел указывает на возможность тесной власти.

После нескольких увеличений территории Кремлей Великого Новгорода и Пскова достигли современных размеров. Следующее большое строительство было организовано московскими властями, после включения Новгородской и Псковской земель в состав единого государства. «Главным заботы овладевших Новгородом московичей в XVI столетии была направлена на укрепление города как важнейшей приграничной крепости на северо-западе Руси. Москва готовилась к затяжной войне за овладение широким выходом к Балтийскому морю».²³

Одним из наиболее важных общегосударственных мероприятий Ивана III после присоединения Новгорода и Пскова к Москве было изменение структуры управления городом. Вместо республиканских органов власти появились наместники великого князя из числа знатных московских бояр, обладавшие широкими полномочиями. Им принадлежала административная, военная и судебная власть. Помощниками наместников были дьяки, тоже присылаемые из Москвы. Так как Новгород и Псков были одним из важнейших приграничных городов Русского государства, с середины XVI века в Новгороде жилились воеводы сначала в качестве воеводчиков при наместниках. Однако к XVII веку в их руках сосредоточилась почти вся власть. Детинец Великого Новгорода и Псковский Кремль теперь стали называться Кремлями.

Следствием завершения самостоятельности Пскова стало уничтожение военных складов в кремле, ведь они были собственностью независимой городской общины. В конце XVII века в Девонском городе сосредоточилось не только церковное, но и гражданское управление. В 1693-1695 гг. были возведены Приказная палата (государственные канцелярии, или здание местного управления). Известно, что «под крыльцом» Приказных палат было место «предварительного заключения», где сидели заключенные, рядом хранилось спорное имущество.

Основное гражданское строительство сосредоточилось в восточной части Новгородского Кремля, территория околотка стала делиться между отдельными «дворами» московского великого князя.

ля — житым, пушечным, воолодским и т. д. Воеводский двор — типичный памятник московской архитектуры конца XVII века с использованием фирм новгородского зодчества, который свидетельствует о постепенном преобразовании Новгородского Кремля из оборонительного комплекса в административный центр города.

В итоге хотелось бы отметить, что строительство и модернизация крепостных стен Псковского и Новгородского Детинцев занимали важное место в деятельности городских властей. История Детинцев-кремлей Северо-запада соотносима с изменениями политической структуры города, ростом его территории, экономическими достижениями. В истории строительства Детинцев как в фокусе собраны основные изменения в политической жизни Великого Новгорода и Пскова на протяжении XI—XVII вв. Особенности той или иной исторической эпохи каждый раз накладывали неслегкаемый отпечаток на облик всего Кремля.

Примечания

1. См.: Длужневская Г. Д., Калынин В. А., Субботин А. В. Кремль Русь XV—XVII веков. СПб.: Литера, 2006. С. 5.
2. См.: Власов А. С., Элькин Г. Н. Древнерусские крепости Северо-Запада. СПб.: Паритет, 2007. С. 5—6.
3. НПЛ. М.-Л., 1950. С. 181.
4. См.: Яник В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // ИИИС. № 1(11) Л., 1982. С. 81—82. Аleshchinskaya M. X. Новгородский Детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство № 14, М., 1962, С. 7. Гордженко Э. А. Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991. С. 11—12.
5. Троицкий С. В. Новгородский Детинец в X—XV вв. по археологическим данным: Автореф. дис. канд. Ист. Наук. М., 2001. С. 12.
6. Троицкий С. В. Новгородский Детинец. С. 14.
7. См.: Рапполорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.-Л., 1956. С. 39—44. Он же. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северн-западной Руси X—XV вв. М.-Л., 1961. С. 14—24, 40—41.
8. См.: Белонский С. В. Пятая Псковя. СПб., 1996. С. 54—56. Белонский С. В., Скрынникова Е. В. Псковский Кремль: Археология, реставрация, музеефикация // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 1. СПб., 2010. С. 8; Платкин Ю. М. Очерк истории Псковской крепости // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999. С. 12.
9. См.: Ивашов Ю. Е. Великие крепости Руси. Смоленск: Русич, 2004. С. 40.

10. Кирпичников А. Н. Кремль России и их изучение. // Кремль России. М., 2003. С. 45.
11. ПИЛ. С. 20.
12. Кирпичников А. Н. Кремль России. Указ соч. С. 45.
13. Алешковский М.Х. Военно-оборонительные сооружения. // Дипломатичность Псковской области. Л.: Лениздат. 1997. С. 159
14. См.: Алешковский М.Х. Начальные этапы каменного строительства Псковского кремля // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 336; Алешковский М.Х. Раскопки древнейших каменных башен Новгорода и Пскова. // Археологические открытия 1968 г., М., 1969. С.19-21.
15. Иванов Ю.Г. Указ. соч. С. 42.
16. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения... С. 154
17. ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 87.
18. Кирпичников А. Н. Кремль России. Указ соч. С. 47.
19. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения. С. 161
20. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения... С. 164
21. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения... С. 164
22. См.: Трояновский С.В. Новгородский Детинец. С. 18 -21.
23. Якин В.Л. Расцвет и падение русской Венеции. Великий Новгород в XII — XV веках. // Родина №12, 2003. С. 14

*В. И. Повиткин
г. Великий Новгород*

С ПЕСНЯМИ ГАЙНЯНЫХ ПТИЦ ИЗ КРАЯ КУРСКОГО В ЗЕМЛЮ НОВГОРОДСКУЮ*

Из утилитарный, угнетённой долгими веками земли восстанут образы, казалось, навсегда забытых вещей. Вещи вешают. За каждой — руки мастера, культурная традиция, материал, технология изготовления, местность, эпоха. Археология — наука чтения вещей. Одной вещи бывает достаточно, чтобы через неё узнать о главных событиях её времени. Такова написанная на ивике Новгородская Псалтырь — ровесница официального Крещения Руси¹. Именно с разучивания псалмов русский человек, до того певший родные песни (колыбельные, игровые, обрядовые, свадебные, празднично-календарные), узнавал для себя ноту, неприятую от Византии церковную певческую традицию. В других случаях вещи говорят о себе своим множеством. Таковы расселяемые в разных краях Руси бронзовые литые шумящие подвески и бубенцы — признак симпатичности славянских племён с большим финно-угорским миром. Разрозненные части железных было вещей вдруг находят одна другую. Слыва переключается. То к берестяной грамоте, извлечённой из земли тридцать лет назад, отыщется не читавшаяся до сих пор строка. То выплывет обрывок кожаной жести (застёжки) рижанши. То дощечка с парой изверстий объявит устройства дьявольских (новгородских) трелогок. То невзрачный обломок заявит о себе как о принадлежности и древнейшего типа гуслей — лирообразных. Не чудо

* Автор искренне признателен Г. К. Стародубинову и его ученым коллегам Г. В. Дубовому, А. В. Зорину, С. И. Семёновой, А. Г. Шпилёву, А. И. Зубкову и всем без исключения сотрудникам Курского государственного областного музея археологии за терпеливую и безотказную помощь в данной работе.

ли, что к археологически открытому в Великом Новгороде в по-
ложениях XIV века глиняному обломку печатного сосуда, веде-
лая, на котором частично уцелело клеймо с изображением гу-
ляря, нашлось продолжение на селовце Мажинино-1 — в Подоль-
ковье! В результате явился исключительно важный документ,
показывающий двоих гульцов: один сидя перебирает струны и
песниривидных гуслей, как на ирффе, другой, стоящий вблизи,
играет на смычковом инструменте, похожем на виолончель. До-
кумент всей Европе на раздумье⁴. Наряду с предметами «чужды-
мысли» на земли извлекается и множество вещей загадочных.
Среди последних бывают те, облик которых вроде бы всем зна-
ком. Но для понимания их происхождения, былого их места
жизни необходим сбор дополнительных сведений. Важным бы-
вает простое действие: собрать и увидеть их в единстве. Обна-
ружить себя таковые могут в самом неожиданном месте. Если, ка-
нечно, добродышному покажет. Одной разновидности таких
предметов посвятим наше являющее.

В кладовой созданных человеком вещей встречаются такие,
которым судьбою уготовано излучать только свет и ласку. Пресла-
вутый диалектический закон — где плюс, там и минус — о них спол-
кнулся, вместились в них, кажется, лишь на первую половину. Не
всегда сопутствует наш детский, а потом и взрослый историк.

Глиняные свистульки. Как и прежде! Думаем так, пока не при-
льём срок потов, чтобы комочек глины хотя бы слегка ослышал-
на наши чаяния. Просто — это утек, когда наследно вынесло на пре-
бень трудной, бескорыстной и великой народной традиции.

В России сегодня пользуются славой многие центры по прои-
водству свистулек из глины. Слава у них разная, ибо работники
в них мастера по-разному понимают свои задачи. Одни гордятся
авторскими достижениями, испытывая своё ремесло в море обиль-
человеческих фантазий. Другие, создавая самодеятельную продук-
цию, выдают её за некое продолжение национальной традиции.
Третьи делают звучащие игрушки, научившись от родителей.
храня не только ремесленную, но и мировоззренческую суть
родного промысла своей местности.

Продукция последних ценна ещё и своей ремесленной ре-
словной. Некоторые традиционные промыслы берут своё начало
в XIX в., в XVIII в., а иные отмечаются и в более ранних веках.
Установить связь, прямые или хотя бы косвенные, между по-
ми типами игрушек и средневековыми археологически выде-

ными образцами чрезвычайно сложно, ибо все они — вместилищем народного быта. Сложно определить в местах производства многих древних типов звучащих игрушек: этот радостный товар несомненно тем путями достигал кувши подчас весьма удаленных от своих мастеровских. Поэтому даже скопленные в одном месте однотипных образцов не всегда указывает на их местное производство. Желательно выявить признаки самого производства, как, например, это удалось сделать А. В. Арциховскому в 1932 г. в Великом Новгороде. Здесь на Славне была открыта изба игрушечника, в которой в XIV веке изготавливались глиняные глазурированные итички-погремушки².

В связи с частым упоминанием погородских древностей замечем следующее. Новгород в отличие от других крупных городов Руси не испытал всех тягот татаро-монгольского нашествия. Ход его истории был доступательным. От первой половины X в. по XV в. включительно во влажных культурных отложениях города прослеживаются прекрасной сохранности многокрусные мостовые, позволявшие сохранять дендрохронологическую шкалу³. Датированные вещи древних новгородцев, в частности, рог кошины археологическое собрание свидетельств музыкальной культуры, могут способствовать верному определению типа и возраста подобных находок в других местностях. В числе таковых и глиняные звучащие игрушки.

Узнаваемы традиционные глиняные свистульки — збашевские, жваглицковские, филимоновские, многие другие. Среди них — свистульки, свистульки кожлянские, то есть началом своего промысла обязанные селу Кожля Льговского уезда, ныне Курчатовского района, Куржской губернии. На карте второй половины XIX века обозначено — Кожля⁴. Так же его именует в своем письме от 9 марта 1976 г. горшечный мастер Е. Ф. Назихов⁵. Названию Кожля-Кожля происходит или от ручья того же имени, или от первопоселенца — Кожлова⁶. Здесь, согласно работам потомственных мастериц О. И. Дериглазовой, У. Н. Ковкиной, В. В. Ковкиной и других местных жителей, игрушки-свистульки было принято лепить из глины, получавшей после обжига белый, розоватый, светло-охристый и другие оттенки с шилпной росписью в виде птиц, животных, издников, троек⁷. Обычно у них два круглых отверстия, из расчета обязательных отверстий свистулькиного устройства — окошка и дудла.

На примере поздних промыслов можно, пусть отчасти, представлять процесс изготовления древних игрушек Т. Е. Сибилки-

кова приводит очередность действий козлянских мастериц: «Ульяна, Марфа, Ульяна рук не покладают. Сначала катают из сырой глины *круляжох*. Потом разминают и делают *вареник*, толь в толь как из теста, *Свисток*, иди вериге, то межю, где должна быть дырочка, тщательно отглаживают, вытягивая его. Головки, ножки животных, рога баранов и оленей *вырастают* из другого комочка глины, который мастерицы прилепливают и приглаживают так, чтобы создавалось впечатление слитности». <...> *Козляты*, свисток, значит, делать». <...> Ольга Ивановна: «Игрушки один день в печь закладываем, другой палим, третий выбираем». И *красят*. Традиционно козлянские мастерицы используват малановый, фиолетовый, жёлтый, зелёный цвета. Как и прежде, в краску добавлялгт молоко и яйцо. Первое для сочности, второе — для прочности. Для блеска, если нет яйца, добавляли сахар. Ульяна: *красят* итрузки тоже. Она привыкла, на старый манер, гусиным перьяшком рисует полоски и *решетки*, на головки и шляпки крышку кладёт кисточкой». Здесь же узнаём и о других деталях игры мысла?

Игрушки устойчивы, так как все они, в том числе и их различные разновидности в основном с двумя лапками — *адапты*, и *адапты* — *разъезжисты*. Пример — свиштулька конца 1970-х гг. симметричной работы У. И. Коккенин и О. И. Деригадовой, которую для данной публикации любезно предложили сотрудники Курского краевого музея Т. Н. Брусьяника и Е. Л. Славская (рис. 2: 5). Подобные итрузки более раннего времени, расписанные, надо полагать, натуральными красителями, из Кожли через базары и ярмарки достигали других мест, и теперь целиком или в виде обломков могут встретиться в культурных отложениях, например, в Куржог-Возможко, именно такая свиштулька, к сожалению, с отбитой головкой, найдена в 2004 г. близ Краеведческого музея на строительном участке Красной площади № 2/4 во время охранных работ, руководимых Н. А. Тихомировым. Покоилась свиштулька в насыпном слое под домом, сооружённым в середине XIX в. Значит, этим временем, не позднее, её можно датировать. Она сделана из глины, получившей после обжига не белый, а охристо-серо-серый оттенок, украшена какими-то зелёными полосками, при чём по мнению реставратора А. В. Зубкова, находника свиштульки, полоски сделаны не акриловыми, а каким-то иным красителем. Итрузки снабжена двумя итрузными отверстиями и, как полагаю, разъезжиста, потому её удобно держать при игре (рис. 1: 13). И

извлекаются три звука, которые с долей условности можно переложить на европейский профессиональный нотный стан: *Ся-бемоль* первой октавы, *Ми-бемоль* — *Соль* второй октавы* Длинную палочку, быть может, следует признать самым ранним материальным свидетельством керамического игрушечного промысла.

Случайно или нет, для Курского края не характерна, отмечаемая среди филимоновских свистулек, фигурка птички на одной расширившейся к основанию ножке. Правда, предположительные варианты в районном городе Судже Курской области созданы, их автор — Ю. С. Спесивцев. Но, к сожалению, в посвящённой глиняным промыслам книге Т.Е. Скобликовой «Связуя жите время» не показано ни одного подтверждающего местную традицию обломка «палочкой с поливкой» свистульки¹⁰. В буклете «Народные промыслы Курской области. Суджанская народная керамика», текст которого в 1991 году составила Ф.Х.-А. Мазурова, о жителях слободы Тончаровки в Судже сказано как о специалистах, занимавшихся разными видами гончарного производства, что игрушки здесь «в основном делались для своих детей и небольшими партиями на продажу, так как они были не основной статьёй дохода»¹¹.

Свидетельством активного производства глиняных свистулек в Старом Осколе — бывшем уездном городе Курской губернии — являются образцы начала XX века, обнаруженные при строительных работах на современной улице Пролетарской и в Кашницкой слободе. Они экспонированы в Старооскольском краеведческом музее (ныне Белгородская область). На фотоснимках, которые сделаны в музее А.М. Кисляк, видно, что это белоглиняные — без росписи и без глазури, с двумя игровыми отверстиями игрушки-свистульки двух разных мастерских. Те, что из Кашницкой слободы, разные по величине обломки, составляют группу в виде животных с четырёх ногах — «собачек», «кошечек», среди них часть фигурки «выдвигка» в папаче. А найденные на Пролетарской улице свистульки — это четыре «куроочки» и «петушок», маленькие, каждая с двумя расположенными короткими ножками-лапками. Во всех этих находках, а также в более поздних — расписанных образцах старооскольского игрушечного

* Здесь и далее употребляю сокращённое определение звуковых интервалов древних образцов глиняных свистулек как «специфичность по народной песенной культуре» — сотрудников Центра музыкальных древностей в Великом Новгороде В.Н. Поветкин

промысла вплоть до 1980-х гг. не видны признаки птички с ножкой-подставкой.

Подобной птички не отмечено также среди растительных игрушек, сделанных в 1933 г. неизвестным мастером из деревни Чернышино, Курского района, Курской области¹².

Не встречалась свистящая птичка на ножке и при пластовых археологических раскопках в Курском крае. Обратим особое внимание на сборщики таких находок и в меру возможности подготавливаем их к публикации.

Для обломка свистулек XVII века обнаружены во время раскопок, которыми руководил А. Н. Апальков в посёлке Верхнее Гугирово Курского района. Один из обломков с отбитой головкой, имеет вид птички-кваслячки с изогнутым туловом и двумя игровыми отверстиями (рис. 1: 1); прообразом могла послужить местная пеньочка-веселюшка или курский соловей¹³. Другой обломок в виде барабаней (?) головки с закрученными рожками (рис. 1: 2). Обе находки не позволяют судить о полных своих формах, но ясно: ножкой снабжены не были.

Найденные под руководством А. И. Пузиковой на городище Перемеряево-II в Золотухинском районе свистульки (семь свистельств XVII века), типологически между собой близки: одна светло-красно-коричневая, с головкой, у которой отбиты рога (рис. 1: 5), другая – в виде обломка, имеет простые плоские обломы, похожа на «чистый» цареник (рис. 1: 6), не менее трех образцов оформлены улиткообразным завершением. Все они с «дуги»: цареникиподобным туловом, четырьмя игровыми отверстиями, 6-ю лап и, отметим, без ножки-подставки (рис. 1: 3-9)¹⁴.

Некоторые из перечисленных свистулек короче сохранились, значит, способны звучать. Но озвучить их пока что нет возможности, так как они закреплёны на стенде в музейной экспозиции.

Две точно же типа свистульки с обломанными, вероятно, улиткообразными головками, как объяснил А. В. Зорин, с венцами XVII в. найдены в Курске в 2008 г. при раскопках жилого деревянного строения во дворе табачной фабрики на бывшей улице Благословенской – ныне Гайдара, № 25. Обе свистульки озвучены. Одна из них глина которой светло-коричневая с блёстками, при последовательном открывании четырех её отверстий даёт примерный строй *Ся-бемоль* малой октавы *Ре Фа Соль – Ля* первой октавы. При другой последовательности открывания отверстий: *Ся – бемоль* малой октавы – *Ре-бемоль – Ми – Соль – Ля* первой октавы.

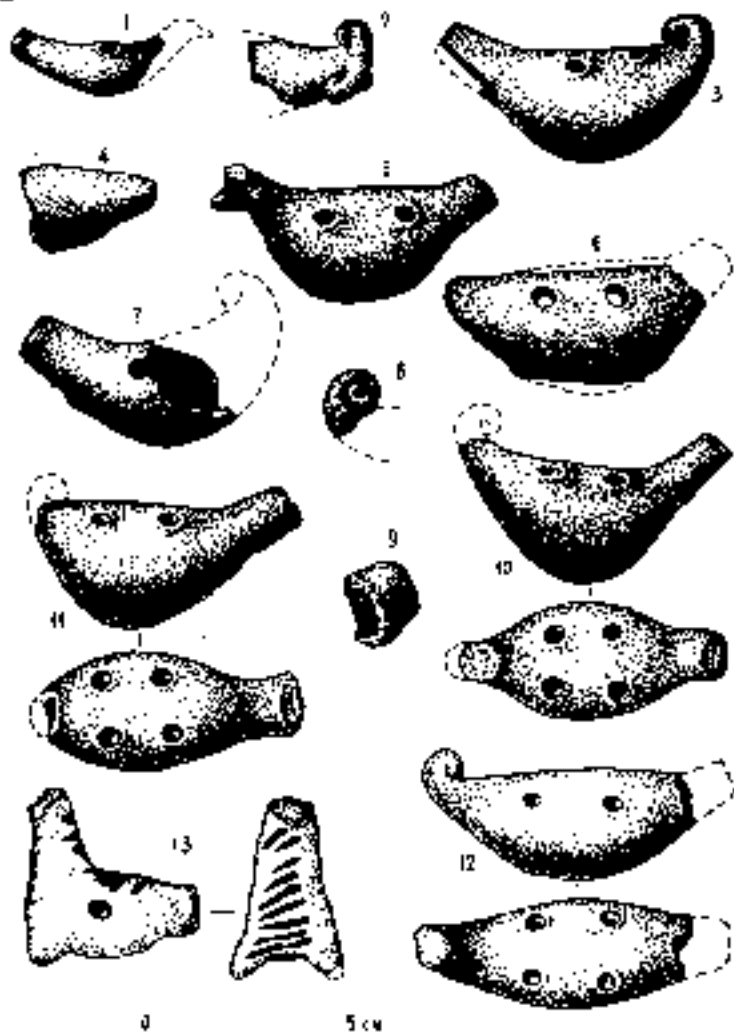

Рисунок 1. Глиняные статульки, археологические образцы, найденные в Курском крае. 1-2 - пос. Вернее Гутурово, Курский р. и Раскатки А. П. Давыдова; 3-9 - городище Шереметьево-II, Зидитуровский р.-к. Раскатки А. П. Душкиной; 10-11 - с. Курск, ул. Гайдари № 25, Раскатки А. В. Дорина; 12 - дер. Вырки (близ Шуклики), Курский р. и слух патентов А. В. Дубкова; 13 - с. Курск, Красная пл. № 2/4, Останцы раскатки И. А. Тихомирова. 1-12 - XVII в.; 13 - XIX в.; 1-13 - Фонды Курского государственного областного музея археологии

(рис. 1: 10). Другая свистулька, округлившаяся, округленная, скелетная, которой удалось залепить пластилином, звучит в интервалах: *Д*, малой октавы *Ре* - *Фа* *Соль* - *Ля* первой октавы; при наклоне последняя бельность перекрывания отверстий: *Ля* малой октавы *До-диез* - *Ми* - *Соль* - *Ля* первой октавы (рис. 1: 11).

Наконец, ещё один, повреждённый образец свистульки с улиткообразной головкой обнаружен А. В. Зубковым на утробе в деревне Вырки, близ Шуклинки, под Курском (рис. 1: 12). Восстановленный посредством пластилина у этой находки свистульки устроителем извлекаем примерно следующие звуки. *До-диез* - *Фа-диез* - *Ля-диез* первой октавы - *До-диез* - *Ре-диез* второй октавы; при другом перекрывании отверстий вместо *Фа-диез* звучит *Соль*.

Глина перечисленных свистулек после обжига светло-коричневая, серая, а также упоминавшихся других оттенков, во всех случаях без росписи и без поливы. Подобные свистульки археологически встречаются и за пределами Курского края. Тип, достоинство специального изучения.

Впрочем, уже и сейчас очевидно следующее: места археологического обнаружения ранних по времени свистулек в Курском крае совпадают с местами известных ныне центров производства традиционной звучащей игрушки. Не наблюдается также сближения в способах лепки, цвете глины после обжига, а также формах между свистульками XVII и XX веков. То есть группа свистулек XVII века составляла иной, возможно не один, промысел, отличный от козлянского и прочих, появившихся же ранее чем в конце XVIII века.

Строго говоря, первое сведение, соотносимое с игрушечными промыслами в Курском крае, на что обратил внимание А. Н. Фрункин, содержится в опубликованной в 1838 г. книге И. В. Свистирова «Русские простонародные праздники и суеверные обряды»¹³. В курскому обычаю к весеннему празднику Курьева дня было принято изготавливать глиняных коровок и других животных¹⁴. Без указания на конкретное место производства свистульки в ряду прочих глиняных изделий упомянуты, отмечает Г. Е. Скобликов¹⁵ в документе 1865 г. — «Из доклада распорядительного комитета по Курской выставке «О кустарных промыслах Курской губернии»¹⁶. Игрушки — без упоминания свистулек — из села Козлянского участвовали в выставке, приуроченной к проходившему в Харькове XII археологическому съезду¹⁷. Впервые прямо о козлянских «свистульках» говорится в 1904 г. в «Материалах по истории

дованию кустарных промыслов в Куржской губернии»: они вместе с другими игрушками находились по многим городам южной России, доходя даже до Персии и Турции¹⁸. Подтверждение об этом находит в источниках сообщает А.П. Фрумкин. Кстати, из его общения с В.В. Ковкиной узнаём: «Для изготовления свистулек в Кожле смешивали два сорта глины, которую брали в Дропиче: «подложка — белый, как снег, и злею — жёлтую, как ишката». Смесь получалась жидкой, а после обжига в небольших горнутах выходил действительно белый звонкий черешок. Игрушки расписывали анилином или цветными чернилами, замешанными на яйце. Поверх рожки игрушки лачили сахарным сиропом на яйце «для пушистости блеска и чтоб слаще свистеть». В письмах игрушечникам есть и такие строки: «Ноя моя игрушка шла на государственные дела только! По деревням ездил сборщики на лошадях, возили мои игрушки. Дети несли за игрушки сборщику макулатуры тряпки старые, бумагу, железо, кости и т. д. Время было трудное, игрушек детям не было в магазинах»¹⁹. История промысла в XX веке полна драматизма. Изготовление свистулек, обменивавшихся на яйца или картошку, было тяжёлым средством к существованию. По словам ещё одной кожлянской мастерицы А.Н. Петровой, в конце 1950 г. в течение трёх сезонов нужда её заставила слепить 90 тысяч игрушек-свистулек²⁰.

Глиняные свистульки в поздней традиции — большой труд для одних людей — взрослых, и забава для других — малышей.

Возвратимся к группе свистулек, бытовавших в Курском крае в XVII веке. Следов их производства пока что не выявлено, потому нет уверенности в том, что они производились местными мастерами. Хотя, позитивно, скопление свистулек на древнем городище Переверзево-II Золотухинского района настраивает на поиск артефактов, возможно, бывшего и угасшего здесь когда-то промысла. Стоит также принять к вниманию образ свистульки с головкой, оформленной закрученными рожками: не есть ли это раннее проявление упоминавшейся куржской традиции весной к Юрьеву дня лепить из глины коровок и других животных?

Среди разновидностей свистулек в Курском крае не удалось выявить местного промысловый вариант звучащей птички на ножке. Это, конечно, не значит, что её здесь не могло быть, дедушкам, откуда-либо завезённой или изготовленной в единичных вариантах. Тем более нельзя знать, что ещё откроют археологи.

Неожиданный образец свистульки в виде глиняной птички на ножке появился в Курском музее археологии. По сообщению А.Г. Шлилёва, это недавний подарок музею от Свстланы Александровны Ермаковой. Свистульку она нашла в 2000 г. в 300 метрах от левого берега реки Псел на вновь распаханном целинном участке огорода в деревне Крупец Камышанского сельсовета Беловодского района: на этом месте в древности, по-видимому, сваливали мусор. На рукожке птички, слепленной из глины, получившей после обжига телесный оттенок, без глазури и росписи, имеется выраженный, с наклоном вперёд, хохолок, глазки-лепёшечки, с правой боку тулова одно проколотое тонкой думинкой игровое отверстие. Значит, кроме основного звука, перекрывая у этой птички единственное игровое отверстие, извлекался дополнительный звук; всего два звука, из которых можно было составлять трели. В свистковом устройстве нижняя стенка дудьца ещё в древности была отколота, по этой причине замолчавшая свистулька оказалась на деревенской свалке вместе с множеством глиняных черепков самого разного времени. Вся штука, ладная, выверенная и пропорциях, мастерски легко, почти шутя слепленная, коренастая: находится на конусной короткой ножке. Снизу ножки имеется плоская линзовидная выемка — для устойчивости. Высота от хохолка до основания — 45 мм, длина от дудьца до грудки — 37 мм. На обветренной, посеревшей поверхности, как и на всем облике грудки, очевидна патина времени (рис. 2: 7). К неприхотливости одинокой для здешних мест вещице возникает череда вопросов: где, когда и кем она была изготовлена? И вот о каких своих удивительных связях она поведала.

В статье «Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его округа (открытие 2002 г.)» был описан замечательный сюжет. Представленные в нём глиняные звучащие игрушки, найденные в разных местах Новгородской земли, нашли себе абсолютное сходство в Курском крае.

В Новгородской области близ районного центра Любытино расположено древнее, ведущее свою историю от «хоженгия Святых на во Нонулюду» — Княжье Село-1. В давние времена, село славились своим промыслом глиняной игрушки-свистульки. В 1996 г. местные жители сказали, что промысла давно нет, не осталось ни мастеров, ни самих игрушек (знай наших). Мария Петровна Кинькина сообщила, что как-то у себя на игорде нашла свистульку и отдала её внукам, те давно вырвали. Спустя месяцы она

исслении: «Вот вам свисточек, который я нашла — сохранился у бабушки». Оказалась глиняная птичка на ножке с прилепленными глазками-лепёшечками и одним тонкой лучишкой проколотым в правом её боку игровым отверстием. Глина, из которой она была сделана, словно слегка промасленная, после обжига имеет светлый, телесный оттенок, без глазури. Свистулька была украшена на глазках-лепёшечках яркие красные точки и того же цвета одна красная полоска на грудке. Снизу в её конусной ножке имеется плавная выгнутость — для устойчивости. Верхняя часть головки отколота. В остальном игрушка цела. Её длина от дульца до грудки — 34 мм, высота от основания до места излома 35, и, изначально, как выяснится, могла достигать 43 мм (рис. 2: 2). Из неё извлекаются чистые, звонкие трели, тяготеющие, пользуясь профессиональным музыкальным языком, к минорной терции — *Re* — *Fa* второй октавы. Имела ли она отношение к местному промыслу или была привозной — никто подсказать не мог. Размышления по этому поводу возникли гораздо позднее, когда академик РАН В. Л. Янин подарил Новгородскому центру музыкальных древностей несколько свистулек, давно найденных в старой части Новгорода.

Одна свистулька, на которой прочитались паспортные данные, поразила своим сходством с описанной выше княжесельской и по форме, и по способу лепки, и по цвету глины. Она была найдена в 1972 году в древнем Славенском козле на Кировском (ныне — Славенском) районе в слое второй четверти XV века. У неё лишь нет следов красной краски и размер её несколько больший: от дульца до грудки 39 мм, высота 54 мм (рис. 2: 3). Поэтому и общее звучание её пониже: минорная терция — *Si*-бемоль первой октавы — *Re* бемоль второй октавы. В остальном сходство до мельчайших подробностей: одинаковые глазки-лепёшечки, одним движением руки в глиняных птичках проделаны сначала дульце, то есть щёлочка для подачи воздуха в свистовое окошко, а затем иными проколом тонкой лучишки игровое отверстие в правом боку. Важно то, что у новгородской птички на головке сохранился выразительный в чертёжках кохалок, поэтому теперь легко представить деловитый вид княжесельской кохалки. Кроме того, по новгородской птичке-кохалке — так мы её изначально назвали — определяется время изготовления княжесельской игрушки — вторая четверть XV века. Для сельской местности, где возраст этой трудноопределим, такой факт весьма ценен. Он обозначает историю одного из древнейших сёл Новгородской земли. При до-

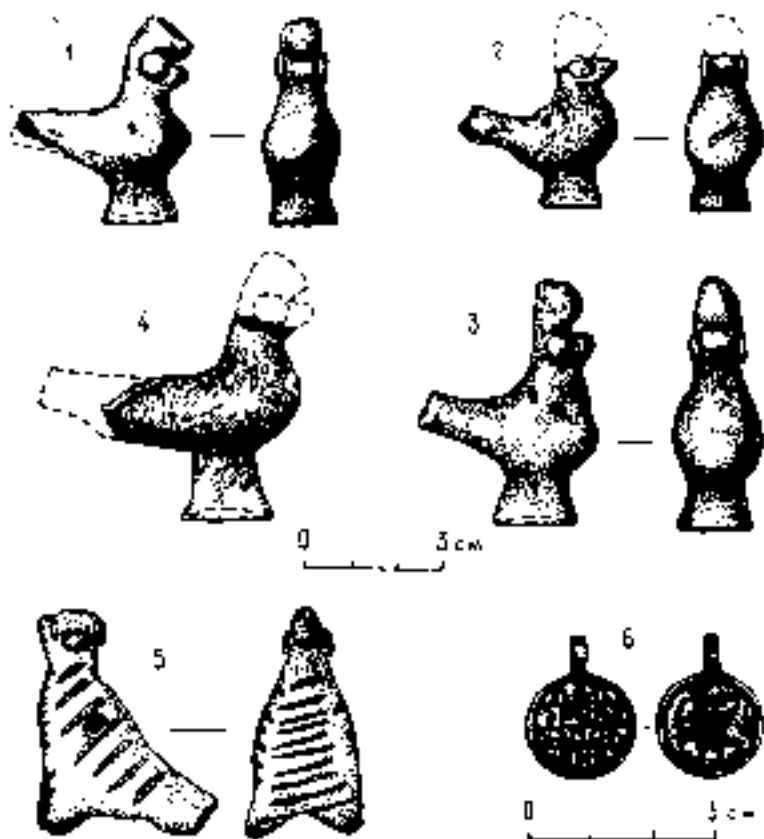

Рисунок 2. Глиняная свистулька «птичка толкателька» на керамической подставке. Находки в Курском крае и Новгородской земле.

1 — дер. Крулец, Камышатский с/с, Белозерский р-н, Курская обл. (по находке С. А. Ермашовой); 2 — Янажево Село-1, Любятинский с/с, Новгородская обл. (по находке М. И. Константиновой); 3 — Курский раскоп (пл. 14, кв. 17), Великий Новгород; 4 — Троицкий XII раскоп (кв. 1535), Великий Новгород; 5 — хожмынская свистулька-птичка Мистерицы: У. И. Ковкина, О. И. Дерришлатова; 6 — медальон-печать с надписью «ПДО БРЯЧЕ ЛОВЕК ЯНЯ» и амбраметаллом двенадцатиугольной формы с медным сигнальным отверстием. Серебро, д. Литвино, Октябрьский р-н, Курская обл. 1 — 3 — вт. ч. XV в., 4 — кон. XIV и пол. XV в., 5 — 1970-е гг.; 6 — вт. пол. XVI в. 1 — Курский государственный областной археологический музей, 2-3 — Новгородский центр музыкальных древностей, Новгородский государственный областной музей-заповедник; 5 — Курский государственный областной краеведческий музей; 6 — частное собрание.

исполнительных документах он мог бы быть зачтен как признак ушедшего в область преданий местного игрушечного промысла.

Глиняная птичка-хохлатка на ножке этим изложением выдвигается выдвигать её в ряду многих глиняных игрушек, одинаково получающих имя — «игрушечка». И княжесельский, и новгородский её образцы были изготовлены если не одним мастером, то, несомненно, в одной мастерской по общим для мастеровых и подмастерьев правилам. Для полноты впечатления представим новгородскую птичку-хохлатку и окруженна других бытовавших в Новгороде разновидностей свистулек.

Более тридцати свидетельств обнаружено при плановых раскопках в слоях XII-XVI вв. Несколько десятков разновременных, вплоть до XIX в., свистулек собраны местными любителями старины. Из них свыше пятидесяти хранятся в Центре музыкальных древностей.⁴ Преобладающим оказывается древний тип негладко-ровдонной свистульки каплевидной формы. Реже встречаются зооморфные разновидности. Изредка попадаются покрытые глазурью латистые свистульки-коники, всадники, уточки и другие. Такое их разнообразие наблюдается и на Новгородском (Рюриковом) Юрдище-22. В целом для большинства свистулек характерны относительно крупные размеры, не одно, а два игровых отверстия; свистулек с четырьмя отверстиями здесь не встречалось. И почти полное отсутствие ножки. С птичкой-хохлаткой сравнима лишь ещё одна глиняная свистулька.

Она была найдена в Лядине конце Новгорода в отложениях конца XIV — первой половины XV вв. Глина её после обжига тёмно-телесного оттенка. Как и у птички-хохлатки, у неё имеется ножка, снизу ножки — линзовидная выпуклость. Игровое отверстие также всего лишь одно, но не сбоку, а на трупке. Обломаны головка и хвост со свистковым устройством. При мысленном восстановлении этих угрыз получается несколько иной облик свистульки (рис. 2: 4), тем не менее, он типологически родственен птичке-хохлатке. Похоже, что эти вышли из одной мастерской. Они близки еще и по времени бытования — в первой половине XV века — факт, говорящий в пользу означенной датировки.

⁴ С признательностью сообщаем, что большое число свистулек подарено Центру музыкальных древностей новгородцами. Среди них: А. И. Зайцев, Ю. П. Копылов, С. А. Куляков, О. М. Олейников, А. Ф. Петров, С. И. Пустовойтов, В. И. Суховерхов, Е. В. и С. Е. Троицкая, А. С. Широков и другие.

С образцами птичек-хохлаток из Новгорода и Княжьего Свистулка во всех подробностях совпадает глиняная птичка, найденная в Курском крае в деревне Крупец. Все эти игрушки, включая и черную вёртуню, новгородскую, у которой отбиты головка и хвост, были сделаны, вероятно все же, в одной мастерской. Три из четырёх едва ли не дело рук одного мастера. К сожалению, пока даже предположительно трудно сказать, где находилась мастерская по производству данного типа свистулек.

Среди известных промысловых вариантов игрушки в виде птички на ложке нет ни одного, который вполне унаследовал бы черты нашей птички-хохлатки. Допустим, замечательная филимоновская — Тульской области — свистулька-курица телесным цветом глины и наличием ложки являет некое напоминание. Но и рисунком, и скульптурой, и способом лепки свистка вместе с полостью и игровыми отверстиями она другая²². Пропорциями, наличием единственного бокового игрового отверстия и скульптурным сходством с птичкой-хохлаткой обладает игрушка, купленная А. М. Косых в Черкизове. Но и она, во-первых, красноглиняная, выворыш, глазки-лепёшечки её дополнены проколами-арачками, в-вторых, она с явно выраженными признаками петушка, у которого иребешок, и борода, и подобие крылышек; в ней словно когда-то была, а теперь потеряна или специально в угоду современному покупателю устранена обаятельная условность, так присущая нашей птичке-хохлатке. Словом, какой-то из современных приёмов мог бы унаследовать отдельные признаки древней игрушки. Нужен поиск.

Датированными новгородскими находками равно определяются время бытования как княжесельской свистульки-птички, так теперь и крупской — вторая четверть XV в. Выходит, свистулька в виде птички с хохолком, найденная в деревне Крупец, на сегодняшний день самая древняя среди всех выявленных на территории Курского края свистящих глиняных игрушек. Она является собой замечательный образец ещё одного игрушечного промысла отличного от тех, что обнаружат себя в Курском крае позднее XVII в. и XIX—XX вв. Время её бытования относится к периоду, когда Курский край ещё не был включён в состав централизованного Русского государства, когда селение, известное ныне как Крупец, находилось во владении Великого княжества Литовского. Обитателями здешних мест могли быть русские люди. О принадлежности в последующее время в Курском крае русскоязычного на-

жения сообразит найденный на горюхище Перемышлен-П бронзовый нателный крестик XV — начала XVI вл., а также яркая находка, которая, вдобавок, имеет ещё и прямое отклонение к музыкальным древинкам. Это поднятая с ушким типа медальона круглая серебряная печать-матрица: с одной её стороны четырёхстрочная надпись «ИДО БРЯЧЕ ЛОВЕК ЯНЯ» Печать добра человека Яня, с другой — изображение выкстующей левы-птицы Алкавоста, с мечом в правой руке и *сигнальной трубой* в левой — за отпечатке, следовательно, меч будет в левой руке, труба в правой (рис. 2: б) Место находки — деревня Липина Октябрьского района²⁴. На непростой вопрос по поводу надписи на печати вскоре был получен ответ академика РАН А. А. Зализняка. По его оценке, это памятник XVI в., причём скорее 2-я половина «В палеографических таблицах Трусевича самое раннее я вместо я отмечено под 1565 г., самое раннее — вместо о — под 1551 г. <...>. Замечу, что на печати написано не *добра*, а *добръа*, так что здесь смешение *рн* и *рж*. Вместе с написанием человек (с е вместо э) это произведит впечатление чего-то белгородского или смоленского (что, ну разве, для этого времени одно и то же). Нет, конечно, по одному слогу решительно судить невозможно»²⁵.

Глиняная птичка, найденная в деревне Крутец Курского края, не тотчас позволила извлечь из неё звуки. Причина, как упоминали, в подрезлённости её свисткового устройства. Кроме того, после удаления из неё остатков земли выяснилось, что единственное её игровое отверстие очень слабо проколото тоненькой лучинкой, недоколото. Поэтому, когда наконец её удалось озвучить, интервал между её голосами оказался не в микорной терции Ре — Фа, как, например, у княжесельской птички, а иным, хотя по своему и вполне интересным: *Соль* — *Ля* второй октавы. Вот из каких звуков складывались трели, раздававшиеся пятьсот лет тому назад в деревне Крутец на юге Курского края.

Рассмотренные примеры показывают, что твёрдого звукового строя у свистулек не было. Это в целом соответствует нашим народным традициям. Звучание глиняные игрушки делятся на группы лишь по самым общим признакам. Простейшее деление — по количеству извлекаемых звуков — пять, четыре, три, два, один. Звуковой строй промысловых игрушек от одной к другой мог повторяться в той мере, в какой оставались неизменны их формы и размеры. При изменении размеров строй мог быть близким по интервальным соотношениям, как у княжесельской и юны-прядской пти-

чек-хихидатик, скотирывин, надо полагать, и крупецкая-курская птичка обладала бы сходным интервалом, если бы не недоколотое её и ровное отверстие. При этом общая высота звучания у каждой из этих трёх разновеликих птичек была бы своя. Окажись они в условиях профессионального европейского музыкального ансамбля, они поистине, своими звуками не способствовали бы гармонии.

Но, кстати, и нет необходимости помещать глиняные свистульки в ряд с настроенными симфоническими инструментами. В частности, простонародная свистулька — не то же, что италиянская окарина. Речь не о том, что какой-то из этих инструментов лучше или хуже другого: каждый хорош на своём месте. Это инструменты различных традиций. Окарина с её математически выверенным по европейской музыкальной шкале строем приспосабливаема к исполнению концертных мелодий. Свистулька же, сделанная наглазок, в праздничном народном обиходе призвана имитировать цепочки коротких наигрышей-возгласов, трелей, узнаваемых примерно так, как узнаваемы не привязанные к музыкальной шкале голоса тех или иных видов живых птиц. Даже радио-видимость свистульки с четырьмя игровыми отверстиями, а то и с пятью, а то и шестью голосами, которую кто-то сравнит с окаринкой, практически более пригодна для исполнения трезвучных формульных наигрышей-возгласов: удобнее поочерёдно пользоваться той или иной парой отверстий; отсюда интонационно-инструментальные возгласы могут проходить, соответственно, то на нижних, то на верхних звуках. На двух-трёх звуках возможно исполнение веселых песенок-закличек.

Ежегодно 22 марта во время праздника Закличания птиц учащиеся Хора Новгородского центра музыкальных древностей — взрослые и прежде всего дети, поют приученные к этому делу песни, подбрасывают в небо пёстрых из теста «жаворонков» и свистят и гавкают глиняные свистульки, подражая голосам птиц, призывая их на крыльях прилечь к нам тепло и Весну. Каждый на рукоятке из глиняном конике, утке, птичке выводит свои «песню» в позиции концертирующего музыканта — это какое. Однако даже подмеченное селянками свойство глиняных свистулек таково, что «случайным» набором звуков они создают неповторимое по количеству многоголосье: будто весь мир заволнует голосами птиц, что больше участника праздника, чем сильное очарование. Не говоря о всеобщей в эти минуты радости, восторге и празднично сияющем Солнце.

Роль глиняных свистулек в подобных праздниках замечательна тем, что они не просто отгоняют недобрых духов: они прежде всего обращаются к духам добра, каковыми предстают зрелые лещники Весны. Весенними свистульчатыми трельми заклинают птиц, примагичивают, валят. «Этическая» роль свистулек возвышенна и прямо противоположна действию охотничьих мажков, которыми вроде бы тоже заклинают, валят, но цель последних — охота.

Предназначение глиняных свистулек в русском быту, как видим, не сводилось только к простым детским забавам. Свистульки находили место в серьёзных праздниках, причем с участием детей. История свистулек на самом деле загадочна и сложна. Название *свистулька* не встречается в ранних письменных источниках. Немецкий купец Томакс Фенне в начале XVII в. или ранее записал от псковичих слово — *свистель*³⁶. До того в русских летописях говорилось о родственном *свистели* духовом ратном инструменте, именовавшемся *лосвистель*. О псковичах под 1348 г. говорится: «Он же отъ Орешка в полдни поехаша, вытрубить в трубы и удари въ бубны и в лосвистели»³⁷. Тип глиняного свистка калевидной формы в древнем Новгороде мог использоваться как сигнальный и хозяйственных целях; один образец XIV в. снабжён ушком для подвешивания, но есть постоянные находились при своём владельце, возможно, был корабельным свистком у корабельного. В Западной Европе известны боцманские свистки X в. — глиняные. Потом они чаще изготавливались из бронзы, а наградные — из серебра и золота.

Что касается курских находок глиняных свистулек, то среди них не видится тех, которые могли быть в хозяйственно-сигнальной роли. Уже различа из них хрупцеватая предназначалась, видимо, для забавы, для любования и восхищения её звонкими трельками. В то же время, надо полагать, это не мешало с нею участвовать в весёлых праздниках. А это уже не просто забава.

Здесь представился случай в образцах свистулек, бывавших в Курском крае, увидеть испрошенные промыслы разных периодов. Не решая пока вопроса о местах расположения таких промыслов, можно заметить следующее: древние образцы тяготеют к классически выверенным формам. Они представляют устойчивый и легко узнаваемый в своих вариантах тип. Такая типичность — признак зрелой, развитой традиционной народности мастерства, когда мастер в своих творческих — авторских — возможностях абсолютно не стеснён. Создавая или унаследовав сформировавшийся типо-

кой вариат. Он его не разнообразит в угоду чьей-то прихоти, спокойно повторяя, без авторского эгоизма, отправляет на торг, здоровым чувством уверенности: его товар добротный и по цене, и по удобству пользования, и по наружному облику, а в дарном случае ещё и по звучанию. Так горшечники неизменно популяризируют проверенные временем способы изготовления и приняты, селянами формы местных хашаков, хурчал, чертлушек и прочих сосудов, находя их приложими, при этом не чувствуя себя творчески ущемлёнными. С таким же отношением, не боясь повториться, селяне из года в год, из века в век выращивали, мололи и выделали в сущности одинаковый Хлеб. На таком ощущении прекрасного и понимании своего личного участия в общем трудовом и творческом процессе зиждется национальное — и оно же авторское — художественное лицо народа. В свою очередь, чем ярче, чем сохранится такое традиционное лицо народа, тем в большей мере оно уважаемо другими народами и по праву занимает место в общемировом культурном союзнении.

Так же законченными, выверенными и способе изготовления, узнаваемыми в своих формах предстают свистульки, бытовавшие в Курском крае в XVII веке. Среди них типичен обтекасский, без признаков лал или ножек, вареникоподобный вариант с объёмной «дутой» колодой и улиткообразной головкой. Все они снабжены четырьмя игровыми отверстиями, значит, обладают пятью и более звуками. На них могли разыгрываться вариации-формулы праздничной народной традиции. Возможно, именно они или им подобные походили на коровок из глины и оглашали Курский край весной на Юрьев день — 23 апреля (по новому стилю) — 6 мая. Вместе с тем они нуждаются в дальнейшем внимательном изучении.

Свистульки с двумя игровыми отверстиями, ланцетные, характерны для традиционного промысла, официально возобновившегося в 1970-х гг. в селе Кожля. Среди игрушек — «Всадник», «Прыжок», «Козёл», «Баран», «Индюк», «Кошка с гармошкой», «Царевна лягушка», «Лусь», «Петушок», «Курочка» и ещё многие другие. Большой выбор игрушечного товара был продиктован спросом подднего рынка, вкусом мещан, и впоследствии и традиционных кукол-кажчиков, связанных с миром коллекционеров, искусствоведов. При учительской озёнке средств массовой информации список кукольных игрушек пополнился, в него вошли, например, «Полтавская», «Ливан» и «Стола» О.И. Дементьевой, «Перелёт»

тыш» и «Барыш» В.В. Ковкиной. Появились заморские образы — крокодил, обезьяна. Открылась дорога к усложненной форме, поиску «новых», авторских сюжетов и украшений. Похоже, что замечательных мастерами пытались вовлечь в игру, правил и целей которой им не сообщали. Дело в том, что спустя сорок лет после полного истребления в России народных промыслов, стало модным их возрождать и, что ниже всего, искусственно радицивать. Идеологическая программа «развития» сводилась, да и нередко сводится, к сожалению, к тому, чтобы к традиции подмешать самодетельность, и в конечном итоге самодетельность выдать за традицию. Народная традиция и привнесенная из города когубная самодетельность — мировоззренчески различные поля деятельности.

Итак, на основе различных свидетельств мы увидели основные типы бытовавших в Курском крае глиняных свистулек. Рассмотрели их известные на сегодняшний день археологические находки. Имели возможность сопоставить их с образцами поздних промыслов Свистулькой середины XIX в. представили образец, близкий к истокам козлянского игрушечного промысла. Свистулька на ложке в виде птички с хохолком среди прочих древнейшая. Одинокая вещьца, как члвчк, была обречена на молчание. Но, как выяснилось, она составляла единую группу с датированными инвентарными свистульками птичками-хохлатками. В хоре с ними обрела толгу. И возраст. В первой половине XV в. на одной мастерской игрушечные птички хохлатки «разлетелись» в разные края. Решению вопроса, где располагалась мастерская по их происхождению, могут способствовать новые находки как во время очередных сезонов раскопок, так и в уже имеющихся различных археологических коллекциях. И не только археологических. Если таким открытиям помогут собранные вместе глиняные птички на Новгородской земле и Курского края, скромная цель настоящей статьи будет достигнута.

Примечания

1. Янин В. Л. Древнейшая славянская книга // Чело. Великий Новгород. 2010. № 3. С. 4; Поветкин В. И. Обретение Новгородской Псалтыри // Чело. Великий Новгород. 2013. № 1 (26). С. 3-11.
2. Поветкин В. И. Кто они — гуды на печатных глиняных водолеях XIV века? // Чело. Великий Новгород. 2008. № 2 (42). С. 28-35.
3. Арцихонокский А. И. Пасоки на Славце в Новгороде // МИА СССР, № 11. М., 1949. С. 131-132; Поветкин В. И. Начало источниковой базы

музыкальной археологии в Великом Новгороде (музыкальные древности из раскопок А. В. Артюховского) // Новгородские археологические чтения-2. Материалы научной конференции, посвящённой 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Артюховского. Великий Новгород, 21-24 сентября 2002 г. Великий Новгород, 2004. С. 114-116.

4. Колчин В. А. Дендрохронология Новгорода // МИА. 1963. № 1: 7.

5. Деревья Козляк — на карте Курьской губернии издания А. Ильина, отпечатана в Картографическом заведении у Никольского моста, дом № 23, вторая половина XIX века. См.: Додченко Ю. В. Курьская губерния и старейшая открытка. Курск, 2004. Приложение.

6. Народное гончарство России. Сохранившиеся центры. Пути происхождения. Каталог. Авторы вступительных статей: Фрумкин А. П., Ишиков С. В. М., 1987. См. раздел. Из писем народных мастеров. Штук от Палкова Г. Ф.

7. Скобликова Т. Е. Промысел козлянской игрушки // Курьский край. Научно-исторический журнал № 1-2 (76-77). Курск, 2006. С. 62.

8. Художники Курьского края. Авт.-сост.: Брысьев Л. А., Звездонкин М. М. Курск, 2006. С. 86, 123, 254, 277.

9. Скобликова Т. Е. Связуя нить времён. Курск, 2001. С. 54-56, 61 ил. Обстоятельное о том же. Скобликова Т. Е. Промысел козлянской игрушки... С. 67-75.

10. Скобликова Т. Е. Связуя нить времён. С. 49-50.

11. Народные промыслы Курьской области. Суджанская народная игрушка. буклет. Изд.: Комитет по культуре и искусству администрации Курьской обл.: Областной научно-методический центр народного творчества. (1991).

12. Сихильва Г. Эрмитажные бараны и слоны из Курьса // Антиквариат, № 6 (48). 2007. С. 53.

13. Большая Курьская Энциклопедия. Том 3. Книга вторая: «Естественная история. Животный мир». Гл. ред. Ю. А. Булгов. Курск, 2007. С. 110, 128.

14. Зорин А. В., Стародубиев Г. Ю., Шпилев А. С., Щеглова О. А. Очерк истории Курьского края с древнейших времён до XVII в. Курск, 2008. С. 441. Рис. 83: 5.

15. Народные игрушки России. Раздел: Курьская обл., Курчатинский район, сёла Дроздово и Козляк. Спирев И. В. Русские простонародные игрушки и сувенирные изделия. 1838. С. 136.

16. Скобликова Т. Е. Связуя нить времён... С. 59.

17. Златоверховников Н. И. Курьская губерния на XII археологическом съезде в Харькове в 1902 году // Труды Курьской губернской археологической комиссии. Вып. I. Курск, 1911. С. 41.

18. Материалы по исследованию кустарных промыслов Курьской области. Курск, 1904. С. 187.

Изображения моржей на камне.

*Мужская голова.
Деревянная скульптура.*

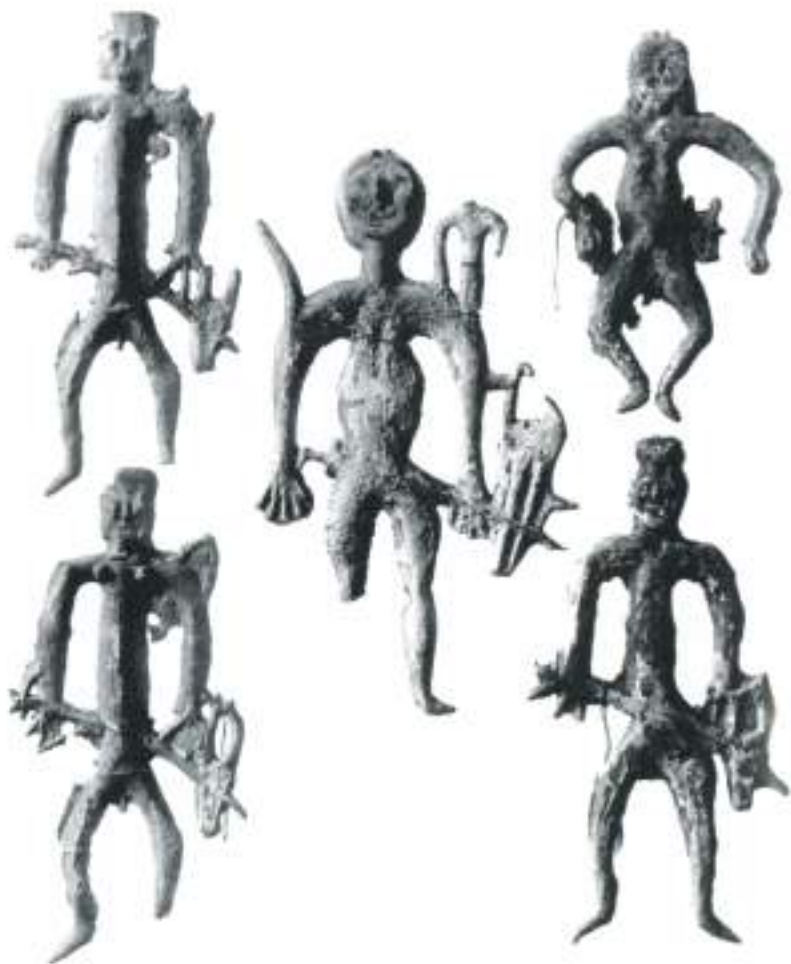

Рис. 2. «Чудские образки». Древянители из б/вощи. Кунгурского уезда, бывш. Пермской губернии, 1903. Хранятся в Государственном Историческом Музее. См. Чистякова И.Ф. 1905. (по материалам Фотоархива ИИЛ РАН г. Санкт-Петербурга).

Рис. 1 Клад из медных «чудских идолов». Деревня Большая Кызылострельница, Екатеринбургский уезд, бывш. Пермской губернии. Найден в 1901 г. и доставлен В.Я. Толмачевым в 1911 г. Хранятся в Эрмитаже. См.: Чистякова И.Ф. 1912. (по материалам Фотоархива ИИМК РАН г. Санкт-Петербург)

Рис. 3. Конькообразные прищепки
 1-3. Металлические прищепки
 4-5. Пластичные конько-амулеты
 6-8. Пластиконькообразные конько-амулеты

Рис. 4. Палеозеркало
1-6. Двухстворчатые палеозеркала
7. Армянское палеозеркало

Рис. 1. Типовые образцы фибул:
1-3. Фибулы со стандартными типами головок
4, 6. Фибулы с овальными головками и
орнаментом на дне
5. Фибула с толстым изогнутым
5. Фибула изернгольденая

Рис.2. Новгородские железные булавки

- 1-2. Булавки с кольцом, предметом через шарообразную головку
- 3-4. Булавки с трехлопастными головками
- 5-6. Булавки с головками крестной формы
7. Булавка с крестовидной головкой

Д Е Ж З И К Л М

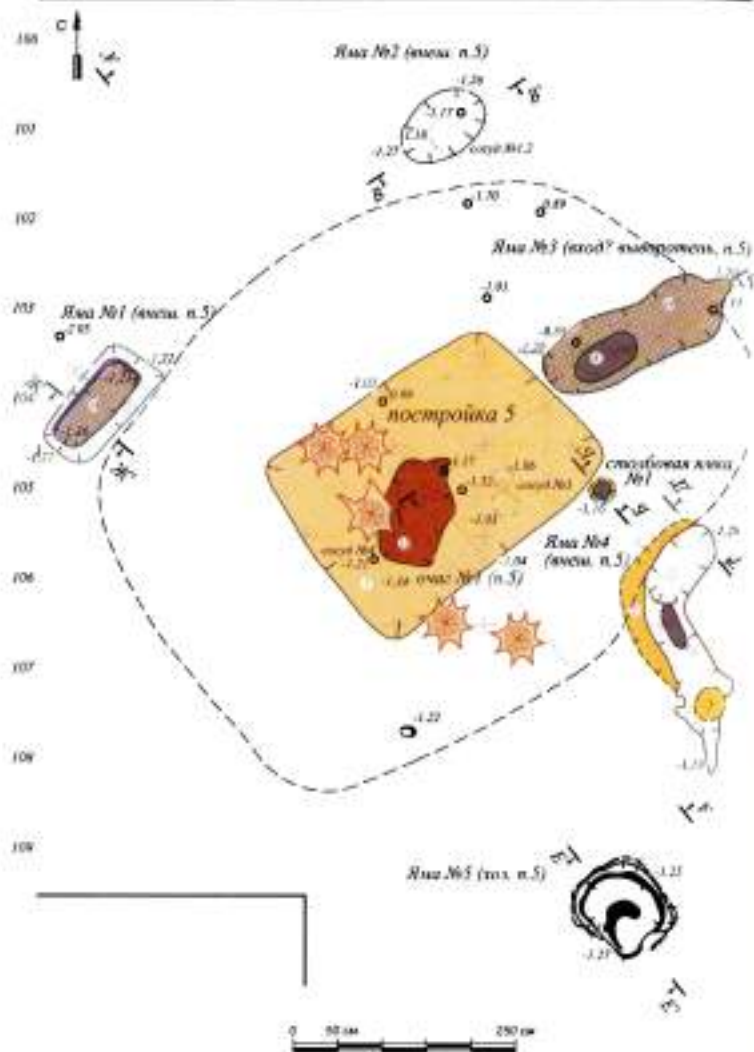

Рис. 2. Селище Атмвельзурий 12. Фрагмент плана раскопа 1.
Объект 5. Котлован жилища № 5.

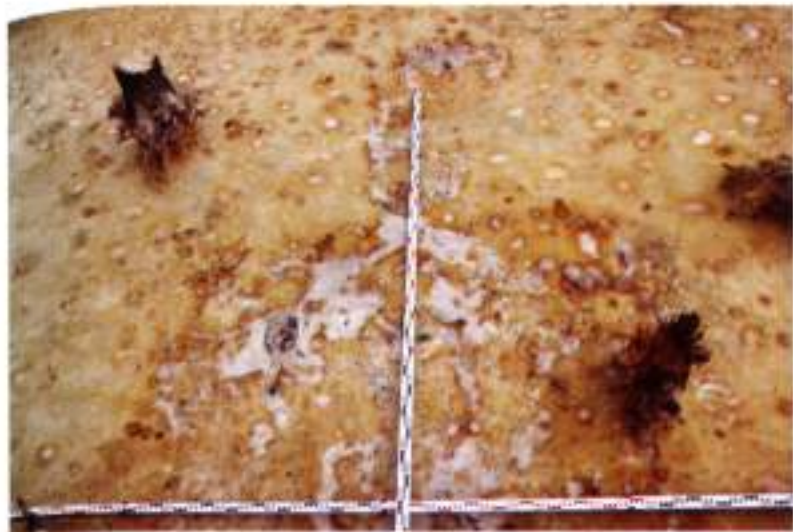

Рис. 3. Селитре Аммониевой 12.

Раскоп 1, Объект 5 урвонь 3 фиксацрии – 1,23 м. Обширй вид с ЮЗ.

Рис. 4. Селитре Аммониевой 12. Раскоп 1, Объект 5. Стратиграфический разрез котлована жилища № 5 и очага № 1 по линии А-А. Вид с СВ.

Рис. 5. Селище Атмезельгуй 12. Раскоп 1. Фрагменты керамических сосудов. А. - сосуд № 1, Б. - сосуд № 2, В. - сосуд № 3, Г. - сосуд № 4.

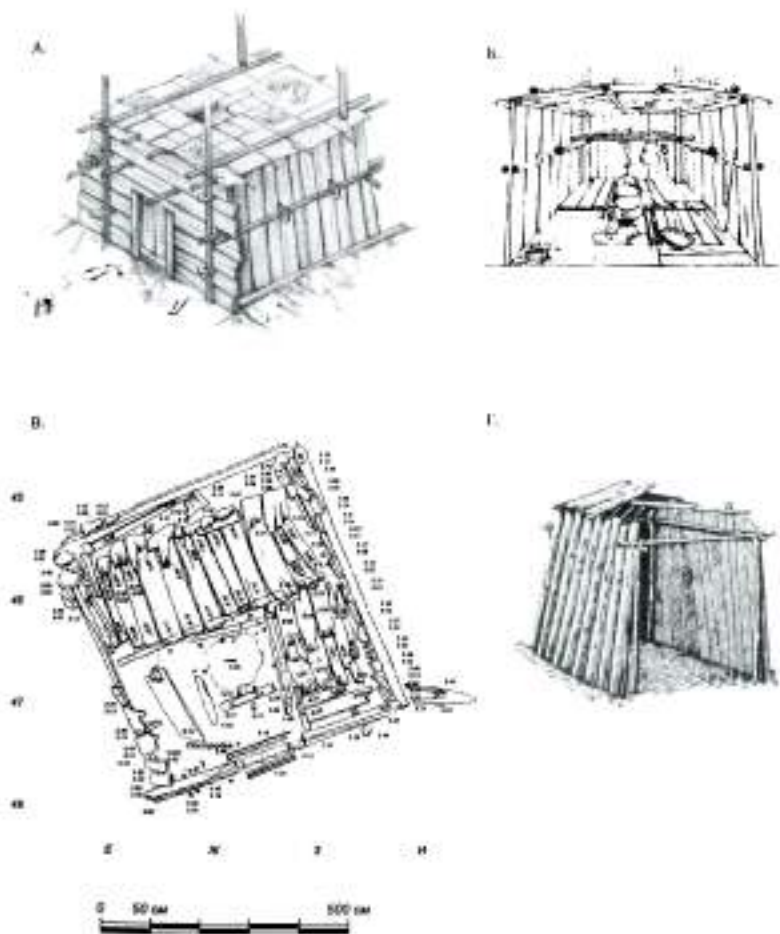

Рис. 6. Архитектурные аналогии малогабаритных архитектурных построек. А-В Надымский городок, западный «Остяцкий» квартал № 1, жилая постройка № 7. А – общий вид сер. XVII в (реконструкция), Б – интерьер постройки (реконструкция), В – фрагмент плана раскопа 2004 г. М 1:50. Шалаш шортцев. Г – шалаш типа усеченной пирамиды (реконструкция по атласу).

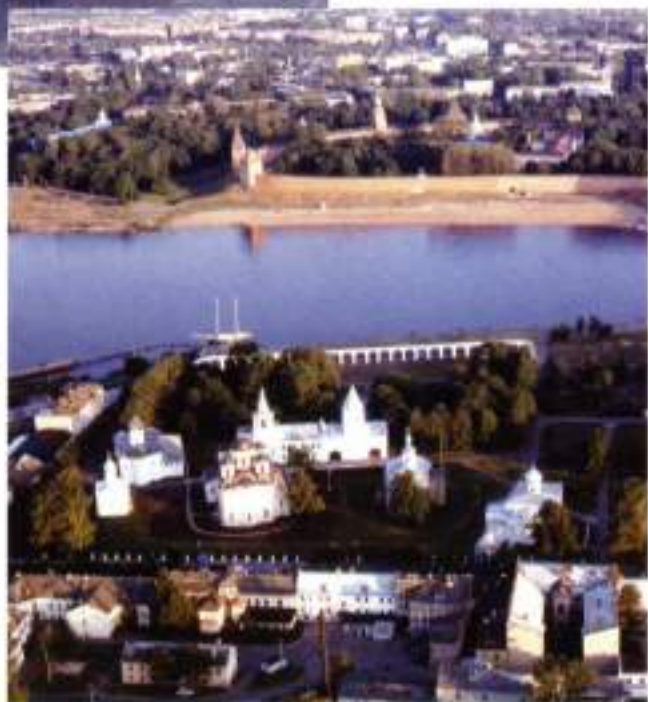
*Икона «Чудо от иконы Знаменье Богородицы»,
иллюстрирующая битву новгородцев с кудальцами в 1170 году.
Сер. XV в.*

*Виды на станция-
плато под местом
подводно-
археологических работ.
Февраль 2006 г.
Фото автора.*

*Вид на центр
Новгород с
птичьего
полёта.
Деревянный
Великий мост
соединил
Детинец и
Торг в правой
части снимка.
Фото
А. Орлова.*

*Трёхмерная реконструкция дна р. Волхов
и раскопанных мостовых опор. Автор С. Луций.*

*Фрагмент мостовой конструкции XIII-XIV вв.,
обнаруженный при раскопках зимой 2005-2006 гг.
Стоп-кадр видеосъемки, оператор А. Степанов.*

*Рис. 1. Новгород, Неревский раскоп, XI век.
Фрагмент бересты с украшением.*

*Рис. 1. Новгород, Неревский раскоп, XIII век.
Сложноступенчатой фрагмент бересты с украшением.*

*Первые находки
со дня Веллинг.
Июль 2005 г.
Фото
А. Орлова.*

*К погружению готовится
Андрей Страшнов.
Готовит подвода
руководитель дайвингных
исследований
А. Степанов.
Июль 2005 г.*

*Монеты и
украшения
из подводных
раскопок
2005-2006 гг.
Фото
С. Луцкоя.*

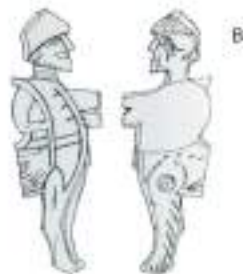

Печати новгородского тысяцкого Аврама.

А — половина печати из раскопок Великого моста, 2006 г.

Б — печать из Андреевского раскопа, 1995 г.

а) Фрагмент дубовой резной расчески от портала деревянной церкви Новгород, Нересей раскоп, XI в.
б) Делать сгиб лампады XV-XVI в. Новгород, Софийский собор
в) Обломок деревянной резной расчески Новгород, Троицкий раскоп, XI в.

Изображения кельтавров-«китаврасов» на различных предметах из обихода новгородцев.

Рис. 1: 1, 2 – топоры I типа; 3, 4 – топоры переходного типа; 5, 6 – топоры II типа; 7, 8 – топоры III типа; 9, 10 – топоры индивидуальной формы; 11 – тесло I типа; 12, 13 – тесла II типа; 14 – тесло III типа.

Рис. 2: 1, 2 – цельнометаллические долота; 3 – фигурное долото;
4 – ступчатое (шиповое) долото с деревянной рукояткой; 5 – струг;
6, 7 – скобели; 8 – наструг; 9 – скобелка; 10, 11 – разметки (черты).

Рис. 2. Местные жители работают в саду в районе Брестского района.
* Иллюстрация сделана в кафе-ресторане «Мир» в г. Бресте.

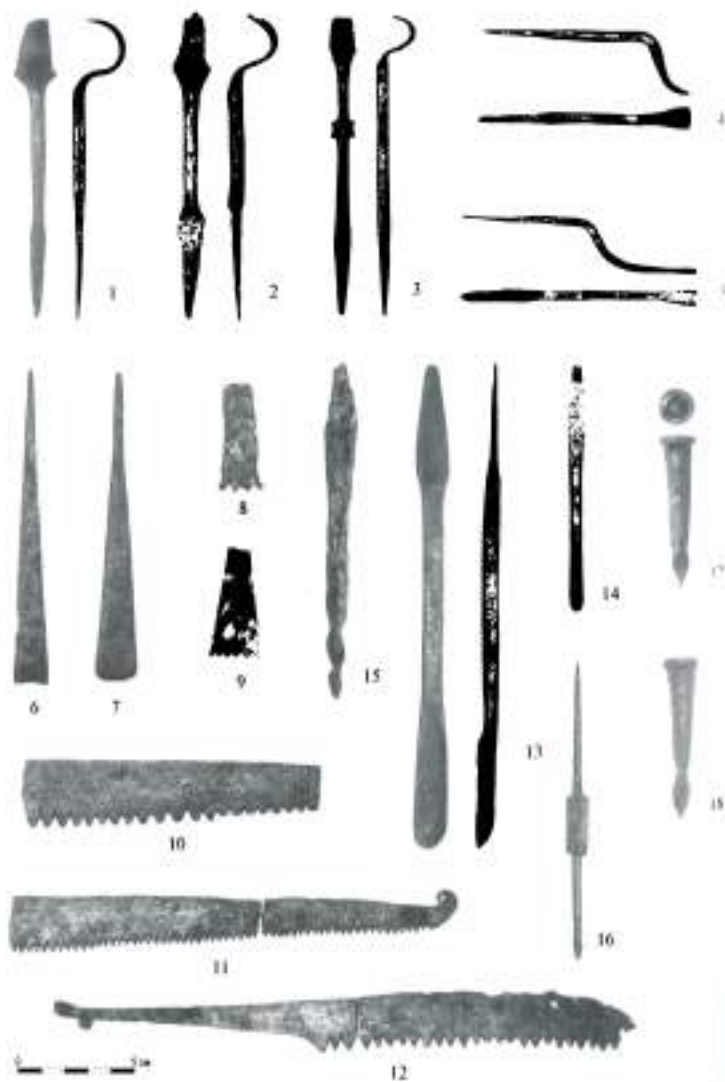

Рис. 4: 1, 2, 3 – ложка́рные реза́ры; 4, 5 – фигу́рные реза́ры-кля́ки;
6, 7 – ста́мески; 8, 9 – у́торные пи́лки; 10, 11, 12 – пи́лы;
13, 14 – перво́видные (ложко́видные) све́рла; 15 – спи́ральное све́рло;
16 – лу́чковое све́рло; 17, 18 – ту́льчатые спи́ральное све́рло.

19. Народные игрушки России. Раздел: Курская обл., Курчатпесчаный р-н, села Дроздово и Кожда; Раздел: Из писем народных мастеров. Письмо от Конкиной Д. В.
20. Скоблякова Т. Е. Промысел кожынской игрушки... С. 66.
21. Повесткин В. И. Музыкальные драхлы Великого Новгорода и его округ (открытие 2012 г.) // ИИЭЗ. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 17-121. Табл. 2-10-12
22. Повесткин В. И. Рудебный обиход Новгородского (Рюрикова) Городища // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2015 г., Великий Новгород, Россия. Санкт-Петербург, 2007. С. 189-192. Рис. 5: 1-18
23. Голсуевская И. Я. Русская глиняная игрушка. Л., 1975. Илл. 68, 78-79
24. Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпидев А. Г., Щеголова О. А. Очерки истории Курского края... С. 370-371 Рис. 72: 1-2
25. Письмо А. А. Зализява адресованное В. И. Повесткину 3 марта 2009 г.
26. Tönnies Fritze's Low German Manual of Spoken Language. Pskov, 1807. Vol. 2. Copenhagen, 1970. P. 39
27. Летолить Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. С. 80.

*Е. А. Бонина,
г. Москва*

КАМЕННЫЕ АМУЛЕТЫ В ОПРАВЕ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

При археологических раскопках средневекового Новгорода неоднократно встречаются каменные орудия, относящиеся к древнейшим эпохам человечества. Эти орудия, найденные в волгоградском культурном слое, в основном, относятся к трём категориям: каменные наконечники стрел или копий, каменные топоры и плоские каменные топоры. В средневековой культурной среде они попадали не случайно. Согласно письменным источникам XIII - XVI вв., а также данным этнографии XIX в. они являлись предметами языческого культа. Орудия каменного века почитались божественным оружием Громовержца (Перуна), которое он метал в нечистую силу с небес во время грозы. В средневековых изображениях против язычества и этнографических материалах они часто именовались «громовыми» или «громными» стрелами, топорами и молотами, и почитались как сильнейшие амулеты от болезней и злых духов [1].

Подобляющее большинство найденных в Новгороде каменных наконечников стрел, топоров и проушных топорков, которые можно истолковать как «громовые» обереги, не имеют признаков специальной обработки, в том числе и следов помещения в металлические оправы для хранения или использования. Это напрямую связано с характером магической использования этих орудий. Они применялись в лечебной и отгонной магии, причём, их употребление связано с определёнными ритуалами. Из этнографии известны ритуалы призывания, высекания искр, проливания водой и нагревания в жарки «громных» орудий [2]. Эти магические действия не только не предполагали наличие у оберегов металличе-

ких оправа, но такие оправы сильно затрудняли бы их практическое использование. В отличие от них каменные амулеты в оправе для культурного слоя Новгорода являются уникальными находками и требуют внимательного рассмотрения.

В культурном слое Новгорода найдено всего два каменных амулета в оправе. Один из них происходит с Неревского раскопа, второй - с Троицкого. Датировка находок, материал, из которого изготовлена оправа, её орнаментика, а также тип самих орудий существенно отличаются.

Находка с Неревского раскопа (Рис. 1, 1) была сделана в 1953 г. и подробно описана в специально посвящённой ей статье М.В. Солодовой: «Кремзёвый предмет представляет собой обломок, составляющий примерно 2/3 первоначальной длины двуостромно обработанного накопечника козья ромбовидной формы. Излом древний; видимо, вторично предмет был использован в обломанном виде» [3]. На бронзовой оправе был вытравирован восьмиконечный трицильный крест. В оправу вставлен заострённый конец ко-

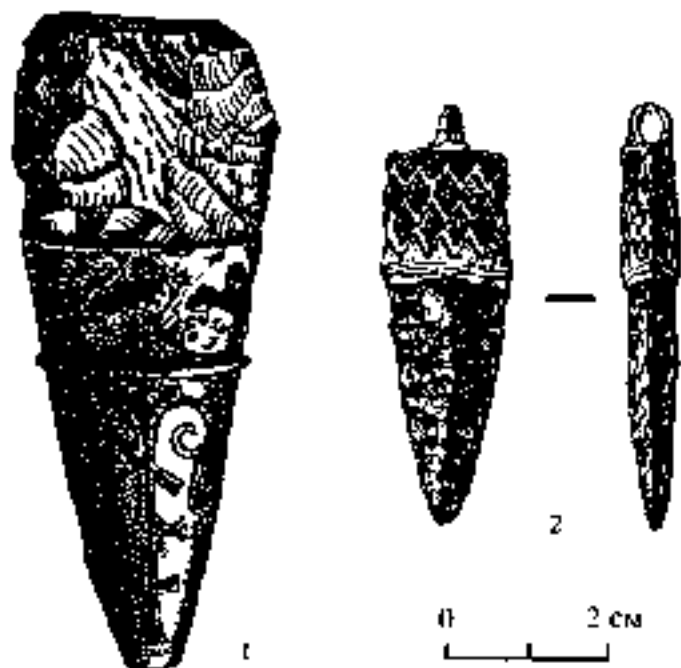

Рис. 1

ция, второй, обломанный в древности, остался снаружи. Ушко подвешивания на амулете отсутствует. Наконечник был оббит жем на усадьбе Ж Перевского раскопа, в небольшом срубе, в так называемом «непосредственно» на месте пожара 1311 г. и просуществовавшем до второй четверти XV века [4]. На эти же хронологические рамки указывает и тип прошепшего креста, вытравленного на опраде амулета. Размеры постройку, в которой он был найден, и отсутствие в ней следов типичных супружеских указывают, скорее, на её хозяйственное, а не жилое назначение. М.В. Седоля определила находку как амулет — «громовую стрелу». При этом ею была полностью принята версия В.А. Гурдилова, основанная на одном из подпольных преданий, о «громовых» стрелах как атрибутах колдунов [5]. На основании этого она определила неревское каменистое копье как колдовской талисман, а сруб, в котором оно было найдено — как жилище колдуна. На это, по мнению автора, указывает и находка под полом сруба четырёх детских черепов, интерпретированных как стронтовая жертва [6].

То, что «громовые» орудия могли быть принадлежностью колдунов, не вызывает сомнения, так как именно колдунами и ведьмами в средневековой традиции считали знахарей, применявших магию по врачеванию болезней. Однако вряд ли можно утверждать подобную атрибутику для данного предмета, который вполне использовался владельцем по традиционному магическому назначению. Об этом говорит не только само наличие оправы, но и то, что в неё был вставлен заостренный конец копья, наиболее функциональный в приёмах лечебной магии. В таком виде оберег дощечно-металлическим образом использоваться или носить, он мог только храниться в помещении в качестве цеховой домашней реликвии. Хранение его в хозяйственной постройке (возможно, амбаре или сарае), скорее всего, указывает на благожелательное назначение этого оберега, которое, хоть и в слабой степени, но всё же прослеживается в этнографической традиции. Заключение в оправу острия конца копья как бы лишало «громовую» стрелу поражающего свойства, основного в лечебной и агонно-поражающей магии, но её хранение общую همانتلك самой вещи как предмета божественного, а значит, приносящего блага. Обращает на себя внимание сочетание христианской символики на оправе с языческим характером самого «громового» оберега. Это, однако, очень характерно для синкретических представлений и «срелигиозных» ритуалах, зафиксированных в позднем этнографическом материале.

Согласно позднейшей традиции, в качестве мечаителя «громовых» копьев и стрел с небес часто выступает уже не Перун (имя которого в заговорах меняется на «Царь-Грім» или просто «Грім»), а заменивший его Илья Пророк или просто Бог. Уникальным находка с Перевского раскопа (более поздняя, чем основная масса «громовых» амулетов, найденных в Нонгороде), может быть свидетельством складывания этих синкретических представлений уже в XIV-XV вв., несмотря на протесты церковных доучений, считавших «громовые» орудия, несомненно, «бесовскими» предметами. Отдельно следует сказать и по поводу детских останков, лежащих якобы под полом сруба. Наиболее вероятно связывать их с жертвами пожара 1311 г., на пепелище которого возникли сооружения вышележащего яруса, в том числе и сруб, в котором хранилось кремнёвое копье. Принесение жертв, тем более человеческих, при возведении хозяйственного сооружения, выглядело бы вполне логичным для языческих представлений о «душе» дома, с которыми связывают практику строительных жертв. И уж тем более это выглядит неприемлемым для начала XIV в.

Второй амулет в юбке принадлежит к Лядина конца средневекового Новгорода (Рис. 1, 2). Он был найден в слое второй половины XII в. на территории усадьбы Е. Троицкого, вне сооружений. Амулет представляет собой кремнёвую стрелу в оправе с ушком для подвешивания. Оправа в полевом отчёте была определена как стигмационно-пловнистая, однако проанализированный в Новгородском музее-этнографии анализ показал, что она изготовлена из серебра. Она была украшена с двух сторон жемчужным орнаментом в виде нескольких рядов ромбов, сближающихся между собой имитацией зигзагообразных линий. Такая орнаментация, несомненно, связана с семантикой молнии, что отвечает общему семантическому значению «громовой» стрелы как оружия Гримперунца. Оправа имеет сильные следы изношенности с обеих сторон, что свидетельствует о длительном использовании. Ушко для подвешивания обломано, что, вероятно, и послужило причиной утраты амулета. Амулет, в отличие как от нервного копья, так и от остальной массы «громовых» оберегов, найденных в культурном слое Новгорода, явно предназначался для постоянного ношения на шее или на поясе, то есть применялся в качестве личного оберега.

Традиции ношения «громовых» стрел в качестве личного амулета в русских средневековых письменных источниках не зафиксировано. Она в некоторой степени прослеживается только

на позднейшем материале И. Е. Забелин, опираясь на поздние средневековые «травники», приводит предание о Перун-камне. В том, что именно под этим термином выступают «громовые» прудия, сомневаться не приходится, так как предание сообщает, что Перун-камень «падает и стреляет сверху от грома». Следуя указаниям Травника, из такого камня надлежит сделать ветавку и носить ее, отчего рука приобретёт сверхъестественную силу и становится способной поразить не только чародея или демона, но и любого другого врага: «Ихъщяи его ни убоятся нежити и беде и олодосунротивника своих». Точно также и том же Травнике говорится и о ношении при себе самой «громовой» стрелы: «Аще кто в струду трываеши с собою носити, тот может одолеть всех силою своею и против него никто не устоит хотя бы сильнее его был николько» [7]. С этими же представлениями связаны и упоминания «громовых» стрел в заговорах на брань и против поражённых «ратным прудием» [8]. В отличие от лечебного и оградительного свойства «громовых прудий» подобное их употребление не являет аналогий в средневековой русской традиции. Отгонные свойства «громовых» оберегов, отмечаемые в Новгородской Кормчей и в Домострое, касаются исключительно изгнания бесов и насылаемых ими болезней, «Громовые» обереги никогда не выступают в них в качестве амулетов на брань. В связи с этим, отмеченная И. Е. Забелиным традиция может показаться поздней и связанной с искажением представления о «громовых» орудиях. Но, между тем, именно патематика наиболее вероятна для трицкой «громовой» стрелы: так, безусловно, предполагает личное ношение амулета. Вполне возможно, что и трицкой амулет, и сохранившиеся в оградительном виде поздние представления «травников», следует изначально связывать со скандинавским поверьем о т. н. «камнях победы»: зафиксированных материалах некоторых из [9]. Прямая связь этих представлений с орудиями каменного века не устанавливается семантика «камней победы» весьма схожа с той, что зафиксирована у И. Е. Забелина. Их также предполагалось носить на себе, и при их помощи можно было одолеть противника в битве или поединке, даже если он казался сильнее. Возможно, что человек, ношивший трицкой амулет из «громовой» стрелы примерно в начале XII в. (с учётом его длительного использования), был знаком со скандинавским поверьем и решил воспользоваться им.

Таким образом, подробный анализ как морфологии, так и семантического значения двух эксклюзивных предметов из рунного

нок средневекового Новгорода – кремнёвых амулетов в оправе – показал сапфировые. Изготовление таких амулетов не было характерно в целом для средневекового Новгорода, их использование не связано с какой-то устойчивой традицией. Напротив, их уникальность указывает на то, что они выбивались из общего ряда «промоных» орудий, использовавшихся в ритуально-выражающей и лечебной магии. Несмотря на один общий элемент – наличие оправы – эти предметы также не имели единой семантики. В то же время, в поздних этнографических материалах, а также некоторых представленных соседних народов, можно найти указание на возможное магическое предназначение этих уникальных предметов.

Примечания

1. Тягина Е.А. Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные находки? // Новгородка в Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. с. 177–179.

2. Высокский Н.Ф. Очерки народной медицины // Записки Московского археологического общества. Т. 11. М., 1911. С. 146–149.

3. Седова М.Н. Амулет из Древнего Новгорода //СА. 1957. № 4. С. 166–167.

4. Колтин Б.А. Толотография, сиратиграфия и хронология Черелского раскопа. МИА. М., 1955. № 35; 777 заговоров и заклинаний русского народа. М., 1969. С. 67, 131.

5. Городилов В.А. Архиплания России. Каменный период. М., 1929. С. 77–78.

6. Седова М.В. Амулет из Древнего Новгорода //СА. 1957 № 4. С. 167.

7. Забелин И.Е. История русской жизни. Ч. 2. М., 1879. С. 510–511.

8. 777 заговоров и заклинаний русского народа. М., 1999. № 634. С. 362.

9. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М., 1881. С. 8–9.

Т. С. Матвеева
Великий Новгород

ЧЕХЛЫ «В ФОРМЕ ЛОЖКИ» ИЗ РАСКОПОК В НОВГОРОДЕ

При раскопках в Новгороде обнаружены кожаные чехлы для разных категорий предметов. Все они найдены пустыми. Кожка некоторых чехлов сохранила отчетливые отпечатки хранившихся в них вещей: ложек и ножиц. Остальные кожаные изделия были определены на основании близости формы, размеров к другим признакам. Список категорий предметов, для которых предназначались рассматриваемые кожаные чехлы, можно расширить, добавив к ложкам и ножицам топоры (рабочая часть) и, возможно, копья (наконечники). Таким образом, кожаные чехлы стало возможным разделить на четыре группы. Анализ чехлов по группам выявляет их существенные особенности, которые в дальнейшем могут быть полезными для атрибуции кожаных находок.

Первая группа — чехлы для ложек. Одной из массовых находок в трипцинском археологическом слое являются ложки. Это преимущественно деревянные ложки, среди которых выделены группы простых суловых ложек и группа более сложных ложек [1]. Помимо них также дужки из рога, кости и цветных металлов. Дорогие ложки были предметом роскоши и служили признаком богатства. Одна ложка из гвиндфорд-блоньянского саяки в Трипцине раскопана и занесена в книгу археологических древностей [2].

В слоях Новгорода найдены также кожаные изделия, которые были определены как чехлы для ложек. Такое заключение сделано на основании отпечатков на коже, которые могли остаться от ложек, а также из-за близости формы и размеров чехлов к ложкам. Сейчас известно 15 таких чехлов и их деталей. Если упомянуть о чехлах для ложек из раскопок в Кремле 1938 г. [3], то эти находки

скорее всего, не сохранились. К чехлам для ложек можно отнести, вероятно, еще одну находку (Общая стратиграфическая датировка чехлов — вторая половина XII — первая четверть XV вв. Большинство их относится к XIV в.

Размеры сохранившихся чехлов для ложек следующие: длина 14,5–20 см и ширина 5,4–7,4 см. Первоначально они были несколько больше, поскольку мокрая археологическая кожа при высыхании дает усадку.

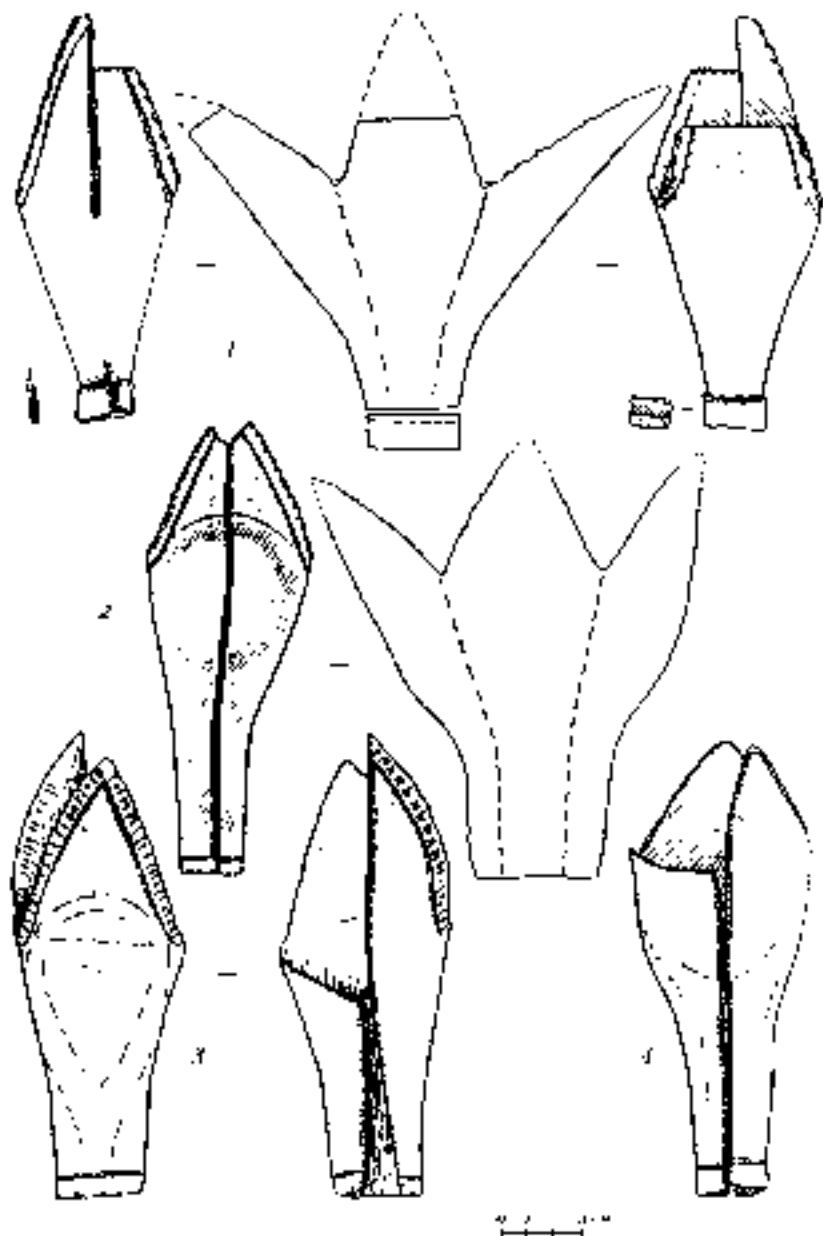
Новгородские чехлы для ложек изготовлены, в основном, из кожи мелкого рогатого скота. В трех случаях использована кожа крупного рогатого скота (телячья). Поверхность многих чехлов гладкая, возможно, из-за того, что кожу предварительно лощили.

Наиболее распространенный вариант кроя чехлов для ложек представлен с Нерешского раскопа (рис. 1: 1, 2) в развернутом виде. Выкройку сшивали и сшивали. Шов при этом проходил вдоль осевой линии чехла со стороны донца ложек. Во всех случаях использован «стачный» шов (стык-в-стык) с маленькими отверстиями и ровными короткими стежками. Сшитое изделие не выворачивали и края шва оставались снаружи.

Туловище шести чехлов сделано цельнокроеным. Когда имелось куски кожи не хватало целиком на всю выкройку, чехол составляли из кусочков, аккуратно сшивая их точным швом с бахтармянной стороны (внутренней стороны кожи). Края шва при этом оставались внутри чехла, и шов был менее заметным. Во всех таких случаях составным сделан верх чехла (рис. 1: 3, 4).

Готовый чехол для ложки, судя по всему, имел форму более или менее правильного пятиугольника. Почти все чехлы несколько объемные и повторяют плавные изгибы ложки. У некоторых чехлов на месте донца ложки наблюдается выпуклость, инкрустка, видимо, специально предусмотренная в выкройке. Возможно также, что мастер делал изгибку увлажненному чехлу по определенной ложке. Указанные особенности формы могли получиться и вследствие использования чехла.

У трех чехлов (рис. 1: 8–10) отдельно выкроены вставки на месте лопасти ложки. Форма этих вставок, возможно, соответствует очертаниям края донца ложки. Во всех случаях вставки сшиты «стачным» швом, но на чехле (рис. 1: 9) все швы выполнены с лицевой стороны, а чехол (рис. 1: 8), сшив с бахтармянной стороны, вывернули, и стачные края оказались внутри него. Этот чехол с Дубовицка раскопа имеет самую раннюю стратиграфическую дату и

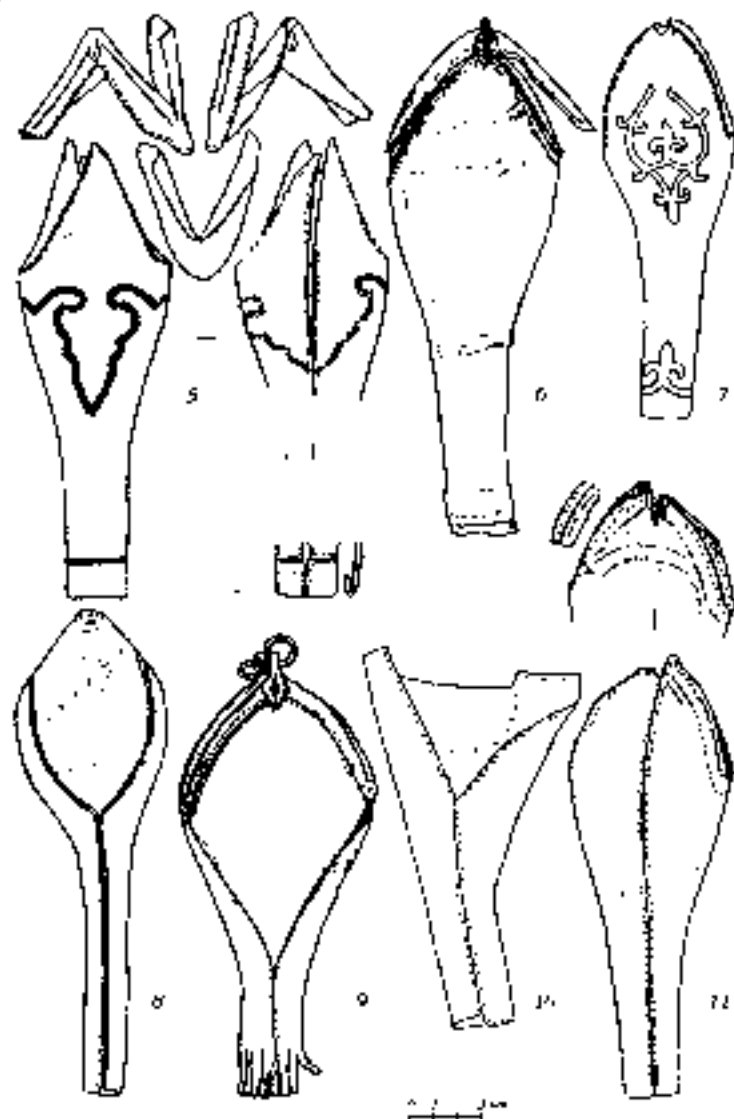

Рис. 1. Кожаные чешлы. Великий Новгород, раскопки: 1-4 -- Готский;
 5, 9 - Славянский/Кировский; 6 - Нутный; 7, 10 -- Урицкий,
 8 - Дубовый; 11 - Черемский

относится ко второй трети XIII века. В целом, вариант кромок с вставкой на месте заплата и, видимо, более ранний по отношению, цельнокроеным изделиям.

У большинства чехлов (10 экз.) края оторачиваны, т. е. обработаны каждой полоской-«торочкой». Оторачивание делали, скорее всего, не только ради отделки, но и для того, чтобы не дать распухнуть краям чехла. Преобладает довольно сложный способ оторачивания. Сначала края чехла и торочки соединяли неглубоким швом «через край». Затем кожину полоску отгибали наружу и пришивали на лицевой стороне чехла. Этот шаг очень своеобразен. На лицевой поверхности чехла предпринимали делание надреза вдоль верхней края, отступая от края приблизительно 0,7 см (вероятно, учитывая усадку кожи). С полученным дополнительным краем стачивали отогнутый край торочки. Полоска-торочка обычно не сохраняется, но описанный способ отделки определяется по рядком отверстиям шва «через край» и частым маленьким отверстиям шва «на надрезе». Следы такого стачивания есть у половины чехлов для ложек (рис. 1; 1-3, 13-15, 16 и, возможно, 6). У всех найден оторочен верхний край, а у четырех из них также был отделан и нижний край (рис. 1; 1-3 и, возможно, 6). Полоска-торочка внешне при этом имела вид манжетты (рис. 1; 1).

Аналогичный вариант оторачивания края кожаных изделий помимо чехлов для ложек встречается и на нескольких других кожаных изделиях. Это, например, 4 детали голенища сапог, которые принадлежат к Нутного раскола на слое первой четверти XV в. При этом стоит принять во внимание, что голенище изготовлено из более тонкой кожи крупного рогатого скота и полоска-торочка на нем была шире, чем на чехлах для ложек, поэтому отделывание чехлов для ложек было «ювелирным», возможно, более сложным. Стоит отметить, что подобным способом был окантован и верхний край у некоторых кож, найденных на Лотском раскопе. Находки с Лотского раскопа имеют западноевропейское происхождение, следовательно, этот способ отделки края и соответствующий ему технологический прием применялся и в Западной Европе.

Использование шва «на надрезе» характерно для находок в Переземском раскопе. Возможно, это связано с определенной местной производственной традицией, и указанные чехлы представляют собой один из ранних вариантов чехлов для ложек, датированный, главным образом, первой половиной XIV в.

Существовал и более простой способ оторачивания, когда

верхнему краю тулова пришивали только один край полоски-торочки (рис. 1; 5 и 9). Чехлы (рис. 1; 9) изготовлены из довольно толстой кожи, а у чехла (рис. 1; 5) верхний край полоски торочки просто загнут внутрь. Как и в предыдущем варианте, соединительный тачный шов с мелкими илячными стежками выполняли с лицевой стороны чехла. Оба чехла отороченные таким упрощенным способом, происходят со Славянского (Кировского) раскола и относятся ко второй четверти и к концу XIV в.

Следы мелкого тачного шва идут вдоль устья еще двух чехлов (рис. 1; 4, 7). Они, вероятно, тоже были отделаны несохранившейся торочкой, но каким именно способом — определить невозможно. Когда шов делали «на надрезе», кожа на месте шва в последствии могла обломиться, и, если собственно край чехла не сохранялся, то оставался только вторичный «край» со следами мелкого тачного шва.

Устье чехла (рис. 1; 11) обработано еще проще. Его верхний край загнут вовнутрь и прошит простым швом. В 7 мм от сгиба сделан еще один такой же шов, но не соединительный, а отделочный. На коже этого чехла сохранились нитки, вероятно, льняные. Стратиграфическая дата этого чехла — 40-60-е гг. XIV в.

Изделие (рис. 1; 10), вероятно, тоже является чехлом для ложки, но с утраченном верхом.

У двух чехлов для ложек в качестве отделки выделяются чисто декоративные линии, возмущая, имитирующие напе шитиание оторочивание. Чехол (рис. 1; 5) конца XIV века украшен с помощью шва «на надрезе», но в данном случае края надреза ставаны друг с другом. В центральной части чехла этим искусно сделанным швом выделена криволинейная фигура; таким же швом отделан и низ чехла (рис. 1; 4) отделан швом-рубчиком (с загибным мерем, но без надреза).

Криволинейным орнаментом отделан и чехол (рис. 1; 7) (Троицкий раскол, 90-е гг. XIV — начало 20-х гг. XV века) [4]. Как и в предыдущем случае, орнаментированы центральная часть чехла у лопастей ложки и его низ. Верхняя часть этой композиции представляет собой криволинейный росток, внизу — криволинейный лобок. Контур лопастей криволинейно тупо заостренным изогнутым гом. Оба чехла с криволинейным орнаментом относятся к концу XIV — первой половине XV в., что обычно для одноцветных или кожаных изделий, в основном сумок. Не имеет отделки только один самый ранний чехол для ложки (рис. 1; 8) (Дубовый раскол, 1235-1236 гг.). У готового чехла были две отрезки. Ложка вкладывалась через

широкое отверстие-устье вниз/вперед рукоятки. Устье чехла, видимо, кичем специально не закрывалось, что и не требовалось.

У чехлов (рис. 1; 6; 9) внутрь у устья на обеих сторонах сохранилось по паре металлических накладок с петельками, прикрепленные заклепками. На чехле (рис. 1; 9) в петельках есть колечки, в которых можно было продеть ремешок для подвешивания. У чехлов (рис. 1; 11; 18) внутрь тоже сохранились остатки железных накладок. Судя по печаткам на коже, подобные накладки могли быть и у чехлов (рис. 1; 5; 7). Следы зва вокруг отверстия вверху чехла (рис. 1; 8) также указывают на существование какого-то приспособления для подвешивания. Необычно, что вдоль верхнего края чехла (рис. 1; 3) был проделан ремешок скрытый под лопоской-торочкой. Не исключено, что этот ремешок служил для подвешивания чехла. Остальные чехлы также могли быть снабжены приспособлениями для подвешивания, поскольку у двух из них (рис. 1; 2 и 11) вверху вырван самый кончик, который мог быть утрачен вместе с несохранившейся накладкой. На основании всего изложенного можно предположить, что было обычным для них носить чехлы с ложками, подвешенными на пояском ремне. Этот вариант ношения упоминают у М. Г. Рабиновича [5]. Известно также, что ложки носили вложенными за поясной ремень [6] и за голенищем сабля.

Можно попытаться выяснить, какого типа ложки носили в указанных чехлах. Для этого нужно сравнить размеры и форму чехлов и однокорременных им ложек XIII–XV вв. Кроме того, на коже большинства (10 экз.) чехлов остались довольно заметные отпечатки лопастей ложек. Судя по ним, лопасти всех этих ложек были округлыми вверху (не остроугольными), и пять из этих ложек с лопастями каплевидной формы явно были деревянными. Что касается деревянных ложек, то, как отмечает Б. Н. Колчин [1], в рассматриваемое время в Новгороде изготавливали простые суповые ложки, а с конца XIII в. дорожные ложки с укороченной рукояткой. Не связано ли с появлением этих дорожных ложек присутствие среди чехлов для ложек экземпляров XIV в.? У дорожных ложек длина короткой круглой рукоятки приблизительно равна длине лопасти и не превышает 6–7 см. Такие ложки помещались бы в чехол цилиндрички. У простых суповых ложек была довольно глубокая овальная в плане лопасть длиной 8–9 см шириной 6–7 см и длинная рукоятка 15–17 см. У такой ложки, вложенной в чехол, рукоятка оказалась бы закрытой лишь частично и выступала бы приблизительно на 6 см. Не исключено, что и рассматриваемые

кожаных чехлах хранили и металлические ложки с короткой рукояткой и округлой лопаткой. В любом случае, отверстие для ложки делало чехол несколько универсальным — так он подходил бы для ложек с рукояткой разной длины. Возможно также, что отдельные чехлы изготавливались для металлических ложек.

Чехол для ложки (4), происходящий с Ютского раскопа, как и многие находки с территории Ютского двора, мог быть неместного происхождения, хотя внешне он очень похож на остальные новгородские чехлы. Его вполне могли использовать и для ложки, подобной найденным на Ютском раскопе деревянным ложкам. Эти ложки немного меньше и уже обычных новгородских ложек.

Рассмотренные чехлы для ложек конца XII — начала XV вв. в основном являются очень качественными изделиями. Тонкая, хорошо выделанная кожа, специальная выкройка, учитывающая форму ложки, швы с крошечными отверстиями и короткими ровными стежками, сложное «шлицевое» соединение, требующие особых навыков и исполнения определенным инструментом дают возможность предположить, что перед нами изделия ремесленников-профессионалов. Судя по всему, это были довольно дорогие вещи, относившиеся к предметам роскоши.

При изучении топографии находок чехлов для ложек установлено, что чехлы (рис. 1; 2, 16) происходят с усадьбы «Е» Перевского раскопа, принадлежавшей в это время богатому боярину, на территории которой жил также зависимый ремесленник; чехол (рис. 1; 17) был найден на территории усадьбы «А» Перевского раскопа, принадлежавшей богатому ювелиру; чехол (рис. 1; 9) — с территории усадьбы Славянского раскопа, где отмечен высокий культурный уровень жизни и следы деревообработки; изделие (рис. 1; 12) — с территории усадьбы Троицкого раскопа, в месте обнаружения следов сложного и соответствующего производства.

Чехлы для ложек обнаружены также в средневековых слоях Твери [7] и Пскова [8]. Значительно более ранний чехол для ложки найден в тюркском захоронении на Южном Алтае [9].

Известны европейские чехлы для ложек XIV в. Один из них происходит из Кельна [10], другой был найден в Стокгольме [11]. По своей конструкции они очень отличаются от новгородских находок. Западно-европейские чехлы сделаны из жесткой кожи, несколько похожи на корытчики и состоят из двух частей. Верхняя часть служила крышечкой и передвигалась по ремешку, концы которого были пропущены через пары позвонч-

ных прорезей на обеих частях чехла. Размеры чехла из Стрельбицы: 15 x 8 см. Длина закрытого чехла для ложки из Келды — 10 см. Последний элемент киргизский потому, что он предназначался для складной серебряной ложки. Длина разобранной ложки была 17 см.

Среди средневековых кожаных находок встречаются изделия по форме наложившие чехлы для ложек, но не являющиеся чехлами, которые составляют вторую группу — чехол для ложки или для кончике кося.

Из слов второй половинкой XIV в. Троицкого раскопа приходится конусовидное изделие (рис. 2: 1), 14,5 x 6,7 см. Оно цельнокроеное и также сшито продольным тачным швом, только в данном случае сделана бахтармяная сторона. В отличие же от явных чехлов для ложек, верх этого вместительного кобирала на ремешок, пропущенный через частые прожиги вдоль верха по краю.

Не исключено, что это кожаное изделие могли использовать и как чехол для наконечника кося. А.Ф. Медведев упоминает кожаный чехол для ромбического наконечника кося, найденный в слое XV в. А.Ф. Дубыниным при раскопках в Зарядье в Москве [12].

Третья группа — чехлы для ножиц. На чехлы для ножиц шито не несколько похожие одновременно и чехлы для ножиц, и раскрытом виде (рис. 2: 4, 5). Как чехлы для ножиц можно параллельно две новгородские находки. Они однотипны и сделаны из двух половинок, задняя половинка выкроена с клапаном для закрытия. Половинки чехла сшивали простым «накладным» швом, обычно огибая, оторачивая при этом кожаной полоской. Эти особенности указанных чехлов необходимо иметь в виду, поскольку в литературе встречается неправильное определение деталей чехлов для ножиц как чехлов для ложек.

Четвертая группа — чехлы на рабочую часть топора. Две кожаных изделия (рис. 2: 2, 3), по своей форме близких к чехлам для ложек, вероятнее всего, были чехлами (без клапана) на рабочую часть топора с олуцким лезвием. Оба они найдены на Троицком раскопе в слоях XI в. и рубежа XII—XIII вв. Они имеют треугольную форму, цельнокроенные и были сшиты так, что оставалось открытое место — этого достаточно, чтобы надеть и снять на лезвие топора. Это предположение, проверенное опытным путем. Соответственно, находки с Троицкого раскопа могут быть также и другими чехлами для топоров.

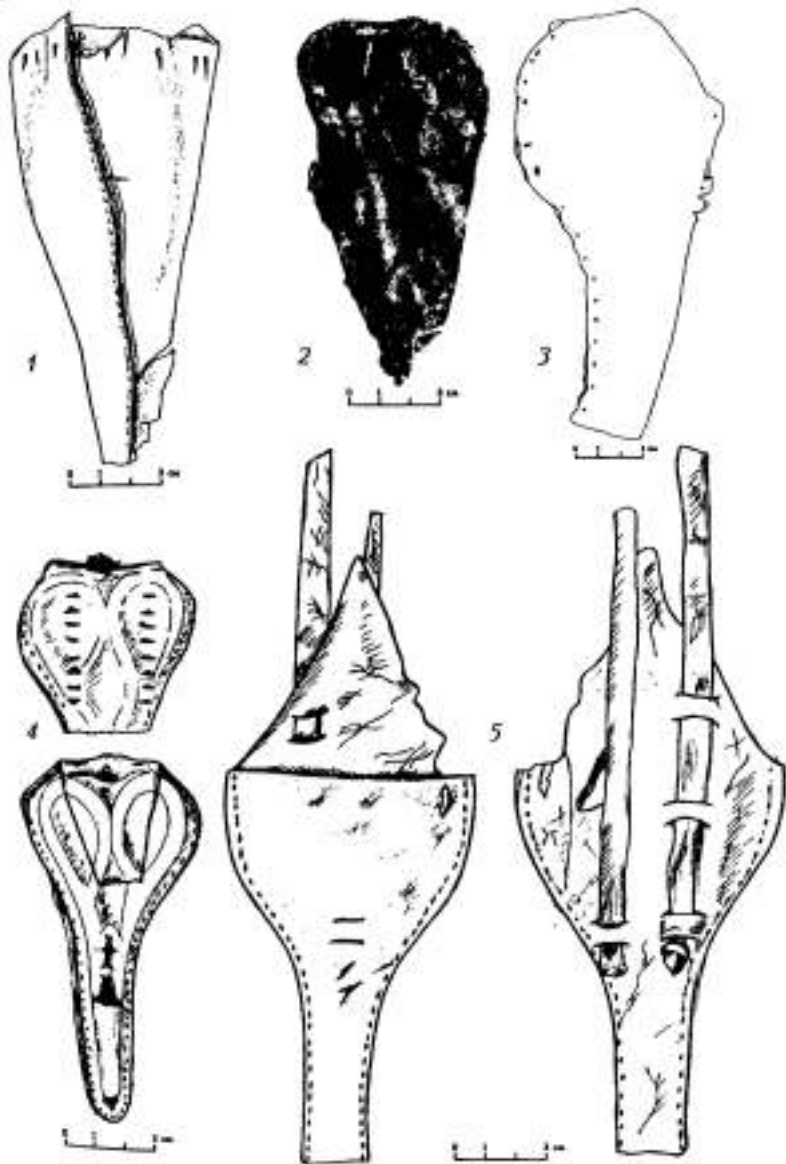

Рис. 2. Кожаные чехлы для ножиц и на рабочую часть топора

В слитках XIII – XV вв. найдены чешалы для топоров, в кото-
покрывали уже весь топор и часть топорнища и закрывались че-
паном

Таблица распределения кожаных чешалок
на раскопах в Новгороде

№	Полосой шпатель раскопа, (усадьба, адрес) лист-карт или №	Музейный шифр	Дата
1	Неревский ул. Б 10-1130		Первая треть XV в.
2	Перевский ул. Б 9-1024 № 57		Последняя треть XIV в.
3	Перевский ул. Б 9-1151		40-е гг. XIV – первая четверть XV в.
4	Готланд 15-117 № 13	БГМ КИП 25195/ А 13 - 190	XIV-XV вв.
5	Славенский 16-21 № 1045, 1097	БГМ КИП 25060/ А 14 - 301, 726	1125-1401 гг.
6	Бфочная 15-14 № 41	НГМ КИП 18792/ Пр № А 72 - 477	1127-1155 гг.
7	Тронцкая 15-1180	НГМ КИП 37583/ А 112 - 633	90-е гг. XIV – начало 30-х гг. XV в.
8	Цубочная 27-13 № 170	НГМ КИП 28081/ А 58 - 616	1252-1256 гг.
9	Славенский 20-79 № 40	НГМ КИП 25066/ А 19 - 725	Вторая четверть XIV в.
10	Тронцкая ул. +5-1051 погреб 1 № 66	НГМ КИП 37583/ А 122 - 681	90-е гг. XIV – начало 20-х гг. XV в. у?
11	Неревский 11-1252 № 16		40-70-е гг. XIII в.
12	Тронцкая ул. -1-1113 ул. Б № 29	НГМ КИП 37584/ А 116 - 1102	Вторая половина XIV в.
13	Тронцкая ул. И -3/4 -1045 № 71	НГМ КИП 37583/ А 112 - 1117	Вторая половина третья XI в.
14	Неревский ул. Б В-7-915 № 14 (Ильинка С.А., 1955 Ряз. 10, 261)		70-е гг. XIV в.
15	Неревский ул. А 13-165 № 4		10-30-е гг. XIV в.
16	Тронцкая 3-17-4 № 35	НГМ КИП 44077/ А 145 - 514	90-е гг. XIII - 40-е гг. XIV в.

Примечания

1. Колчин В.А. Новгородские древности. Деревянные изделия / Археология СССР. Свод археологических источников. Ред. Рыбаков В.А. М., 1968. Вып. Е 1-35. С. 27-29.
2. Мушин А.Е., Степанов А.М. Ложка или ложка? Находка 2005 г. на Гранском раскопе и контексте европейской и византийской традиции / Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2007. Вып. 21. С. 107-124.
3. Колчин В.А., Янин В.Л. Археология Новгорода 50 лет / Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 84.
4. Плоскодон, но оформленгитроградный чекол найден в Твери (ТЭ-1985 р.1, уч.Б, пл 7 кв.11).
5. 4К поясу, будь он ремешный или залитою привешивалась, как и в предыдущий период, разные необходимые вещи, в том числе кожаные ножны, кожаные чехлы, иногда дубовые и обязательно сумочки, занесавшие карман». См. Рабинович М.Е. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 178.
6. Примечательно, что ложки в кожаных чехлах более ранних по даткам на древнерусские происходят из погребений древних тюрков Алтая. См. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. Рис. 21, 1-4.
7. Костимаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1866. С. 66. «Чуга подолжывалась шжом, за который закладывался нож и ложка, а на трудь привешивалась перьями, с дубоной судеею». «Чуга» — средняя одежда, приспособленная к путешествиям и верхней еде. «...» У Флетчера при описании русской одежды бота (чуга) поставлена третья русская шляпа, первое зипун, второе, или среднее, узкий кафтан с ложком и ложкой за плечами (под которым англичанки разумел чулу)».
8. ГАЭ-1985 р.1, уч. Г, пл 7, кв.11; ТВ Кр 93 р.9, уч. Г, кв. А-4, пл.29 пользуюсь случаем выразить благодарность А.В. Курбатову и сотрудникам археологических филиалов Тверского государственного музея за любезно предоставленный материал.
9. Охлева Е.И. Сбурь и другие кожаные изделия древности Пскова / Археологические сообщения Государственного Эрмитажа, Л., 1962. Вып. 4. С. 91. Рис 10, 6 (ПК-1230).
10. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. Рис. 21, 1-4.
11. В наследии кельнского купца Терманна фон Гоха (ум. 1398 г.) упомянут складной серебряный ложка с кожаным чехлом, украшенным тисненными орнаментами. Пожиловку «недавно византизм» гоминие в действительной привадежности предметов наследия Гоха» стоит расширить датировку этих вещей до XIV—XV вв. см. Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Hamburg, 1989. Bd 2. S. 204—205, Th. 12. 5, 1.
12. Zetter H. Skar och andra faderföremål / Helsingforsholm. 1000 år i Stockholms strom. Stockholm, 1982. S.238. Fig. 209.
13. Медведев А. Ф. Оружие древнего Новгорода (X—XV вв.) // Труды ИАЭ. Т. II МИА № 65. М., 1959. С. 130.

*В.А. Маринина
г. Екатеринбург*

ЗНАКИ НА ПРЕДМЕТАХ СЕТЕВОГО ЛОВА В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ (по материалам Троицкого раскопа)

Щупальцы и грузила, обнаруженные в слоях X—XV вв. на Троицком раскопе в Великом Новгороде, составляют принадлежность сетевого лова и относятся в группе рыболовного инвентаря. По мнению исследователей, находки связанные с рыболовством принято считать малоинформативными, поскольку их основной состав заведомо известен. Типологизации, помимо самой общей, они не поддаются и датирующего значения не имеют.¹ В связи с тем в настоящей работе предлагается обратить внимание на знаки, которые встречаются на предметах сетевого лова. Вероятно, это может привлечь использование данной группы рыболовного инвентаря в качестве определенного вида источника.

На территории Троицкого раскопа всего выявлено 393 каменистых и 166 глиняных грузил, в том числе 12 грузил, на которых обнаружены знаки, из них 11 каменистых и 1 глиняное. Каменистое грузило, как правило, представлено в виде речных галек с овальным отверстием (рис. 1). Определенная форма грузилу не дается, она стандартизована с формой камня. Диаметр отверстий колеблется от 3,0 до 9,0 см. Глиняное грузило имеет шарообразную форму диаметром 3,0 см со сквозным отверстием диаметром 1,0 см (рис. 2). Все грузила происходят из стратиграфических слоев хронологическом диапазоне XI—XV века. На территории раскопа выявленных на Троицком раскопе, они расположены следующим

образом: три грузила обнаружены на усадьбе «А», по два экземпляра — на усадьбах «Б» и «Г», по одному экземпляру — на усадьбах «Д», «З» и «С» и два грузила — на мостовой Пробойной улицы (рис. 8).

Кроме грузил к предметам сетевого лова относятся и поплавки. По материалам коллекции Троицкого раскопа изучено 543 поплавка из бересты, в том числе на 145 из них прочерчены знаки. В результате исследования стало очевидным, что на Троицком раскопе среди предметов, содержащих знаки, берестяные поплавки для сетей по количеству экземпляров наибольшую группу после игнорных изделий.

На площади раскопа поплавки со знаками распределились в нижеследующем порядке: подавляющее большинство обнаружено на усадьбе «В» — 36%, на усадьбе «А» — 11%, на усадьбе «П» — 9%, на усадьбе «Г» — 7%, на усадьбе «Ж» — 5%, на усадьбе «Б» — 4%, на усадьбах «М» и «К» — по 2%, на усадьбах «И», «Л», «О», — по 1% и 6% на мостовых улиц Пробойной и Чернышовой. Большинство находок поплавков (83%) происходит из стратиграфически определяемых слоев и только 7% не имеет четкой стратиграфической привязки, т.к. они были найдены в напластовках верхнего перемешанного слоя.

По форме поплавки можно разделить на три типа. В первый тип вошли поплавки из спрессованной коры и виде круглых или овальных дисков с отверстием по середине (рис. 3). Вторым — составили берестяные скрученные в тугие цилиндры поплавки (83) (скорее всего, посредством термической обработки). Такого вида поплавки до сих пор используются рыбаками Карелии² (рис. 5 на цв. вкл.). Поплавки третьего типа выполнены из бересты и представлены в форме овала или круга. С одного бока у каждого имелась дырочка для крепления к тетиве сетей. Круглый берестяной поплавок был наиболее распространен (400). Такого типа поплавок состоял из двух-пяти слоев бересты, прошитых лыком по краям и диаметру.³ Диаметр круглого поплавка колеблется в среднем от 8,0 до 13,0 см, а размеры овального — от 14,0 x 11,0 до 10,0 x 9,0 см (рис. 4). Важно отметить то, что знаки, о которых мы будем говорить ниже, встречаются только на этом — третьем типе поплавков.

Однако прежде чем говорить о знаках, которые мы будем рассматривать, следует определить, какие вообще категории знаков выделяются исследователями. Как известно, «тапты» — весьма широкое понятие, под которым принято считать практически все

Рис. 1. Групыло (камень)

Рис. 2. Групыло (глина)

бой знак, поставленный на предмете. В частности В. С. Ольковская выделяет восемь функций, которые выполняла тамга, в том числе знак собственности, клеймо мастера, знак семейной принадлежности, оберег.⁵ В настоящей работе в применении к знакам с Трицкого раскопа в большей части мы будем использовать его в значении знака собственности. Так же дополнительно выделим группу знаков, которые имеют магическое значение.

Знаки на рассматриваемых поплавках по частоте встречаемости и возможности их интерпретации предлагаем разделить на три вида: 1 — повторяющиеся знаки (73), которые встречаются на артефактах два или более раз (рис. 6, 5—10). Они представляют наибольший интерес для исследования, так как по расположению их по усадьбам можно делать выводы о смысловом значении знака. Таковыми являются, например, знаки Рюриковичей, божьи шаклы в форме пятиконечной звезды и другие. 2 — знаки индивидуальные (23), имеющие законченный характер. Они могут быть представлены правильными геометрическими фигурами, сложными фигурами (рис. 6; 2, 3); 3 — трудноопределимые знаки (4), которые трудно описывать порой из-за незаконченного характера: они встречаются на обрывках поплавок и являются не полными, или не имеют четкой смысловой формы (рис. 6, 4). Однако надо, что некоторые из них не являются знаками собственности.

⁵ Сведения получены у рыбака Карелии (Хорви В. П.).

Рис. 3. Поплавок (дерево)

Рис. 4. Поплавок (береста)

имевшими магическое значение, а всего лишь отметины, полученные вследствие обработки и использования поплавка. Рассмотрим знаки поплавков подробнее.

К первому виду относятся поплавки со знаком, который многократно встречается в литературе как знак князей Рюрикочичей.⁴ В слоях Троицкого раскола изображение такого знака обнаружено на пяти поплавках. Во всех случаях знак представлен в виде двузубца. Три из них встречены на поплавках, которые найдены в слоях XV в. (рис. 6; 1 б), один — в слоях рубежа XII—XIII вв. (рис. 6; 1 в) и еще один — сер. 60-х — 70-х гг. XI в. (рис. 6; 1 а). Аналогично последнему знаку можно найти в археологическом комментарии В. Л. Янина к Русской Правде.⁵ По его мнению, подобный знак мог принадлежать Святославу Изяславичу. Данное предположение подтверждается и датировкой нашей находки, а как известно Святослав Изяславич правил в Новгороде именно в это время — 1078—1088 гг. Поплавки найдены соответственно на территории усадеб «П», «В», «А». Вероятно, в этих усадьбах проживали люди, занимавшиеся княжеским хозяйством. Не исключено, что эти поплавки, в равной степени, как и другие предметы с подобными знаками могли служить своего рода верительными грамотами, которые князь давал своим посадникам или пометкой собственности князя.⁶

Большой интерес в этом виде знаков на поплавках представляет условно обозначенный нами знак «любка» (рис. 6; 5). На всех

поплавках он имеет один и тот же вид. При поисках аналогий бы-
 явлено, что пока этот знак встречен только на Троицком раскопе,
 только на территории усадеб «А» и «П». На усадьбе «А» поплавки
 с этим знаком датируются 10–60-ми годами XII в. Что касается
 усадьбы «П», то полавки с таким знаком были найдены в самых
 верхних слоях. Интересно, что знак «лодка» присутствует именно
 в тех усадьбах, в которых были обнаружены княжеские знаки. На
 усадьбе «П» они практически совпадают хронологически. Отсу-
 ствие данного знака в других усадьбах указывает на то, что он яв-
 ляется именно знаком собственности.

Знак, обозначенный нами условно как «песочные часы» (рис. 1,
 б) имеет три варианта исходный (рис. 6; 6а), с включением «У» (рис.
 6; 6б) и с добавлением внутри него ромба (рис. 6; 6в). Важно поме-
 нить, что данный знак на полавках встречается не только на Трои-
 цком раскопе. Так, на Перевском раскопе он изображен на полавке,
 дополнительной чертой поперечине.⁷ Поплавок с «песочными часа-
 ми» (исходный вариант) содержится в экспозиции Старорусского
 музея (2008 г.). Кроме того, его можно встретить на монете из Тим-
 реевского клада в надписи «Бог».⁸ Возможно, встречаемость такого
 знака на других территориях свидетельствует о том, что он также
 выполняет роль магического действия, нежели знака собственности.

Магической функцией, на наш взгляд, обладает и следующий
 знак, условно именуемый нами как «пятикозечная звезда». По-
 плавок с этим символом на Троицком раскопе найдено восемь
 экземпляров. Распространение его в Новгороде и Новгородской
 земле достаточно широко. Встречаются они и на других раскопах
 Новгорода.⁹ Поплавок с «пятикозечной звездой» также можно
 встретить в экспозиции Старорусского музея (2008 г.).

Пожалуй, самым популярным знаком является знак «N» (рис. 1,
 в). «N» — знак имеет и то, и другое начертание. Восемь поплавок с
 начертанием «N» и пять с начертанием «И». Такой знак можно
 встретить не только на полавках, но и на предметах различного
 функционального назначения, выгнутых из бересты, дерева,
 на глины, железа, встреченных, практически, на всех раскопах
 Троицкого раскопа. Кроме того, эти знаки присутствуют и на
 монетах. Не исключается факт того, что этот знак является графиче-
 ской буквой имени самого популярного святого в Новгороде — Плато-
 на и призван быть защитным знаком (оберегом).

Все рассмотренные выше знаки встречаются в достаточно боль-
 шом количестве, но есть знаки, которые повторяются лишь 2–3 ра-
 з

К ним относятся знак «Z» (рис. 6; 7), который встречается в расположенных по соседству усадьбах «А» и «М». Возможно, данный знак является знаком собственности для названных усадеб. вполне вероятно, что сообщество живущих на соседних усадьбах людей было не родственным, а соседским. Соседи были связаны единым хозяйственным интересом.

Определенный интерес представляет знак, напоминающий «птицу» (рис. 6; 8). Поплавки с этим знаком расположены в усадьбах «А», «В», «К», «М». Заметим, что усадьбы «А» и «В», также как и усадьбы «К» и «М» могли быть связаны между собой соседскими узами, на что указывает присутствие имени в этих парках усадеб одинакового знака в виде «птицы» на поплавках. Вместе с тем внешний вид знака все же позволяет думать, что он мог принадлежать и как магический.

Условно обозначенный знак «пятизла лапа» (рис. 6; 9) встречается на территории усадеб «К» и «М», а также при раскопках южной на Пробойной улице. Если говорить о поплавках на усадьбах, то артефакты с данным знаком, видимо, принадлежат к вещевому комплексу только этих усадеб. Усадьбы находятся по соседству и возможность родства между ними очень велика. Скорее всего, данный знак можно охарактеризовать как знак собственности владельцев усадеб «М» и «К».

Условно названный знак «крючки» найден на территории усадьбы «Г» (рис. 6, 10), где обнаружено три полавки с данными знаками. Их уникальность состоит в том, что они присутствуют только на этой усадьбе и более нигде не встречаются. В связи с чем, их можно интерпретировать как знак собственности владельцев этой усадьбы. Обращает на себя внимание еще один факт. Усадьба «Г» не имеет общих с другими усадьбами знаков на поплавках, вскрытых на Троицком расколе. Более того, здесь был найден поплавок, помеченный восьмиконечной звездой, встреченный только на этой усадьбе. Вероятно, ее жители не принадлежали к родственной, соседской или профессиональной группе жившей на соседних усадьбах.

Небезынтересным являются полавки, помеченные одной или несколькими буквами. Таких поплавок найдено пять, все они локализованы в пределах усадьбы «А». На трех из них прорисована буква «М». На одном из них к этой букве добавляется еще одна — «В». Отметим, что хронологически эти находки соотносятся со временем проживания на этой территории клана Мирашкиничей (ко-

нец XII — первое десятилетие XIII вв.).¹⁰ Возможно буквы «М» раз и указывает на принадлежность данных вещей кому-то из знатных князя.

Усадьба «В» практически не была задета раскопками, но, тем не менее, принесла весьма внушительный по количеству материал. Только на двух квадратах Троицкого IV было найдено 41 поплавка со знаками, причем среди них встречаются практически все вышеперечисленные повторяющиеся знаки. Почему такая разнообразность? Можно предположить два варианта: либо в данной усадьбе (10-е — 90-е гг. XIII в.) здесь находилась свалка, куда выбрасывались поплавки со всех ближайших усадеб. Либо эта усадьба действительно пользовалась как единая производственная площадка, где поплавки производились и где хранились все сети, либо это было место мастера-профессионала, который занимался починкой и перестройкой сетей.

Хотелось бы вернуться к тому, что большая часть поплавков со знаками составляет третий тип берестяных поплавков с дырочкой для крепления к тетиве сетей. Можно предположить, что предметы данного типа могли выполнять функции не только поплавок, но и служить бирками для пометки сетей. Такие бирки сохранились до сих пор и используются рыбаками Карелии. Однако в последнее время вместо бересты используются более долговечные синтетические материалы.

В отличие от знаков на поплавках знаки на грузилах можно разделить на два вида: повторяющиеся и индивидуальные.

К первому виду относятся грузила со знаком «N» «И» по форме и с первым и вторым начертанием. Они найдены на усадьбах «А» и «Е» соответственно.

На территории усадеб «А» и «П» были найдены грузила с черной парапанной кириллической «П». На грузиле с усадьбы «А» добавляется Фита (рис. 7: 1).

К повторяющимся знакам можно также отнести знак в виде креста. На рассматриваемых артефактах он встречается 4 раз и имеет 2 варианта «прочерченный крест» (рис. 7: 2) и «объемный крест» (рис. 7: 3). Грузило с «объемным крестом» найдено на мостовой Пробойной улицы. Грузила с «прочерченным крестом» обнаружены на территории усадеб «А», «Е», «П», причем в случае с грузилом с усадьбы «А» крест вписан в «особую систему знаков».

Ко второму виду мы можем отнести грузило с усадьбы «А» со знаком, изображающим рыбу (рис. 7: 4), и знаменитым магическим

рактор; скорее всего начертание его должно привлечь рыбу в сеть. Из которых были прикормлено грузило.

Грузило со знаком в виде «якоря» (рис. 7; 5) так же встречается один раз: на территории усадьбы «А». Интересно, что подобный знак не был встречен ни разу на полавках с данной усадьбы.

На мостовой Пробойной улицы было найдено грузило со знаком в виде «стрелы» (рис. 7; 6). Из-за одиночного характера находки, а так же невозможности отнести его к знаковой системе той или иной усадьбы трудно говорить об его смысловом значении.

К категории индивидуальных знаков можно так же отнести грузило со знаком в виде буквы «П», однако по характеру начертания знака нельзя однозначно сказать, что он имеет значение буквы.

Обилие полавков для сетей, а так же находки грузил на Троицком раскопе, естественно подчеркивает важную роль в хозяйстве средневековых новгородцев такой отрасли, как рыболовство. Наличие же знаков на предметах сетевого лова свидетельствует об имущественной дифференциации отдельных групп населения и стремлении индивидуализировать принадлежащие им вещи. На основе рассмотренных знаков, мы можем говорить, что на территории соседних усадеб проживали люди князя и боярский клан. В тоже время наличие полавков с одинаковыми знаками в различных усадьбах еще раз доказывает несомненное родство их владельцев. Знаки на полавках с усадьбы «В» позволяют сделать вывод, что большинство вскрытых на Троицком раскопе усадеб объединялись в единую общину. То, что знаки, встретившиеся на полавках из усадьбы «Г», не имеют аналогий со знаками других усадеб, указывает на ее оторванность от данной общины.

Рассмотрев знаки на берестяных полавках из Троицкого раскопа Новгорода, мы можем сказать, что данные многочисленные находки могут выступать в качестве вспомогательного источника по изучению истории древнего Новгорода.

1a

1b

1в

2

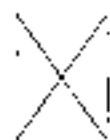
3

4

5

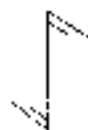
6a

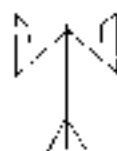
6б

6в

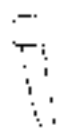
7

8

9

10

Рис. 6. Знаки на лепелках

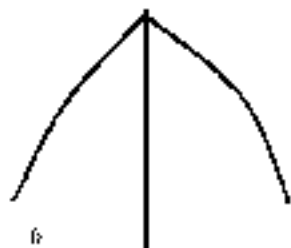
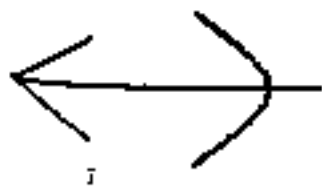
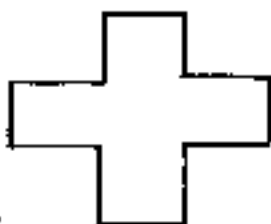
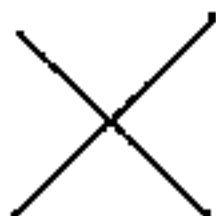

Рис. 7. Символы на рубниках

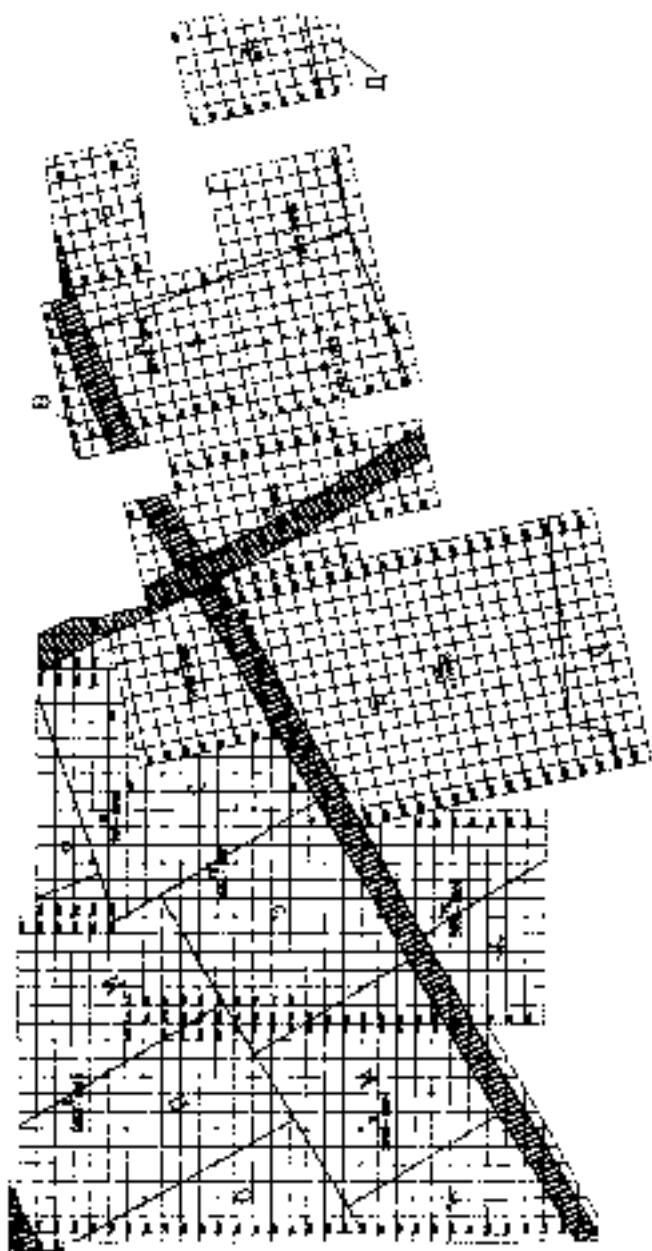

Рис. 8. План раскопки пещеры (I—XII)

Примечания

1. Салмина Е.В. Возможности реконструкции экологической ситуации по комплексам рыболовного инвентаря (на материалах раскопок в Пскове и Псковской земле) // Новгород и Псковская земля. История и археология. Новгород, 1996. С. 194.
2. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия, М., 1968, С. 23.
3. Ольховский В.С. Тамга (к функции знака). Историко-археологический альманах. № 7. Армавир, 2001. С. 85–86.
4. Янин В.Л. Актывые печати древней Руси X–XV вв.
5. Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. Новгород, 1982. С. 151. Рис. 9.
6. Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. СА. 1940. VI. с. 239.
7. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия, М., 1968. рис. 13.
8. Седых Н.И. Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. Сборник статей в память о шестидесятилетии Игоря Васильевича Дубки-ва. М., 2007. С. 243. рис. 7–8, рис. 8, С. 251. рис. 10.
9. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия, М., 1968. рис. 13.
10. Тихомиров М.Н., Древнерусские бирюки, М., 1956. с. 163–164.

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Плотницкое ремесло известно с древнейших времен. Археологические находки и историко-архивные исследования показывают, что комплект инструментов для этих работ по своему набору, внешнему виду и назначению сохранялся до наших дней с незначительными изменениями. Происходило усовершенствование формы материала, из которого они выполнены, расширился их перечень.

Производственных комплексов в виде мастерских расклевывали слишком мало. По наблюдениям Г.А. Колчина на Неревском раскопе были открыты мастерские токарей по дереву, бондарей, гробенников, ложкарей, резчиков посуды [1]. Кроме того, изготовлялись многих бытовых предметов из дерева, несомненно, имели место на большинстве усадеб.

Деревообрабатывающий инструментарий в новгородской археологической коллекции представлен всеми видами режущего и рубящего инструмента всех веков. Специализированные кузнецы изготавливали для плотников, столяров, токарей и других ремесленников по дереву высококачественные стальные инструменты. В новгородской коллекции инструментария представлены топоры, теса, пилы, долота, сверла, скобели, станески, резцы токарные, резцы для художественной резьбы и другие инструменты.

Топоры. Топор был основным орудием производства древесины во все времена. В архивных документах встречаются следующие названия и характеристики топоров: широкий топор, топоры мастеровые, древесечные топоры, топоры большой руки, срубные топоры, одиручные дубины, топоры ручные маленькие и пр. [2].

Топоры мастерские использовались для мелких отделочных работ. Деревянные топоры употреблялись на сечку или рубку дров. По размеру топоры делились на большой, средней и малой руки, по форме же они были близки друг другу.

Топор состоит из клиновидного жезла железа со стальной наваркой в нижней колющей части, называемой лезвием. Верхняя часть топора обух делалась массивной и имел круглую или треугольную проушину, в которую плотно вкашивалась деревянная рукоять — топоринше. Лезвие заострялось под тупым углом (для увеличения колющей силы инструмента). Топор применяли не только профессионалы — ремесленники и строители, им широко пользовался почти каждый житель города и деревни. Иногда топор служил и боевым оружием. Рабочий топор имел большое разнообразие форм и размеров. Нет единого мнения среди исследователей, интерпретирующих назначение различных типов топорья. Вероятно, все типы топорья употреблялись для разных видов работ: массивные топоры можно считать лесорубными и плотницкими, а более легкие топоры меньших размеров — столярными и бондарными.

Топоры в новгородской коллекции являются одной из самых массовых категорий инструментов и насчитывают более 350 экземпляров. Некоторые из них имеют деревянные рукояти. Большая часть топорья найдена во фрагментированном виде. Все топоры можно разделить на три основных типа, их переходные, а также индивидуальные формы по типологии В. А. Колчина [3].

Первый, самый ранний тип топора, имеет массивное широкое пущенное лезвие с выемкой и проушной обух с одним внутренним выступом. Для тонких бондарных, токарных и столярных работ делались более легкие топоры этого же типа, но с меньшим лезвием. Существует 2 варианта топоров данного типа: с выгнутой (рис. 1-1) и прямой спинкой (рис. 1-2). Топоры первого типа применялись в X и XI вв. и дожили до середины XII в.

Во второй половине XII в. возникли две переходные формы топора. У одной из них, продолжавшей конфигурацию первого типа, лезвие и лезвие значительно уменьшились и внизу весьма погнута бороздка (рис. 1-3,4). Топоры другой переходной формы имеют симметричные лезвия и облегченный обух. Этот вид топора стал основой для формирования второго типа топорья, широко бытовавшего в XIII—XI вв.

У топорья второго типа было симметричное лезвие, более легкое и узкое, чем у топора первого типа, и облегченный круглый

обух (рис. 1-6). Топоры данного типа появились в XIII в. и бытовали до конца XIV в. Среди этих топоров было выявлено два экземпляра, на лезвиях которых были зафиксированы клейма. На обеих сторонах лезвия одного топора имеются клейма в виде букв «N» (рис. 1-5), на втором — две параллельно загнутые линии в виде буквы «S». Оба топора найдены в слое конца XII в.

Во второй половине XIV в. топоры второго типа заметно ужестелились, лезвия стали более асимметричными, обух — массивнее, и на нем появилась плоская (или приближающаяся к такой) верхняя площадка, но само лезвие топора сделалось меньше. Эта форма топора выделяется в третий тип (рис. 1-7, 8).

Кроме топоров перечисленных типов, найдены 3 топора индивидуальной формы. В слое конца первой половины XI в. обнаружено 2 топора, тип которых иногда встречается в дружинных курганах IX—X вв. (рис. 1-9, 10). Это топоры удлиненной формы, с широким лезвием и щекавищами на обухе. В слое первой половины XIII в. встречено несколько топоров II типа с граненым обухом.

Интересными являются три обломка лезвийной части топоров, которые были использованы вторично и имеют следы обивки в месте обломания. Они найдены в слое второй половины XIII в. Вероятно, эти обломки топоров могли использоваться в качестве зубил или клиньев.

Топорища (рукоятки) — длинные и прямые (а не изогнутые, как современные), на конце утолщенные, чтобы не выскакивали из рук. Для топорича выбирали прямую берёзовую плыху без сучков. Длина топорича была различной, потому что зависела от места плотника: плотник, поставив топор на землю вертикально, опираясь своей ногой, свободной олушенной рукой мог взять в кулак короткий или длинный конец топорича. Длинное топориче, являясь, по сути, рычагом, позволяло плотнику тратить меньше сил.

На книжных миниатюрах и иконах XVI—XVIII вв., форма топора традиционно изображающих сцены строительства, топоры показаны именно такие: лезвие короткое, дугообразное, а топориче длинное и прямое (рис. 3) [4].

Тесла Вторым по значению универсальным инструментом для обработки древесины было тесло. Плоскими удлинёнными лезвиями тесла долбили желобки, пазы и высечения всевозможных выемок в брусках. Тесло незаменимо при изготовлении долбленой мебели: корыт, бочин, кившей. Бондарки использовали его при окончательной обработке вогнутых поверхностей клепок [5].

В Поволжье бытовали три типа тесел — большие проушные с горизонтальной втулкой и широким лезвием (*тип I*); втульчатые с коленчатой рукояткой для изготовления долблёнок и резной посуды (*тип II*) и широкие массивные втульчатые тесла, насаживаемые на длинную прямую рукоятку для изготовления кляк, долблёнок, корыт, колод и т.д. (*тип III*).

Тёсла *I типа* всегда имели массивные размеры и использовались для трудоёмких работ (рис. 1-11). Они насаживались на длинную прямую рукоятку. Исследователи отмечают сложность разделения орудий этого типа на железо- и деревообрабатывающие, но по отдельным признакам в большинстве случаев это можно сделать с достаточной долей уверенности. Так, орудия, предназначенные для тески и выдалбливания разнообразных выемов, как правило, имеют лезвие, отходящее к рукоятке под острым углом к её оси. Проушные тесла представлены тремя экземплярами, найденными в слое XIII в.

Втульчатые тесла *II типа* предназначались для мелких работ, были более лёгкими и очень часто делались с фигурным лезвием (рис. 1-12, 13). Как правило, такие лезвия закреплялись на коленчатой рукоятки и использовались для изготовления долблёнок и резной посуды, ложек и подобных изделий. Все тесла конструктивно одинаковы и имеют в верхней части цилиндрическую или коническую втулку, в которую вставлялась рукоятка, а в нижней рабочей части — прямое или загнутое лезвие, иногда заточенное с внутренней стороны. У большинства тесел этого типа лезвия имеют специальные бортики для выборки лагов определённых размеров. Некоторые тесла имеют коленчатые деревянные рукоятки. Длина тесел колеблется в значительных интервалах — от 6 до 18 см. Ширина лезвия — от 3 до 7 см. Режущие лезвия этих тесел в зависимости от объектов обработки изготавливались преимущественно прямыми, полукруглыми и полукруглыми. Время бытования данного типа тесел довольно широкое и охватывает период от второй половины X в. до XV в.

Втульчатые тесла *III типа* были массивными, как правило, с прямым лезвием и насаживались на прямую рукоятку (рис. 1-14). Теслом с прямым лезвием можно выполнять те же операции, что и топором. Но в отличие от топора им можно тесать древесину в труднодоступных местах: во всевозможных углублениях и выемках. Удар, наносимый теслом, бывает зачастую точнее, чем топором, но сила его значительно слабее.

Долота. Долото — инструмент для долбления пазов и разных выемок в дереве. Основным типом долота, бытовавшим в Новгороде в X—XV вв., являлись цельнометаллические долота (рис. 2-1). Их насчитывается 114 экземпляров. Оно представляло собой металлический четырехгранный стержень с лезвием на одном конце и обушкой на другом. Конструкция лезвий у всех древнерусских долот абсолютно аналогична стержневому долоту. Вытянутые лезвия со скошенным углом и немного изогнутой режущей гранью было конструктивно наиболее рациональным для долбления дерева. По долоту ударили деревянным чекмарем или деревянной киянкой.

Среди цельнометаллических долот можно выделить несколько индивидуальных форм. У одного из них в верхней обушечной части четырехгранный стержень переходил в круглый цилиндр (вторая половина XII в.) (рис. 2-2), а у другого — в восьмигранник (вторая половина XIV в.). Кроме того, в слое второй половины XII в. было найдено 2 фигурных долота (рис. 2-3). Одно из них представляло собой длинный (47,6 см), тонкий, круглый в сечении стержень, имеющий на рабочем крае лезвие с изогнутыми бортами.

Помимо цельнометаллических, в Новгороде было найдено 17 так называемых шпильчатых долот (рис. 2-4). Верхняя часть долота имеет форму трубки, в которую вставлялась деревянная рукоятка с железным кольцом в верхнем колце. Форма лезвия аналогична долотам I типа.

Скобели. В плотницком деле скобели применяют для сглаживания бревен после обработки их топором и теслом, а также для снятия с бревен остатков коры после черновой окорки (облочки) топором. В боярском деле скобели используют для проглаживания строения клепок [6]. Они сменяют топор и тесло после того как истертываются их возможностями. Поверхность древесины после обработки скобелем отличается достаточно высокой чистотой.

Скобелем также убирали с тесаной поверхности излишки после обработки топором и теслом волны и доводили поверхность до идеально гладкой. Выкабливали стены, крапильный тес, подоконники и оконные косяки, полки на дверях и ставнях. Прямые углы скоблили прямым скобелем, круглые углы в интерьере — круглыми. Косяки дверных и оконных проёмов, дверные подоконники и т.д. выкабливали вдоль волокон древесины, следуя под углом около 60° к оси бревна. В связи с тем, что бревна

имели и той или иной мере наклон волокон, их скоблели в две стороны: полбретина — в одну сторону, полбретина — в другую [7].

Скобели. представлявшие собой дугообразные пожевидные лезвия с двумя поперечными ручками на концах, конструктивно все были однотипными и различались лишь размерами. Режущая часть скобеля изготавливалась с дугообразным (рис. 2-7) или прямолинейным (рис. 2-6) лезвием, у большинства скобелей режущее лезвие было дугообразным. Такая конструкция скобеля, появившаяся в IX в., дожила без каких-либо изменений до современности. Ширина дуги скобеля колебалась в пределах от маленьких в 5 см до больших, размером в 15 см. Тонкие стальные лезвия имели очень маленький угол резания, 8-10°, что обеспечивали инструменту при надвигающей заточке большую остроту [8]. Три скобеля, найденных в Новгороде, имели деревянные рукоятки. На одном из них у деревянных ручек в нижней внутренней части имелся небольшой полукруглый выем для указательного пальца руки [9]. Датруется он широким хронологическим периодом от второй половины X в. до второй половины XIV в.

Среди скобелей выделяется один экземпляр, имеющий несхожую с другими форму. Он представляет собой дугообразную заостренную пластину одинаковой ширины без отходящих от неё черенков. С одной стороны пластина имеет круглое отверстие. Судя по всему, этот инструмент стал скобелем в результате широчайшего использования.

Среди изобразительных источников существует единственный рисунок данного инструмента. Это миниатюра из жития Сергия Радонежского конца XVI в. Плотник сидит верхом на обрабатываемом бревне и держит скобель за обе ручки (рис. 3) [10].

Струги. Для строгания больших широких площадей применялись специальные инструменты — струги (рис. 2-5). Они представляли собой длинные прямолинейные лезвия длиной в 30—35 см с рукоятками по краям, как у скобеля. Ширина лезвия стругов колебалась в пределах 3 см, толщина не превышала 0,3 см.

Бондарные скобелки. Для выравнивания внутренних поверхностей бондарной посуды, особенно в стыках клепок, бондари применяли специальные бондарные скобелки. В отличие от скобеля, скобелка имеет одну ручку. Благодаря этому им можно снимать шпательную стружку в малодоступных местах внутри узкой бондарной посуды. При раскопках в Новгороде найден всего один подобный инструмент в слое конца XIV в. (рис. 2-9).

Наструг. Инструменты с деревянной колодкой для быстрого и легкого строгания (рис. 2-8). Их найдено 2 экземпляра в слое первой половины XIII в. Лезвие наструга похоже на маленький предмет лезвийной скобиль с шлоудцами вверх ручками. Это лезвие вставлялось ручками в деревянную колодку и закреплялось клипсой, фиксируя, таким образом, необходимую толщину стружки.

Разметка (чертилка). Разметка — самый распространенный инструмент для прорисовки на поверхности древесины прямых или кривых линий с целью последующей отески или распиловки брёвен и строительных деталей. Для этого чаще всего, по нитке, отёсывали кромку одной доски. Прикладывая к этой кромке следующую доску и, плотно прижимая черту к направляющей кромке, продарачивали, протерчивали металлическим остриём глубокую параллельную царапину на прилегающей доске или примыкающей конструкции. По этой царапине-черте отёсывали примыкающую кромку. Чертой прорисовывали брешки для выборки продольного паза, чтобы добиться плотного примыкания брёвек в стенах, чашу в брёвнах перед её чистовой обработкой. Чертой отмечали места соединения элементов и делали другие пометы, которые теперь плотники отмечают карандашом.

Рабочие края инструмента заканчивались двумя отряпками, края которых на разных сторонах были неединообразными (11). В Новгороде встречены чертилки как с одним (рис. 2-10), так и с двумя (рис. 2-11) рабочими краями. Одна разметка имеет деревянную рукоятку. Разметки встречены в слое второй половины XII в. — второй половины XIV в.

Ложкарные резы. Этот инструмент использовался для обработки объёмных изделий, в частности для изготовления ложок (рис. 4-1,2,3). При раскопках в Новгороде найдено 32 таких резов. Они имеют разные размеры, колеблющиеся от 13,2 до 20,5 см по длине по своей конструкции. Инструмент имеет закруглённую рабочую часть, заточенную с обеих сторон. Стержень реза переходит, как правило, в широко расплюснутый черенок, заканчивающийся иногда ромбовидным остриём, на который надевалась деревянная рукоятка.

Основная часть ложкарных концентрируется в слое второй половины XII в. — второй половины XIII в. Один ложкарный рез найден в слое второй половины X в. и отличается малой рукояткой и сравнительно маленьким лезвием. Исключительным является ложкарный рез, найденный в слое первой половины XV в.

ослабленный от остальных квадратным штифом в центре рукоятки и крестовыми элементами, которые покрывают рукоять (рис. 4-3).

Фигурные резцы. Фигурные ручные резцы типа клюкарзы не использовались для резьбы по дереву (рис. 4-4,5). Клюкарза — это резцы с изогнутыми шлицтами с короткой частью на конце. Рабочая часть клюкарзы была разной ширины и формы. Они применялись для выполнения рельефной, барельефной и объемной резьбы, для выемки древесины в труднодоступных местах и для зачистки фона в рельефной резьбе [12]. Такая форма резца была очень функциональна и сохранилась без особых изменений у современных плотников. Основная часть этих инструментов концентрируется в слоях первой половины XI—XII вв. В связи с этим необходимо отметить, что именно в этот период встречено наибольшее количество деревянных предметов, покрытых разнообразными резными узорами и орнаментами.

Стамески. Стамеска — ручной режущий инструмент (рис. 4-6, 7). Используется для выборки небольших углублений в древесине, зачистки пазов, снятия фасок. Стамеска состоит из лезвия и ручки, иногда снабженной колпачком для предохранения от раскалывания при ударах. По назначению стамески делятся на столярные и стамески для резных и токарных работ. Первые бывают прямыми и полукруглыми, вторые — также фигурными. Они представляют собой плоское небольшое лезвие, переходящее в черенке для деревянной рукоятки. Длина стамесок 14,5 см, ширина лезвий — 1,8 и 2,2 см. Лезвия заточены с одной стороны. Стамески найдены в слое второй половины XII века.

Уторники. Специализированный бондарный инструмент (рис. 4-8, 9). Уторник — инструмент для нарезки уторов — узких желобков на внутренней поверхности бондарной посуды, в которые вставляли джигу.

В бондарном производстве, широко распространенном в Новгородской области, имелся специализированный инструмент — уторная пила — для изготовления уторов (пазов) в клетках, в которые вставляются джиги. Всего в Новгороде найдено 3 таких инструмента. Их главной рабочей деталью является небольшое лезвие — пилка, которая и вырезает уторы.

Пилы. С античных времен и Европе пилы являлись одним из главных плотницких инструментов. В России же, особенно в ее северных областях, богатых лесом, пила, вплоть до XVIII в., была,

скорее, вспомогательным инструментом, применялся только для столбчатых и мелких плотницких работ. Дело в том, что пила, сделанная из выжженных выжженных древесных, значительно снижает долговечность постройки. Поэтому большинство наиболее значительных деревянных построек на Руси было создано без использования пилы.

Все это не значит, что средневековая Русь вообще не знала пил. При раскопках на многих древнерусских поселениях были найдены обломки разнообразных пил: одноручных, типа ножовок, и двуручных лучковых. Разница между этими пилами заключается в том, что у пил ножовок вытягивался черенок, на которую насаживалась рукоять, а у лучковых пил на концах полотна загибались петли для крепления к раме. Полотно такой пилы могло использоваться только натянутым на деревянную раму (иначе оно бы просто сломалось), однако деревянные детали лучковых пил наших дней, к сожалению, не сохранились.

Новгородская коллекция пил является самой многочисленной (34 экз.) и представлена всеми известными типами. Наиболее распространенным типом является одноручная ножовка (рис. 4-10, 12). Их в Новгороде насчитывается 32 экз. И всего 2 пилы относятся к типу лучковых (рис. 4-11). Самая ранняя пила была найдена в слое конца X в., а самая поздняя относится к концу XIV в. Но наибольшее количество пил все же сконцентрировано в наиболее стоящих домонгольского периода.

Свёрла. Для изготовления круглых отверстий в дереве, а также в других материалах в Древней Руси широко применялись сверла. Одновременно существовали и применялись два типа сверел. Основной тип — это лероидные сверла (рис. 4-13, 14) и другой тип — спиральные (рис. 4-15). Свои наименования они получили по названию современных типов сверел, использующихся в первую очередь в деревообработке.

Коллекция сверел, собранных при раскопках в Новгороде, является самой многочисленной и наиболее представительной на территории Древней Руси. В каждом сверле различают стержень, хвостовик и рабочую часть. Стержень может иметь разную длину, от его длины зависит похиженная глубина сверления. Практически у всех сверел стержень имеет круглое сечение. Очень редко встречаются сверла с четырехгранными стержнями. Хвостовик называется верхняя, обычно уплощенная часть стержня грим толщиной, квадратной или пирамидальной формы, которой свер-

закреплялось в деревянной или костяной рукояти. Для свёрел с таким типом крепления рукоятки чаще всего использовали естественную конфигурацию дерева с гладким сучком. Такие рукоятки найдены при раскопках в Новгороде [13]. Кроме хвостовиков с вертикальным типом крепления, иногда встречаются петлеобразные хвостовики для горизонтальной рукоятки.

Рабочая часть перовидного сверла имеет вид удлиненного конуса с острыми краями, оканчивающегося заостренным жалом. При помощи жала сверло внедряется вглубь древесины и, кроме того, центрируется. Однако иногда встречаются перовидные свёрла, у которых край не заострен, а имеет округлое завершение (ложковидные свёрла). Обе кромки желобка заточены на всю длину, но, как правило, одна сторона является режущей, а вторая кромка служит направляющей [14]. Такое сверло работает при вращении в одну сторону. Ложечное сверло работает при нажатии на него сверху. Оно не приспособлено для выбрасывания стружек, и для очистки от стружек приходится вынимать сверло из отверстия. От этого снижается производительность резания. Ложечные свёрла применяют для высверливания отверстий под нагель. Недостатком первого сверла является отсутствие направляющего центра.

По длине сверла колебались в широких пределах — от маленьких в 10 см до массивных в 40 см. Угол заточки лезвия пера равнялся в среднем 30° [15]. Перовидные свёрла бытуют на территории Новгорода со второй половины X в. до начала XV в., не претерпевая особых изменений в форме.

Х перовидным относятся и маленькие свёрла-дрели с лучковым привидом (рис. 2-15). Такие инструменты использовались для получения отверстий малого диаметра (1-4 мм). Эти свёрла представляют собой небольшой тонкий стержень с плоским штифом в середине. Очень часто в верхней и нижней части штифта прочерчен линейный орнамент, а между ними помещался знак в виде буквы «X». На штифт надевалась привольная катушка, которая, в свою очередь, следовала по струной маленького лука [16].

Спиральные свёрла более совершенны по своей конструкции. У них вместо ложковидного лезвия делается спираль в один или несколько оборотов с острой режущей гранью. Такая конструкция лезвия предусматривает выход стружки, в результате чего отверстие не забивается при сверлении гержкой и имеет чистые ровные стенки. Все свёрла имеют правую спираль режущего лезвия,

т.е. при сверлении мастер вращал сверло по часовой стрелке (как и в настоящее время).

Стоит отметить, что многие древнерусские молотки-свабдыры на концах металлических рукояток имели спиральное сверло, также имеющее режущую грань. Но всей видимости, их также могли использовать и качестве сверел, а рабочая часть молотка тогда выполняла роль горизонтальной рукоятки.

Все перечисленные выше типы сверел в большом количестве встречались при археологических раскопках на самых разных памятниках Древней Руси, Западной и Северной Европы. Однако при раскопках в Новгороде было найдено несколько экземпляров спиральных сверел, аналогий которым пока не обнаружено. Они отличаются от всех прочих типов сверел способом крепления рукоятки. Если у большинства инструментов он является черешковым, то 4 сверла, происходящие из Новгорода, имеют шурупное крепление (рис. 4-16, 17). Три из них были найдены на Лютском раскопе в слое XV в. и одно на Торговом раскопе в слое второй половины XIV в. Они представляют собой полый внутри стержень с закрученным в один оборот спиральным лезвием с одной стороны и круглой штулкой — с другой. Длина этих сверел варьирует от 5,2 до 10,3 см. У двух экземпляров в центре штулки имеется короткий стержень, вероятно для более прочного соединения с рукояткой.

Любопытно, что более на территории Новгорода таких инструментов обнаружено не было. Скорее всего, это объясняется импортным происхождением этих сверел. Более того, три из них были найдены на Лютском раскопе, где в древности располагался Лютский двор.

Информацию о развитии древнерусской деревообработки в этом месте в истории средневекового Новгорода можно почерпнуть из ряда источников: летописей, писцовых книг и т.д. Однако эти источники не дают четко представления о выборе инструментов, которыми пользовался мастер. Более полную картину даёт именно археологический материал.

Несомненным является высокий уровень мастерства новгородских ремесленников, о котором можно судить как по ассортименту произведенных ими изделий, так и по обширному набору инструментов, которые они использовали в своей работе.

Примечания:

1. Колчин, Б.А. Ремесло // Археология СССР Древняя Русь: город, замок, село. С. 255
2. Даль В.Л. Толковой словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1990 С. 417
3. Колчин, Б.А. Железобработывающее ремесло Новгорода Великого // МИА №65 М., 1959 С. 25-29.
4. Житие Сергия Радонежского, 126 л. Рубка леса // Архивовский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 185, рис. 49.
5. Федотов С.Я. Секреты былинного ремесла. М., 1991. С. 49.
6. Федотов С.Я. Секреты былинного ремесла. М., 1991. С. 51.
7. Попов А.В., Шуртин Н.Н. О воссоздании русской элитажной технологии XVII-XVIII вв. М., 1993.
8. Колчин, Б.А. Ремесло // Археология СССР Древняя Русь: город, замок, село. С. 257.
9. Колчин Б.А. Железобработывающее ремесло Новгорода Великого (Производство, технология). // Материалы и исследования по археологии СССР № 65. М., 1959 С. 40
10. Житие Сергия Радонежского, 125 л. // Архивовский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 185, рис. 49
11. Колчин, Б.А. Железобработывающее ремесло Новгорода Великого С. 258
12. Жяльцов Ф.В., Шалаев А.Б. Художественная резьба по дереву. Новосибирск. 2002. С. 37.
13. Колчин, Б.А. Ремесло // Археология СССР Древняя Русь: город, замок, село. С. 257.
14. Колчин, Б.А. Ремесло // Археология СССР Древняя Русь: город, замок, село. С. 257
15. Там же. С. 257.
16. Там же. С. 271.

*В. И. Ярлов,
г. Великий Новгород*

ОБ ОДНОМ НЕОБЫЧНОМ УКРАШЕНИИ НА БЕРЕСТЕ

В археологическом отделе Новгородского государственного музея-заповедника хранятся десять фрагментов бересты с непонятным видом тиснения, обнаруженные в результате раскопок в Новгороде. Они найдены в слоях XI—XIV вв. на Перевском, Путьицком и Путьном раскопах. Ни один из известных нам способов украшения бересты при помощи штампов, шильев, шпательчиков и т. д. не подошёл для объяснения этого способа украшения крещи. В музейном реестре фрагменты значатся как «деталь берестяной выделенными линиями (орнаментом)».

Подробно рассмотрим два фрагмента с Перевского раскопа из общей коллекции.

Первый фрагмент представляет берестяной полоской размерами 50x275 мм, толщиной 1 мм. Он был извлечен из слоя XI в. На фрагменте сохранились «украшения» в виде 13 поперечных слогов наклонных линий, выполненных в необычной технике. По краям берестяного фрагмента присутствуют небольшие углубления, сделанные шилом. Похоже, полоска была к чему-то прикреплена. Фрагмент хорошей сохранности и с отчетливой рельефностью выполненного рисунка (рис. 1).

Второй фрагмент состоит из нескольких частей (рис. 2). Прежде всего, общий вид его напоминает верхнюю часть крышки небольшого туеса диаметром 9 см. Со следами прошивки по окружности. Сверху основу крышки крест на крест перекрывают две доски из коры размером 38x95 мм и 32x95 мм, толщиной 0,5 мм. На каждой из них присутствуют «украшения» в виде двух параллельных линий, выполненных в такой же технике, как и на первом фрагменте. Чечевички (удлиненные черточки на коре), растущие

жены шлоль фрагментов. Продолжение края полоски неровная. На деталях, октавляющих второй фрагмент как на основе крышки, так и на полосках, по окружности остался привычной материал и следы от некогда принятой системы обечайки. Данная часть туеска, несомненно, была сделана в Древнем Новгороде. На это указывают её конструктивные особенности. Обгаружен данный фрагмент в слоях XIII в. Данный фрагмент представляет комплекс фрагментов крышки туеска, поддающейся реконструкции. Крышки с двумя долами коры крест-накрест в верхней её части выплывались в Древнем Новгороде достаточно часто, но полоски, образующие крест, чаще всего были без всякого украшения. Опыт реконструкции туеска, выполненный при помощи сшивания всех частей изделия лыковыми бечёвками, выполнен автором статьи и детально описан.⁸

При детальном рассмотрении первого фрагмента можно сделать вывод, что линии «украшения» выполнены в совершенно необычной технике, похожей на латанья. Каждая линия имеет свой характерный несимметричный рисунок, не повторяющийся в других линиях. Различаются и размеры линий не только между собой, но и в отдельных частях нескольких линий. Линии также не выдержаны в строгой параллельности, и это показывает, что каждая была выполнена отдельно в достаточно сложном пространственном решении (рис. 1).

Менее отчетливо, но также наблюдается вышесказанное и на двух полосках коры на фрагменте от крышки туеска. Разлика лишь в орнаменте: линии на полосках фрагмента крышки туеска выполнены зигзаговыми линиями (рис. 2).

Известно, что основные способы внешнего оформления берестяных изделий наших дней, такие как прорезывание шилом орнамента, сквозная прорезка орнамента ножом, роспись красками были знакомы еще древним новгородцам. Мы так же знаем, что отдельные технические приёмы при изготовлении берестяных изделий, использовавшиеся мастерами в Древнем Новгороде, в наше время утрачены. Например, сложные системы швов, при помощи которых лыковыми бечёвками пришивались когда-то берестяные дольки к корпусам туесков.

Но в данном случае мы столкнулись с какой-то новой техникой украшения бересты, никем ещё не объяснённой, а потому чрезвычайно интересной. Данный тип декорирования берестяных изделий, встречаемый на берестяных изделиях в Древнем Новгороде,

де, возможно, занесённый куда-то в эти края, также был со временем утрачен. Это очевидно.

В начале исследования у нас возникли следующие вопросы — где и кто избирал эту удивительную технику украшения, и что означают эти орнаменты?

— если это не местное достижение, то откуда пришло оно в Древний Поволжье?

— почему был утрачен, а если нет, то где можно найти его в наше время?

Подступиться к возможной разгадке этой необычной техники украшения берестяных изделий помогло более широкий взгляд на берестяное творчество, далеко выходящий за рамки восточной европейского региона. Наше внимание приклегло творчество индейцев североамериканских индейцев, в наследии которого встречается весьма оригинальная техника выполнения орнаментов на бересте при помощи зубов.

Однако заметим, что использование «зубной» техники в берестяном творчестве нам было достаточно хорошо известно по якутским туескам, при изготовлении которых применялась зубная макушная сила. Пришивая берестяное дно к корпусу берестяного туеска, якутские мастерицы прикусывали будущую кромку пришивки, чтобы плотнее приладить дощечку к корпусу².

Специального обследования труда об этом уникальном виде творчества, уходящем корнями в седую старину, ни у нас, ни в США до сих пор нет. Но всё же ряд публикаций, музейных образцов, а так же наличие нескольких специалистов, интересовавшихся этой темой, позволяют нарисовать определенную картину. Говорят, можно найти отдельных мастериц, которые ещё умеют вышивать орнаменты в этой замечательной манере. Но, в общем, это искусство далёких дней.

Американская исследовательница Френсис Денеморр пишет³ о том, что одной из примитивных форм искусства индейцев Чироква (Chiriqua) является такая, где материалом служит кусочек бересты, а инструментами — человеческие зубы и проворные пальцы. Лист бересты сгибается, и вдоль этого изгиба методом «инкустирования» наносится рисунок и склеивается с детально разработанным дизайном. Зуб оставляет метки на коре, что, собственно, и осуществляется при изготовлении орнамента.

Развернув такой лист бересты, можно сразу увидеть рисунок, который будет иметь симметричную форму. Для более детальной

разработанных рисунков применялись дополнительные изгибы коры. Чаша кора сгибалась крестообразно или крестообразно с дополнительным диагональным изгибом. Если рисунок заключался в четырёх, пяти и т. д. угловник, то для такого изготовления требовались дополнительные изгибы и «локусывания» коры после того, как основной рисунок уже был закончен. Усложнённые рисунки требовали иной раз несколько изгибаний, и в результате количество слоёв, которые применялись локусовать, могло доходить до 24.¹

Сложную в несколько раз, в зависимости от исполняемого рисунка, кору ставляли в рот и при помощи языка и рук, а иногда используя только язык, умели поворачивали во рту. При каждом повороте или изменении направления кору локусовали вдоль очередной складки.²

Для «огтисков» на бересте использовались обычно «глазные» или боковые зубы. Зубы оставляли разные метки на согнутой коре: от острых, аналогичных шилу, до широких, выполненных при помощи покручивания бересты между зубами. Френсис Денмор собрала более 200 таких рисунков, лучшие из которых были выполнены женщиной, у которой была всего один зуб³. Наиболее изящные отгибки шилу от передних зубов и клыков (глазных зубов). Более грубые — делались малыми коренными зубами и коренными. Варьированием силой покусывания можно было добиться отскоков в рисунке. Для изготовления более сложных рисунков надо было позаботиться, чтобы при следующем сворачивании бересты и дальнейших покусываниях рисунок не нарушал своей сюжетной целостности⁴.

Перед «локусыванием» кору слегка нагревали, чтобы сделать её более уступчивой⁵. Сгибание и разгибание коры тоже было важной частью техники. Мастерница держала рисунок в голове и не разворачивала бересту во время процесса «локусывания» до полного окончания работы. Рисунок был уже готов, то есть «выполнен» в сознании мастерницы до начала локусывания. Мастерница никогда при этом не забывалась. Так же каждый следующий рисунок не копировался⁶.

Интересно то, что различные этнические группы индейцев определяют этот вид искусства по-разному: у индейцев Пеннобскот (Penobscot) — это «прорезание коры зубами»; у индейцев Чипева (Chipewa) — «делание метки на коре»; у Алгонкин (Algonquin) — «покусывание рисунка»; у Монтанье (Montagnais) — «локусы-

вание украшения»; у Кри (Cree) — «покусывание». Что касается авторов, которые не являются индейцами, то у них, как правило, эта техника обозначена такими терминами, как «покусанные дырки», «призрачность коры», «зубная миграция», «зубная работа», «жевание». Но все они относятся к единственной форме искусства на тонких слоях коры бумажной березы *Betula papyrifera* (лат.).

Рисунки на коре выполнялись в виде геометрического орнамента, центавров, листков растений, звезд, людей и их жилищ, а также в виде животных и насекомых. Элементы орнамента часто представлялись в рамках круга, квадрата, прямоугольника, шестиугольника, восьмиугольника, выглядели как треугольник и четырехугольник¹⁵. Но были и мастера, которым давались и невероятные сложные рисунки. Авторы данного источника приводят следующее свидетельство одного торговца: «Джорж был единственным человеком, кого я знал, и кто действительно понимал, как жевать кору. Он был настолько искусен в этой технике, что мог «выжевать» на картинке человека, стоящего в каноэ»¹⁷. Судя по всему, это было уже в позднейшее время, когда искусство «покусывания» коры стало просто развлечением.

Ареал распространения такого вида искусства среди американских индейцев, как мы уже отмечали выше, достаточно широк¹⁸. К слову надо заметить, что Френсис Денсмор упоминает и об использовании аналогичной техники индейцами на широких листьях одного из растений в районе озера Верхнее (Lake Superior). Таким растением была *Clintonia borealis*¹⁹ (лат.). Но всё же больше всего это искусство было распространено у индейцев Алгонкин.

Характерной особенностью техники покусывания и подавляющем большинстве случаев является симметричность рисунка, то есть, чтобы его выполнить, необходимо кору сложить вдвое, три и т. д. Развернув кору, мы получаем симметричный рисунок по оси симметрии или оси. Идеалом рисунков индейцев Алгонкин является двусторонний симметричный рисунок. Он присутствует во всех декоративных техниках. Такой тип рисунка у Алгонкин специально листы называли «двойными изогнутыми фигурами». Он очень близок к тому, что получается после покусывания коры зубами. Американский этнограф Франк Спек (Frank Speck) пишет: «Пудовые (покусанные зубами — Ф.С.) линии, расплываются как цветы, цветки, завитки и стебельки, которые похожи на «двойные изогнутые фигурки» так сильно, что если бы последние действо-

тельным не приходили от них, то могли бы быть благополучно рассмотрены как исторически близкие к ним».¹⁵ Возможно, ввиду сложности рисунков, получившихся от покусывания коры с художественным идеалом индейцев данного племени, эта техника больше всего получила распространение именно у индейцев Адгоккин.

Вообще, Френсис Денмор считает, что происхождение этого искусства неизвестно, и появилось оно как-то случайно. Она даёт следующую версию случившемуся: «Женщина, сидящая на земле или в вигваме могла взять кусочек коры, сложить его, нанести зубами несколько линий на нём, развернуть его обратно и посмотреть на рисунок. Так как результат оказывался приятным, она могла искать способ, как улучшить свою первую работу, а другие женщины могли попытаться сделать копию или превзойти её результат. Также могли быть быстро подобраны подходящие для такой работы листы растений. Путём проб можно было бы найти, что бересту можно сложить и «покусать» зубами, если она подогрета перед этим на костре, и также выяснить, что дешёвые разработанные калибры бересты могли дать более интересный рисунок»¹⁶. По предположению автора, это искусство могло появиться под влиянием белой расы. Оно могло быть связано с искусством текстиля или керамики, или быть просто своеобразной «выкройкой», шаблоном для работ по бисеру. И уж точно его влияние не могло быть связано с индейскими обрядами и символика, так как невозможно представить, чтобы символы мечтаний и галлюцинаций могли быть запечатлены при помощи покусывания и использоваться как трафареты для рисунков в работе с бисером¹⁷.

В большей степени этот вид искусства считался одной из форм развлечения и увлечения среди индейцев. Чаще всего это происходило, когда они собирались в весенне-летние лагеря для заготовки кленового сиропа¹⁸, из которого делается сахар. Именно в этот период были достаточно свежесготовленные, мягкой бересты (из которой индейцы делали посуду для сбора кленового сока). Занимались этим творчеством молодые люди также и долгими зимними вечерами, сидя в вигвамах у костра, когда такой вид художественной деятельности был единственно доступным¹⁹.

У этого искусства было два предназначения: первое - развлечение, истинное для удовольствия. Такими рисунками дорожили, ими обменивались, их использовали как трафареты для работ по бисеру, вышивке и т. д. В этот период изготавливались художественно оправданные сюжеты, создавались формы, которые

давали некоторым представлениям о жизни людей. Вторая ветвь бересты связана с периодом, когда утонченность старого восприятия уже не навсегда. Кора стала толще, рисунки примитивнее. После изготовления образец вырезался и приклеивался к одежде, а его края могли рачиваться биксером²¹.

У индейцев Пеннобскот, например, «ещё не так давно мальчики и девочки приводили свои вечера и дни в деревнях, играя в игры, в которых они делились на команды, чтобы посмотреть, какая команда создаст более изящный рисунок»²².

Авторы уже упомянутой статьи — Николас Смит и Кэг Оберхольцер — дают более глубокое толкование этого вида творчества, относя его к тем временам, когда в производстве очаровательных рисунков на бересте участвовали божества, объясняя тем самым, почему покусывание бересты было не чуждо и мужчинам. В статье приводится пример из рассказа одной женщины, которая утверждала, что её отец во время зимних вечеров часто играл со своими детьми в следующую игру. «Покусав один из «стерсотиных» рисунков в согнутой бересте, он обычно просил детей «использовать их воображение в интерпретации образцов и поощрял их рассказывать истории на основе воображенных фигур»²³. Часть этих покусанных образцов была связана с охотничьими сюжетами: тропы, деревья, палатки — и как-то выполняли роль передатчиков идей полезных или даже необходимых в повседневной охотничьей жизни. Авторы задаются вопросом, не является ли эта игра своеобразным упражнением в подготовке детей к «чтению» «рисунков», относящихся к скам и охоте, и не являются ли эти образцы продуктом духов или посетителей снов²⁴? Показывая такую ситуацию, авторы как раз и объясняют, почему происходит использование покусанных образцов в декорировании элементов одежды.

Другая женщина утверждала, что «все её рисунки на мочках ног получены от покусываний её отца»²⁵. Какой более лучший способ мог бы быть найден мужчинами для передачи своих различных образов, «рождающихся в снах, которые его жетта или жетта могли бы использовать как путеводитель в переводе этих образов в декоративные элементы на сумках, одежде и особенно на куртках»²⁶. Это был способ прямого выражения в материальной форме женщиной мечтаний мужчины, его обязанностей по отношению к посетителям снов. Поэтому авторы приходят к выводу, что нельзя считать участие мужчин в покусывании коры бересты одной из форм равенства²⁷.

Но напрямую с духами, как предполагает Николас Смит, могли общаться не только мужчины, но и женщины. В письмах к автору данной статьи он сообщил, что женщины, которые были, вероятно, шаманками, могли в своих снах увидеть магический рисунок и, прикусившись, через какое-то время покусать на тонком берестяном листке испарившийся духами образец. Имея такой рисунок, женщина-шаман могла скопировать его красками или выскоблить на бересте. Могла вышить его на охотничьей одежде, таким образом, осуществив свое женское влияние на то, чтобы охотник смог найти животное. Он мог также заключать в себе тайный смысл, указывающий направление движения, время, когда надо что-то делать, предсказывать те или иные события или, возможно, одухотворять пребывание в том или другом месте. Вполне вероятно, что время, место и охотничья удача могли быть предсказаны подобным образом. Также могло быть, что рисунок, данный божеством женщине, мог быть более могущественным, чем точно такой же, данный мужчине. Выходит, что дорисованные рисунки в другую декоративную технику уже нес охранительную нагрузку, выполняя функцию оберега.

Причиной упадка этого удивительного искусства Френсис Денсмор называет вмешательство правительственных школ в общеобразовательный процесс индейцев, когда последних стали учить копировать лучшие образцы, и сразу же на смену периоду «интерпретации», в течение которого мастера создавали лучшие образцы по вдохновению, пришёл период «имитации», то есть простого копирования того или иного образца¹⁷.

Френсис Денсмор приводит потрясающую историю, красочно описывающую смену идеалов во взглядах индейцев на окружающую среду, произошедшую со времени поэтического восприятия на природу, когда люди не знали, что такое время и товарно-денежные отношения, то есть всего того, что появилось после прихода «цивилизации» в эти края: «Один молодой человек жил со своими родителями. Однажды во время изготовления кленового сахара он вдруг заметил, что родители стали старыми и не в состоянии более выполнять трудную работу. Поэтому он решил привести в дом жену, чтобы помочь им. Семья н.э.т.в. время как раз была в лагере, где изготавливала кленовый сироп, и он попросил жену принести несколько бересты для изготовления чашек под сахар, как это делали другие женщины. Жена взяла топор и ушла в лес на целый день. Возвратилась она домой к ночи и принялась гобить на снитге

огромный рулон коры. Эти обрабатывало мужья, так как ни индеец, что жена, должно быть, очень трудолюбивая. Женщины разрезали рулон береты и сказала: «Посмотри, что я делала целый день». Затем она показала ему множество образцов и рисунков, «ваз, сангных» на берёзовой коре. Её рулон был полон ими. Она «задуривила» эти рисунки весь день вместо того, чтобы делать чашки. Мужские глаза так ступно, что он спик и умер. Он не мог догадываться того, что люди скажут, что ни привёл в дом нажётому жену»²¹.

Но если всё-таки посмотреть в глубинную суть этого творчества, представляя, что таким способом индейцы «кодировали» информацию, связанную с охотничьим ремеслом, передавая её из поколения к поколению, то понятно, что с приходом товарно-денежных отношений такая практика им была уже не нужна, что и привело к упадку поэтически одухотворенного рисунка внешне и глубинного смысла своеобразного охотничьего оберега. «Для современных индейцев старый способ жизни с его зависимостью от самодостаточности и выживания, основанного на охоте, испокон веков и лодушек и рыболовстве в зарослях фактически закончилось... Но всё это происходило в конце истинного искусства аборигенов с его многослойным значением»²².

Теперь только с сожалением можно сказать, что совсем недавно ещё были пожилые люди в Северной Америке, которые могли с полным правом сказать: «Я последний, кто действительно знает это», потому что ныне только коммерческий рынок является «продолжателем» этого некогда удивительного в своём единении с природой творчества.

Однако заметим, что использованная «зубной» техники в берестяном творчестве нам было достаточно хорошо известно не только в США, но и у нас в России: это и якутские тусса, при изготовлении которых применялась зубная мускульная сила. При этом берестяное дно в корлусу берестяного тусека, якутские махорки прикусывали будущую чашку прошивки, чтобы плотнее приладить донышко к корлусу²³. Техника «покусывания», свойственная северноамериканской, была найдена у Обских угров (Ханты и Манси)²⁴. Причём, рисунки, полученные от покусывания, весьма напоминают творчество индейцев, и в этом можно усмотреть не единство, то схожесть традиций. Возможно, в Сибири эта техника была распространена достаточно широко и на тех же индонанцах, что и в Северной Америке.

Но Великий Новгород. Обнаруженные при раскопках фрагменты бересты с нанесением на них украшений в технике «покусывания» все же несколько отличаются от тех, которые были описаны выше. У всех новгородских фрагментов линии покусывания не вырисовывались в какой-то сюжет — цветка, орнамента и прочее, а были выполнены просто в виде параллельных или зигзагообразных линий. По мнению Николааса Смита, такие линии встречаются в самых ранних образцах покусывания и у индейцев, и отражают их представление о природе. Это даёт нам возможность предположить, что новгородские образцы относятся к более раннему периоду «развитости» данной техники. И если иметь в виду то, что до настоящего времени в Великом Новгороде исследовано только немногим более двух процентов территории города, подлежащей археологическому исследованию, то можно надеяться на серьёзные находки в этой технике и в более развитой стадии технического и художественного осуществления.

По фрагменту крышки с «покусанными» линиями и, используя находки других частей тусеков из тех же хронологических слоев при раскопках Великого Новгорода, можно реконструировать тусеок XIII в. культуры. Можно обратиться к аналогиям и вновь к североамериканским. Именно там встречаются берестяные корблики, украшенные этой техникой. Так в провинции Квебек (Канада) была найдена берестяная корбика, изготовленная до 1841 г., украшенная, по мнению экспертов, методом покусывания коры.² Получается, что наше предположение о применении такого дизайна для украшения древненовгородских изделий из бересты — факт не единичного использования этого вида украшения именно берестяных изделий в мировой практике. Это еще раз подтверждает нашу версию о том, что необычные линии на новгородских археологических берестяных фрагментах были выполнены именно зубами.

К сожалению, мы не располагаем пока достаточными свидетельствами, которые позволили бы нам объяснить появление этой техники в древнем Новгороде. Была ли она изобретена здесь? Была ли она занесена сюда из Сибири, что вполне вероятно, ибо известны давние торговые связи Новгорода с сибирскими узами. Имеет ли она связь, кроме способа изготовления, с тем очаровательным искусством, которое некогда было так развито и в настоящее время достаточно изучено в Северной Америке? Одно можно сказать точно — эта техника пригугта новыма в древнем Новгороде и период с

XI по XV вв., так как тому мы имеем неопровержимые доказательства в виде этих 10 берестяных фрагментов с «покусанными» линиями.

Североамериканские индейцы, обские угры в Сибири, дришчи новгородцы на северо-западе России — картина распространения этого искусства получается довольно широким! Потребуется дальнейшие изыскания, чтобы окончательно утвердиться в тех технологиях изготовления данных новгородских орнаментов, определить более точные границы бытования этой техники, взаимосвязки, способы использования её в декорировании изделий.

Даже если фрагменты бересты, добытые из новгородской почвы, были когда-то откуда-то привезены, что мало вероятно, то очарование от подобной техники работы с берестой, до этого почти неизвестной у нас таково, что не оставляет нам права быть в стороне от возможного её воскрешения из небытия.

Примечания

1. Ярыш, Н. И. Древнее ремесло в древнем Новгороде / В. И. Ярыш. Цело / Алмазах НовГУ им. Ярослава Мудрого. — 2003. № 1. С. 190—193.
2. Иванова — Уварова З. ... Из бересты. Приложение к журналу Соловья Новь. — 1989. №1. С. 33.
3. См. также Савинов А. Береста и конский волос. Журнал Северного пространства. — 1988. № 2. С. 44.
3. Densmore Frances. "How Indians Use Wild Plants for Food, Medicine & Crafts". Reprint of 1928 ed., Dover Publications, Inc. New York, 1974. P. 298.
4. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. "I'm the Last One Who Does It: Birch Bark Biting, an Almost Lost Art". Papers of the Twenty-sixth Algonquian Conference, University of Manitoba/ Winnipeg 1995. P. 109.
5. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 309-310.
6. Densmore Frances. P. 391.
7. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 310.
8. Densmore Frances. Там же. P. 391.
9. Densmore Frances. P. 393.
10. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 308.
11. Densmore Frances. P. 393.
12. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 310.
13. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 311-312.
14. Densmore Frances. P. 393.
15. Frank Speck, Symbolism in Penobscot Art. Reprint of 1927. Tutuquian Publishing, Hummelstown, PA, 2001. P. 77.
16. Frances Densmore. P. 391.
17. Frances Densmore. P. 391.

18. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 312.
19. Frances Denmore. P. 301.
20. Frances Denmore. P. 391-392.
21. Frank Speck. Symbolism in Peninsular Art. P. 77.
22. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 312.
23. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 313.
24. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 314.
25. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 314.
26. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 314.
27. Frances Denmore. P. 392.
28. Frances Denmore. P. 396.
29. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 316.
30. Selwyn Dewdney. The sacred Scrolls of the Southern Ojibway. University of Toronto Press 1975. P. 15.
31. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 306.

*А.В. Голышев,
г. Екатеринбург*

НОРДИЗМ И ОРДИЗМ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

В древней геополитике Северной Евразии ключевую роль играли магистральные культуры кочевников суши и моря, охватывавшие своим движением большие пространства и связывавшие локальные культуры в так называемые кочевые империи. В отличие от локальной культуры, основанной на экоадаптации (освоении биоресурсов), магистральная строится на экосоциоадаптации — освоении общинокультурных ресурсов локальных культур. Магистральная культура выступает для локальных групп выполняющим торгово-коммерческим посредником, военным союзником, политическим организатором, культуртрегером. Она не просто связывает локальные культуры и использует их ресурсы, но и создает качественно новые виды деятельности, прежде всего посреднические и управленческие, тем самым обновляя и иногда существенно изменяя локальные традиции. С эпохи бронзы магистральные культуры «кочевников» и «море-людей» генерировали политическую элиту для многих локальных культур Евразии. На рубеже эр черноморский морской кресток степных и морских кочевий стал маячком евразийской геополитики. Магистральные культуры Балто-Понтийского междуморья и Великой степи охватывали пространство Северной Евразии в ритме попеременного господства кочевников моря и суши. Главным мотивом-действием масштабных передвижений была борьба на как регулярный примысел и конкуренция за власть, в которой верх одерживали наиболее подвижные и бесстрашные группы. Варготы в III в. подчинили пространство Балто-Понтийского междуморья, так их потомки норманны в IX в. охватили огромные Балтийский путь (Austvegr), прежде всего «верхних» главы (1)

рекам балтийского стока). Как в IV в. гунны разбили готскую державу Германариха и надолго установили зависимость «кочных» славян (по рекам польтийского стока) от тюркских кочевников, так по сходному сценарию в XIII в. монголы Чингисхана докорили русские княжества. В треугольнике «северные мореходы — речные славяне — степные коневоды» разворачивались основные события древнерусского этнополитогенеза.¹

Историко-географический стереотип, опирающийся на версию Лудайского (возможно) происхождения славян, эллине Киева «мати градом русским» и лишитийские истоки правоплания, настраивает на восприятие общего хода становления Руси в направлении с юга на север. Той же цели служит историко-географический конструкт «Киевская Русь» (известн «Русь») и упорное неприятие норманнского участия, вплоть до обозначения Рюрика и руси славянами. Даже путь «из варяг в греки», на котором сложилась Русь, некоторые исследователи предпочитают представлять как путь «из грек в варяги». По мнению Б. А. Рыбакова, «восточнославянская государственность вызрела на юге, в богатой и плодородной лесостепной полосе Среднего Поднепровья. Темп исторического развития здесь, на юге, был значительно более быстрым, чем на лесном и болотистом севере с его торфяными песчаными почвами».² В последние годы позиции южнентризма пошатнулись под давлением новых археологических данных: «...представление о новгородском севере как о политической периферии, изначально зависимой от Киева, далеко от действительности».³ Сегодня принято рассматривать становление древнерусского государства как итог объединения двух государственных образований с центрами в Приильменье и Среднем Поднепровье.⁴

Ряд обстоятельств — направленность пути «из варяг», ранняя Русь на Ладоге, Валдайский узел движения⁵ — еще определеннее связывает рождение Руси с севером. Немаловажную роль в этом сценарии играет факт относительно позднего включения Днепровского пути, в том числе киевского форпоста, в общую сеть движения. Решающим аргументом выступает археологическая хронология, свидетельствующая о том, что исходной точкой пути и главными перекрестком в пространстве будущей Руси с 750-х гг. была Старая Ладога (Альдейгьюборг), а первой восточной магистралью норманнского движения Балто-Каспийский (Волжский) путь «из варяг в арабы» (начало IX в.).⁶

Будущий норманнский князь, Славик Ладоня оженился на-

том распространения культуры *руки* (восточных норманнов)⁷ и их связей со славянами и финнами. Контакт славян, финнов и скандинавов в Ладоге обычно трактуется как столкновение пришельцев и туземцев (роли меняются в зависимости от предпочтений авторов). Исследования последних лет, прежде всего археологии Ладоги и Рюрикова Городища, показывают, что норманны не встретились со славянами и финнами на Волхове, а пришли вместе с ними с Балтики. Ладога предстает очередным узлом их давнего взаимодействия на обширном финно-скандо-вендо-балтском пространстве.

Многие славянские элементы культуры, обнаруженные в Старой Ладоге (VIII в.) и на Рюриковом Городище (IX в.), находят параллели на западе — в археологии балтийских славян. Такими являются хлебные печи, керамика, двушипные наконечники стрел — «прямое археологическое свидетельство культурных связей северных славян и населения истока р. Волхова».⁸ Укрепления мысового городища Любша середины VIII в. в низовьях Волхова (напротив Старой Ладоги) выстроены в свойственной балтийским ободричам палирной технике; в середине VIII в. «здесь осела группа пуляндия, связанная по происхождению с западными славянами».⁹ Лингвистический анализ новгородских берестяных грамот показывает связь по ряду изоглос древненовгородского и западославянских, особенно северолехитских, диалектов.¹⁰ Совпадения в новгородском и западославянском именослове, топонимике, сокращенные монетные находки свидетельствуют об образовании основного массива населения русского Северо-Запада за счет притока славян из южной Прибалтики, а не с берегов Днепра.¹¹ Биоантропологические данные позволяют видеть в новгородских словенцах «переселенцев с южного побережья Балтийского моря, впоследствии смешавшихся уже на новой территории их обитания с финно-угорским населением Приильменья».¹² По мнению Й. Херманна, балтийские славяне с берегов Финского залива «распространялись на восток по землям финно-угров, достигнув территории Чудского, Ладожского, Онежского озер, и распространились далее на северо-восток».¹³ Верхнерусскую археологическую культуру VIII–X вв., сличившуюся во взаимодействии балтийских славян с балтами, финнами и скандинавами, можно рассматривать как часть единой «северославянской культурно-исторической зоны».¹⁴ При этом обособление северной группы восточных славян от южной в течение VIII–IX вв. нарастает, и верхнерусская культура обнаруживает столь существенные связи с культурами прибалтий-

ских славян, что можно говорить даже не о миграции славян с берегов Балтики в район Никитрида и Ладши, а «в постепенном развитии и распространении общих инноваций в пределах единой, непрерывной культурно-исторической области».¹⁵

Движение на юсток балтийских славян и норманнов началось в VIII в. Вероятно, путь прокладывался двумя культурами, будто двумя козлами: норманны пробивали его войной, славяне — осваивали трудом, норманны умели побеждать, славяне — выживать, норманны контролировали магистрали, славяне — локальные вяти. Две культуры шли бок о бок, и не случайно длинные скандинавские дома и славянские печи стояли по соседству в Старой Ладогге. Походы норманнов на северо-востоке Европы без участия славян не породили бы колоний. Но Повести временных лет, неразлучной парой во многих походах выступали русь и словене.

Движение руси с севера на юг сопровождалось созданием цепи колоний — подобий Ладогги — переселенческих баз, превращавшихся в гарды (сканд. *gardr*). Первая цепь гардов возникла не на Днестре, а по Волхову и Верхней Волге: Рюрикovo Городище (Прильменье), Сарское городище (у оз. Неро), Михайловское и Тимерёво (под Ярославлем). Вещи скандинавского происхождения и клады восточных монет на Сарском городище датируются началом IX в., на Рюрикoм городище и в Тимерёво — в пределах IX в.¹⁶ Основательность гардий и внушительность могильников свидетельствует о долговременности этих резиденций руси. Высокие курганы Михайловского, Тимерёвского, Петровского некрополей под Ярославлем IX—X вв. содержат скандинавские вещи, в том числе элементы «триады викингов» (мечи, железные гири). Каждый десятый захребенный в Ярославских могильниках — воин с мечом (рус.). Как отмечает И. В. Дубин, это не какие-то «феодалы» или «бояре», а предводители скандинавских военно-торговых отрядов: следовательно, Михайловское и Тимерёво были политическими, торгово-ремесленными, промышленными центрами на Волжском пути.¹⁷

Вместе с русью в Ростовскую землю, Ярославские и Костромское Поозерье в IX в. двигались ладожско-ильменские славяне и финны.¹⁸ «Земля мери (Ростов) была, по-видимому, шюкерена или коллизавяна словенцами», — полагал А. А. Шахматов, указывая на наименование Рюково-Суздальского края в IV Новгородской летописи «Словенской землей».¹⁹ Как видно, колонизация Верхнего Поволжья проходила по той же схеме русо-славяно-финского движения, что и освоение Ладогги и Ильменя на Балтике: русь выст-

тудада внешне-торговым ядром, славяне и финны — сподвижниками, заселявшимися из осваиваемыми локальные ниши.

Балто-Каспийский путь был двусторонним, но контролировался гегемонами. Арабский географ Ибн Хаукаль сообщал, что мусульманские купцы не проходили севернее Булгария, тогда как русы углублялись далеко на юг в болгарские, хазарские и арабские земли. Иногда они оставляли свои корабли и двигались с товарами на верблюдах в Багдад, Балх, Мавераннахр к кочевьям токузюнов и в Китай.²⁰ Согласно ал-Истахри (930–933 гг.), арабы избегали визитов к русам Арты, поскольку те «убивают всякого иноземца, посетившего их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торговлю, ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их и наступать в их страну. Из Арты вывозят черных собелей и свиней».²¹ А. П. Новицкий соотносил Арсу (Арсу) с Сарским городищем на юг. Нероидом Роктоюм или Белоозером.²²

Освоение Волжско-Каспийской магистрали и Волго-Дона-Дневно-Черноморского хода в первой половине IX в. подготовило открытие Днепровского пути. Скорее всего, русы сначала обочеловели его южной конец, пройдя с Дона по Черному морю до устья Днепра, а затем замкнули весь ход от Волховских порогов до Днепровских. Открытие прямого пути «в греки» пришло на вторую половину IX в., когда воцарил варяжский форпост в Киеве. Не исключено, что экспедиция Аскольда и Дира была не авантюрой, а протомаской попыткой замкнуть Днепровский ход. Пока Волжская дорога была единственной, варяжцы были склонны к маневрам и предпочитали стиль мирных купцов. Как только они установили контроль над всем Каспийско-Черноморским пространством, они тут же поместили приоритет в «византийской триаде» и вместе с тем свихли мечи — на вторую половину IX в. придется военная патиска руси на южные моря. Значимую роль в этой кампании сыграл форпост в Киеве. Примечательно совпадение дат: по сведениям патриарха Фотия, в 860 г. русь на 200 или 300 кораблях угрожает Константинополю и 862 г. Аскольд и Дир занимают Киев.²³ В 864–884 гг. русы выходят в рейды по Каспию, и 866 г. Аскольд и Дир совершают поход «в греки». В дальнейшем влияние руси на южные моря усиливается: в 907 г. Олег на 2000 судах громит греков и подступает к Константинополю, в 909 г. русы нападают на византийский порт Абаскун и уничтожают его торговый флот, в 912 г. они захватывают город Сари, в 913 г. на 500 кораблях идут по Волго-донскому ходу из Черного моря в Каспийское и грабят прибрежные

ные города и острова. Последний хазарский царь Иксиф писал единомуверцу и Кордоку, что только хазарам удастся сдерживать русов. «Если бы я оставил их на один час, они уничтожили бы всю страну измозгляли до Бидала». Вскоре и эта приграда рухнула — в 965 г. Хазария была повержена Святославом.²⁵

На возном от волховских гардов направлении ключевая роль принадлежала Гнёздово. При сохранении исходной «ладожской схемы» каждый гард был очередным звеном адитации; в отличие от морского порта Альдейсхюбурга, Новгород был узлом речных магистралей, Гнёздово — волоков в верховьях крупных рек. Археологический комплекс Гнёздово, включающий крупнейший в Восточной Европе варяжский некрополь и открытое поселение типа скандинавского вика начала IX в., представляет ключевой гард на перекрестке Ловат-Волховского, Двинского и Днепровского путей. Основательность скандинавской колонии в верховьях Днепра определяется двумя «ладожскими» признаками: когильником с «аристократическими» курганами (сожжениями в ладье) и значительной долей женщин-скандинавок. Сочетание локальных (металлообработка, судостроение) и магистральных (международная торговля, военное дело) функций, равно как устойчивый контакт пришлых скандинавов и местных кривичей, позволяет видеть в Гнёздове крупнейшее «гнездо» руси на пути «из варяг в греки». Не случайно кривичи были участниками призыва Рюрика и союзниками Олега в его походе. В отличие от Ладogi, которая изначально была скандинавским форпостом в финской земле, Гнёздовский гард, наряду с Рюриковыми городищем (ранним Новгородом), стал колыбелью новой славяноязычной верхнерусской культуры. По расположению и окружению Гнёздово — летняя застава и зимнее убежище, «остров» викингов в кривичской глуши, на волоках. У начал дорог на север, восток, запад и юг. Гнёздово с окружающими поселениями можно считать средой, где в течение долгих лет (судя по представительности некрополя) скандинавы превращались из «паходников» в местных жителей, где рождалась и росла славяноязычная русь. В Гнёздове традиции скандинавов и славян сдвигались в синтетическую культуру и рождали новые традиции. Расцвет Гнёздова, как и волховских гардов, пришелся на X в., а закат — на середину XI в., когда поддалеку от него поднялся славяно-русский Смоленск.²⁶

Гнёздовский гард старше Киевского примерно на полвека: в верховьях Днепра варяги расположились в начале, в среднем те-

человек — во второй половине IX в. Прежде, в V–VIII вв., на территории Киевских существовали разрозненные поселения, центральным из которых было городище на Старокиевской горе. Во второй половине IX в., в соответствии с летописными сообщениями, начался процесс киевского посада на Подоле, а к концу века в Киевском зекре появились традиционные для скандинавов большие курганы и погребения воинов с конем и оружием (Лебедев 2005:549, 561). Для поколения (если считать поколение за четверть века) понадобилось время для продвижения от выхонских широт к днепровским, еще поколение — чтобы возвести курганы. Как резиденция варягов Киев сложился значительно позже верхнерусских (восточнославянских, верхнеднепровских, верхневолжских) гардов и их варяжскому никак не мог быть их «матерью», как бы закорякивающе звучала известная метафора Олега. Киев обязан своим укрупнением Игорю, которого Олег оставлял на время походов и который был более удачлив в сидении, чем в движении, а особенно Олега превратившей город в семейное гнездо и очаг христианства.

Киев расцветал, когда увядали многие «верхние» гарды — в X–XI вв. Археология второй половины X в. показывает резкое сокращение скандинавских вещей в Ярославском Поволжье. В XI в. на Волжине и Востке по соседству с варяго-русскими гардами появились славяно-русские гарды: рядом с Рюриковым городищем в городе Новгород, рядом с Сарским городищем — Рязань, на противоположной от городища Крутик стороне Белого озера — Белозерье.²⁶ Так происходило и с недавно возникшими гардами: постепенно в середине X в. гард на Оке (Чаадаевское городище) уже к началу XI в. опустел, а соседний Муром быстро развивался.²⁷ Византийских конца XI в. скандинавских следов почти нет, как и свидетельств международной торговли: «внешние связи ушли на второй план, норманнский этнический компонент утратил свои прежние роли, варяги превратились в простых наемников русских князей».

За три века движения руси на Восточном пути, с 750-х по 1050-е гг., варяжские князья постоянно утверждали свою власть походом с севера на юг: (1) Рюрик, прибыв из-за моря, двинулся с севера (Ладога) на юг (Ильмень); (2) Аскольд и Дир, отпрямленные Рюриком в Царьград, пришли с севера на юг и овладели северной частью под властью Киев; (3) Олег походом с севера на юг захватил пространство от Ладоги до Киева; (4) Святослав в отрочестве жил в Новгороде, затем отправился воевать на юг; (5) Владимир походом с севера на юг захватил власть, одолев братьев с севера.

шью варягов: (б) Ярослав с помощью варяжских походов с севера на юг трижды захватывал и утверждал свою власть.

На этом история сложения Руси завершилась и началась история ее распада, так называемой «феодалитной расщепленности». Во всех эпизодах Новгород «ножикомился» с Киевом путем его военной захвата, причем все рейды проходили по одному сценарию с участием варяжской дружины. Как видно, на пути «из варяг в греки» власть шла с севера на юг — Новгород ни разу не был завоеван из Киева (если не считать коптома, упомянутого во время крещения Добрыней и Путятой). Власть рождалась не там, где хорошо росло просо, а на «тощих песчаных почвах» (по выражению Б. А. Рыбакова). Как подметил С. М. Соловьев, «в борьбе северных князей с южными варяги занимались первыми, печенеги — вторыми, следовательно, первым помогала Европа, вторым — Азия... Печенеги ни разу не дали победы князьям, называвшим их».²⁴ Среди своих братьев князей Владимир и Ярослав стали избранниками истории во многом благодаря опоре на Север.

Подобная «иерархия» севера и юга Руси перекликается с представлениями скандинавов, для которых, судя по частоте упоминаний в королевских сагах, первоочередное значение в Гардах имели два народа — Ладога (Aldeigjuborg) и Новгород (Nórborgar). Лишь по два раза в том же корпусе источников названы Киев (Kænugarðr), Полоцк (Páleskia) и Суздаль (Sudrdalarki).²⁵ Для Руси этот взгляд значим, поскольку именно варяжская позиция была определяющей на магистрали власти. Сила руси, генерируемая на севере, в Ладоге и Новгороде, долгое время сплавлялась по Волге, а затем прошла по Днепру, достигла степей и подавила мощь Хазарии и Дунайской Болгарии.

Святослава и Ярослава разделяет поколение, но за это время изменился ритм жизни князей: подвижная воинственная русь остановилась и осела, превратившись в государство Русь. Ярославу же передалась легкая походка его деда. На Царьград он не ходил, заветаниям предпочитал матримониальную международную политику, «любил церковный устав» и книги, строил города и храмы, в том числе заложил в 1037 г. «город великий Киев» со златыми вратами и храмом Софии.

Исследователям видится целый ряд объяснений слабой экспансии норманнов в XI в., в частности на исходею Балто-Каспийском, пути «из варяг в арабы»: ассимиляция варягов «в составе государственного аппарата в качестве важной военной силы»; не-

реориентация торговых связей на Днепр и другие водные магистрали Руси, сокращение поступления арабского серебра по Волжскому пути с последних десятилетий X в.; замещение в денежном обращении арабских дирхемов западными денариями (за счет английской монеты, выгнанных из Британии в виде «защитных денет» с 991 по 1018 гг.).³⁰ В свою очередь «серебряный кризис» объясняется истощением рудников в начале XI в. (последняя мусульманская монета, найденная в Росски, датирована 1015 г.), разработкам Раммельсбертских рудников, дававших с 964 г. высококачественное серебро для германского денария, а также упадком русов по Булгарию и Хазарию — вслед за их походами торговые потоки были переориентированы с Волжского пути на Днепровско-Волховский.³¹ За упадком пути последовал международный кризис временам финансовый кризис, вызвавший крах торговых связей северной Европы — шведской Бирки и датского Хедсбю.

В поиске причин или виновников этих потрясений часто звучит имя Святослава, сократившего Хазарию и заодно всю волжскую торговлю: «...дружины Святослава подрубили устой "серебряного моста", связывавшего Север Европы с Востоком... Варяги участвовавшие в походах Святослава, можно сказать, своими руками уничтожили основу процветания Бирки».³² Однако дело не в том, что неразумный русский князь одним набегом прервал двухвековую торговлю, и не в том, что у арабов кончилось серебро. Пусть умер потому, что иссякло породившее его движение, сменились схемы мотивов-действий. Существенную роль в смене мотиваций и остановке движения нормангов сыграло христианство «осадившее» северных воинов-торговцев и изменившее их отношение к новым землям и народам. На Русь сменился вектор движения — оно пошло в противоположную сторону, с юга на север. Его генератором стал Киев, а митизационно-деятельнейшей силой — христианство как государственная идеология. Первые образцы этой культуры привезла из Византии Ольга; Владимир и Добрыня доставили их из Киева в Новгород, Ярослав возвел там свои храмы св. Софии. Распространению христианства способствовал рост славяно-русских городов, возникших по соседству с волжско-русскими гардами. В отличие от гардов, служивших станциями пути, города стали очагами оседлости. Так называемая фиксированная раздробленность, приписываемая не то дурному управлению не только князям но и маршально-исторической разности, была следствием оседлости пути. Варяги осели, и замер путь «из варяг» до

ничная прежде Русь распалась на статичные локальные княжества. Например, Владимиро-Суздальская земля после смерти Всеволода Большое Гнездо разделилась на 5, при его внуках — на 12, при праправнуках — на 100 уделных княжеств.

Единственным очагом, сохранявшим и развивавшим магистральность, была Новгородская земля, которая не только сохранила целостность, но и расширила свои пределы за счет военно-торговой колонизации, к XIII в. новгородские владения простирались от Гитки на западе до Урала на востоке и от Арктики на севере до Верхней Волги на юге. До появления монголов на Руси только новгородская (верхнерусская, северорусская) культура, наследница варяго-русской культуры, обладала магистральностью. Альянс русско-скандинавов и славян (словен и кривичей) сложился в длительном взаимодействии, начавшемся с совместного движения от Балтики к Волхову в VIII в. и продолжавшемся до последних варяжских походов XI в. Это взаимодействие, сопровождавшееся смешанными браками и перекрестными заимствованиями мотивационно-деятельностных схем, породило качественно новую культуру, вобравшую в себя скандинавскую магистральность и славянскую локальность. Переход Рюрика через Волховские пороги из Ладуги в Новгород (Городище) имел эпохальные последствия, поскольку привел к сложению речной магистральной славяно-русской культуры на основе морской скандинавской и лесной славянской. Механизм социальных мим-адаптации преобразил скандинавский тип в русское вече, норманнский лангскип в новгородский ушкуй, длинный варяжский дом в северорусские хоромы, торговую хватку викингов в купеческий стиль новгородцев. Сходным образом достоинства севернорусской культуры стали славянские традиции в языке, промыслах, ремесле, искусстве, экологических знаниях.

Новгородские ушкуйники унаследовали военно-разбойный стиль викингов, но перенесли его с моря на реку; и в целом северорусская культура принадлежала уже не морским, а речным людям (хотя поморы сохраняли морские привязанности норманнов). Если Ладуга была восточной гаванью «морских кочевников», то Новгород стал столицей «речных кочевников». Развитие Новгорода и северорусской культуры было обусловлено динамикой нордизма, ярко проявившейся в разбоях ушкуйников, путешествиях купцов и создании сети колоний на пространствах Севера, Урала и Сибири. Позднее норд-русский стиль движения выразился в деятельностной схеме поморья с их вечным нравом и тягой к хватке

больших пространств и, напротив, промысловый предприимчивость и поразительной адаптивностью (сочетанием роскошных хребтов и походных вож), протяженными и длительными плаваниями (т.е. Северному морскому пути от Атлантики до Пацифики).

В XIII в. маятник евразийской истории качнулся, и на смену освоилим кочевникам моря внось пришли степняки. Впрочем, к Углицу Чжучи отошла лишь Нижняя Русь — область рек южного стока некогда принадлежавшая хакяриям. Верхняя Русь по рекам балтийского стока оставалась независимой еще более двух столетий, пока не была завоевана Москвой. Подобно выжигам на море, монгольские степи развернули гигантскую хозяйственную сеть, основанную на «двух триаде «войны—дани—тире», только доля торговли и ней была ничтожна в сравнении с военно-данныческим промыслом. Монгольская культура больших пространств пересекла своими магистралями всю среднюю Евразию, захватив на окраинном западе Нижнюю Русь в качестве локальной культуры. На стыке южнорусской (ордынско-русской) и севернорусской культур сформировалась пред-русская или московская (по названию ее форпости) культура, основанная на жестком централизме власти и военно-данныческом промысле. Москва, как показали исследователи евразийской школы, унаследовала от Орды методы управления (русский лексикон пополнился монголо-тюркскими понятиями «деньги», «казна», «таможня», «ярлык», «ясак») и в XVI в. превзошла по социально-политическому потенциалу рассылавшуюся на части Орду. В целом верно, хотя и не лишено гротеска, замечание кн. Трубецкого: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу». «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву».²⁴

В отличие от быстро расцветающих в войне и гибнущих в мир степных кочевых империй, Московское царство укоренилось в южнорусской локальности, впитав ордынскую магистральность. Но устойчивости московская культура не уступала поворотности, а по военно-промысловому потенциалу, при остаточной поддержке Орды, значительно ее превосходила. Исход шведина царя и воля была предержав, и в течение столетий, с 1471 по 1570 гг., усилились двух «грозных» Илаков очаг севернорусской культуры был уничтожен. Дуэль Москвы и Новгорода, трактуемая официальной историографией как борьба централизма с сепаратизмом, в действительности была эпохальным столкновением двух различных культурных традиций — орд-русской и пред-русской.

В соответствии с хронологией появления двух магистральных культур — норд-русской в XI в. и орд-русской в XV–XVI вв. — различались новгородская и московская колонизации. Интервал в полтысячелетия разделяет, например, первые рейды на/за Урал южно-уральских и южно-сибирских новгородцев. Севернорусско-сибирские отчисления вдвое старше московско-сибирских: новгородцы путешествовали в Югру и Самодь уже в XI в. (возможно и раньше), московские рати добрались до Сибири в XV–XVI вв. Севернорусское (новгородско-поморское) проникновение за Урал имело торгово-промышленный характер, московское — военно-административный. Экономия норд-русской культуры выражалась в создании сети коммуникаций и колоний — городков, торговых, промышленных станций в Балтии, Поморье, на Урале, в Поволжье — малых хуторов Новгород с его размахом торговли и свободой цеха. Их зависимость от метрополии была условной (например, двинские бояре и князья нередко расходились в политических предпочтениях с новгородцами) и, по большей части, основанной на корпоративной-торговой и личной связях. Деятельностная схема орд-русской традиции, немислимая без мощного центра и основанная на административной-налоговом промысле, реализовалась в создании иерархической структуры «малых копий» Москвы, бюрократически централизованном управлении и политически окрашенной христианизации.

Противостояние этих традиций — нордизма и ордизма — до сих пор слышится в конфликтах российского гражданства и русской этничности, централизма и регионализма. Впрочем, можно вести речь и об их сращивании в синтетическую русскую культуру в широком спектре ее вариаций от одержимого старовеера и покладистого крестьянина до разудалого кулака и алдолюбивого чиновника. Именно сложившаяся магистральность русской культуры, вобравшей в себя традиции нордизма и ордизма, а также славянскую-тождельную идентичность, стала двигателем эпохальной экспансии, приведшей к образованию России на обширных пространствах Северной Евразии.

Примечания:

1 Циплюев А. В. Антропологизм движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, УрО РАН, 2019.

2 Рыбикова Е. А. Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М: Наука, 1982. С. 264, 294.

3. Макаров Н. А. Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII века: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV вв. как: Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 5.

4. Писков Е. П. Происхождение первых городов Северной Руси // Ист. торические записки. Вып. 5 (123). М., 2002; Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси и варяги // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 206–210; Яценко В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2006.

5. По ИВЛ, за «Волжского лега» раскопаны пути на все четыре стороны по рекам, текущим в Наддв.: по Днепру на юг, по рекам Истья на север, по Полте на восток, по Западной Двине на запад.

6. Кирличников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения доминантского времени) // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 200–201; Писков Е. П. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 160.

7. В ИВЛ сквозным и устойчивым значением слова *русь* является и «рать, злата войшка», используемое от начала русской истории до XI в. Это способствует толкованию значения *русь* из староскандинавского круга значений *rodfr* 'гребной ход', *rodfr* (др.-исл.), *rodfr* (рун.) 'вплыв, дружина' (см.: Грим В. А. Происхождение термина Русь // Россия и Мир. Ч. 1. Лт., 1923. С. 7–10; Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 62, 106, 214; Петрухин В. Я. о начальных этапах формирования древнерусской народности в свете данных погребального обряда // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тез. докл. М., 1985. С. 63–64; Wilson D. M. The Vikings and Their Origins. Scandinavia in the First Millennium. London: Thames & Hudson, 1996. P. 104).

8. Носов Е. П. Новгородские (Ратриково) городище. Л.: Наука, 1990. С. 164, 166.

9. Габиния Е. А., Дубашинский А. В. Любанское городище в Шкотовском Поозерье (предварительные сообщения) // Ладога и ее окрестности: археология средневековья. СПб., 2002. С. 202–203.

10. Яценко В. Л., Залеская А. А. Новгородские грамоты на бересте (по раскопкам 1977–1983 годов). М.: 1985. С. 217–218.

11. Яценко В. Л. Средневековый Новгород. С. 12.

12. Алексеева Т. И. 1989. Антропологическая характеристика восточнославянских средневековых скандинавского происхождения // Восточные славяне. Антропологическая и этническая история. М., 1999. С. 168–169.

13. Herrmann J. Fuzanz und die Slawen am "aussersten Ende" des westlichen Ostans // Klio. Bd. 54. 1922. S. 389–320.

14. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 44–48.

15. Кирличников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. М.: 200.

16. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: 1982. С. 124–187; Пашинев А. В. Полюторгское (Рырикское) городище. С. 188–189; Леонтьев А. Е. Археология южной Карелии и Северо-Восточной Руси. М.: 1996. С. 68–192.
17. Дубов И. В. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1990. С. 34.
18. Седов В. В. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 151–154; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь. С. 33–45; Кирилчицкий А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 216.
19. Шахматов А. А. Сказание о пришествии варягов // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. IX. СПб., 1904. С. 66.
20. Захoder Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. М.: Вост. литература, 1962. С. 31–32.
21. Гиркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870. С. 276–277.
22. Новожелудец А. П. Восточные источники и восточных славянах и Руси VI–XI вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 418–419.
23. См. Гиркави А. Я. Указ. соч. С. 130–133; Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 83–84, 102; Захoder Б. Н. Указ. соч. С. 24; Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб.: «Лань», 2001. С. 492–494, 497–499.
24. См. Авдусик Л. А. Гнездовская экспедиция // ВСНИМК. № 44. 1962. С. 320–321; Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси. С. 209; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 227, 481, 482.
25. Кирилчицкий А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 212; Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси. С. 208–209.
26. Пушкина Т. А. Скандинавские находки на окрестностях Муромы // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: 1988. С. 162–169.
27. Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси. С. 210.
28. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I, тт. 1–2. М.: Мысль, 1988. С. 223.
29. Джексон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1991. С. 119–143.
30. Кирилчицкий А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 216.
31. Сойер Н. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2002. С. 171; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 256.
32. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 574.
33. По свидетельству Ибн Хаукаля, после похода росов «прития торговля» не уменьшилась (см.: Захoder Б. Н. Указ. соч. С. 168).
34. Трубицкий Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 157.

НОВГОРОД В ПИСЬМАХ ИНОСТРАНЦЕВ И ФOLЬКЛОРЕ

*И.В. Шнягина,
г. Великий Новгород*

ЗНАЛ ЛИ ГЕРОДОТ О СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ?

Доходили ли до «отца истории» сведения о Северном, Ледовитом океане? Наиболее вероятным каналом, по которому эти сведения могли бы дойти до Геродота являются поведанные между Ольгией — греческой колонией Северного Причерноморья — и архаическими эллинов о скифском торговом пути картипеям и исседонцам. Из этого вел от Ольгии на далекий северо-восток, в леса Урала и степи Зауралья. Архиппеям соответствует таманская архаическая культура Южного и Среднего Урала, простирающаяся на север примерно до широты Серова, приходящая на Урал — видима из Нижнего Приобья. Правда, далее на север, за пределы Таманского архиппея, скифы не ходили, но сами архиппеи рассказывали тиффам, что выше них, в горах, живут колониальные люди, а за ними — люди, спящие по шесть месяцев в году (Hdt. [V, 25]), — вместе с людьми охотники в сапогах из животных шкур, в мехах, мехом, и жители тундры, где полярная ночь длится полгода? Кажалось бы, здесь мы и должны встретить упоминание о Северном Ледовитом океане. Тем не менее, Геродот о нем не упоминает. Чем объяснить это умолчание?

Во времена Геродота самые распространенные, обильные («школьные») представления греков о Севере, сформировавшиеся еще во времена расцвета индийской науки, сводились к следующему: северная половина «Земного круга» окаймлена двумя непреходимым хребтом — Рилеями, с которого дует северный циркулярный ветер — Борей; сам круг омывается космической рекой

Океан, смыкающийся с небесным сводом, а между Рипеем и Эвксинской живет блаженный народ гипербориев ("живущих за Бореем"). Все новизне сведения об окраинах ойкумены, поступающие тогда к грекам, так или иначе привязывались к этой схеме: пенный значительный горный хребет на севере считался частью Рипеев, а обитающие за ним люди признавались гиперборейцами, особенно если они примыкали к большому идиному пространству, в котором греки, естественно, видели Океан.

К такому способу истолкования новых сведений о Севере, поступавших к грекам от скифов, ходивших к арктикам как во времена Геродота так и до него, и прибегали версии, независимые от Геродота. "Отец истории" знал о них, но принципиально не соглашался с выраженными в них общегеографическими представлениями. Он вообще отвергал ионийскую схему "Земного круга". Он смеялся над картами, на которых земля, обтекаемая Океаном, "кругла, будто очерчена циркулем" (IV, 36), он отрицал и само существование Океана (II, 21, 23; IV, 8), не верил в существование гипербореев (IV, 36), справедливо отмечая, что о них ничего не говорят скифы, и сомневаясь, что о них могли говорить иседалы (IV, 32; здесь он полемизирует с Аристеевой картиной Севера).

Все эти моменты необходимо учитывать, анализируя сведения Геродота о Крайнем Севере, связанные со скифским торговым путем. Говоря о горах арктиков, т.е. об отрогах Уральского хребта, которые для независимых версий были, конечно, Рипеем, Геродот не приводит их название (Рипей он вообще ни разу не упомянул в своем сочинении). В то же время, его описание гор арктиков выдает знакомство "отца истории" с независимыми версиями. В этом описании явственно проступает образ Рипейских гор, мало соответствующий Уральским горам: горы арктиков очень высокие и неприступные (IV, 23, 25), к тому же представлены тянущимися в широтном направлении (IV, 25). Ждей, спящих шесть месяцев, он тоже гиперборейцами не называет, точно зная, что скифы ни о каких гиперборейцах не ведали (IV, 32). Видно, то же произошло и со сведениями независимых версий о Северном Ледовитом океане, у берегов которого обитали эти люди. Геродот, надо думать, решил совсем уж несерьезным ушюкнуть и неупомянутом для него Океане (II, 23; IV, 8), считая слухи о нем целиком домыслами его спутников (II, 23). А относительно того, омывается ли Европа морем с севера и востока, как считал Геродот, вообще ни-

кому ничего достоверно не известно (IV, 45; здесь под Евротом понимается вся северная половина ойкумены).

«Что же говорилось о Северном Ледовитом океане в ранних версиях? К сожалению, эти версии дошли до нас в очень фрагментарном виде, и передаче значительны более поздних датировки. Одна из таких версий передана римскими авторами Помпонием Мелой и Плинием Старшим. Продолжая описание земель вдоль скифского пути к аримфеям (= арпилеям), живущим у Рипейских гор, они сообщают: по ту сторону Рипейских гор лежит побережье, обращенное к Оксану; узкую полосу земли между торжанами, Оксаном зажимают счастливые и справедливые гиперборейцы, день и ночь у них длится по шесть месяцев в году, а живут они близ мировой оси небесной сферы (Mela, I, 117; III, 36-37; Plin., IV, 89-90), под созвездием "гиперборейской Медведицы" (Lucan. V 21).

Сам Оксан этой версии именовался Скифским и считался северной частью водного пространства, омывающего сушу восточнее "устья" Каспийского моря; берега его населяли "скифские" народы, начиная с гипербореев, обитавших по северную сторону от Аквилона (Бorea) и Рипейских гор, - за исключением тех мест на этих берегах, где "царствует вечная зима и невыносимый холод" (Mela, I, 9, 11; II, 36-38, 44-45; Plin., VI, 33, 36-37, 53). Согласно другой версии северная часть единого Оксана, за "устьем" Каспийского моря (там, где живут "сыны ариаспов"), называется Ледовитым и Кронийским морем; солнце "редко светит над этим морем и всегда плотно скрывается в мрачных облаках" (Dion. Per. 30-35, 728-729). Упоминание ариаспов свидетельствует, что и эти известия восходят к рассказу о скифском пути к арпилеям. Наконец, согласно еще одной версии, Северный Оксан (там, где он "омывает Скифию"), называется Амалхийским, что "на языке скифского народа значит Ледовитый" (Plin., IV, 94). Удачная конъектура западных ученых вместе с амахишом (предполагающая в греческом прилагательном чтение ΑΜΑΧΙΟΥΣ) подтверждает скифское происхождение этого слова: древнеиранский (в данном случае скифский) его оригинал реконструируется как *h₁am-aiha-, где aiha - новолетс - гл. жик. яд - "лед".¹ Тем самым подтверждается и то, что сведения о Северном Ледовитом океане в версиях рассказа о скифском пути параллельных Геродотовской версии, - не домыслы греков, а параллельная часть скифского рассказа.

Нельзя отметить, что поздние античные авторы римского времени стали путать Ледовитый Оксан с Мертвым морем, под

торгам имели в виду заморские земли Балтийского моря. Об этом море римляне узнали впервые во время морской экспедиции Августа — Тиберия и стали предпринимать в это приращенности до скифских берегов (Plin., II, 167; ср. IV, 95). Тем не менее, у названий моря "Крозийское" и "Мертвое" прослеживается какая то изначальная связь: ведь согласно представлениям древних греков Кронос рождает на островах блаженных в Океане, котичале ассоциировалась с потусторонним миром.

Таким образом, независимые от Геродота, но известные ему версии рассказа о скифском торговом пути в аргиппеям на Урал, содержали и сведения об Океане, именуемом Ледовитым и Кронойским. Все версии названного рассказа основаны на подлинной скифской информации, поданной, однако, в греческой обработке. Последняя, конечно, внесла многое от себя — например, образ блаженных гипербореев.⁴ Но сведения об Океане и приполярных явлениях принадлежат скифским торговцам. Однако сами скифы до Северного Ледовитого океана не доходили. В данном случае они, в свою очередь, получали информацию от местного населения Южного и Среднего Урала, народа аргиппеев, востокашето, как и пытался показать в указанных выше работах, из самодийских и угорских племен. Насколько охватывает эту информацию современным мифо-географическим представлениям коренных народов приполярного Урала и Западной Сибири?

Оказывается, им знакома даже обшая схема вселенной, лежащая в основе рассказа о скифском пути: земля как плоский диск, окруженный морями и прикрытый сверху небесным сводом. Север, где находятся устья великих рек, впадающих в Ледовитый океан, и сам океан — это мрачный и холодный Нижний мир, мир мертвых, где находится "Мертвый остров"; мертвые или их души сплывают туда в кедровых колодах вниз по реке. Созвездия Большой и Малой Медведицы придавалось особое значение, особенно созвездию Малой Медведицы (как главному ориентиру), а находящаяся в ней Полярная звезда считалась "луном середины неба" (так восприниматься она могла лишь в приполярной зоне), служа осью небесной сферы.⁵

Следовательно, скифы действительно передавали дальние рассказы аргиппеев о Крайнем Севере. Это не удивительно, так как еще за несколько веков до Геродота примерно тем же путем те же сведения о Крайнем Севере дошли и до древних ариев — предков индоарийских народов и дальних родичей — скифов. Эти арии

обитали тогда еще, как позднее и скифы, в степной полосе Евразии. И до них доходили слухи о Молочном океане на далеком Севере, в Белом острове в нем как обители безгрешных героев, о дланях, шесть месяцев почти и Полярной звезде как небесной оси.⁶

О чудесах Крайнего Севера рассказывали и много позже спустя после Геродота. Тогда к уграм (югра русских летописей и югра арабских авторов) за пушнинной кожей купцы Повгорода и Булгара. Тем и другим угры рассказывали о загадочном народе, с которым на краю света они вели меновую торговлю. В их рассказах еще заметны отзвуки сообщений аргиппеев о Крайнем Севере. Повгородцам они поведали о горах до неба, тянущихся до Луно-морья (океана), где они лишь через малое оконце, прорубленное в хребте, могли общаться с помощью жестов со своими торговыми партнерами. Булгарам говорили о стране у моря Мраков, где они производили злочный немой обмен с неизвестными людьми.⁷

Очевидно, что сведения о Северном Ледовитом океане на протяжении многих веков являлись органической частью общих представлений о Крайнем Севере, и Геродот, любознательность которого простиралась и на эту отдаленную окраину ойкумены, знакомый не с одной версией рассказов о ней, конечно, не мог не знать о великом водном пространстве Севера, но в силу своих теоретических убеждений не считал слухи о нем достоверными и достойными упоминания.

Примечания:

1. В науке обычно считают, что Античный мир не знал Северного Ледовитого океана, а упоминали его в античных сочинениях и на картах рассматривают как чисто умозрительную конструкцию, обусловленную теоретическим постулатом об Океане, омывающем со всех сторон сушу см.: Подосинов А. В. Поступная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 29.

2. Об этом всем более подробно см. в моих работах и скифском путеводителе аргиппеям: Шаликов И. В. Аргиппей — загадочный жарид древнего Урала // Очерки истории Урала. Вып. 50. Екатеринбург, 2009. С. 13–30, см. же: Шаликов И. В. Аргиппей — загадочный жарид древнего Урала // Вестник Новгородского государственного университета имени «Тучинитарные науки». Новгород, 1998. № 1. С. 48–55.

3. Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Iran. Heft II Leipzig 1905. S. 84, 94.

4. Здесь я не говорю о происхождении самих греческих представлений о блаженных гиперборейцах, неприступных Рупейских горах и Рупейском Океане. Это отдельная тема.

5. Природа и человек в эстивальных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 76, 85, 90–91, 112–113.
6. Болгард-Левин М.И., Грантский Г.А. От Скифии до Индии. 2-е изд. М., 1983. С. 7–19, 38–53.
7. Петрухин В.Я. Югра в контексте начальной русской истории // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 452–457.

*В.И. Степанов,
г. Екатеринбург*

ОЛИСЕЙ ГРЕЧИН МЕЖДУ НОВГОРОДОМ И АСКАНОМ

В 1973—1977 гг. в Новгороде была раскопана усадьба, судя по найденным в ней грамотам, принадлежавшая Олесею Гречину. В 1981 г. памятник был издан Б.В. Колчиным, А.С. Хорошевым и В.Л. Якимовым [1]. Анализируя найденные на территории усадьбы весьма нетривиальные материалы, исследователи констатировали, что ее владелец был художником-греком, который был близок к новгородской элите, имел контакты с Киевом и, возможно, Константинополем и, наконец, участвовал в росписи и. Спаса на Нередице.

Позже В.Л. Якин признал Гречина русским и реконструировал его биографию как представителя новгородской верхушки. Прежде всего, положив, что в 1193 г. Олсей Гречин Петрович был кашидатом в новгородские архиепископы, в 1196 г. участвовал в росписи и. р. в Положении Ризы в кремле, в 1199 г. возглавил работы по росписи и. Спаса на Нередице, в начале 1220 г. был священником в Константинополе и Елене, в 1226 г. был избран игуменом Юрьева монастыря. Умер в 1230 г. [2].

Обратившийся к данному вопросу А.А. Гинзбург отметил слабые стороны реконструкции В.Л. Якина и предложил свой вариант биографии Гречина, оспаривая его гипотетичность [3]. По его мнению, Олсей принадлежал к известной боярской семье, будучи сыном Петра Михалковича, выдавшего в 1156 г. дочь за новгородского князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого от второго брака с некоей Грекиней. Сам князь весной 1157 г. был в г. на Новгород, а в 1162 г. вместе с братьями Васильком и Ю-

вополном и матерью был живкин Андреем Гидькобским откуда-то из Северо-Западной Руси и бежал в Византию, «где был милостиво встречен императором Мануилом, который дал Васильку четыре города на Дунае, а Метиславу «вольность Отскалана», отождествляемую предположительно с палестинским Аскаланом». «Надо думать, — продолжает автор, — что судьбу князя Метислава разделила его жена». Олисею Пецрквичу, если верно его отождествление с умершим в 1230 г. игуменом Юрьева монастыря Саввой Гречинским, могло быть тогда не более пяти-семи лет. Таким образом, в то время, когда будущий Гречин должен был получать начальное образование, а затем осваивать профессию церковного художника, его сестра находилась в Константинополе, а впоследствии, вероятно, в Палестине. Так что сын Цетра Михалковича, как никакой другой его сверстник-новгородец, имел возможность непосредственно познакомиться с Византией, усвоить из первых рук школу восточнохристианского искусства (скорее всего, в прохвнцнальшой ближневосточной рецензии), приобрести приличное знание греческого языка, а вместе со всем этим, вернувшись через некоторое время в родной город, и прозвище Гречин» [4].

Отмечая, что факты отправки детей в Византию для обучения иконописи, неизвестны. А.А. Гиппиус аргументирует свое предположение тем, что ранее не были известны и ситуации типа «дочь новгородского боярина замужем за русским князем в Византии», не замечая, что все это — его собственная весьма шаткая гипотеза, основанная на том, что «надо думать, что судьбу Метислава Юрьевича разделила его жена». Соглашаясь с гипотезой В.Л. Янина об участии Гречина в росписи Церетиды и констатируя, что «представление о высоком положении художника Олисей Гречин мог вывести из Византии», в качестве рядового свидетельства этого он приводит достаточную уникальную ктиторскую надпись в ц. Рождества в Вифлееме, датированную правлением Мануила Комнина и короля Иерусалима Амори и упоминающую мозаичиста Ефракма, чье византийское происхождение глубоко гипотетично.

Основываясь на изысканиях А.А. Гиппиуса и принимая, несмотря на сделанные поправки, ид как аксиому, О.Е. Эттингер идет дальше, реконструируя уже прибытие Гречина в Византию и в Палестину [5]. Она полагает, что Отскалан Ипатьевской летописи — это Аскалон в Палестине и, как следствие, пытается обосновать пребывание Гречина на юго-восточном побережье и в его усадьбе в Новгороде. Здесь были найдены фрагменты импортированных алтарей, но мень-

шей мере одна из волнрых сугубо предположительной связывающей автором с Иерусалимским королевством, восемь фрагментов сирийского растительного стекла, перламутровые крестики и фрагменты смальты, цера, золотой перстень, «связанный с византийскими и месопотамскими традициями», фрагменты окладов икон и деревянные заготовки для них. Найдена уникальной берестяной грамоты № 75; греческим шрифтом выгравирована как свидетельство контактов и влияния судьбы с греками. Отметим, что печать зрелого роедра Ефрема, найденная здесь же, вопреки мнению исследователей, никакого отношения к Византии и тем более к Палестине не имеет. Она датируется концом XI – началом XII вв., приписывается кому-то из новгородских функционеров [6] и, как следствие, аргументом в пользу пребывания Грека в Палестине не является.

Анализируя сообщение Ипатьевской летописи о даровании императором Мстиславу Юрьевичу волости Отскалана, исследовательница исходит из утверждающейся в отечественной историографии с середины XIX в. гипотезы, впоследствии ставшей аксиомой, о родстве второй жены Юрия Долгорукого, матери Мстислава, Василько и Всеволода, с Комнинами. Но, как показал А.П. Кавдан, основанный для данного утверждения нет, так как источники сообщают лишь о том, что княгиня была «грекиней» и не более того. Все остальное – домыслы исследователей XIX столетия [7].

К сожалению, исторический экскурс О.Е. Этиптоф изложил только византийско-иерусалимские отношения данного периода и лишь не кратко, вкратце, и ссылка на работу А.В. Назаренко вряд ли стала для него полезной. Аскалон был завоеван в 1153 г. и вошел в состав королевского домена, будучи передан в 1154 г. брату Балдуна III Амврия как графу Яфры и Аскалона, а затем, после вступления Амврия на престол, стал частью корриктинского домена [8]. Если король и призвал на помощь Мануила Комнина, это свидетельствует об усилении позиций Византии в регионе, но о том, что государство крестоносцев нуждалось в военной поддержке империи в борьбе с атабеком Алеппо и Дамаска Нур ад-диним. Отсюда частичные успехи короля в политическом плане – возвращение в Иерусалим престолонаследника в 1163 г. и реставрация монархии в Рождество в Вифлееме. (Вряд ли можно утверждать, что работавшие здесь чехи, тот же Эфраим, были греками – П.С.) [9]. «Мануил посетил греческий православный причт в ц. Пророка Господина в Иерусалиме, основателем православную архиепископскую кафедру в Газе, будучи одним из главных ктиторов, принимал участие в по-

новления и украшении храмов в Иерусалиме, Вифлееме, Абу Юше и др. Это означает, что полномочия Мануила в Иерусалимском королевстве простирались значительно далеко» [10].

В то же время исследовательница сомневается в том, что «Мануил жаловал русскому князю земли в Палестине», так как «эти сведения, кажется, не подкреплены свидетельствами греческих источников. Имел ли византийский император владения в святой Земле и полноточен ли был их дарить, мы не знаем». Рассуждения о том, что именно в 60-е — первую половину 70-х гг. XII в. «православные имели возможность совершать паломничества в Палестину», вопреки мнению О.Е. Этингоф, не свидетельствуют о том, что «Мстислав Юрьевич мог получить в 1163 г. земельные владения в палестинском Аскалоне или имел возможность пребывать там в благоприятных условиях». Тем более, что условия этой инфеоциации, а много варианта быть не могло, не предполагали передачу феода схизматнику, коим князь и являлся для латинян.

Возвращаясь к анализу находок в мастерской Гречина, исследовательница полагает, что они свидетельствуют о проживании здесь кого-то из греков, работавших в мастерской Олисея. Фрагмент амфоры с неопределенным клеймом стал «фрагментами» и уверенно приписывается мастерским Иерусалимского кораблестроения: «сирийское стекло с арабской надписью», перламутровые краски и могут быть прямым указанием на контакты хозяина новгородской мастерской с Палестиной». В пользу этого, по мнению О.Е. Этингоф, свидетельствует и история Аскалона.

По приведенный ею экскурс в историю города не полон и не точен. Пребывавший здесь «в благоприятных условиях» князь Мстислав выехал на Русь, как она считает, накануне взятия Иерусалима Салах ад Динем, т.е. накануне 1187 г. С ним, нужно полагать, вернулся в Новгород обогащенный палестинскими впечатлениями Гречин, привозя с собой греков и православных палестинцев. Предложенная исследовательницей дата возвращения же случайна, так как в Новгороде он впервые упоминается в 1193 г. Закономерен к ее вывод о том, что «многочисленные находки привозных византийских и палестинских предметов на усадьбе художника и других местах Новгородца могут свидетельствовать не только о паломничестве новгородцев в Святую землю, но и о существенном импорте» [11].

Первый взгляд вполне приемлем. Находки на усадьбе могут быть трактованы как паломнический комплекс (то же перламутр-

ровые крестики, кои продолжали привозить из Палестины и в наши дни) [12]. Что до констатации наличия «существенного импорта», то, по мнению издателя комплекта усадьбы, «за тридцать лет работы археологических раскопок в Новгороде собрано кем-то более 700 фрагментов привозных (возможных или иных амфор). Из нашей усадьбы только в слоях второй половины XII в. их обнаружено более 130. Этот факт говорит о чрезвычайно активных связях владельцев или владельцев усадьбы с южными областями» [13]. Как следствие, ни о каком «существенном импорте» в Новгород из Палестины и речи быть не может. Мы опять возвращаемся к единовременному привозу хозяином или хозяевами усадьбы сувениров (перламутровые крестики, сирийское стекло, византийские свогли [14], запитки (амфоры) и, возможно, ладак из паломничества в Палестину через Константинополь, что хорошо вписывается в картину всплеска паломнической активности именно в данный период [15], что и отмечает О.Е. Этингоф. Приведем в качестве примера свищовую иконку с изображением Троба Господня, серебряный реликварий с частицами мощей св. Стефана и Креста распятия, оба с латинскими надписями, и морскую раковину как атрибут паломничества из раскопок М.К. Каргера в Изяславле [16]. Так что для приобретения палестинских впечатлений младенец Пречину не было необходимости бежать с сестрой в Византию, и даже в Святую землю, и сидеть там более двадцати лет. Много проще было совершить паломничество или паломничества в 60–70 гг. XII в. и вернуться не только с сувенирами, но и с мастерами гонимы, сирийцами или пулланами [17].

В этой связи обратимся к фактам. После смерти великого князя Юрия Долгорукого в 1157 г. его преемником стал старший сын от первого брака с половчанкой – Андрей Боголюбский. Сыновья от второго брака – Мстислав и Василько сидели на уделах. Мстислав в Новгороде, Василько, как кажется, в Суздалье. Хронология событий 1157–1162 гг. вся смутна и противоречива. В русской историографии сложилось представление о том, что Андрей Боголюбский после прихода к власти напал на страну мятежу и ссыльцев, своих младших братьев Мстислава, Василько, Всеволода и племянников-Ростиславичей. Однако произошло это много раньше, в 1162 г. Русский летописец сообщает: «В том же году возмездил Андрей епископа Леона из Суздаля и братьев своих доня Мстислава и Василька и двух Ростиславичей. В том же году поехали Гурьевичи к Царьграду, Мстислав и Василько с матерью. И

Всеволода молодого взяли с собой, третьего. И дал царь Васильку четыре города на Дунае и Мстиславу дал землю Ожковича» [18].

Эти данные частично подтверждает византийский хронист Иоанн Киннам, сведения которого остались неизвестными биографам Гривы. Он пишет: «В то же время Владислав, один из династов Тавроскифской страны, с женой, детьми и всеми своими людьми добровольно перешел к ромеям. Ему была дана земля у Истра, которую некогда василевс дал пришедшему Васильку, сыну Георгия, который среди феодалов Тавроскифской страны обладал старшинством» [19].

Данные passages неоднократно комментировались исследователями [20], так как предположения Киннама о генеалогии русских князей, как и его русского летописца о том, что же получили русские князья на Дунае, достаточно смутны. Исследователи также не в состоянии доказать наличие данных крепостя-города. Так, П. Истурел считал, что князья получили земли в устье Дуная или даже в Южной Молдавии [21], что маловероятно, так как граница византийских владений проходила в этом районе западнее, а термин «города на Дунае» продолжатель Скилицы называл фему Паристрион [22]. Очевидно лишь, что князья получали владения в пределах фемы и вряд ли на территории густонаселенной Болгарии. Вероятнее предположить, что это были крепости, расположенные севернее Доростол — Никополис, Диликия, Ажиполь и Сугидава — до Тульчи и Исакчи.

По Киннаму, русские князья дважды получали города на Дунае: в 1162 г. — Васильку, и в 1164 г., когда на территории Византии появился загадочный Владислав «с женой, детьми и всеми своими людьми», он получил «землю у Истра, которую василевс некогда дал пришедшему Васильку, сыну Георгия».

Биография Василька известна довольно плохо. Впервые упоминается в летописях в 1149 г., когда при вокняжении Юрия Долгорукого в Киеве он получил от отца Суздаль. В последовавшей затем борьбе отца своего с великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем в 1152 г. он был оставлен отцом в Новгороде-Северском на помощь Святославу Ольговичу, но после заключения мира между Изяславом и Святославом ушел к отцу в Суздаль. В 1154 г. Юрий послал его княжить в Поросье, населенное тюрками и берендеями, с которыми он отражал от Руси в том же году половец. В 1160 г. Васильку вместе с Рюриком Ростиславовичем ходил помогать великому князю Киевскому Мстиславу Мстис-

лавичу в борьбе его с претендентами на Киев. Затем Василий Юрьевич находился в Суздале, откуда в 1162 г. и был избран братом, великим князем Андреем Боголюбским.

В русской историографии с XIX в. сложилась традиция считать Василия и его братьев Всеволода, Дмитрия и Мстислава сыновьями Юрия Долгорукого от второго брака с «Грекиней», обладавшей дочерью императора Алексея I Комнина [23], или же претендентельницей князя Комнина — довольно обширного круга аристократических семей, связанных родственными узами с правящей династией [24]. При этом исследователи исходят из того, что киевский князь мог взять в жены лишь даму равную ему по статусу. И ею могла быть только византийская принцесса. Византия в это время правят Комнины. Род большой, разветвленный (см. генеалогию К. Варзоса [25]), принцесс выдавали замуж много и часто. Отсюда и вынол о престижном браке русского князя. Но А.П. Кавдан довольно убедительно показал, что большая часть наших представлений о византийских браках русских князей — лишь плод деятельности русских историков XIX в., не находящий подтверждения в источниках [26]. Исследователя упрекнули в гиперкритицизме, но ничего по существу возразить не смогли [27].

Создается впечатление, что владел Василий городами на Дунае недолго. Его судьба после бегства в Византию неизвестна, как и судьба Мстислава. По-видимому, они умерли в 1174 г., вероятно, возможно, даже раньше, в 1164 г., когда его владения на Дунае были переданы императором «Владиславу, одному из династов Тарксифской страны». По крайней мере, в 1174 г. через три года после убийства Андрея в Боголюбове, «пришел из-за моря из Солуня брат его Всеволод, и сел на великое княжение» [28]. А так как он был младшим из трех братьев, то старших к этому времени уже не было в живых. Так что Мстислав никогда не вернулся на Русь, и более его имя на страницах летописей не появлялось. Что же до Отскалана-Аскалона (?), то Манук никак не мог дать его или землю в его окрестностях русскому князю, так как не владел данными территориями, входившими в домен короля Иерусалима. Не мог дать князю Аскалон и сам король, так как неизвестно ни один случай передачи феода православному схизматику или армяно-католику, тем более, по рекомендации императора (карус князя Киприана Торниса Рубина [29]). Латинские хронисты упоминают армян, греков, арабов и туркинали в составе иерусалимской армии и вассалов короля или баронов. Но получение фьефа принадлежало

и католическое вероисповедание преедвдента...[30]. В 1179 г. Садах ад дин приказал перебить всех попавших в плен после Хатти-на туркополов в наказание за их отступничество [31].

И хотя вероятность включения русским князем фьефа на территории Иерусалимского королевства предельно мала, на наш взгляд, связывать с его бегством в Византию судьбу Олисея Гречина нет необходимости. Повторим. Для того, чтобы ознакомиться с художественной жизнью Палестины, Гречину было необязательно бежать туда вместе с Метиславиом Юрьевичем в 1162 г. и возвращаться в 1167 г. Проще было совершить паломничество и вернуться нагруженным впечатлениями и амфорами с вином и маслами. О том, что контакты с Палестиной в XII в. имели место, и контакты — паломнические, кроме «Хождения» Даниила, свидетельствуют и немногочисленные пока археологические данные, как, например, находки в Иезеэламе.

И, наконец, русские же летописцы имели весьма смутное представление о том, что происходило вне пределов Руси и даже в ней самой. Приведем в качестве примера сообщение Никольской летописи о том, что в 1186 г. «приходил царь Греческий Алексей Порфирогенит, сын Мануила, царя Греческого, в Новгород» [32], которого позднее исследователи отождествили с Алексеем III, по-видимому, имея в виду Алексея Комнина Ангела, правившего в 1195—1203 гг. [33]. Естественно, что к убиенному в 1183 г. в Константинополе Алексею II, сыну Мануила, этот Алексей не имел никакого отношения и, вероятнее всего, был самозванцем. Возможен и иной вариант. Это был кто-то из Комнинов, бежавший к гиперборейцам от репрессий Андроника Комнина, свергнутого в 1185 г. Как бы то ни было, принять Алексея Порфирогенита за наследника Мануила могли лишь люди несведущие и мало представлявшие себе, что происходило в это время в Византии.

Примечания

1. Угадайка подпольного художника XII в. М., 1951.

2. Близиус А.А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице От Византии к Руси. М., 2005. с. 105

3. Там же

4. Там же.

5. Энцифоп О.Е. Заметки о Греко-русской иконописной мастерской в Новгороде и росписях в Спаса-Преображенской церкви на Нередице // Церковь Спаса на Нередице, с. 145-143

6. Янин И. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970, с. 64–66.
7. Kazdan A. Rus-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies, 12/13, 1988/1989, с. 42–424 — возводит создание данного мифа к Н.М. Карамзину (История государства Российского, т. 1, с. 161, прим. 1 (1805) «Ссылки на мнение Шенкелдиета, как «опиравшегося на греческие и русские источники», стали для антиновыми». Но уже В.Г. Васильевский показал, что левая точка зрения, разделившая С.М. Соловьевым и Н. Костомаровым, не опирается на факты (В.Г. Васильевский. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. 1, СПб., 1909, с. 44–46).
8. См. Пидрибнее Рашар Ж. Латинско-Иерусалимское королевство // СЛБ, 2012, с. 68–96–97; Млурт Н.-Е. The
9. Kühnel G. The 12th-Cent. Decoration of the Church of the Nativity in Eastern and Western Concord // ACR. 1993. P. 197–203.
10. Эттингер О.Е. Ув. Свт., с. 118.
11. Там же., с. 119.
12. См. Христиане на Востоке. Искусство мозаикой и иконописью христиан. Собр., 1998, №№ 78–114.
13. Конкин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Угадба., с. 86.
14. Если, конечно, изданная В.Л. Яниным византийская анонимная печать с Агнесоритиссой, т.е. скорее всего константинопольского происхождения, найдена на усадьбе. См. Янин В.Л. К проблеме авторства и предикших фресок // ЛКНО, (1987). 1988, с. 178.
15. Древнерусские источники молчат об этом. Одни из объяснений тому — вероятный специальный статус паломников. Западноевропейские паломники были представлены представителями всех слоев общества от монахов до герцога и сами паломничества были влиятельным явлением, учитывая географическую близость Европы и Палестины по делонных Средиземным морем, и наличие удобных морских коммуникаций. С Русью дело обстоит несколько иначе. Княжеские паломничества были единичны (Евфимий и Паломник), италийские же паломники вряд ли удивлялись вниманию христиан. См. Назаренко А.В. Русь (Земля и Святая Земля в эпоху крестовых походов // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001, С. 617–648.
16. Пескова А.А. Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском мире // Паломники СЛБ, 2001, с. 113–126. Но вряд ли можно согласиться с предположением издателя о том, что они попали на Русь из Западной Европы. Найдены они в разных местах территории, что отмечено сама А.А. Пескова. То есть принадлежали разным людям. Датирование могут быть лишь до 1187 г. и явно относятся к паломническому концилиуму. Функционально реликварий св. Стефана наиболее близок почти исключительно по форме серебряный реликварий с частями мощей св. Пармени с греческой надписью из Благовещенского собора Кремля, атрибутивированный Византии и датированный XII в. См. Христианский храм святого Евлогиевского собора в Кремле. М., 2003, № 11, с. 312–313.
17. Песочник крестоносцев от браков с местными уроженками

18. Ипатьевская летопись // ПСРЛ, т.10, СПб., 1904, с.530-531
19. Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859 (Репр. Рязань 2003) с.187. Комм. см.: Библиограф М.В. Византийский историк Иоанн Киннам и Руси и народах Восточной Европы. М., 1997, с. 87. прим. 238-245.
20. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с.485; Фрейденберг М.М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. 1959, т. 9, с. 42; Пашуто Н.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с.192. Библиограф М.В. Византийский историк Иоанн Киннам., с. 87. прим. 238-245
21. Nastiel P.S. Valaques, coumans et Byzantins sous le regne de Manuel Comnene // Byzantina. t 1. 1969, p.170-172.184.
22. Η Συνεχεια της χρονογραφια του Ιωαννου Σκουλιτση. ed E.T Tzolakh. Θεσσαλονικη. 1968, 113-114.
23. Творения С.Н. Князя Рюриковичи // www./lunts. tellur/ ru//history.
24. Пашуренко А.В. Рец. на: Harvard Ukrainian Review // СЛН, 1994, 4, с. 205
25. Barzoz K H Genealogia των Κομνηνων D 1 2 Fessalonikh 1984.
26. Каздан А.П. (Kazdan A. Rus- Byzantine Princely Marriages, с 423-424.
27. Например, Назаренко А.В. Рец... с. 204—206.
28. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Статьи, находящиеся в рукописях археологической комиссии перед комиссионным списком Новгородской Первой летописи. М.-Л., 1959, с.468.
29. При встрече в 1170 г. во время паломничества в Иерусалим с Аморри I Турок Рубенид предложил заселить в Палестине армянских военнопленных с семьями для защиты Святой земли, но армяне выступила церковь, требовавшая, чтобы они как христиане платили десятину. Переговоры не состоялись. Chronique d'Ermenie et de Bernard de Trevesier / Ed. Mas Latrie. Paris.1871, p. 27-30
30. Richard J. Les Turcoples au service des royaumes de Jerusalem et de Chypre musulmans convertis ou chretiens orientaux? // Croisades et Etats latins d'Orient. Fruits de vue et documents. Aldershot.1992, p.259-270.
31. Grousset R. Histoire des Croisades et du royaume franc de Jerusalem Paris, t 2 1934 (Репр.). p. 679; Рубин Ж. Латинно-Иерусалимское королевство, с.158.
32. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ, т.10, СПб., 1885 (Репр. М., 2011), с.12
33. Бряжкова В.Е., Цидон Н.Н. Новгородская легенда о Мануиле царе Греческом // ВВ, 32,1971 с.101

Список сокращений:

ВВ – Византийский Временник

ІЕКІГО – Памятник культуры Голландии

*Т.Ю.Фомин,
г. Набережные Челны*

НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ X—XVII вв. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Древнерусские летописи являются важнейшим нарративным памятником истории средневековой Руси XI—XVII вв., без пренебрежения которых невозможно полноценное изучение отечественной средневековой истории. Историческая ценность их огромна. Трижды, как собрания свидетельств, показаний о прошлом, выходящих, как остатка прошлого: не только в материальном смысле, как памятника письменности, но и как остатка прошлой деятельности народа..., как осколка социально-политической жизни прошлого [1].

В рамках древнерусской летописной традиции летописание Великого Новгорода занимает особое место и вызывает интерес с точки зрения той важнейшей социально-политической роли, которую играла новгородская земля в истории Древней Руси. Ведь это колыбель древнерусской государственности, оплот волевого и вечевой независимости и, наконец, ключевое звено в процессе объединения русских земель в единое Российское государство. Само содержание новгородских летописей своим демократизмом, эмоциональностью, подробностью погодных записей значительно отличается от летописания других русских земель. Удивительно и то, что именно летописание Новгорода, с его независимостью суждений и подробной запиской событий, было органично воспринято и приспособлено к решению идеологических задач на этапе становления Российского государства. Нельзя не отметить, что летописная традиция Великого Новгорода, в отличие от летопис-

сания других политических центров, имеет наиболее приближенную и единую линию своего развития. Вероятно, в этом кроется причина нескладывающегося интереса ученых к этому комплексу письменных источников по истории Новгорода и всего русского государства. Более чем за два дека научных исследований новгородскому летописанию посвящено значительное число монографий и статей. Однако, работ историографической направленности на сегодняшний день известно не так много.

В трудах дореволюционных ученых историография новгородского летописания представлена главным образом в виде кратких историографических справок, традиционно помещаемых авторами перед основной частью исследования. К числу первых попыток изучения историографии русского летописания необходимо отнести не опубликованную, но сохранившуюся в рукописи работу историка петербургской школы А. Е. Преснякова (1870-1929), написанную в 1902 г. [2]. Своеобразным итогом изучения летописного наследия Великого Новгорода в дореволюционный период можно считать главу в обстоятельной монографии В. С. Иконникова [3]. Ряд замечаний касавшихся летописания Великого Новгорода был высказан А. С. Лаппо-Даниленским [4]. Обзорная характеристика основных направлений изучения древнерусского летописания в декабрьский период дана В. И. Бугаковым [5].

В советское время направление историографического исследования было сосредоточено главным образом на изучении общих вопросов истории летописания, его начальных этапов, оценке места летописных памятников в процессе развития исторической мысли в России, на решении теоретических проблем [6]. Поэтому в этих работах сюжеты о новгородском летописании рассматриваются преимущественно в рамках общерусской летописной традиции. Краткая характеристика исследований по истории русского летописания, проведенных в советское время, содержится в учебниках М. И. Тихомирова по источниковедению и его статьи о русских летописях [7], в работах Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, А. П. Насонов и о русских летописях [8], в трудах по истории исторической науки в СССР (Л. В. Черепнин, В. И. Асхаков) [9], источниковедению (И. Л. Шерман) [10], истории Академии наук СССР [11].

Наиболее обстоятельно вопросы советской историографии русского летописания были затронуты В. И. Бугаковым. В статье 1966 г. [12] исследователь кратко охарактеризовал основные тенденции и методы изучения летописания в советской исторической науке. По-

для исторической этикографии склеены в его монографии [13]. В исследовательской литературе, изданной после 1991 г., необходимо отметить монографию А. Г. Бибирова [14], посвященную памятникам новгородского летописания XV в. В ней ученый дает обстоятельный обзор историографии изучения и публикации летописных текстов Новгородского летописания. В диссертационном сочинении В. В. Яковлева прослеживается история новгородского летописания XVII в., анализируются сохранившиеся летописные источники данного периода [15].

Несмотря на значительный интерес отечественных исследователей к историографическому аспекту изучения новгородского летописания, работ обобщающего характера по этой проблеме так и не было создано. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение историографии новгородского летописания как не достаточно изученной в исторической науке проблемы. Это позволит проанализировать с точки зрения современности историческое знание методологические, исследовательские подходы и результаты работы дореволюционных, советских и современных ученых по изучению памятников новгородского летописания.

Для данного научного исследования важнейшим является определение круга источников. Источниками для данной работы стали статьи, монографии, разделы в научных исследованиях, посвященные анализу происхождения, истории текста летописей (редакций, списков и т.д.) и публикации. Также были привлечены исследования по древнерусской истории, в той или иной степени затрагивающие новгородское летописание, кроме трудов языковедческого и историко-литературного плана.

В ходе работы важнейшей стала проблема принадлежности или иных летописных памятников к новгородскому летописанию. Происхождению Новгородской первой, Новгородской второй, Новгородской третьей, Новгородской Карамзинской летописи и Летописца епископа Павла не вызывает сомнения у исследователей. А.А. Шахматов внес в число новгородских сводов Новгородскую пятую летопись. С.Н. Абелевичам была доказана принадлежность к новгородской летописной традиции Новгородской Уваровской Новгородской Забелинской, Новгородской Погоскинской летописей. Число новгородских сводов было расширено В.В. Яковлевым за счет выделения Новгородской Корнильевской летописи [16]. В 2005 г. Е.Л. Куляшковой введена в научный обиход Новгородская Гинько-Ковалева летопись [17].

Летопись Авраамки хотя и была составлена в Смоленске, но в ее составе вошел чрезвычайно интересный новгородский свод, не сохранившийся до наших дней, но содержащий уникальные известия по периоду с 1447 по 1469 гг. [18]. Относительно происхождения (новгородского или московского) Новгородской четвертой и Софийской первой летописи учеными высказываются различные мнения. В частности А. А. Шахматов полагал, что эти летописи исходят к оригиналу, составленному в Новгороде и представляющему собой соединенке новгородского летописания с общерусским [19]. Согласно наблюдению И. А. Тихомирова, в состав Софийской первой летописи входит сокращенная новгородская летопись, а из списков Новгородской четвертой новгородского происхождения лишь Академический список и так называемый Хронограф [20]. По мнению Г. М. Прохорова [21], Софийская первая и Новгородская четвертая летописи являются соответственно московским и новгородским вариантами общерусского свода. Эта точка зрения на сегодняшний день представляется наиболее обоснованной. Поэтому Новгородская четвертая летопись будет рассмотрена в числе памятников новгородского летописания, а Софийская первая летопись останется за рамками нашего исследования.

Другим важнейшим аспектом стал вопрос идентификации упоминаемых в исследованиях источников. Например, список, хранящийся в ГПБ под номером FIV.238, в научной литературе именуется то летописью Дубровицкой (XV в.), то летописью 1539 г. [22], то списком Дубровицкой Новгородской четвертой летописи. Первоначально в доктябрьский период рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 280 считалась одним из списков Новгородской четвертой летописи, но впоследствии А. А. Шахматов определил его как Хронографический список Новгородской пятой летописи. В 1940 г. М. Н. Тихомировым был введен в научный оборот Новгородский Хронограф XVII в. [23]. М. А. Микина именует его как Новгородский свод 1680 г. [24], а С. Н. Азбелев определяет как список Новгородской Забелинской летописи.

Еще больше разнятся мнения исследователей относительно так называемого "Софийского временника". "Российская летопись по списку Софийскому Великому Новгороду" [25] была опубликована П. М. Стрелевым в 1795 г. и названа Софийским временником, а позже Софийской первой летописью. Н. Н. Янин называл Софийским временником свод, возникший в Новгороде после его покорения Москвой [26]. В рукописи, опубликованной уже после

смерти А. А. Шахматова в 1940 г., содержатся доказательства того, что новгородский Софийский временник середины XV в. не только являлся основой для складания Новгородской четвертой и Софийской первой летописей [27]. Дискуссионным остается и вопрос о дате и месте создания Софийского временника. Д. С. Лихачев относит его к созданию памятника к 1136 г. [28], а В. Л. Комарович полагает, что это произошло около 1432 г. [29]. На сегодняшний день Софийский временник рассматривается лишь в числе гипотетических следов. Однако, необходимо отметить что список, опубликованный П. М. Стросвым в 1795 г., после обстоятельного анализа относится С. Н. Азбелевым к Новгородской Уваровской летописи XVII в. [30], то время как В. В. Яковлев считает, что список БАН 34.4.1. должен быть выделен в качестве самостоятельной Новгородской Корнильевской летописи.

Таким образом, в данной работе мы исходим из того, что, согласно современным исследованиям, к новгородскому летописанию относятся следующие памятники:

XIV в.: Новгородская первая летопись старшего извода (Н1ст) [31]

XV в.: Новгородская первая летопись младшего извода (Н1м), Новгородская четвертая летопись (Н4), Новгородская пятая летопись (Н5) (ее другие названия — Хронографический список новгородской четвертой летописи, Новгородская Хронографическая летопись), Новгородская Карамзинская летопись (НК), Летопись епископа Павла (ЛЕП) и Летопись Авраамки (ЛА).

XVI в.: Новгородская летопись Дубровского (НД), Новгородская Большаховская летопись (НБЛ).

Конец XVI-начало XVII вв.: Новгородская вторая летопись (Н2).

XVII в.: Новгородская третья летопись (Н3), Новгородская Забелинская летопись (НЗаб), Новгородская Погдинская летопись (НПог), Новгородская Уваровская летопись (НУв), Новгородская Корнильевская летопись (НКорн).

В названиях летописей именованное "новгородская" отражает либо место создания свода, либо основное содержание известной нумерация летописных памятников принята исследователями uniformly и соответствует с порядком их издания в серии "Полное собрание русских летописей", подготовленной Археологической комиссией. Определение Новгородской пятой летописи принадлежит А. А. Шахматову Новгородская Забелинская, Новгородская Погдинская, Новгородская Уваровская, Новгородская Карам-

линская, Новгородская Болдыжская летопись и Летопись епископа Писла названы по принадлежности к собраниям исследователей или коллекционеров. Летопись Абрамки и Новгородская Корнильева летопись — по имени складывшего ее писца или заказчика свода.

Подводя итоги изучения новгородского летописания в отечественной историографии, необходимо отметить, что учеными была проделана значительная работа как по изучению истории новгородской летописной традиции, так и по выявлению, публикации и исследованию летописных памятников Великого Новгорода. В дооктябрьский период история новгородского летописания в рамках общерусского летописания была представлена в работах А.А. Шахматова [32], Д.С. Лихачевым и Л.В. Комаровичем суммированы сведения по истории летописания Великого Новгорода, накопленные наукой в середине 1940-х годов [33]. В начале 1960-х гг. С.Н. Азбелевым исследованы летописания Великого Новгорода XVII в. [34]. В постсоветский период история новгородского летописания XV в. обстоятельно изучена А.Г. Бобровым [35]. О.Л. Новиковой предпринята попытка восстановить этапы летописной работы в Новгороде в начале XVI в. [36]. Новгородское летописание XVII в. стало предметом исследования диссертационной работы В.В. Яковлева [37]. В числе актуальных задач современной науки остается создание истории новгородского летописания во всем протяжении его существования.

Основной репертуар памятников новгородского летописания был выявлен (Н1, Н2, Н3, Н4, Н5, ЛА, списки НУв и НЛД) и опубликован в дооктябрьский период [38]. Советскими учеными введены в научный оборот не известные ранее памятники XVII в. — НЗаб, НПог, НУв [39], обнаружены новые списки Н1 и Н3, изучены летописцы ряда новгородских церквей [40]. После 1917 г. публикуются Н4 и Н5 (не завершено) [41], подготовленные еще в дооктябрьский период, изданы Н1 и Н2, опубликовано фотовоспроизведение текста Синодального списка Н1 [42]. В постсоветский период к памятникам новгородского летописания отнесены НБол и НКорн [43], впервые была издана НК [44].

В процессе изучения новгородского летописания можно выделить следующие направления научного исследования. В числе актуальных исследовательских проблем необходимо назвать вопросы начального новгородского летописания. До 1917 г. на достаточно широкий хронологический отрезок эта проблема рассматрива-

лазь Н. Н. Янигиным и И. П. Сеницыным [45]. Обстоятельно и детально начальные этапы летоисчисления Великого Новгорода были рассмотрены А. А. Шахматовым, им же реконструирован текст начальной новгородского свода [46]. Основные положения шахматовской схемы, касающиеся, прежде всего, гипотетических годов (1050 г., 1095 г. и других) были подвергнуты критике Е. К. Пурфеевским и В. М. Истриным [47]. Ученые советского периода (А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев) [48], напротив, уточняют отдельные выводы Шахматова.

Самым научаемым памятником новгородского летоисчисления следует признать II. Дискуссионный характер носят вопросы, касающиеся авторов-переписчиков и источников летописи, прототипов и места составления свода, возможности восстановления утраченной начальной части Синодального списка. Неоднократно в отечественной историографии предпринимался сравнительный анализ списков этой летописи (Д. И. Прозоринский, М. П. Погадин, А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев, А. А. Гиллиус, Г. И. Дюмон, А. Г. Бобров) [49].

Также хотелось бы отметить работы исследователей, обобщающие сведения по целому ряду новгородских летописных сводов по таким критериям, как списки летописи, время и обстоятельства их создания, состав источников и т. д. Так в работе А. А. Шахматова были подведены итоги изучения Синодального, Комиссионного, Троицкого и Академического списков Н1, Н4, Н5, НК, ДА, ДЕП [50]. Д. С. Лихачев кратко суммирует сведения относительно Н1, Н2, Н3, Н4, Н5, ДА, ДЕП [51]. Результаты исследования новгородских сводов XVII в. — НУв, Н10г, Н3аб, Н9 — изложены С. Н. Азбелевым и В. В. Яковлевым [52]. Н1ыл, НК, Н4, Н5 обстоятельно изучены ведущим современным исследователем новгородского летоисчисления А. Г. Бобровым [53].

Из трудов дооктябрьского периода заслуживает особого внимания работа Н. Я. Аристова [54], где новгородские летописи в числе других летописных сводов рассматриваются как источники по истории церкви. Советскими учеными (И. М. Троицкий, Д. С. Лихачевым) [55] впервые на основе анализа летописных статей XI в. выявилась идеологическая направленность летописных текстов, на материале летописных известий XIV—XV вв. прослеживается идеологическое противостояние Москвы и Новгорода в конце 1940-х годов П. Г. Вережковым [56] были исследованы приемы древнерусского летописания, в том числе и в новгородском

ких сводов. В советский период было положено начало изучению деятельности монастырских центров книгописания, в частности Лисичьего монастыря что под Новгородом (А. И. Семенова) [57]. С середины 1980-х годов разработка этого направления исследований была продолжена А. Г. Бобровым [58]. Вопросы времени создания, протографов и особенностей НК стали предметом оживленной дискуссии на протяжении 1970-х-конца 1990-х годов в трудах Я. С. Луры и Г. М. Прохорова [59]. В исследовательских работах последнего десятилетия прослеживается тенденция к раскрытию новых информативных возможностей летописного текста (А. А. Пилпиус, Т. В. Гимон, Г. М. Прохоров) [60], а проблемы истории новгородского летописания XV — начала XVI в. рассматриваются с учетом целого комплекса важнейших факторов, таких как историко-культурные перемены в жизни Новгорода, особенности летописной работы при дворе новгородских владетелей и в пригородных книжных центрах (А. Г. Бобров) [61]. Анализ научных трудов с момента зарождения российской исторической науки до современных работ конца XX в. позволяет говорить о процессе непрерывного расширения тематики исследований и процессе включения новгородского летописания.

Также правомерно говорить и об эволюции методов изучения новгородских летописных источников в отечественной историографии. На этапе становления научного знания, безусловно, имело место не критическое цитирование летописных текстов, но уже в трудах В. Н. Татищева начинают разрабатываться аспекты анализа летописных источников, высказываются мнения по отдельным проблемам новгородского летописания. Следующим этапом изучения сводов стала критика летописных известий с точки зрения здравого смысла. А. И. Шлецером в отечественное летописеведение введен метод реконструкции летописных текстов, при котором встречающиеся в списках разночтения рассматриваются как следствие искажения исходного текста при неоднократном переписывании. Удаление этих разночтений дает исследователю искомым первоначальный текст. И. К. Вестружен-Риминя предложил метод «рысьишки» летописных сводов на текста, выходящие к разным летописным центрам, с целью воссоздать первоначальный вид предшествующих текстов [62].

Методы и приемы анализа летописных текстов, разработанные А. А. Шахматовым [63] при изучении общерусских сводов XIV—XV вв., стали основополагающими для отечественного летописе-

ведения — эти систематические сличение списков, выявление повторов путем установления дублировок, анализ хронологии, наличие описок, извлечение хронологических указаний из помещенных в летописях перечней и списков (князей, митрополитов, посадников, русских епархий и т. п.). Важнейшее значение имеет внешняя и внутренняя критика источника, археографический и хронологический анализ рукописи. В процессе развития научного знания значительно усложнился метод сравнительного анализа. Исследователи середины XIX в. применяют его при анализе отдельных статей списков одной летописи (Д. И. Пржевальский, М. П. Погодин) [64]. Позднее известия новгородских летописей в определенных хронологических рамках сравниваются с ПВЛ и общерусскими памятниками (М. И. Сукомлинков, Н. Н. Янин) [65]. На сегодняшний день предпринимается сравнительный анализ памятников на всем протяжении летописного текста (А. А. Гизинус, Т. В. Гимон, Е. М. Прохоров) [66].

Таким образом, отечественными исследователями была проделана огромная работа как по выявлению, публикации и исследованию новгородских летописных источников, так и по изучению истории новгородской летописной традиции в целом. Однако в числе важнейших задач современной науки остается складывающаяся картина летописания Великого Новгорода XI—XVII вв., при этом перспективы изучения каждой из известных сегодня летописных сводов далеко не исчерпаны.

Примечания:

1. Насонов А. Н. О русском областном летописании // Изв. АН СССР. Серия истории и филология. 1945. Т. 2, № 4. С. 291.

2. Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, л. 55 — место хранения рукописи приводится по: Чирков С. В. Работа А. Е. Преснакова по историографии русского летописания // АЕ за 1968 г. 1970. С. 417.

3. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 1. Кн. 1. 1856 г.

4. Ляпуш Даниленский А. С. Очерк развития русской историографии. Введение // Рус. ист. журн. 1920. Кн. 6. С. 5—29.

5. Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975. С. 7—24.

6. Лурье Я. С. Изучение русского летописания // ВИД. 1968. № 1. С. 4—31.

7. Лихачев Л. С. О летописном периоде русской историографии // ВИ. 1948. № 9. С. 21—40; Тихомирин М. П. Начало русской историографии // ВИ. 1960. № 5. С. 41—56; Рубинштейн, Н. Л. Русская историография. М.

1941. С. 20-25, 31-39, 43-49; Рубинштейн. И. Л. Летописный период русской историографии (Историография феодальной Руси XI-XVI вв.) // Ученые записки Моск. ун-та. 1946. Вып. 93. Кн. 1. История. С. 3-19.
7. Тихомирнов М. И. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 51-55. Многочисленные статьи М. И. Тихомирнова собраны в обобщающем издании Тихомирнов М. И. Русское летописание. М., 1979. 384 с.
8. Дыхачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 16-17, 32-34. Рыбаков, Б. А. Древняя Русь: Сказания, Былины, Летописи. М., 1963. С. 158-159; Насонов, А. Н. История русского летописания XI-начала XVIII вв.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 13-21.
9. Черепнина Л. В. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957. С. 30-34; Астахов, В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 47-48.
10. Шеремет Н. Л. Русские исторические источники X-XVIII вв. Харьков, 1959. С. 30-32.
11. Очерки по истории Академии наук СССР. Исторические науки. М.; Л., 1945. С. 26-27.
12. Бутаков В. И. Русское летописание в советской историографии // В.И. 1966. № 12. С. 143-155.
13. Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975. 344 с.
14. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. 287 с. — монография содержит текст докторской диссертации автора.
15. Яковлев В. В. Новгородские летописания XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
16. Там же.
17. Ковяевская Е. Л. Новгородская летопись XV в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгород. ист. сб. 2005. Т. 10(20). С. 322-482.
18. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 229-233.
19. Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов (1864-1920). Сб. статей и мат.-пл. М.: Л., 1947. Вып. 3. С. 134-139.
20. Тихомирнов И. А. Обозрение состава московских летописных сводов // ИСАК. 1895. Вып. 10. С. 1-84.
21. Прохоров Г. М. Материалы шестнадцатилетнего анализа общерусских летописных сводов. (Подборки Киево-вышгородской рукописи, Софийские I, Новгородская IV и Новгородская V летописи) // ТОДРП. 1969. Т. 51. С. 137-203.
22. Асбелен С. П. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгород. ист. сб. 1959. Вып. 9. С. 219-228.
23. Тихомирнов М. И. Новгородский хронограф XVII века // Новгород. ист. сб. 1940. Вып. 7. С. 66-114.
24. Мадьян М. А. О демократических тенденциях в литературе древнего Новгорода // Новгород. ист. сб. 1961. Вып. 10. С. 230-233.
25. Русская летопись по епископу Софрейскому Великому Новгородца в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению. СПб., 1795. Ч. 1. 372 с.

26. Якиш П. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. 96 с.
27. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9-150.
28. Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородская политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240-265.
29. История русской литературы. М., Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. 531 с.
30. Яковлев В. П. Летопись Новгородская Уваровская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 292-293.
31. В скобках указаны прилжые в тексте сокращения.
32. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XV вв. М., Л., 1938. 372 с.
33. История русской литературы. М., Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. 531 с.
34. Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XII в. // ТОДРЛ. 1858. Т. 15. С. 251-283.; Азбелев, С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.
35. Бобрин А. Г. Новгородские летописи XV века.
36. Новикова О. Л. Новгородские летописи начала XVI в.: текстологическое исследование // Новгород. ист. сб. 2003. Вып. 9 (19) С. 221-241.
37. Яковлев В. В. Новгородские летописание XVII в.
38. Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. — М., 1781. — 184 с.; Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом — М.: Синодальная типография, 1819. — 224 с.; Летописный сборник, именуемый Летописью Анришки // ПСРЛ — СПб., 1889. — Т. 16. — 3 нум. г., 2 табл., 320 стр., 69 с.; Новгородская вторая летопись // ПСРЛ — СПб., 1841. — Т. 3. — 9 с., 2 табл., 306 с.; Новгородская летопись по Синодальному списку — СПб., 1875. — 336 с.; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку — СПб., 1858. — 10. 490, 98 с.; Новгородская первая летопись // ПСРЛ — СПб., 1841. — Т. 3. — 9 с., 2 табл., 308 с.; Новгородская третья летопись // ПСРЛ — СПб., 1841. — Т. 3. — 9 с., 2 табл., 308 с.; Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись // ПСРЛ — СПб., 1848. — Т. 4. — 8 с., 2 табл., 362 с.; Новгородские летописи: (Так называемые новгородская вторая и новгородская третья летописи). — СПб., 1870. — 24, 488, 113 с.; Новгородский летописец (946 до 1441 г.) — Мышкин, 1899. — 232 с.; Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 г. // Продолжение Даниила росийской летописки — СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1794. — Т. 1, ч. 2. — 232 с.; Псковские и Софийские летописи // ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т. 5. — 277 с.; Псковские летописи / подгот. к печ. А. Е. Насонов. М.: Л. 1941. — Вып. 1. — 146 с.; Российская летопись по списку Софийскому Великого Новгорода в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. — СПб. 1795. — Ч. 1. — 372 с.; Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 гг. в 2 ч. М., 1820. — 456 с.; Софийские летописи // ПСРЛ — СПб., 1841. — Т. 6. — 359 с.; Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. — 24, 172, 32 г.

39. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.
40. Зинин А. А., Насонов А. Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // ВИ. 1951. № 2. С. 89-90.; Насонов, А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (попытки материалов) // Проблемы источниковедения. 1955. Т. 4. С. 243.; Насонов, А. Н. О некоторых летописных памятниках хранилищ Ленинграда // Проблемы источниковедения. 1958. Т. 6. С. 235-274.; Азбелев, С. Н. Новгородская третья летопись (Время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 236-262.; Азбелев, С. Н. Летописные памятники Новгорода XVII-XVIII вв. (Обзор списков) // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 282-296.; Азбелев, С. Н. Новгородские местные летописи // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 364-370.
41. Новгородская лятая летопись // ПСРЛ. — Пг., 1917. — Т. 4. — Ч. 2, вып. 1. — 246 с.; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. — Пг., 1915-1929. — Т. 4 — 1915 — Ч. 1, вып. 1 — 9, 320 с.; 1925. — Ч. 1, вып. 2 — С. 321-536, 1929. Ч. 1, вып. 3 — С. 537-687.
42. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архангелская) летопись / отв. ред. М. Н. Тихомиров. // ПСРЛ — М., 1965. — Т. 30. — 240 с. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. — М.; Л., 1950. — 640 с. — Рец.: Лихачев Д. С. // ВИ. — 1951. — № 3. — С. 106-109.; Новгородская харьковская летопись / под ред. М. Н. Тихомирова — М., 1964. — 344 с.
43. Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Бляжкова; Яковлев, В.В. Новгородские летописания XVII в.
44. ПСРЛ. Т.42 : Новгородская Карамзинская летопись СПб., 2002. 234 с.
45. Янин Н.Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. 96 с. Сенков, И.П. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о русской истории В. Н. Татищева. М., 1898. 436 с.
46. Шахматов А. А. Киенский начальный глуд 1095 г // А. А. Шахматов (1864-1920). Сб. статей и мат. обр. М.; Л., 1947. Вып. 3. С. 134-139.
47. Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. 101 с.; Истрин, В. М. Замечания о начале русско-латинского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Изв. ОРЯС. 1921. Пер., 1923. Т. 26. С. 45-102; Изв. ОРЯС. 1922. Ян., 1924. Т. 27. С. 207-251.
48. Орлов А. С. Древняя русская литература XI-XVI вв. М.; Л., 1937. 379 с.; Тихомиров, М. Н. Новгородский хронограф XVII века // Новгород. ист. сб. 1949. Вып. 7. С. 66-114.; Рыбаков, Б. А. Острожкова летопись // ВИ. 1956. № 10. С. 46-59.; Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно историческое значение. М., Л., 1947.
49. Проловерский Д. И. Кто был первым писателем первой новгородской летописи // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 75. С. 1-26.; Погодин, М. И. Новгородские летописи // Изв. ОРЯС. Изд. АН. СПб., 1858. Т. 6. Стб. 209-233.; Шахматов, А. А. Обобщение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1928. 372 с.; Лихачев, Д. С. Русские летописи и их куль

турно-историческое значение. М.; Л., 1947; Гицол, Т. В. Гиппиус, А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Сб. науч. работ. 1999. № 7(17). С. 18-47; Бобров, А. Г. Новгородские летописи XV века.

50. Шахматов А. А. Общереальные русские летописные своды XIV-XVI вв. М.; Л., 1938. 372 с.

51. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

52. Арбелел С. Н. Развитие летописности жанра в Новгороде в XV в. // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 251-283; Арбелел С. Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгород ист. сб. 1959. Вып. 9. С. 211-228; Яковлев В. В. Новгородское летописание XV в.

53. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века.
54. (Архистов Н. Н.) Обзор русских летописей в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом // Приближенный к беседам, издаваемый при Казанской духовной академии. 1880. Ч. 1. год. С. 385-440; Ч. 2. май. С. 46-74; июнь. С. 177-201.

55. Трошкин И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1933. С. 337-362; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Лихачев Д. С. «Спиритический элемент» в новгородской политической летописи 1136 г. // ИЖ. 1948. Т. 25. С. 240-265; Лихачев, Д. С. Идеологическая борьба Москва и Новгород в XIV-XV вв. // ИЖ. 1941. № 3. С. 43-56.

56. Борезков Н. Г. О хронологии русских летописей по XIV в. к печати подготовлено // ИЖ. 1947. Вып. 23. С. 324-363.

57. Семенов А. И. Лыццкий монастырь — приходской центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 369-373.

58. Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лыццкого монастыря (конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI-XVI вв. Ранние аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78-98.

59. Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописей ГЛБ, ГИУ, ГИУ и приближена сводности общерусских летописных // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 165-198; Лurie Я. С. Епископский свод 1448 г. в Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199-218.

60. Гицол Т. В. Гиппиус, А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгород ист. сб. 1999. № 7(17). С. 18-47; Прохоров, Г. М. Материалы к этапному анализу общерусских летописных сводов.

61. Бобров А. Г. Варлаам Лыццкий — новгородский книжник конца XIV — начала XV вв. // Печать (Новгород). 1995. № 18. С. 5; Бобров А. Г. Из истории книгописания Лыццкого новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI вв. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и древних книг. Л., 1985. С. 10-16; Бобров А. Г. Лыццкий Рождества Богородицы монастырь // София (Новгород). 1997. № 1. С. 19-21; Бобров А. Г. Псковский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лыццкий // Новгород в культуре Древней

лей Руси: Материалы Четвий по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 89-101.

62. Подробинко см.: Данилевский И. П. Летописание // Историковеде-ние. Теория. История. Метод. Источники русской истории : учеб. пособие. М. 1998. С. 171-234.

63. Шахматов А. А. Обращение русских летописных сводов XIV-XV вв. М. : Л., 1938. 372 с.

64. Прихорожский Д. И. Кто был первым писателем первой новгородской летописи — // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 75. С. 1-28. ; Полюдин, М. П. Новгородские летописи // Изв. ОРЯС Имп. АН СПб., 1858. Т. 6. Стб. 209-233.

65. Сухомлинов М. И. О древней русской летописи, как памятнике литературном // Учен. зап. Казан. АН. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1-230 (2 отд.). Диник, Е. П. Новгородская летопись и ее многочисленные переделки. М., 1874. 96 с.

66. Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгород. зап. сб. 1999. № 7(17). С. 18-47.; Прохоров Г.М. Материалы по статистике анализа общерусских летописных сводов.

Словосокращений

Издакия

ВИ – Вопросы истории.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

ИЖ – Исторический журнал.

ИЗ – Исторические записки.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ТЮДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

Летописные памятники

ЛПВ – Летописи епископа Павла.

ЛА – Летопись Азрашкин.

НБод – Новгородская Большаковская летопись.

Н2 – Новгородская вторая летопись.

НЗаб – Новгородская Забелинская летопись (ее другие названия – Новгородский свод 1680 г., Новгородский хронограф XVII в.)

НК – Новгородская Кизимовская летопись (НК1 – первая подборка, НК2 – вторая подборка)

НД – Новгородская летопись Дубровского (ее другие названия – «свод 1539 г.», сводок Дубровского Новгородской четвертой летописи).

Н1 – Новгородская первая летопись. Н1мл – младшая копия, Н1ст – старшая копия

НПог – Новгородская Погудинская летопись

Н5 – Новгородская пятая летопись (ее другие названия – Хронографический сводок новгородской четвертой летописи, Новгородская Хронографическая летопись). ХС – Хронографический сводок летописи

Н3 – Новгородская третья летопись

ГУн — Повтородская Уваровская летопись.

ГМ — Повтородская четвертая летопись. ГМст — старшей редакции, ГМмл — младшей редакции.

ПВЛ — Повесть времекных лет.

С1 — Сирийская первая летопись. С1ст — старшей редакции, С1мл — младшей редакции.

*М.Ю. Мельникова, А.В. Славнова,
г. Екатеринбург*

ПРОБЛЕМА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тема княжеской власти в Новгородской республике в отечественной историографии обычно рассматривается в контексте государственного устройства или политической структуры и отражении новой формы правления. В таком плане работы были известны с XVIII в. Однако, как отмечает С.Л. Пештун, в это время был и государственный устройству еще не стали предметом или объектом научного изучения у историков России¹. В то же время, отечественных исследователей под воздействием теории «естественного закона» заинтересовал вопрос о лучшей форме правления. Последнее и привлекло внимание историков к проблеме новгородской республики. Заметим, что вначале данная проблема рассматривалась в рамках одного из самых значимых вопросов историографии XVIII в.: о значении государства и роли самодержавного монарха, как обозначил ее Л.В. Черепнин.² Новгородская история попадает в поле зрения исследователей в основном в двух аспектах, тесно связанных с историей самодержавия: призывание князей новгородцами, отождествляемого историками с началом самодержавия на Руси, и вопреки независимости нильной Новгородской республики, олицетворяющая торжество монархических традиций.

С другой стороны, еще одним фактором, оказавшим влияние на изучение проблемы в XVIII в., стали мнениями С.И. Мациевичко «жесточное отношение к терминам, присущее всему XVIII в.»³.

Последнее прилегло к частому смещению терминов «республика», «демократия», «аристократия», которые в ряде случаев оказываются очень близкими по смыслу, обозначая отсутствие сильной княжеской власти в Новгороде. Так, например, Г.-Ф. Миллер отмечал, что славяне имели аристократическое правление, хотя далее он говорит об общенародном правлении⁴.

С XVIII в. историки все пристальней изучают подходы клятвенных князей и веча, и места княжеской власти в период «народовластия» в Новгороде. Тогда их интерес был сконцентрирован на проявлении «народной» власти как следствия сильной княжеской. Необходимо отметить, что проблемой освещения княжеской власти в Новгороде в XVIII в. занимались также историки, как В.Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и др. Несмотря на то, что эта тема не была приоритетной, необходимость охарактеризовать положение новгородского князя диктовалась господствующей идеологией XVIII в. Как правило историки этой эпохи отмечают слабость княжеской власти в Новгороде. Признавая этот факт, Г.-Ф. Миллер предложил новую трактовку причин призвания варягов — только для охраны Новгородской земли — что, в свою очередь, значительно ограничивало функции князя.⁵ Однако уже в творчестве Н.М. Карамзина оформляется и другая точка зрения. Поддерживая, с одной стороны, уже существующее мнение, М.Н. Карамзин говорил о новгородцах: «...которые нередко останавливали государя в делах важнейших, предлагали ему советы, требованья, иногда решали собственную судьбу...»⁶. При этом историограф считал нужным отметить, что «в самом Новгороде князь судил, назначивал и сообщдал власть свою туземцам, объявлял войну, заключал мир, налагал дани». Соединяя, таким образом, противоречивые сведения летописи, историк оставляет их как равноценные, не отдавая приоритет какой-либо позиции.

Большой интерес вызывали причины слабости княжеской власти. Историки попытались связать его с конкретным событием, в результате которого киевский князь признал существование в Новгороде особых политических порядков, проявлявшихся, главным образом, в ограничении власти новгородского князя. В этой связи В.Н. Татищев и М.М. Щербатов обратили внимание на знаменитые т.н. «Ярославовы грамоты», упоминания о которых в летописях под 1228–1230-ми гг. дают возможность отождествлять их с некими правовыми или политическими документами, так или иначе связанными с деятельностью новгородцев. Новгородцы как люди

тического целого с князьями.⁷ Однако в летописи след за соображением, что Ярослав «дал им правду и устав списавши, тако речеши имъ: по се грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите»⁸ был помещен текст Русской Правды. Последнее послужило основанием для историков XVIII в. утверждать, что Ярославовы грамоты и Русскую Правду. Так, в заметках «К российской истории» А.Н. Радищев прямо указывает, что В.Н. Татищев «видел список грамоты о вольности новгородцев», что свидетельствует о трансформации, которую пережила трактовка этого документа в исторических исследованиях уже к концу XVIII в.⁹ Однако рассмотрение содержания Русской Правды не позволило конкретизировать сущность политических прерогатив новгородцев, хотя сам факт существования «Ярославовых грамот», как основание специфики общественно-политического устройства Новгорода, стал постоянным печатным исторической науки.

В первой половине XIX в. специфическое общественно-политическое устройство Новгорода (а в контексте этой проблемы и проблема княжеской власти) заинтересовало Е. Болховитинова, Н.И. Сумарокова, Н.И. Муравьева, И.И. Григоровича, Н. Полевого, Ю.Ф. Самарина, Ф.-Г. Эверса, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева и др.

Отличительной особенностью историографии первой половины XIX в. стал новый подход к институту княжеской власти и положению его в системе управления новгородской республикой. Вероятно, под воздействием растущей источниковой базы, исследователи стали уделять институту княжеской власти гораздо больше внимания. Показательны размышления Е. Болховитинова, сражающего князей и посадников. Основное различие, по его мнению, заключалось в разных источниках власти: князья владели по породе и наследству, а посадники владели народами по выбору народному и на определенное только время, большей частью на год, так, как в Риме — консулы.¹⁰ Таким образом, исследователь фактически приравнивал положение князя и должностного лица. Скорее исключением из правила стала попытка Н. Полевого рассмотреть княжескую власть с точки зрения теории феодализма. В частности, он пишет об известных условиях, на основе которых новгородские общины «признавали власть государя, обязывались помогать ему войсками, но имели своих судей, свое войско, могли защищать свои права...»¹¹. С другой стороны, историк обращает внимание на летописную формулу, характерную для описания взаимоотношений новгородцев с князьями: «Корочесть, хо-

торую окармливали князьям погородина на слухах и на письме, так пытаемся объяснить духом времени.¹² И славянофилы, и западники также приходят к мысли о значительной роли князя в Новгороде. Так, для Ю.Ф. Самарина князь и община стали двумя параллельными явлениями, необходимыми друг для друга.¹³ К.Д. Кавелин также признавал, что «верховная власть находилась в одно и то же время и руках князя и общины, причем их взаимные отношения были ничем определены»¹⁴. Тем не менее, верховные права историк отдает все же вечевым властям. «...князь от него (Новгорода — М.М.) зависит и всегда может быть удален от общины».¹⁵ Известные ограничения княжеской власти, о чем свидетельствовали договорные грамоты, для исследователя не были признаками собственно княжеского института власти, так как изменялись с каждым новым князем.¹⁶

Впервые полный критический анализ института княжеской власти был предложен С.М. Соловьевым. Знаменательно, что в тексте С.М. Соловьев также рассматривает институт посадничества и княжеской власти параллельно, главным образом, на основании договорных грамот, привлекая и летописные свидетельства, определяя главные функции князя в городе.¹⁷ Зависимость новгородцев от княжеской власти историк выводит через взаимосвязь внутренних смут в городе с переменной князя: «...из двенадцати смут в Новгороде, о которых упоминает летописец в период с 1054 до 1228 года, только две не были в связи с княжескими переменами»¹⁸. С точки зрения эволюции, С.М. Соловьев приходит к выводу о постепенном уменьшении роли князя.¹⁹ Однако причины изменений остаются неосвещенными. В связи с вопросом о времени ограничения власти князя, критическому анализу подверглось сообщение Степенной книги, где сказано, что Ярослав дал новгородцам позволение брать из его племени себе князя, какого захотят. По мнению С.М. Соловьева, этому сведению доверять нельзя, так как новгородцы никогда не упоминают об этом праве, и летописец не ссылается конкретно на Ярослава, говоря лишь о прежних князьях.²⁰

Таким образом, четко прослеживается эволюция взглядов историков, которые постепенно приходят к выводу о признании княжеской власти одним из важнейших элементов новгородского общественно-политического строя.

Исследователи 60-80-х гг. XIX в. обращаются к вопросу о существовании новгородского вече, а изучение прибалтийской княжеской власти приходит лишь фоном. В работах П.И. Костюкова, И.Д. Бю-

дерева, К.Н. Бестужев-Рюмина, В. Сергеевича, М.Ф. Владимирский-Буданова, Д. Самоквасова, И.А. Худякова, А.П. Щапова и др.²¹ отражали не лишь существование княжеской власти в Новгороде, обращается внимание на ограничения и должностные функции князя перед Новгородским вече. Таким образом, изучение прибалты в 60–80-е гг. XIX в. оказалось чрезвычайно продуктивным. От пресловутой «широкой политической нрав древних новгородцев», вытекающей из летописных сообщений об активной роли жителей Новгорода в призвании и изгнании князей, а также о знаменитом новгородском вече, историки пришли к необходимости определения истинных прав новгородцев с учетом сословных различий, зафиксированных в источниках, к исследованию той системы управления, которая базировалась на этих правах, к поиску причин формирования республиканских, демократических традиций в Новгороде.

Несомненно, решающее значение для исследователей приобрела позиция В.О. Ключевского²². Признание промышленности и торговли ситуационным местным народным хозяйством привело В.О. Ключевского к новой характеристике новгородского общества.

Дальнейшее развитие получила исследование влияния и политических факторов формирования новгородского политического строя. Так, уже в работе В.О. Ключевского имел место синтез как минимум двух концепций, предложенных С.М. Соловьевым и В. Сергеевичем. Политический строй Новгорода определялся, по его мнению, наличием двух факторов — «избирательность высшей администрации и ряд, то есть договор с князьями»²³. Появление вече историк связывал с ослаблением княжеской власти в XII в. Также показательна позиция, выраженная киевской школой. В статье, посвященной вече, М.В. Довнар-Запольский трактует понятие с точки зрения земско-вечевой теории, повторяя, в сущности, все основные выводы историографии 60–80-х гг. XIX в.²⁴ Более новаторским был подход А.М. Певушева, испытавший большее влияние идей В.О. Ключевского. Так, историю Новгорода он рассматривает как «...значит непрерывную борьбу свободной общины с великими князьями»²⁵.

А.Е. Пресняков воспринимает новгородский политический строй (наряду с псковским), как уникальное явление в древнерусской жизни с точки зрения соотношения вечевого и княжеской власти.²⁶ Только в Новгороде и Пскове вече выработало и осуществило и систематическую правительственную деятельность.²⁷ Од-

нако, по мнению А.Е. Преснякова, зафиксированные в летописных сводах факты созыва вече не имели органической связи с традициями городского бытия и являлись следствием ослабления княжеской власти.²⁴ Естественно, что в таком ракурсе интерес исследователя сконцентрирован прежде всего на роли князя в формировании и структуре новгородского городского самоуправления. По предположению исследователя, изначально Новгород и его область представлял собой особый центр княжеско-дружинного властвования в форме настоящей «городовой волости». Из укрепленной точки — города — вышла сила, создавшая «волость» путем подчинения себе разрозненного населения окрестных земель.²⁵ По признанию А.Е. Преснякова, «мы не имеем никаких данных для выяснения того, как сложилось и окрепло ... местное новгородское общество, но ход дальнейших новгородских событий показывает, что оно стало во времена Ярослава серьезной политической силой...»²⁶ Собственно изменение политического статуса исследователь связывает непосредственно с фигурой Ярослава. Основанием для этого послужили знаменитые «Ярославовы грамоты». Высказывая сомнения относительно содержания грамот только как «финансовых льгот», А.Е.Пресняков обращает внимание на трактовку их новгородцами как «хартии новгородской волости». По его мнению, некоторые черты правовых определений можно найти в древнейшей части Русской Правды, помещенной в тексте летописи вслед за собственно упоминанием о грамоте Ярослава. В первых 17 статьях краткой редакции Русской Правды внимание исследователя привлекает распространение гарантий на «русина и словякина», в чем он видит сближение новгородского боярства (отличаясь) с городскими общинами Новгорода.²⁷ Последнее он считает явно новгородским приобретением. Трактовка Русской Правды как первоначально новгородского закона стала для А.Е.Преснякова основанием для любопытного заключения. Гипотеза, предложенная А.Е.Пресняковым, состояла в том, что именно в Новгороде при Ярославе Мудром «княжеская власть ... впервые получила характер правительственной власти и князь из «начальника дружины» становится «земской властью»»²⁸ Соответствует норме и внешний факт — выход княжеской власти из Городища за Ярославов двор в Славенском конце. Следовательно, А.Е.Пресняков делает вывод о новгородском устройстве как проявлении более поздней общерусской традиции. Исследователь отмечает очевидное влияние княжеской политической традиции на сложив-

шукся системе нови продрокнть нарядоклягити. Так, зависимое положение населения будущих Людина и Плотницкого концов по отношению к городу и княжеской власти стало для него неизбежным живучей инстинктивной этих демократических концов против боярского Славенского конца, хотя позднейшая свобода мужей новгородских почти убекла память о первоначальном положении «плотников» и «гоичаров»¹¹. Так, в концепции А.Е. Преснякова приоритетное значение были отведены роли новгородского князя как системообразующему элементу системы управления Новгородом.

В итоге можно отметить, что в древнерусской историографии проблема княжеской власти в Новгородской республике сохраняла свою актуальность практически на всем протяжении XVIII — начала XX вв. Исследователями были сформулированы основные вопросы в контексте данной проблемы. Княжеская власть рассматривалась как один из основ новгородского республиканского строя.

Примечания:

1. Лештин С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. II, С. 221
2. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. Курс лекций С. 139
3. Маловичко С.И. Византизм и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в. Дис. на соиск. ст. д.и.к., Ставрополь, 2002 С. 309
4. Миллер Г.Ф. О городах, назревшие в России обитавших. СПб., 1788, С. 35
5. Миллер Г.Ф. Краткие известия о начале Новгорода...
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. III,
7. Татищев В.Н. Записка древние Русские, для пользы всех любознательных собранные и несколько истолкованные тайным советником Васильем Татищевым 1738 г. // Продолжение Древней Рустийской Вифлиорикх. Ч. I, СПб. 1786. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1902, С. 414.
8. НПЛ младшего издания, Комиссионный список:// Русские летописи, т. 10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Рязань, 2001, С. 175—176
9. Радищев А.И. Собрание сочинения. Т. III. С. 34.
10. Выхованцев Е. Там же С. 50.
11. Подлевый Н. История русского народа. С. 2. М., 1830. С. 61—63.
12. Там же. С. 210.
13. Самарин Ю.Ф. Собр. Соч., Т. I, М., 1877 С. 37-38, 52.
14. Кавелин К.Д. Там же

15. Там же. С. 37.

16. Там же. С. 37.

17. Соловьев, Книга II, Т. IV, С. 518—522.

18. Соловьев, Книга II, Т. IV, С. 524.

19. Соловьев, Книга II, Т. IV, С. 518.

20. Соловьев, Книга II, Т. III, С. 32.

21. Шелгунов Н.В. Полн. Собр. Соч., Т. III. СПб., 1865, С. 227—229.

Неляев И.Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения // Рассказы из русской истории, кн. 2. М., 1864, Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. 1, СПб., 1872; Сергеевич В. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М., 1867; Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. 2, Вече и князь. Сопутники князя, СПб., 1900; Владимирский — Булагов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1905, С. 76—77; Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода // ЖМНП, октябрь, 1869, С. СХIV, СПб., 1869, С. 294. Самуилов Д. Заметки по истории русского государственного устройства и управления, ч. II. Значение слова «вече» в летописях // ЖМНП, 1890, С. 146—148; Елисеев Г.З. Когда благодетельствовал русский мужик и когда начался его бедствия? // Отечественные записки, 1869, № 1, С. 27—30, 37; Елисеев Г.З. Когда благодетельствовал русский мужик и когда начался его бедствия? // Отечественные записки, 1869, № 1, С. 27—30, 37; Худяков И.А. Древняя Русь, СПб., 1867, С. 10—82. Шапов А.П. Сочинения, Т. 1. СПб., 1906, С. 753—782.

22. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1934; Ключевский В.О. Соч. Т. 2. М., 1957. Лимберг А. Предметы верности «веча» в княжеской период древней России. Историко — юридическое исследование. Варшава, 1877; Прыжов Н. Историк кабаков и Рюгги в свете историей русского народа. СПб., 1869.

23. Ключевский В.О. Соч. Т. 2. М., 1957, С. 60.

24. Довнар-Запольский М.В. Вече // Русская история в очерках и статьях, С. 226—247.

25. Певушев А.М. Господни Великий Новгород // Русская история в очерках и статьях... С. 399.

26. Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. М. Изд-во «Наука», 1993, С. 405—406.

27. Там же. С. 404, 427.

28. Шаханов Н.Л. Там же. С. 333.

29. Там же. С. 360.

30. Там же. С. 363.

31. Там же. С. 369.

32. Там же. С. 370.

33. Пресняков А.Е. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. М. Изд-во «Наука», 1993, С. 361.

*Н.Л. Пяткова,
г. Екатеринбург*

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ — СЛАВЯНСКИЙ ТРИКСТЕР

Фольклор — запечатлевшая в виде устойчивых образцов, сюжетов, архаичных и мифологем родовой коллективной памяти народа Будущим простым и удобным каналом аккумуляции и передачи накопленного за многие тысячелетия опыта и знаний, фольклор (дословно — народная мудрость) вобрал в себя в специфически компактной символической форме бытовые традиции, мировоззренческие представления, культовые ритуалы, обряды, поверья, пережитки и т. д. Русские былины, хотя и не относятся непосредственно к мифологическим текстам, но являются продуктом традиционного сознания, и поэтому вообрали в себя характеристики мифологической картины мира. Несмотря на то, что былины, по сравнению с мифами, уже несут в себе ярко выраженный исторический контекст, тем не менее, в былинных текстах мы находим реликты ледяниного мифологического мировосприятия.

Среди героев новгородских былин мы встречаем Василия Буслаева. Две былины, посвященные Буслаеву, представляют нам весьма простые, вполне реальные жизненные сюжеты. Одна былина повествует о том, как Василий Буслаев сядя молиться, а вторая о том, как Василий Буслаев и его дружка бились с новгородцами. На первый взгляд кажется, что перед нами герой не мифологический: никаких особых чудес он не совершает, не владеет искусством оборотничества, не применяет магии, широким образом, безусловно, человек, а не сакральное существо. Несомненно одно — герой обладает огромной нечеловеческой силой, настолько колоссальной, что не Буслаев распоряжается своей силой, а она им

При этом подвиги Буслаева выглядят весьма сомнительными «Шуточки» [1] у него «недобры», «княженские» и боярские дети после поединка с ним окажутся либо калеками, либо лишены жизни. Напившись за пиру допьяна, Василий не в меру расхвядался и вызвался «побить всех мужиков до единого». В результате боя Василия с подгородцами, тех практически не осталось даже «на демна». Поведение бытателя проигнорирует всем ипрям традиционные права, обычаи и языческие, и христианские. Он убивает Старчице Пилгримице — своего крестного отца. По его же собственному признанию, только хитрость его родной матери, позволяющая ей избежать смерти от руки сына.

В былинке «Василий Буслав молиться садил» образ новгородского богатыря сблизится с вполне историческим персонажем — князем — человеком вольным, не признающим никаких моральных, сакральных и юридических ограничений своего поведения. Цель путешествия на молебск объясняется в духе Стеньки Разина:

«А кое-то вель, гулянье неохотное:
Смолоду бито, много граблено,
Под старость видл душл слести».

Путь в святую землю, в город Иерусалим с благой целью — помолиться, не мешает ему по дороге кощунственно относиться к праку умерших людей и к древним святыням. Несмотря на то, что в Иерусалиме Василий Буславъ

«Пришел во церковь соборну,
Служил обедню за здравие матушки
И за с бя, Василья Буслаевича,
Но обедню с пивникою служил
По родном своем батюшке
И по всему роду своему
На другой день служил обедню с молебнами
Про удалых добрых молодцев,
Что смолodu бито, много граблено
И ко святой святыни приложился ни,
И в Ердане-реке искупался...».

тем не менее, Василий «не верует, ни в сон, ни в чох», т.е. он испытывает как страха, ни благоговения перед сакральным, будь то сакральные языческие владыки или христианские святыни.

Былинные языческие богатыри обычно ограничены в своей силе. В качестве такого ограничителя может выступать среда обитания. Так, Святотор пластинчал только в сорах, т.к. земля его не держала. Микуды черпает силу только из земли и только пока работает на земле и не оскверняет ее, т.е. его сила ограничена условиями. Сила Ильи Муромца ограничена количеством глотков медяного питья, а также силой других богатырей. Ему нельзя сражаться со Святотором-богатырем, драться с Самсоном-богатырем, биться с Микудой. Сила Ильи не может также противостоять хитрости Вольги Сеставыича.

Сила Василия Буслаева ничем не ограничена. Мамелѣя Тимофеевна, мать Васклия, может удержать сына: закрыть его в глубоком погребе, хитростью унять его великую силу во время боя, зайдя позади сына и положив ему руки на плечи, но ограничить его силу, она не может. Василий Буслаев есть олицетворение силы, причем силы бесчинствующей, безудержной, шальной, бешеной. Свою силу он использует, чтобы играть с миром и окружающими людьми. Его игра стихийна и непредсказуема и своем течении и результатах.

Его силу не может ограничить даже его крестный отец, на силу которого возлагает большие надежды Мамелѣя Тимофеевна. Крестный отец явно обладает признаками верховного языческого божества, хотя он и живет в монастыре. Обращение «старче» обычно использовалось по отношению к высшему авторитету или верховному богу. Он надевает на себя непотопляемую для человека одежду. Невечную силу Василия Буслаева может усмирить только бог, т.к. он сам обладает подобной же силой. В тексте, однако, встреча богатыря со Старчицем Пилигримцем обнаруживает полную бессчетность и изжитость последнего образа. После первого же удара Василия, старик умирает. Спрашивается, была ли у этого старика вообще какая-то особая сила? Либо этот старец вообще никогда не обладал подобной силой и абсолютно незаслуженно занимал высокое положение в обществе, либо сила у него была когда-то, но впоследствии старец перестал ею обладать. В любом случае факт его смерти доказывает только одно – Старчище, как элемент мифологической реальности, неоправданно существует в дей, так как его смысловая суть утрачена. Для современника Буслая старец был величием, так как обладал признаками языческого божества или владыка, жил в монастыре.

Игры, аналогичные играм новгородского богатыря, повсеместно встречаются в календарной обрядности русского народа. Прже-

де лесго, это борьба «стенка на стенку», а также мужская похвальба и следующие за ней почти неизбежные состязания, в том числе паницицировки-испытательной Улла.

Предположим, что поведение героя былинны не буквально, содержит в своей основе некую сакральную подлинность, реализующуюся через соревнование и игру. Мы не отождествляем эти понятия, т.к. соревнование, агон — явление, по сути, не ритуальное, оно может быть принадлежностью как игры, так и ритуала.

Мифологическое сознание воспринимает мир как непрерывные метаморфозы, главную роль в реализации которых играет воля выходящих существ, т.е. непредсказуемость, случай. Именно он и выступает важнейшей составляющей подлинной игры и жизни. Й. Хейзинга понимает игру как атрибутивную «форму деятельности» [2], присущую жизни вообще.

В работах М.М. Бахтина игрой обозначен «этот мирный слой, в котором происходит встреча, столкновение, наконец, переизбрание и взаимопревращение принципиально разных начал, в котором происходят самые напряженные экзистенциальные процессы жизни и в котором осмысляются и борются между собой ценности разного порядка» [3]. М.М. Бахтин называет игрой «другое» бытие, мир-перевертыш, мир-илюзийке, где «жизнь играет, разыгрывается — без сценической площадки, без рампы, без актеров, без зрителей... другую свободную (нишнюю) фирму может существование, свое возрождение и обновление на лучших началах» [4]. Этот «другой» мир — мир игры — реальный феномен человеческой цивилизации на всех ее этапах, потому что игра — экзистенциальный феномен человеческого бытия, в котором проявляются его особенности и потребности. Культура лишь актуализирует игру как экзистенцию. Игра — истинная принадлежность только народной, только «низовой» культуры, смыкающейся с природой в противоположность социальному порядку с его строгой иерархичностью.

При этом игра часто оценивается народным сознанием отрицательно, ассоциируясь с разрушением устоявшихся норм, с их игнорированием, со всяким «безобразьем» в самом широком смысле слова: от буйного, ненормативного поведения до бесшумия.

Чрезвычайно важным для понимания поведения Василия Булаева представляется классификация игры по Ф. Ницше. Немецкий философ выделял игровую составляющую жизни, вернее, отвопнения к ней. Это не атрибут жизни, а локализированный вариант мирношумения. Именно оно является нормальным и здоровым

отношение к жизни — принятие ее такой, какая она есть, т.е. отношения партнерства с непредсказуемостью и вариативностью жизненных ситуаций. Ф. Ницше возводит игровую теорию к греческой культуре, к культам Диониса и Аполлона. Это два начала бытия: «дионисийские» — жизненно-организмические и «аполлоновские» — созерцательно-упорядочивающее. Из аполлоновской традиции исходит аналитическое отношение к миру: структурирование, кодификация, утверждение бинарных оппозиций, одно утверждается, другое отрицается. Жизнь, по Ф. Ницше, — стихийная, иррациональная сила, отличающаяся в истинности художника. Жизнь как безраздельная, иррациональная, творческая сила оказывается лишённой социальных характеристик, состоит только из биологизма и психологизма, а искусству — стихийный процесс жизнеизливания. Это уже организмические начала жизни, то, что может быть названо организмической игрой. Основные формы игры соответствуют двум началам бытия — дионисийскому и аполлоновскому.

На основе теории Ф. Ницше мы можем выделить игру-импровизацию, снимающую все правила и запреты. Мир и человек в подобной модели мира сливаются воедино. Это экстатическая игра с сильным сверхличностным началом, человек переполнен природной стихией, культура выражает себя через него; миметическая игра с сильно выраженным индивидуальным началом и перевоплощениями. Этому началу противопоставит организованная игра с установленными массой дополнительных рамок, запретов и ограничений, естественных способов поведения, без которых исчезнет сам феномен игры, растворяясь в хаосе внеигровой действительности, которую человек создает в противоположность игре. Импровизированная игра определяет реальность как урегулированный мир, с определенными канонами. Ее задача — уничтожить этот мир, сломать правила и различия в нем и обнаружить за этим сущностное единство, в котором никто никого не стесняет и все может быть всем.

Экстатические игры более древние, в них сильное сверхличностное начало: человек переполнен природной стихией, «которая не вне его, а в нем самом, и не изображается им, а выражает себя через него» [5]. К экстатической игре относятся синкретические обрядовые действия, в которых участники одновременно подчиняются общему закону объединяющему жизнь Космоса с жизнью организма, — закону ритма.

В любой мифологической системе существует персонаж, инкарнированный персонификацией случайности, неожиданности, произвольности, непредсказуемости, т.е. ирри органистической. Речь идет о трикстере. Семантичная парадигма слова «трик» раскрывается через понятия: 1. Хитрость, обман; 2. Фокус, трюк; 3. Шутка, игра; 4. Подлость, гадость; 5. Спорная ловкость; 6. Карточная вонь; 7. Безделушка, забавы, игрушки; 8. Ребенок; 9. Сложный, обманчивый. Но, пожалуй, следует добавить еще одну специфическую черту всех трикстеров — патологическую жестокость, которая демонстрируется ими, однако, не с садистским сладострастием, а с непосредственностью ребенка.

Трикстер в мифологии традиционно рассматривается в качестве локального образца культурного героя. Причем, ему даже отдают в целостности, расчленив универсальное. с нашей точки зрения, начало на дуальных по функциям предстателей, и сводя трикстера к примитивному разрушителю, неудачнику, анти-творцу и анти-созидателю.

С нашей точки зрения, архетипический образ трикстера заключает в себе идею всемогущего закона — универсального подхода, посредством которого только и возможно установить жизненный баланс в противоречивом мире действительности. Победа одной из сторон в вечной борьбе Добра и Зла, Жизни и Смерти, Света и Тьмы значила бы катастрофу, нарушение миропорядка, т.е. точнее сказать, установившегося ритма конкретной культурной хронологии. Роль трикстера не в том, чтобы сохранять, поддерживать уже существующий ритм уже существующего мифологического пространства. Это задача Богов и людей, осуществляющих ритуалы.

Трикстер проявляет себя как шут, плут и обманщик, который, дурачась, нередко бывает обманут и сам. Не всегда с полной уверенностью можно дать оценку действиям трикстера. То ли он лукавит, прикидывается «Иванушкой-дурачком» и действительно не ведает, что творит. То ли он действует так намеренно, имея тайный умысел, а придурковатость и шутовство — это всего лишь прием для отвода глаз окружающих.

Жизнь устроена таким образом, что существование каждого феномена ежедневно подвергается проверке на целесообразность. В отклонениях человеческой культуры таким рефлексом выступает трикстер. Трикстер — провокатор, он — источник конфликтов, необходимых для развития. Своим шутовством он осмы-

инаст и разоблачает неэффективность тех компонентов мира, которые изжили себя. В случаях, когда трикстер становится жертвой, «проверка на прочность» доказывает обратное: противник трикстера еще не исчерпал весь свой жизненный потенциал.

Именно образ трикстера-шута чаще всего встречается в литературе: он кабалышник, импозант, истерич, безосновательно жесток, как сама жизнь, и местами до отягательности проказлив. Он копирует все общественные ценности, традиции и табу. Понятие святости в его сознании просто нет, а самые любимые развлечения и шутки обязательно связаны с тем, «что хуже живота». Мифологические сюжеты, главным героем которых является Трикстер, очень часто напоминают brutальную пародию на архаическое общество, придуманную, естественно, членами этого же общества. Одна из распространенных точек зрения говорит о том, что подобным образом представители архаических обществ находят себе нехристианскую разрядку, спасаясь от гнета невыносимо (а в какой-то момент и неоправданно) суровых традиций. Мы не исключаем этого, однако считаем подобное объяснение неполным. В былинах, посвященных Василию Буславцу, сказанное нами выше обнаруживает себя в следующих сюжетах: «детские» забавы богатыря, в которых он калечит боярских детей, кобоище, которое он учинил на мосту у Новгорода, убийство крестного отца, оклеветанные как языческих, так и христианских святых и т.п.

Чем дальше существует культура, тем большее количество смыслов она накапливает в себе. Здесь существует прямая зависимость количества смыслов от времени. Смыслы складываются в бинарные оппозиции, составляющие общую архетипическую пирамиду. Это процесс бессознательный и даже может сложиться впечатление, что он длится вечно, однако есть одно но. Многие антропологи, этнографы отмечают у современных обществ, находящихся на стадии архаического развития, значительную утрату осознания образного наследия своих предков. По-прежнему существуют обряды, по-прежнему соблюдаются все традиции, как и раньше, проводятся праздники и ритуалы поклонения, однако представители того или иного племени совершают их машинально. Самый экстрактный ответ на вопрос, почему или зачем вы делаете именно так — потому, что так делали наши предки. Значит жив только тогда, когда он что-то значит, символ существует только тогда, когда он генерирует новые смыслы. Смысл забытый или, что хуже, неосознаваемый — это мертвый смысл. В данном слу-

чае мы по-прежнему сталкиваемся с актуализацией мифологических смысло-образов, но уже как с механическим процессом. Для архаического мифологического мира это означает деградацию и смерть.

Пространству любой культуры — это пространство смыслооб-разов. При этих смысловые наполнение всегда может быть разде-лено на аспект сакральный и аспект повседневного значения. По-добная градация задаст границы между священным и мирским. Границы эти жизненно необходимы для культурного сообщества, потому как только священные запреты нарушаются, мир рушится. Рунится культурное пространство — пространство ду-ховных связей между людьми, т.к. эти связи теряют смысл. Это может происходить по разным причинам. Для нас в данной статье важны причины естественные. Суть заключается в том, что про-цесс человеческого существования в архаике, с одной стороны, предполагает тщательное оберегание, сокрытие сакрального зна-ния. С другой стороны, обряды требовали массового, коллектив-ного участия в них всех членов сообщества. Эти два ключевых момента в одинаковой степени способствовали профанированию священного знания: внешняя форма, выражаемая в ритуале, со-хранялась, а смысл забывался. Подобные процессы обмирщения мифа привели только к одному — к деградации и последующей гибели культурной системы. Единственный способ реабилитации для системы мифологической реальности мы обнаруживаем в ней же. Он заключается в ее тотальном символизме. Символ — это спо-собность знака к бесконечному продуцированию смыслов из са-мого себя. Независимое абстрактное мышление побуждало архаи-ческого человека к постоянному и подчас невольному видению объекта под новым углом зрения. Объект, проявляющий себя в различных ситуациях по-разному, в восприятии архаического че-ловека совершенно не мог являться одним и тем же объектом. Це-нерация новых смыслов и их последующая активизация — это один из основных способов освоения и структурирования окружаю-щего пространства для человека, воспринимающего мир через при-зму мифологии. Но перед тем как приступить к этому процессу необходимо было избавиться от излишних себя конструкторов. Трикс-тер в данном случае своим разблудившимся смехом указывает именно на такие рудименты.

Полагаем, что здесь трикстера можно сопоставить с персонажем русских сказок Иваном-дураком. Этимологически «дурак» при-

исходит от древнерусского «дуровати», которое обозначает «белуместивать», «блуждать». Происхождение имени «Васильий» не вполне ясно, но можно отнести его и к группе, восходящей к издославянской базе «dheu(e)g» (корень «dheu») — «бугенчати», «кружиться», «вертеться», «сцепить». Не вызывает возражения сопоставление с греч. *αἰγλή* — «забавляюсь», «играю» (на сцене) и с *δοῦλος* «стремительный», «неукротимый».

Деградированную смысловую реальность не в силах спасти ни один бог, так как он с утратой смысловой наполненности лишается и своей силы. Трикстер не просто не дает себя полатить скапливающимся смыслам, защищаясь иронической улыбкой, раблезианским юмором. Травестируя и «закавычивая» надвигающиеся на него скопившиеся «массивы» смыслов, он неизбежно идет на встречу воплю содержания. Издеваясь над всеми основоположниками устоями мира, трикстер как бы прибует их на прочность, пытается понять, насколько они еще живы как смыслы. Так или иначе, высмеять у него получается только то, что уже реально не двуспособно по меркам мифологической реальности. И в этом случае он также восстанавливает мировую гармонию. До самого последнего часа трикстер пытается сохранить в мире баланс, разоблачая никому ненужную шелуху, забавляя мир от мертвых частей и процессов его жизни.

Сбывшая быль, ангажированная в данной статье, рисует картину характерную в условиях синкретизма язычества и христианства. Ценности и святости языческого мира еще не утратили своей прежней силы и актуальности, а ценности нового христианского мира еще не стали абсолютными. Образ Василия Бусласва — это очередная личина трикстера, явление которого именно в той культурно-исторической ситуации было попросту необходимо. Своим дурованьем и беснованием трикстер должен был показать людям, какие объекты, присутствующие на тот момент в реальности, действительно существуют целесообразно, а, следовательно, закономерно, а какие, как, например, Старчише Цилигринице, являются пустышками, готовыми распасться от одного удара. Василий Бусласва не просто веселится, хамит и оскорбляет; он в прямом смысле ищет смерти, но если он ее не находит, то умирает той, кому он бросил этот вызов. Таким образом, трикстер — Бусласва доказывает нецелесообразность, глупость и искусственность существования последних. Смерть Бусласва показательна. Умирает он потому, что языческая святая, которую он решил испи-

тать на прочность, еще не потеряла своей актуальности. В данном случае гибель богатыря говорит не столько о его смерти, сколько о том, что трикстер выполнил свое предназначение, он отыскал в мифологическом пространстве гибель, где скрывающие значение еще не исчерпало себя.

Примечания:

1. Здесь и далее текст былин цитируется по: Василий Буслаев // Былины. М., 1988. С. 431 – 438 и Василий Буслаев молиться начал // Былины. М., 1988. С. 438 – 466
2. Хейзинга Йохан. Homo Ludens. М., 1992. С. 13.
3. Михайлов А. В. И. Хейзинга и историографии культуры // Хейзинга И. Огень Средневековья. М., 1988. С. 450.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 10 – 11.
5. Эпштейн М. Параллель новизны. М., 1988. С. 283.

*В.И. Бадмаев,
г. Екатеринбург*

**ЗАОНЕЖСКАЯ ПОЛОВИНА ОБОНЕЖСКОЙ ПЯТИНЫ,
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ, УРАЛ...: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ
РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ КИРШИ ДАНИЛОВА,
ИСТОРИИ ЕГО РОДА И СБОРНИКА «ДРЕВНИЕ
РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»**

Среди памятников русской словесности и культуры в целом одно из выдающихся мест принадлежит «Древним российским стихотворениям» — знаменитому Сборнику Кириши Данилова (далее кратко — Сборник). Он содержит впервые полные (к тому же подтвержденные) списки русских былин и исторических песен, а кроме того, — баллады, духовные стихи, песни лирического, сатирического и шуточного характера. С отсылкой к Сборнику начинаются практически все исследования и публикации о русском эпосе и фольклоре, без упоминаний о нем не обходится большинство работ по истории и культуре Русского периода Средневековья в переходе к Новому времени. С первого издания части книги в 1804 г., входящие в нее былинный и исторический эпос, лирическая, духовная и бытовая песенная поэзия служат бесценным источником для ученых-гуманитариев, в частности историков: начиная с Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и до современности. Они мощно питали и питают литературу, музыку, изобразительное искусство. По значению для формирования национального самосознания Сборник Кириши Данилова находится в одном ряду с опубликованным четверть столетием ранее «Словом о полку Игореве».

В дальнейшей до нас копии Сборника 1780-х гг. начальный лист утрачен, и о том, что там стояло имя Кириши, известно со слов дер-

ного публикатора — А. Ф. Якубовича, принадлежавших К. Ф. Китаревичем в предисловии к второму, с воспроизведением нот, и длину 1818 г. По впервые вышедшему им мнению, то же имя встречается в одной из песен, «где не сам себя именует Кириллом Даниловичем». Долгое время затем сведения об истории оригинала книги к биографии Кириша Данилова исчерпывались фразой из обитательности в середине XIX в. профессором Московского университета С. П. Шевыревым письма владельца уральских Невьянских заводов П. А. Демидова от 22 сентября 1768 г., сопровождавшего посланную академику Г. Ф. Миллеру историческую повесть «Я достал от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу» [1]. Текст и ноты ее полностью совпадали с песней «Никите Романовичу дано село Преображенское» из Сборника. То есть в 1768 г. он уже существовал, а Прокофий Демидов был, видимо, осведомлен об обстоятельствах жизни исполнителя, за неимением «истории» прибавил к тексту.

Почти два века десятки исследователей в России и за рубежом пытаются разгадать тайны Кириша Данилова и Сборника. В их работах обилие предположений и догадок, не говоря о домыслах и сомнениях: от попытки фальсификации, предпринятой издателем «Сказаний русского народа» И. П. Сахаровым в первой половине XIX в. и выдвинутой в 1958 г. предположениями диссертанта А. И. Стендер-Пелерсена считать Сборник продуктом «сознательной редакции», стилизацией «под фольклор» [2], до недавних насмешек Ю. И. Смирнова над «гражданинским вымыслом о гениальном разведном сказителе-скоморохе, разумеется почти интеллигенте, сделавшем <...> самозанятым своего репертуара на добрую память потомкам» [3].

Но как в начале XX в. считали, «биография его совершенно неизвестна. Попытки исследователей извлечь из содержания сборника какой-либо биографический материал оканчивались неудачей» [4]; так и в последнем научном (2-м академическом) издании Сборника Кириша Данилова констатируется: «<...> личность его и по сей день остается загадкой <...> Никакими документальными данными к Кирише мы не располагаем <...> Почти ничего не зная о Кирише Данилове и питая слабые надежды узнать что-нибудь в дальнейшем...» [5]. Тем самым признавалась практическая неосуществимость в этом плане возможностей традиционных фольклористических, языковедческих, текстологических, музыковедческих

методов изучения Сборника. Продолжались споры о месте его создания: называли и называют Сибирь, и другим, ее юго-западную часть и, в частности, Алтай, Красноярский край, Урал (строгановские владения или демидовские заводы) и т.п.

Однако в свете архивных находок, сделанных крупнейшим современным исследователем творчества Кириши Данилова А. А. Гореловым и покойным екатеринбургским писателем-краеведом И. М. Шакинко в 1960-е и 1980-е гг., сомнения в существовании самого места следовало считать разрешенными: обобщился и примерный интервал, в который Сборник был создан на письме: 1742–1768 гг. [6].

Необходимо отметить, что находки эти оказались, по разным причинам, признаны и отмечены далеко не всеми учеными, занимающимися данной тематикой. Вместе с тем отрывочность вновь найденных Гореловым и Шакинко документальных свидетельств о пребывании Кириши Данилова на Урале, с одной стороны, породила некоторые поспешные ошибочные построения, с другой — жизненный путь Кириши в целом так и остался непроясненным, как и обусловленные этим вопросы о времени, месте создания книги, ее авторстве, локализации отдельных произведений и многие другие.

Когда автор этих тезисов больше десятилетия назад обратился к личности и творчеству «последнего скомороха России», то в первую очередь занялся поиском новых фактов и упоминаний, которые относились или могли быть отнесены к Кирише Данилову, а также поиском и анализом материалов о его окружении. Эти изыскания осуществлялись одновременно с интерпретацией уже известных, пусть и отрывочных, данных о жизни певца и использованием для реконструкции биографии К. Данилова реалий текстов Сборника. С точки зрения историка-источниковеда возможности тех же текстов «Древних российских стихотворений» далеко не исчерпаны. Это касается, прежде всего, персонажей, топонимов, социальных, производственно-хозяйственных, топографических деталей несанкционированно-бытового содержания. Аналогичная информация содержалась в некоторых исторических песнях и былинах. Так, исходя из подобных деталей как минимум трех-четырех текстов, можно предполагать о происхождении Кириши из Нижегородского Поволжья и его приживании там до ссылки, хотя непосредственно Нижний Новгород во вкляе книге упоминается лишь однажды. И такой подход оказался достаточно результативным.

«Биографичность» отдельных произведений из издания Сборника получила убедительное подтверждение после того, как был найден Иван Сутырин, упоминаемый вместе с «Кириллой Даниловичем» и отмеченный еще К. Ф. Калайдовичем в песне «Да не жаль добра молодца битова -- жаль похыслытова» [7], и рядом с «Кириллой Даниловым» в обнаруженных в 1963 г. А. А. Гореловым фрагментах ведомостей о работе молотовых мастеров на ковке железа на Нижне-Тагильском заводе в 1756 г.

Б. Н. Путилов, готовивший оба академических издания Сборника, воспринял эту находку с сомнением, не считал достоверно связанной с лесней. Сказ Горелов позднее с сожалением заметил: «В канцелярских уральских документах XVIII в. фамилия «Сутырин» более не встретилась» [8]. Именование оказалось производным от прозвища отца — Сутыря, официальная же, для документов, фамилия Ивана, молотового подмастерья, затем мастера из крепостных крестьян нижегородской Фокинской вотчины А. Н. Демидова, была Шерстобитов. Надо отметить, что многие факты из биографии И. М. Сутырина — Шерстобитова вполне соответствовали характеристике, в нескольких словах данной ему Киришей в песне: «А не жаль мне-ка битова, грабленова. / А и то-ли Ивана Сутырина». Удалось установить даже виргинный день, в который эта песня появилась.

Поиск источников осуществлялся в архивохранилищах, библиотеках и музейных собраниях Екатеринбург, Москвы, Санкт-Петербурга, Tobольска, Нижнего Новгорода, Черны, Нижнего Тагила, Казани, Барнаула. Разыскания эти, анализ и обобщение найденных сведений были весьма трудоскими, так как пользовавшийся покровительством Акифия Демидова и его приказчиком беглый ссыльный Кириша Данилов (каковым он стал после того, как переселен из Сибири на уральские заводы) являлся фигурой глубоко законспирированной. Достаточно сказать, что в ревизские сказки по Невьянскому заводу в середине 1740-х гг. в качестве молотового мастера Кириша оказался записан вместо родившегося несколькими годами ранее, умершего молотового мастера с тем же именем, отчеством, и даже старое семейное прозвище которой (Торопов — В. Б.) совпадало с родным «прозвищем» певца. Биографическая легенда для него была, впрочем, подобрана еще раньше, вкратце, с момента появления на Урале. Другой пример: по время работы следственной комиссии о пришлох на демидовских заводах в 1759 г. к семейству Кириши в Невьянке привазили постав-

шихся круглыми широтами и старыми девами трех дочерей его «пролотыпа». Правда, их возраст пришлось уменьшить [9]. Негмилля на указанные обстоятельства и пять разных прозваний, прозвищ и фамилий, которые встречаются в документах: *Даньков*, *Бобовин* (*Бобовин*), *Исаков*, *Никитиных* (*Никитин*), *Горотов* (здесь и далее курсив мой. В.Б.), за всеми ими удалось идентифицировать Киришу Данилова, в главных моментах реконструировать уральский период его биографии с середины 1730-х гг. и установить годы жизни: около 1703–1776. Полученные результаты хорошо соотносятся с данными о Кирише, обнаруженными ранее А. А. Гореловым и И. М. Шакинко, и вполне объясняют имеющиеся в них неясности, а также позволяют исправить неточности, возникшие при толковании этих документов [10].

Наличие в Невьянске здравствующих родственников умершего человека, под «личной» которого сельский певец обосновался на Урале, по-видимому, предопределило длительное, с 1735 г., проживание Кириши Данилова во втором по величине здесьшем демидовском заводском поселке — Нижне-Тагильском.

В 1758 г. после завершения раздела наследников А.И. Демидова, овдовевший к тому времени во втором браке К. Данилов с недавно женившимся сыном Иваном перешел на отошедший Прикожью Демидову Невьянский завод, на котором они были записаны в ревизские сказки еще по 2-й подушной переписи. Скопчался Кириша Данилов в возрасте около 73 лет в 1776 г. Шестью годами ранее, уже при новом владельце заводе С.Я. Яковлеве, его сын с семьей «отдан в зачетим в рекруты на поселение» в Сибирь.

В пользу грамотности Кириши Данилова предположительной высказывались многие авторы: П.Н. Шеффер, М.Ж. Ахмедовский, В.Я. Цропп и другие. Последовательным и убежденным сторонником такой точки зрения являлся А. А. Горелов. Однако неграмотность Кириши и его «ипостаси» невянянского молодого мастера Кирилла Никитиных подтверждается официально (1759 г.). Но противоречат этому и косвенные данные. Наблюдения над содержанием и структурой *Сборника*, давно отмеченное музыковедами наличие в нем в разной степени взаимосвязанных и разновеликих тематических, жанровых, ритмико-мелодических групп текстов и напевов, позволили считать «Дрезиные российские стихотворения» результатом выполнения заказа по записи репертуара певца. Записи, несущей гласной и несколько (видимо, даже значительное число) приемов, по-прежнему в относительно ограниченный отрезок

времени. А сведения о семействе Кириши, о нем самом и о деталях биографии других персонажей отмеченной параграфом авторским началом крутой жизни «Свищи хри, порисама хри» (одна из последних в книге: 67-я из 71 текста), — сделать заключительные создания на письме Сборника на Невьянском заводе в 1761 [1762 г. Заказчиками и (или) владельцами оригинала являлись, скорее всего, представители известной местной предпринимательской семьи Харитоновых, регулярно бывавшие в Москве и даже записавшиеся с 1755 г. в тамошнее купечество, но оставшиеся проживать в Невьянске [12].

Появление книги именно на Урале во многом закономерно. Наряду с городами, промышленными селениями Центральной России, крупнейшими ярмарочными центрами, горнозаводскими поселками, подобные Нижне-Тагильскому и Челябинскому, стали в XVII в. своеобразными «тиглями», где рождался тот особый старинный и новый в культурно-бытовой сфере жизни, который искусствоведы и культурологи в начале 1980-х гг. назвали приситимом (без какого-либо уничижительного оттенка, просто по сравнению с «высоким», научно-художественным уровнем), или «третьей культурой». (Еще раньше, в 1920-е гг., сходную концепцию «областных культурных гнезд» выдвигал литературовед Н. К. Шклянов.)

В отношении преимуществующего уральскому этапу биографии К. Данилова есть все основания считать, что большую часть своего пребывания в Сибири сосланный, очевидно, «в дальние сибирские города на вечное житье» певец провел на Колывано-Воскресенском заводе А. Н. Демидова на Алтае. Только здесь Кириша в тот период мог получить рабочую квалификацию, которая зафиксирована у него после появления на уральских демидовских предприятиях. Даже пробелы в его профессиональной подготовке и качестве молотового мастера, отмеченные в источниках, обусловлены производственной спецификой медеплавильного Колывано-Воскресенского завода. Для работы на нем, в отличие от Урала, где монополией на использование труда ссыльных обладала в это время казна, Демидов имел право принимать кого угодно, включая беспаспортных и беглых. И сосланнопоселенцы («присыльные») на Колыване работали [13]. Прямые документальные свидетельства нахождения Кириши Данилова в сибирской ссылке пока, увы, отыскать не удалось. Тем не менее законодательство о ссыльных, делопроизводственные материалы горнозаводских и сибирских жандармских канцелярий, приходящие-расходящиеся книги Колывано-

Воскресенский завод, производственно-финансовые документы, сведения по учету населения завода, деловая переписка А. И. Демидова первой половины 1730-х гг. и другие источники, в частности с содержанием текстов и куплетов некоторых песен Сборника, позволяют выстроить непротиворечивую версию этого этапа жизни певца, в отдельных моментах — чуть ли не по дням. В конце 1720-х гг. Кирша находился в гирейном отряде Тобольска, затем побывал и жил в Таре (около года) и Томске (несколько месяцев). Почта три года он провел на Колывано-Воскресенском заводе, который покинул не позднее конца декабря 1734 г. [14].

В свою очередь, конкретные обстоятельства и перипетии данного периода биографии Кирши неплохо объясняют наличие в его репертуаре двух уникальных сибирских казачьих песен: «Во сибирской украине, во Доурской стороне» и «Поход селентинским казакам», донских песен и фрагментов разинского фольклора, большей частью известных тоже только по Сборнику, а также сибирские (в том числе алтайские) реалии в текстах нескольких произведений, включая былины. Так, в конце декабря 1731 г. приказчик Федор Толпин среди прочих покупок, сделанных для А.И. Демидова в Томске (в основном — золотых и серебряных изделий из разграбленных древних курганов), на приобретенную здесь же камку выменял у бухарцев соболиные шкурки, заплатил за выделку шкур «4-х ирбизей (снежных барсов В.В.) да 2-х волков казенных»; за 66 коп. им был «куплен зверь сохатой живое», который больше года содержался при Колывано-Воскресенской конторе, пока не был отправлен в невьянский зверинец. Скорее всего, именно с Головиным Кирша Данилов уехал из Томска на алтайский демидовский завод. В былине «Волх [В]селавичич» Сборника говорится: «А бьет он звери сохатые, / а и волку, медведю спуску нет, / а и тхбыли, барсы — любимой куп...» Далее в тексте упоминается еще и «щобы баравые». Из всех записей этой редкой былины на один из древнейших в русском эпосе сюжетов при описании охотничьей добычи Волха (Волги) выделенное курсивом встречается лишь у Кирши. На рубеже 1720–1730-х гг. возобновились ожесточенные столкновения русских служилых людей с чукчами и коряками. Со служилой средой, нет сомнений, Кирша в пору сибирской ссылки общался достаточно тесно. (На том же Колывано-Воскресенском заводе для защиты от казахских набегов размещался содержащийся за счет Демидова гарнизон из томских и кузнецких княжих казаков, периодически сметавших

са) [15]. В результате приживающиеся на далекой северно-восточной окраине Евразии «чукши с аляutorакки» неожиданно возникают на страницах Сборника среди врагов русских то в былинне «Добрыня чудь покорил», то в исторической песне «Михайла Скокина».

Все сосланные в Сибирь в первой половине XVIII в. приближались сначала в Тобольск. Полагаю, что как раз здесь пересеклись пути Кириши и группы донских казаков, приговоренных к каторге за попытку побега из крепости Новый Троицк к успешным в ту реку владения на Кубань участникам восстания Княздровна Булавина (некрасовцам). Семеро донцов прибыли в тобольский острог поздней осенью 1728 г. и осаживались там до лета 1730 г., когда их отправили на работы на уральские казенные заводы. Кто-то из услышавшего тогда от них было использовано язем певцом в составе его основного урало-сибирского репертуара. В феврале 1762 г. Кириша вновь оказался «в Тобольску провожатым за последние в Нерчинск», то есть сопровождая отправленных с невьянских заводов И. А. Демидова по указу 1760 г. о ссылке в Сибирь. Сейчас уже нет никаких сомнений, что именно после возвращения из Тобольска оригинал рукописи «Древних российских стихотворений» был допущен помещенными в самом конце былинной «О славяношниках или разбойниках» (Илья Муромец и разбойники), близкий в вариантам, несущим, по мнению Б. П. Путилова, «яркий отпечаток вожкорусского (казачьего — В. Б.), подлинно эпического творчества»; и двумя историческими, явно донскими, песнями. «О втамане Фроле Минеевиче» (других записей нет) и «О Стеньке Разине». От последней в дошедшей до нас копии книги сохранилось только начало, совпадающее с началом песни «По край моря синего стоял Азов-город». Видимо забытое, а потом вломившиеся, они (о чем неоднократно писали фольклористы и музыковеды) как бы «падают» из достаточно последовательной жанровой и общей музыкально-композиционной структуры Сборника, хотя используемые в них напевы для него обычны [16]. Даже ноты к трем последним текстам книги выполнены, как считают, кистью музыкантом, чем к остальным произведениям, где они сделаны еще двумя кистищами вперемежку [17].

При складывании сложившейся выше версии-реконструкции сибирского этапа жизненного пути Кириши Данилова, в качестве одного из источников мною привлекались сведения из подробнейших путевых описаний участника 2-й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции академика Г. Ф. Миллера, отнесшегося к нему

но переведенные с немецкого языка и опубликованные новосибирским историком А. Х. Элертом. Всего несколько лет спустя после Кириши Миллер не раз проезжал теми же дорогами; на Кыльвано-Воскресенском заводе ученый вообще побывал, когда там, по расчетам, еще находился певец. Поэтому миллеровские материалы оказались возможным использовать также для проверки некоторых приведенных выше построений, а в каких-то моментах их даже дополнить.

Особенно наглядно это проявляется при сопоставлении с лутевыми записями академика содержания песни «Ермак взял Сибирь», — завершающей часть сиюродной Киришей поэтической трилогии — биографии Ермака. Из всех (около 80) зафиксированных в XVII — XX вв. русских исторических песнях о Ермаке, только в ней имеется описание самого «Сибирского взятия». Уже довольно давно в специальном исследовании о песнях «Ермакова взятия» Сборника А. А. Горелов, скуртулезнейшим образом сравнив тексты «Ермак взял Сибирь» с летописями, в том числе сибирскими, и поздними местными фольклорными материалами (Горелов пользовался также «Историей Сибири» Г.Ф. Миллера), пришел к выводу: в основу песни положены усвоенные Киришей на Урале и в Сибири предания о Ермаке [18]. С таким к этому заключению можно уверенно добавить, что слышанные певцом легенды и предания часто как бы «накладывались» на его собственные впечатления и наблюдения, интерпретировались в соответствии с ними (и в меру собственных его понимания и памяти). Между содержанием разных путевых описаний Миллера и этой песней у Кириши имеется немало совпадений, основанных на виденном и слышанном ими обоими в Западной Сибири [19].

... В ходе работы относительно быстро стало понятно, что понимание особенностей состава и содержания Сборника, помимо реконструкции биографии Кириши Данилова, вряд ли возможно без вскапывания истории его рода певцов-скоморохов и музыкантов. Ведь сам Кириша был, — если считать от профессионального скомороха с посада Белоозера рубежа XV — XVII вв., сын которого Мартышко Топоров «шел безвестно» оттуда в 1618/17 г. [20], — потомственным певцом-поселенником, минимум в шестом поколении [21].

Новгородские былины среди разных сибирских (такова общая атрибуция «Древних рогатых стихотворений» большинством литературоведов и фольклористов — В. Б.) записей встречаются

тица, военная, промысловая, сельскохозяйственная, промышленная колонизация, сельская межэтническая миграция и обусловленные этими и другими факторами миграционные потоки. Складывается впечатление, — исключительное разнообразие содержания Сборника, отразившего сложный характер процессов формирования и культурного самоопределения урало-сибирского населения.

Вместе с тем и исполнитель, и, видимо, слушатели достаточно однозначно идентифицировали себя в качестве именно «сибиряков» (в широком смысле; от Сибири Урал тогда не отделяли, да и территориально многие здешние заводы относились к Сибирской губернии). В издании Сборника Кириши Дагилова Императорской Публичной библиотеки 1901 г. П. М. Шеффер, пытаясь установить место создания книги, среди прочего отметил трижды встречающуюся в ней оговорку «по нашему, сибирскому». Содержится эта оговорка-пояснение в текстах только обшчирских баллад «Три года Добрынюшка столыничел», «Иван Лашенович (Годнинович)» и исторической песни «Никите Романовичу дано село Преображенское». Весьма показательным в данном плане выглядит также большее внимание, уделяемое в Сборнике системообразующей для урало-сибирской фольклорной исторической традиции фигуре Ермака (трилогия Кириши о нем).

В Сборнике и надо полагать, в сознании уральцев и сибиряков вся Сибирь выступает как единое культурно-историческое пространство. Лишь по «Древним российским стихотворениям» известны записи упомянутых выше двух сибирских каменных песен, посвященные событиям XVII в. на далекой восточной «украине». Точно также замена в одном из куплетов шуточной «Свяжи хрю, поросята хрю» «попизовых» поволжских пород на «попизовые» же, но сибирские: «Иркутска, Якутска, / Енисейский городок!» — выглядела понятной. Ведь для слушателей песни, заказчиков и владельцев Сборника из певьянских предпринимателей, и их контрагентов, торговые поездки на китайскую границу в Якуту через Енисейск, Иркутск — были вполне обычны [35].

Таким образом, помимо своего исключительного общероссийского значения, Сборник Кириши Дагилова выступает как интересный и репрезентативный источник по истории формирования общирного регионального культурного ареала.

Примечания:

1 Из-за цензурных соображений полностью эта фирака, включая ее центральную часть, была опубликована после того, как считавшаяся утраченной рукопись Сборника вновь обнаружили в самом конце XIX в. — Сборник Кириши Данилова / Под ред. П. И. Шеффера. — СПб., 1901. Прил. I. С. 195.

2 См., например: V Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. — М., 1962. Т. 1, С. 489–490, 500–506.

3 Смирнов Ю. И. «Эрлангенская рукопись» и «Древнерусские стихотворения, собранные Киришей Даниловой» // Русско-германские литературные связи XVIII–XIX века. — М., 1980. С. 177, 194 и др.

4 Русский биографический словарь. — СПб., 1905: Дабелов Дядковский. С. 76.

5 Древние ритмические стихотворения, собранные Киришей Даниловой 2-е изд., доп. / Подгот. А. П. Евгеньевой и Б. И. Нутковой. — М., 1977. С. 388, 389, 390. (Сер. «Литературные памятники»)

6 См. об этом: Горелов А. А. 1) Цена реалити (Сборник Кириши Данилова — народная книга середины XVIII века) // Русская литература 1963 № 3 С. 167–169. 2) Кириша Данилова — реальное историческое лицо // Русский фольклор. — СПб., 1995. Т. 28. С. 97–110; Шаханко И. М. 1) Невьянская башня: Предания, гипотезы, эпитимия, экзотический. — Свердловск, 1989. С. 289–290. 2) Кириша Данилова в Урале // Урал. 1989. № 12. С. 145–147; Таинственный Кириша // Уральский следопыт. 1992. № 8. С. 7–11. Во многом в результате анализа найденных И. М. Панико документов, их концентрации на коротком хронологическом отрезке А. А. Горелов в итоге, уже десятом, научно-популярном издании Сборника и перипетиях полем, куда вошли все тексты целиком, без многочисленных опечаток и пропусков, отказался от прежней широкой датировки памятника и выдвинул версию изготовления книги по заказу А. Н. Дежнева между 1742 и 1745 гг. — Древние ритмические стихотворения, собранные Киришей Даниловой / Под ред. А. А. Горелова СПб. 2000. С. 35–38.

7 Названиях древнейших Сборника и отаты на них здесь и далее, если это специально не оговаривается, приводятся по изд.: Древние российские стихотворения... — М., 1977.

8 Горелов А. А. Кириша Данилова — реальное историческое лицо. С. 107.

9 От такой своеобразной «шутки» Кириша, очевидно, быстро избавился, пристроив женщин (по крайней мере, о двух из них это известно совершенно точно) замуж за своих знакомцев и приятелей — вдовцов с детьми в разных местах.

10 См., Байдин В. И. 1) «Последний скандинав» Кириши Данилова на Урале и в Невьянке. О времени и месте создания сборника «Древние российские стихотворения» // Очерк истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города). — Екатеринбург, 2001. С. 73–99; 2) Идентификация Кириши Данилова на Урале // Материалы 1-й Уральской родоведческой научно-практической конференции (15–16.11.2001) — Екатеринбург, 2003. С. 156–160.

11. Результаты, достигнутые в реконструкции уральского этапа биографии Кириши Данилова, раскрывает, с некоторыми оговорками, и А. А. Горелов. — См.: Горелов А. А. Кириша Данилов. «Нот эта улица, вот этот дом...» // Русский фольклор. — СПб., 2009. Т. 33. С. 121–135.

12. См.: Байдин В. И. Еще раз о времени и месте содания оригинала Сборника Кириша Данилова // Дерзачевские чтения — 2002: Русская литература, национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конференции. — Екатеринбург, 2004. С. 11–17. см также: Материалы для истории книжничества кулешства. — М., 1865. Т. 2 Ч. 2. С. 130; ГАСО. Ф. 24 Оп. 1. Д. 1829 Л. 5–5 об. (стар. изд.)

13. Байдин В. И. Кириша Данилов и Рудник Набатки // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественной мысли — Новокузнецк, 2000. С. 135–150; ГААК. Ф. 1 Оп. 1. Д. 28. Л. 412.

14. См.: Байдин В. И. Как познакомился Акинфий Никитич с Кириллой Даниловичем: некий и древнейший Кириша Данилова в Сибири и его встречи там с А. П. Демидовым // Проблемы истории России — Екатеринбург, 2005. Вып. 6: От Средневековья к Современности. С. 171–217.

15. Там же. С. 192, 193, 176, 177, 186, 214 (см.)

16. См.: Байдин В. И. «Крым» и «Азов» в Сборнике Кириша Данилова (к вопросу об источниках текстов, взгляд историка // Россия — Крым — Балканы. диалог культур. науч. доклады междунар. конференции (Севастополь, 6–10.09.2004 г.) — Екатеринбург, 2004.

17. Якубовская Е. И. «История на пальцах...» // Древние российские стихотворения... — СПб., 2000. С. 393–394. Предположение Якубовской о связи нит изначально тремя разными людьми мне представляется более убедительным, чем мнение Б. М. Добролюбовского (см.: Древние русские стихотворения — М., 1977. С. 412), что нит выделены одним лицом, и лишь при изготовлении копии Сборника изготовитель стал тремя.

18. Горелов А. А. Трилогия в Ермаке из Сборника Кириша Данилова (полевые заметки) // Русский фольклор. — М., Л., 1961. Т. 6. С. 353–372 и др.

19. См., например: Байдин В. И. Кириша Данилов: опыт реконструкции биографии, история рода и сборника «Древние русские стихотворения» // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. статей, посвященный 70-летию инст. факультета УрГУ им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 262–263. Он же. Сибирь в жизни и в Сборнике Кириша Данилова // Сибирская, Тюменская, Тюменская губерния: исторической опат и современные управленческие практики. Мат-лы всерос. науч.-практ. конференции (20–21.11.2008 г., Тюмень) — Тюмень, 2009 (в печ.).

20. ОЛД ГИМ. Ф. 113. № 9. Л. 57. об.

21. По данным фольклористов и биографов конца XIX — XX вв. нередко сказательно-деятельного мастера и умение рецептура могли происходить не только через родственные, но и земляческие, соседские и прочие отношения. Что, впрочем, можно наблюдать на примере биографии самого Кириша Данилова.

22. См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 427.

23. См.: Новгородские былины. / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. С. Смирничкии. — М., 1978. (Сер. «Литературные памятники») Акад. В. Ф. Миллер («Очерк истории русского былинного эпоса») относится к новгородским по происхождению более широкий, чем считается сейчас, круг былин и былино-новелл, многие из которых лишь «последствия внесены в так называемый кириллов цикл». — См.: Миллер В. Ф. Очерк русской народной эпосности. — М.; Л., 1924. Т. 3. Былины и исторические песни. С. 7, 36–41, 56–57 и др. Однако и этот лабиринт эпических произведений и сюжетов практически весь представлен на страницах Сбирника Кирилл Давидовича.

24. Древние русские стихотворения. М., 1977. С. 199. (57, 3, 7, 11 и др.); Древние русские стихотворения. СПб., 2000. С. 171 (64) Шифры в скобках указывают № текста в Сборнике, курсивом — номерацию строф; во втором случае, в силу научно-популярного характера издания, строфы не нумерованы.

25. Обложки зафиксированной в Сбирнике в целом былинной традиции имеют к прионежской см., например: Агатаева А. М. Былины Севера. — М.; Л., 1938. Т. 1. Мелень и Печора. С. 32, 56–57, 556–557 и др. Почти исключительно на материалах из Прионежья основаны параллели к текстам Сбирника в работе: Пуляев Б. Н. О прозаизмах и бесформальных стихах у Кирилл Давидовича // Русский фольклор. СПб., 2001. Т. 11. С. 67–75.

26. Веселовский С. В. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 321.

27. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кв. 990. Л. 574. (1646/47 г.), Кв. 743. Л. 820. (1616–1619 гг.). Писцовая книга Заонежской пятницы Обонежской пятницы 1582/83 г.: Заонежские погосты (далее — ПКО) / Подгот. И. А. Черняковой // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск — Йошкар-Ола, 1993. Т. 3. С. 49, 336 (Торжоповы зафиксированы здесь дважды первый раз — при описании Олошского погоста, — из-за того, что их родная волостка в Озерах Вендского погоста на Ояги отошла в это время в ведение Конкшенинского пути); Писцовые книги Обонежской пятницы 1496 и 1583 гг. (далее — ПКОII) — Л., 1930. С. 107, 249, 46.

28. ПКОII. С. 3, 39; 7004(1495/96) г. Выписки на пятницу Пискальничего Вижницкого монастыря в Егорьевском в Толвуе погосте из писцовой книги Обонежской пятницы пеньча Ю. К. Сабурова // Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1909. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятницы XVI в. / Сост. К. В. Баранов. Прилож. 1. С. 194.

29. В Ильинском в Великих на Ояги погосте: «Починок в Гонсовичах доставлен после пнема (т. е. «старинно дельца» — первого похода перехода новгородских земель к Москве. — Н. В.) (и) Еречка с омором, сестры четверку» — ПКОП. С. 39.

30. См.: Байдин В. И. Как познакомилась Аляксандр Никитич с Кириллой Давидовичем... С. 171–175, 190–192.

31. Древние русские стихотворения... СПб., 2000. С. 171.

32. 1543. января 24. — Жалованная грамота новгородскому архиепископу Феодосию Георгиевской церкви в Южковичах Остречинского помята с повзатыем в судебным льготам // Материалы по истории Карелии XII - XVI вв. / Под ред. В.Г.Геймана. — Петрозаводск, 1941. С. 147-150 (Грамота подтверждалась в 1555 и 1572 гг.) Итак, имелся конфликт духовенства главной остречинской церкви с поятами и трихожданами вигоны, построившего Георгиевского храма в волостке в Южковичах того же поюства, первоначально разрешавшийся у владык в Новгороде. Здесь же, в Южковичах, по соседству с церковью в 1563/64 г., несомненно, старая «дурь в Южковичах Скоморихова», в одном из дворов которой Васко Бахор(и) (потешник, сказочник — В. Б.). Побояности на территории Остречинского поюста вырубил, срубив деревья, где около 20 лет прожил Васыка Циркиш. В 1582/83 г. деревня эта «пуста, а в ней два места дворовых, хожима пожгли немецкие люди»; сам же Васыка «обнаружился в одном из дворов (в другом — его младший брат Тараско Тороров) родной, видимо, для него дер. Федоровской в волостке в Озерах Веншикого поюста. Остречинская Скоморихова теперь «Пустошь Скомориховская. Пашни лесом поросло десять чети в поле...» Рядом — «деревня Бахоревская, пуста, а в ней двор пуст...» — См.: ПКОП. С. 112, 107; ПК. С. 120, 49, 127, 117; гж.: ПКОП. С. 108. В приходе в Южковичах (Южковичах) жили как черносошные, так и монастырские крестьяне, к тому же земли разных волостей Остречинского поюста располагались через полосу, поэтому соседние селения оказывались на разных страницах писцовых книг.

33 РГАДА. Ф. 248. Он. 22. Л. 1504. Л. 355 об.

34. Коротко об этом: Байдун В. И. Кириша Данилов: опыт реконструкции биографии... С. 265-268.

35. См., например: Черкасова А. С. Таможенные книги о социальном составе населения горнозаводских центров Урала первой половины XVIII столетия // Уральский археографический ежегодник за 1974 год. — Свердловск, 1974. С. 37, 40; ИРЛИ. Р. IV. Он. 23. Н. 15. Л. 2 об., 8 об., 11-11 об. и др.

*Л. Г. Мосин,
г. Екатеринбург*

«НОВГОРОДСКИЙ СЛЕД» В АНТРОПОНИМИИ УРАЛА XVII — НАЧАЛА XIX ВВ.

На протяжении XV—XVI вв. выходы из севернорусских земель, контролировавшихся Великим Новгородом, активно обживали и осваивали территории Приуралья. После основания в 1598 г. Верхотурья район крестьянской колонизации охватил значительную часть Среднего Урала, куда кинулись потоки переселенцев из различных районов Русского Севера, освоенного ранее Приуралья и других регионов Европейской России.

Книжные и переписные книги XVII в. во многих случаях прямо указывают на прежние места проживания прибывавших на Урал крестьян, служивых и посадских людей. Но ни в многих случаях эти данные могут быть дополнены косвенной информацией, содержащейся в прозвищах новооселенцев. Это позволяет составить более адекватное представление о роли того или иного региона в заселении Урала русскими на начальных этапах его хозяйственного освоения в пределах Российского государства.

По сравнению с такими районами Русского Севера, как бассейны Северной Двины, Ваги, Пинеги или Вычегды, собственно новгородские земли занимают в этой картине миграции значительно более скромное место. Объяснить это можно как большей удаленностью Новгорода и окрестных земель от Сибири (так назывались тогда в документах все земли за Уральским хребтом), так и значительно большими трудностями в уходе с помещичьих земель в сравнении с черкскими землями Русского Севера. Тем больше внимания заслуживают отдельные факты фиксации новго-

рящем из Урала особенно в "сибирский" его части, встречающиеся в документах XVII в. и косвенно отраженные в прозвищах и фамилиях уральцев этого и более позднего времени.

В Приуралье, русское освоение которого началось раньше, уже в первой четверти XVII в. от оттоповнического прозвища, означавшего выходца из самого Новгорода или из новгородских земель, образовались фамилии: в писцовой книге Пермь Великой писца М. Кайсарова 1623 г. упоминается чердынец Боллашко Варфоломеев сын Новгородцев [1]. Тогда же и позднее в Приуралье фиксировалось и само исходное прозвище: в 1623 г. учтен крестьянин пичинка Койлт Якушко Федоров сын Новгородец, в 1647 г. — житель Орта-городка Иванко Микифоров сын Новгородец [2], в 1652 г. выборным при отводе земель был соликамец Богдан Карпов сын Новгородец [3] (возможно, он же в документах Пискаревского монастыря 1670 г. значится как житель Соли Камской Богданка Новгородец [4]).

Самой ранней на сегодня датой фиксации на Среднем Урале новгородцев-крестьян, с различными вариантами написания прозвища в документах, можно считать 1618 г., когда на р. Мугас (правый приток Тагила) поселился пашенный крестьянин Петрушка Подгородец, упоминаемый в писцовой книге Верхотурского уезда 1621 г. Ф. Тиракинови также как Петрушка Новгородца [5], а в именной книге 1632 г. — как пашенный крестьянин Тагильской слободы Петрушка Новгородец [6]. Немного позднее в тех же местах поселились его земляки: переписной книгой Верхотурского уезда 1624 г. М. Тюхина учтены крестьянин деревни в устье Мугас Фомка Костянтинов сын Новгородец и пашенный крестьянин "деревни Новгородцово" на Мугас Левка Ивасов сын Новгородец [7].

В поручных записях 1632-1625 гг. крестьян основанной в 1621 г. Невьянской слободы неоднократно упоминается Фома Степанов сын Новгородец, записанный в одном случае как Фома Степанов сын Бояршина [8]. В переписных книгах Верхотурского уезда 1686 г. писцов Г. Черткова и А. Верещацкого и 1680 г. писца Л. Цо-люкина в именной им на р. Реке деревни Фоминой фиксировались его сыновья — пашенные крестьяне Федка Фокин сын Боярского (к 1680 г. он владел мельницей совместно "с Томиликом Баженовым с товарищи") и Бориско Фокин сын Боярского [9].

Пермский лингвист Е.Н. Поляков, приводя примеры фиксации в материалах учета населения Приуралья XVII-XVIII вв. про-

илиш Боярской, Боярщина и фамилий Боярских, Бояршиных и Боярщиных (крестьянин д. Мельничная Дуброва на р. Шелая Ивашко Васильев сын Бояршина, 1647 г. [10]; житель д. Опалкины Иван Боярской, 1706 г.; крестьянин д. Пермская Заостровка Павлик Васильев сын Бояршинов и крестьянин д. Таборы на р. Каме Никифорко Ивашов сын Бояршинов, 1647 г.; крестьянин Очерского завода Алексей Боярских, 1795 г., указывает на их смысловую связь со словами боярский ("принадлежащий боярину, относящийся к боярину") и боярщина — так называли владение, вотчину, но так же "могли прозвать и человека, принадлежащего боярину" [11].

То, что один и тот же человек в разных документах записан с прозвищами Новгородец и Боярщина, а его сыновья устойчиво фиксировались с именованьем Боярского, на наш взгляд, позволяет видеть в нем выходящего из какой-то новгородской боярской вотчины. Во всех остальных случаях говорить о новгородском происхождении носителей прозвищ, начинающихся с Бояр-, можно лишь предположительно.

В именной книге Верхотурского уезда 1632 г. названы еще два новгородца — это пашенные крестьяне подгородной волости Захарки Григорьев сын Новгородец и Федка Федотов Новгородец [12] (последний в именной книге 1640 г. записан как Федка Федоров Новгородец [13]). Тогда же архивные фиксировались и назывался р. Ницы, в 1632 г. среди пашенных крестьян слободы "на Красном Яру" (сейчас с. Краснослободское в Слободо-Туринском районе Свердловской обл.) учтен Ивашко Киприянов сын Ноутордец [14], в 1640 г. в Ницынской слободе — Ивашко Тимофеев Новгородец, пашенный крестьянин этой слободы с 1637/38 г. [15].

Примечательно, что в материалах переписей населения Верхотурского уезда второй половины XVII в. прозвище Новгородец (в разных вариантах написания) и образообразная от него фамилия не встречаются. В этом проявилась общая тенденция заметны часто встречающихся в документах первой половины — середины XVII в. оттопоницических аменований, образующихся от названий уездов, областей или рек (Важанин, Вятчанин, Пыльжанин, Пермьтин, Чусовитин и др.) на индивидуализованные прозвища и фамилии, образованные от этих прозвищ или личных имен. При этом фамилии Новгородцев известны на Урале в более позднее время: в 1762 г. в приуральской деревне Краснояр учтен крестьянин Максим Пантелеев сын Новгородцев [16], в 1800-1801 гг. жители фамилии

фиксировались в пределах Верхотурского уезда в 1822 г. они проживали в четырех заводах Екатеринбургского уезда — Верх-Нейзинским (фамилия чаще писалась через "т" — Ниннопрятцовы), Невьянском, Режевском и Каслинском [17]. Интересно, что почти все заводские Новгородовы были старообрядцами, а поскольку три из четырех заводов в прошлом принадлежали Демидовым, а четвертый (Режевской) построен новым владельцем Певьявского завода С. Яковлевым, можно предположить, что все носители фамилии принадлежали к одному или нескольким родам, исторически связанным с новгородским старообрядчеством конца XVII — начала XVIII вв.

К числу старейших городов Новгородской земли принадлежат Олонек, известный по письменным источникам с 1137 г. Земли Олонекского уезда занимали пространство между Ладужским и Онежским озерами. В 1655 г. в только что основанный на р. Исти Китайский острог пришел крестьянин Гришка Игнатъев сын Тайлак, уроженец Аштынского погоста в Олонекском уезде (сейчас с. Оптынский Погост в Вытегорском районе Вологодской обл.); в переписной книге 1695 г. он учтен как крестьянин расположенный в окрестностях этого острова д. Бабиной, а в материалах переписи 1719 г. — как Григорий Игнатъев Тайлаков, крестьянина д. Плетневой, из которой выросла Китайская слобода (позднее с. Китайское, с 1944 г. — г. Китайск Курганской обл.) [18].

Отражение топонима Олонек в уральской антропонимии до начала XVIII в. не прослеживается, что позволяет связывать появление на Урале фамилии Олонцов (говорный ахацкий вариант — Алошцов) с горнозаводским периодом его истории: несомненно провозвше могли колучать многочисленные переведенцы с Олонецких заводов, начальником которых в 1713-1722 гг. был В. де Геннин, возглавивший в 1722 г. Уральские горные заводы [19]. Отправляясь на Урал, де Геннин "взял с собой с Олонца лучших мастеров, многие из которых были "иноземцами" [20]. Известны имена некоторых специалистов разного профиля и различной квалификации, перемещенных с Олонецких заводов на Урал: плавильный медный мастер саксонец Циммерман, плавильный подмастерье Конон Никитин, дошатый мастер Василий Шелех, подмастерье Тимофей Шелех, проволоочный подмастерье саксонец Томас Меллер, русский учетчик проволоочного дела Калита Судин, мастер по изготовлению белой жести саксонец Ваншер, доменный подмастерье Максим Орловский, фурмовый подмастерье Ланкрат Ев-

тищев, укладные мастера Никита Укладников и Анкудин Баташев, литейные мастера Степан Алексеев, колесник Антон Карпов, молотовый мастер Дорик Николаев, шпикарный подмастерье голландец Барент, машинный кузнец Василий Шуплецов, ученики горного дела Карл Васильев, Ермола Иванов, Степан Филиппов и Василий Ивоткин [21]. Возможно, потомком одного из них был работавший в середине XVIII в. на Невьянском заводе токарный мастер и мирской писарь Роман Олонцов [22]. В первой четверти XIX в. Олонцовы фиксировались в Алапаевском заводе, а также в пределах Верхотурского и Камышловского уездов, в том числе среди крестьян [23].

Урженцем Олонцового уезда мог быть верхотурский сын боярский Михайло Богданов сын Свириной, известный по документам 1694 г. [24]. В 1822 г. фамилия фиксировалась у мастеровых на заводах в окрестностях Екатеринбурга в вариантах Свириной (Нижнесетский завод) и Свириных (Березовский завод) [25]; подобная "заводская" привязка фамилий позволяет предположить связь родоначальников с Олонцовскими заводами. Река Свирь, вытекая из Онежского озера и впадающая в Ладужское, с глубокой древности служила подгородцам естественным водным путем в Обонежье и Поморье, земли в ее бассейне были включены в орбиту хозяйственной жизни Великого Новгорода, а сама река в одной из новгородских легенд называлась младшей сестрой Волхова.

Не исключено, что название главной реки Новгородской земли также нашло отражение в уральской агроиндустрии в исповедных росписях прихода церкви Куяровской слободы Камышловского уезда за 1822 г. упоминаются крестьяне д. Чушиной с фамилией Волховской, а в написание Волховский фамилия известна в Камышловском и Пышминском районах Свердловской обл. и в XX в. [26]. Правда, образование фамилии в данном случае могло быть связано с каким-то другим топонимом, например, Ольховской слободой, находившейся всего в нескольких десятках верст от Чушиной (сейчас с. Ольховка на севере Шадринского района Курганской обл.) — по тому же принципу образовались фамилии Волховский, Волховин и некоторые другие. Проклятые Волховской, без какого-либо изменения перешедшие в фамилию, могли также напрямую исходить от слова нилх (волх) — "чардей, колдун, махаль, ворожея, чернокожижик" [27], среди производных от которого были слова волховать, волховской и др.

Еще несколько прозвний и фамилий уральцев упоминаемых в документах XVII в., несомненно или предположительно связаны своим происхождением с новгородской топонимикой. Во всех случаях речь идет о старинных городах, илечтивных по письменным источникам с XI-XII вв.

В переписной книге Л. Покочнива 1680 г. записан крестьянин Микилка Омельяков сын Лучагинов, живший в единственном дворе д. Лучагиновой в Тагильской слободе; по-видимому, деревня была основана его отцом — лучагином [28], то есть выходцем из Великих Лук (до начала XV в. в документах — просто Луки сейчас город Великие Луки в Псковской обл. [29]) или Великолуцкого уезда [30]. Возможно, родоначальником уральских Лучагиновых был верхотурский торговый человек Наська Лучагин, известный по документам 1604 г. [31]

В 1680 г. в числе крестьян Камышенской слободы (позднее Камышанская слобода, сейчас г. Камышлов Свердловской обл.) учтен Федка Иканов сын Торопиченин, родившийся «на Тогме и подгородной волости» [32] (сейчас г. Тогма — районный центр в Вологодской обл.) и переселившийся на Урал в 1675/76 г. [33], именование которого указывает на то, что кто-то из его предков был выходцем из г. Торопца (сейчас в Тверской обл.) или из Торопецкого уезда. Обычное именование жителей Торопца — торопичанин [34], в данном случае оно зафиксировано в тверском варианте произношения.

Связь еще одной фамилии с новгородской топонимикой гораздо менее очевидна. Можно только предполагать, что фамилия Рушимцов (Рушинцов, Рузиенцов) образована от прозвища выходца из Старой Руссы (до середины XVI в. — просто Руса, позднее Старая Руса, сейчас г. Старая Русса в Новгородской обл. [35]), поскольку приводимые обычно в словарях и исследовательской литературе формы — старорушане, старорусцы, старорусяне (ед. ч. — старорушанин, старорусец, старорусянин) [36] и рушане [37]. В переписной книге 1680 г. упоминается крестьянин д. Зайковой в Ирбитской слободе Федка Семенов сын Рушимцов, другой крестьянин той же слободы, Ермачко Рушимцов, значится в списке выбывших из числа обрабатывавших земли (бежавших и умерших). Сын зайковского крестьянина, Борис Федоров сын Рупкиповых, в 1719 г. был крестьянином д. Брусничной в Боярской Пышминской слободе, в других дворах той же деревни проживали Савва и Дмитрий Захаровы Рушинцовы [38]. В 1822 г. Рушин-

щина (Руденцовы): зафиксированы в пяти приходах Екатеринбургского уезда, в том числе в Бруслянской слободе (бывшая д. Брусляница), а также в Березовском, Славяцком и Свердловском заводах [39].

Разумеется, приведенные данные ни в коей мере не исчерпывают влияния личных имен новгородского происхождения на этнолингвистику Урала. Эти лишь первые шаги в изучении "новгородского следа" в истории формирования исторического ядра фонда уральских фамилий. Дальнейшие поиски позволят воссоздать эту картину в более полном объеме и, несомненно, дадут возможность говорить о значительном и всестороннем влиянии Новгородской земли на хозяйственное и культурное освоение Урала в первые века русской колонизации края.

Примечания

1. См.: Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С. 264. Объяснение происхождения фамилии, предложенное автором словаря ("от прозв. Новгородец, данного человеку, приехавшему из Новгорода"), нуждается в уточнении, поскольку такое прозвище мог получить выходец не только из самого Великого Новгорода, но и из Новгородского уезда, вообще из новгородских земель, состав которых в разное время и в различных обстоятельствах понимался более или менее широко.

2. См.: Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С. 264.

3. См.: Шишкова В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Т.3: Третий период с 1645-1676. Пермь, 1884. С. 298, 302.

4. См.: Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С. 263.

5. См.: Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. С. 273.

6. См.: Коновалов Ю. В. Верхотурская именная книга 1632 г. // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С. 323.

7. См.: Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. С. 273.

8. Там же. С. 65, 273.

9. Там же. С. 273.

10. Ср.: Иван Васильевич Бояринов, крестьянин и вкладчик Далматовского монастыря на р. Исети. 1702 г. (см.: Вкладные книги и Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.): Сб. документов / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 153).

11. Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. С. 59.

12. См.: Коновалов Ю. В. Верхотурская именная книга... С. 321.

13. См.: Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. С. 273.

14. См.: Коновалов Ю. В. Верхотурская именная книга... С. 320.

15. См.: Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. С. 273.

16. См.: Полякова Е. В. Словарь пермских фамилий. С. 264.
17. См.: Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008. С. 216, 371.
18. См.: Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. С. 363. Он же. Исторические корни... С. 38, 299. Об этимологии прозвища Тайлак и потомка Григория Тайлака – родоначальника уральских Тайлаковых, см.: Мосин А. Г. Уральские фамилии. Материалы для словаря. Т. 1. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным изведанных росписей 1822 г.) Екатеринбург, 2000. С. 370; Он же. Исторические корни... С. 654.
19. См.: История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 230.
20. Лейкин В. Уральская переплетка с Петром I и Екатериной I // Вестник. статьи, коммент. и сюж. М. О. Акишина. Екатеринбург, 1995. С. 11.
21. См.: Златовицкий М. Ф. Первые описания Уральских и Сибирских залежей // Тенинг В. Описание уральских и сибирских залежей. 1735. М., 1937. С. 27-28.
22. См.: Черкасова А. С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 193, 211.
23. См.: Мосин А. Г. Уральские фамилии... С. 272–273; Он же. Исторические корни... С. 38.
24. См.: Шиншонов В. Пермская летопись с 1263–1881 г. Т. 5: Пятый период с 1682–1725 Ч. 1. С. 1682–1694. Пермь, 1885. С. 256.
25. См.: Мосин А. Г. Исторические корни... С. 38, 628.
26. См.: Мосин А. Г. Уральские фамилии... С. 79–80.
27. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 237.
28. Об именовании жителей Великих Лук см.: Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей: Словарь-справочник. М., 2003. С. 65.
29. См.: Пospelов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. Изд. 2-е. М., 2001. С. 91.
30. См.: Мосин А. Г. Исторические корни... С. 216.
31. См.: Ахты исторические. СПб., 1841. Т. 2. С. 57.
32. См.: Мосин А. Г. Исторические корни... С. 216.
33. См.: Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. С. 401.
34. См.: Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей. С. 291–292.
35. См.: Пospelов Е. М. Географические названия мира. С. 396–397.
36. См.: Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей. С. 273.
37. См.: Абдуллаев А. А. Названия лиц, образованные от географических имен и терминов, в русском языке XV–XVIII вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. С. 94.
38. См.: Мосин А. Г. Исторические корни... С. 216. Примечательно, что в начале XVIII в. фамилия иногда встречается в написании Ружинцов (там же. С. 217).
39. Там же. С. 620.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Байдин В.И. — к.и.н., доцент кафедры истории России исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Баллонов И.В. — научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Тобольск.

Баранов М.Ю. — научный сотрудник ООО «НПО Северная археология-1», Нефтеюганск.

Бобковская Н.Е. — Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург.

Головнев А.В. — член-корреспондент РАН, профессор кафедры истории России исторического факультета УрГУ, главный научн. сотр. Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Горшков С.В. — доцент кафедры истории России УрГУ, Екатеринбург.

Давылов П.Г. — научный сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Тобольск.

Дзужневская Г.В. — д.и.н., заведующая рукописным архивом и фотархивом Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

Дубравин Т.Е. — к.и.н., ст.научн. сотр. Института Археологии РАН, Москва.

Дьёни Габор — к.и.н. научный сотрудник Института Русистики, Будапешт (Венгрия).

Захардин Е.П. — ганскатель Тобольского государственного педагогического института, Тобольск.

Кардан О.В. — к.и.н., научный сотрудник НПО ООО «Северная археология-1», Нефтеюганск.

Козачева О.С. — студентка исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Красильникова К.Ю. — археолог-специалист НПО ООО «Северная археология-1», Нефтеюганск.

Лазаревская Н.А. — научный сотрудник фототдела научного архива ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

Маракулин В.А. — студент исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Матехина Т.С. — научный сотрудник Новгородского историко-архитектурного объединенного музея-заповедника, Великий Новгород.

Мельчакова М.Ю. — магистр исторических наук. Екатеринбург.

Мосин А. Г. — д.и.н., профессор кафедры истории России исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Овчинникова Б.Б. — профессор кафедры истории России УрГУ, академик РАН, заслуженный работник высшей школы РФ Екатеринбург.

Пархинович С.Г. — научный сотрудник ООО «НПО Северная археология-1», Нефтеюганск.

Побережников И.В. — к.и.н., доцент, кафедры истории России УрГУ, зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Поветкин В. И. — директор Новгородского центра музыкальных древностей, Великий Новгород; заслуженный работник культуры РФ.

Покровская Л.В. — научный сотрудник кафедры археологии МГУ, Москва.

Пономарева Т.М. — сотрудник НПО ООО «Северная археология-1», Екатеринбург.

Пьянков И.В. — д.и.н., профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

Пяткова Н.Л. — канд. культурологии, доцент кафедры истории России исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Редин Д.А. — д.и.н., зав. кафедрой истории России УрГУ, Екатеринбург.

Сазанова А.В. — студентка исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Слига В.К. — аспирант кафедры археологии МГУ, Москва.

Соловьева В.В. — аспирант кафедры истории России УрГУ, Екатеринбург.

Степаненко В.И. — д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Трофимов Ф.В. — историк, Екатеринбург.

Трояновский С.В. — к.и.н., директор Центра организации и обеспечения археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Великий Новгород.

Тянина Е.А. — специалист по учебно-методической работе кафедры археологии МГУ, Москва.

Уголкина М.А. — аспирантка историка МГУ, Москва.

Фозина Т.Ю. — к.и.н., доцент кафедры истории Набережночелнинского государственного педагогического института, Набережные Челны.

Хвоцкая И.В. — д.и.н., ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

Якин В.Л. — академик РАН, зав. кафедрой археологии МГУ, Москва.

Ярш В.И. — руководитель студии по художественной обработке бересты Новгородский городской Дворец культуры, Великий Новгород.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Д.А. Редия	3
------------------------------	---

1. Новгород и финно-угорский мир

Янин В.Л. «От Жмлы к Чудигну...»	6
Степанинкова Б.Б., Трофимов Ф.В. «Чудь, народ, который обитал здесь прежде русских»	15
Хвощинская Н.В. Проблема коренных территорий летописной земли	26
Покровская Л.В. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным)	37
Кардаш О.В., Поломарева Т.М. Становление Кулайской археологической культуры в Восточноземельской тундре	48
Кардаш О.В., Красильникова К.Ю. Малогабаритная жилища постройки Кулайской археологической культуры (по материалам исследований селища Атипеллурий 12)	57
Льёва Габриэлла Образ финно-угорских народов в России в янгерской урвалестике	67

2. Новгород в археологическом наследии

Троицкий С.В. Великий мост Новгородской республики: первые итоги археологического изучения	80
Дубровин Г.Е. Формирование Плотницкого конца средневекового Новгорода	101
Копалёва О.С. От Детинца к Кремлю: планировочное развитие в Новгороде и Пскове	119
Поветкин В.И. С песнями глыбоких лиц на край Курского в Земле Новгородской	129
Тинкина Е.А. Каменные амулеты и орудия из раскопок средневековости Новгорода	150

Матехина Т.С. Чешлы «в форме ложки» из раскопок в Новгороде ...	156
Маракулин В.А. Злаки на предметах сетевого лова в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) ...	168
Сингх В.К. Деревообрабатывающий инструментарий средневекowego Новгорода ...	180
Ярыш В.И. Об одном необычном украшении на бересте ...	192
Головков А.В. Нурдям и Ордям в русской истории ...	204

3. Новгород в письменности и фольклоре

Пьянков И.В. Знал ли Геродот о Северном ледовитом океане? ...	218
Страненко В.П. Оликий Греки между Новгородом и Аскалоном ...	224
Филица Т.Ю. Новгородское летописание X—XVII вв. в отечественной историографии ...	234
Мельчакова М.Ю., Сазанова А.В. Проблема княжеской власти в Новгородской республике в дореволюционной историографии ...	249
Паткова Н.Л. Василий Буслад — славянский трикстер ..	257
Байдин В.И. Заонзская половина Обонежской латыны. Эпическая Сибирь, Урал...! некоторые аспекты реконструкции биографии Кириги Давилова, истории его рода и сборника «Древние российские стихотворения» ..	267
Мосин А.Г. «Новгородский след» в антропонимии Урала XVII — начала XIX вв. ...	263
Сведения об авторах ..	291

**НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ --
УРАЛ – ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
И ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ**

Часть 1

Компьютерная верстка
С.И.Иедина

Изд. лиц. ИД № 34401 от 26.03.09
Подписано в печать 20.04.09 Формат 50x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 16,97.
Уч.-изд. л. 14,6 Тираж 300 экз.

Центр культурной информации
620026, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 76
Тел./факс: +7 (343) 251-63-26.
e-mail: bkj@skutu.

Восьмой выпуск
сборника научных трудов серии
«Проблемы истории России»
посвящен 30-летию участия отряда
Уральского государственного
университета им. А.М.Горького
в составе Новгородской археологической
экспедиции, которую возглавляет
академик В.А.Янин.

В сборник вошли статьи и материалы,
характеризующие историческое пространство
и культурное наследие Новгородской Земли
и сопредельных с ней территорий.
Особое внимание уделено весьма активному
миграционному движению на северо-восток,
в районы Урала и Западной Сибири,
что повлекло за собой внедрение
славяно-новгородской культуры
в урало-сибирский культурный массив.
Издание рассчитано на научных работников,
преподавателей вузов и студентов-гуманитариев.

